

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U B U L L E T I N

№ 9/07

Scientific monthly

Journalism. Literary Criticism
Series

Moscow 2007

В Е С Т Н И К Р Г Г У

№ 9/07

Ежемесячный научный журнал

Серия «Журналистика.
Литературная критика»

Москва 2007

УДК 070
ББК 76.01я43
Ж91

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Серия «Журналистика. Литературная критика»

Редакционная коллегия:

А.Ю. Афанасьев
Е.Н. Басовская
О.И. Киянская
М.П. Одесский (отв. редактор)
Н.В. Ростова
Д.М. Фельдман
П.Э. Шульцман

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	9
История журналистики и литературной критики	
<hr/>	
В.Н. Ершова Журналист П.И. Шаликов: Материалы к биографии	11
Е.Ю. Зайцева К вопросу об издательской деятельности А.Ф. Смирдина	27
Ю.И. Табакарь Н.А. Полевой и О.И. Сенковский: о чем молчат историки?	47
Н.Ю. Казакова К вопросу об ответственности журналиста (А.С. Суворин в контексте эпохи)	64
Н. С. Егорова «Московский листок» – бульварное издание конца XIX в.	79
Е.Н. Басовская Поиск врага: «Литературная газета» о русском языке (Аналитический обзор материалов 1929–1940 гг.)	99
М.Л. Спивак Первые отклики на смерть Андрея Белого в советской печати	114
Р.М. Янгиров Евгений Славченко / Эжен Деслав: от журналистики к экрану	132
М. Заламбани (Италия, Болонский университет) Страница истории советской цензуры: литературный альманах «Метрополь»	148
Движение декабристов в официальной прессе 1825–1826 гг. Вступительная статья, подготовка текста, комментарии <i>А.Г. Готовцевой</i>	157

История публицистики. Риторика

Е.А. Воскресенская «Свое» и «чужое» в древнерусской словесности: К вопросу об идеологической составляющей сказаний Симона в Киево-Печерском патерике	200
В.С. Парсамов (Саратов) В.А. Жуковский и официальная пропаганда в 1806 г. («Песнь Барда над гробом славян-победителей»)	210
Юми Накагава (Япония) Публицистические произведения русских литераторов о кишиневском погроме	223
Г.А. Элиасберг Путевые очерки Д. Пинского	236

Проблемы теории электронных СМИ

С.А. Новикова Телевизионные игры	251
А.М. Бекина Новая спортивная терминология в СМИ (На материале сноубордистской терминосистемы, используемой в журнале «Onboard»)	261
С.Е. Эрлих (С.-Петербург) Использование термина «декабрист» в рг-кампаниях политических партий	269
В.Л. Гопман Как попасть в Руританию, или «Бумажные» комментарии к Интернету	286
Summaries	300
Сведения об авторах	306

INTRODUCTION

Editorial preface	9
-------------------------	---

History of Journalism and Literary Criticism

V. Ershova	
Petr Shalikov, the journalist. Materials to his biography	11
E. Zaytseva	
Concerning A.F. Smirdin's activity as a publisher	27
Ju. Tabakar	
N. Polevoy and O. Senkovsky: What do the historians keep silence about?	47
N. Kazakova	
Concerning the question of the journalist responsibility (A.Suvorin in the context of his time)	64
N. Egorova	
«Moskovskyy Listok» as an example of the Russian mass periodicals at the end of the XIX-th century	79
E. Basovskaya	
In the search of an enemy: “Literaturnaya Gazeta” about the Russian language (Analytical survey of the edition in question of the period of 1929–1940 years)	99
M. Spivak	
The first responses to the Bely's death in the Soviet press	114
R. Yangirov	
Evgenyi Slavchenko – Eugene Deslaw: from journalism to the screen	132
M. Zalambani (University of Bologna)	
The “Metropol” affair: A page in the history of Soviet censorship	148
The Decembrist uprising in the mirror of the Russian official press of the period of 1825–1826 years. Edited, introduction and commentaries by A. Gotovtseva	157

History of Publicism. Rhetoric

E. Voskresenskaya “Own” and “alien” in the Kievan-caves Paterik	200
V. Parsamov V. Zhukovsky and official Russian propaganda (“Song of a bard on the grave of slavs-conquerers”)	210
Y. Nakagawa The critical works of Russian writers about the Kishinev pogrom	223
G. Eliasberg David Pinsky’s Travel Book	236

Problems of the Theory of the Electronic Mass Media

S. Novikova TV Games	251
A. Bekina New sports terminology of the Russian mass-media (based on the snowboard terms in the “Onboard” magazine)	261
S. Erlikh The usage of the term “Decembrist” in the PR-activity of the political parties	269
V. Gopman How to get to Ruritania, or the «Paper» commentaries to Internet	286
Summaries	300
About the authors	306

От редакции

Этот выпуск «Вестника Российского государственного гуманитарного университета» открывает серию «Журналистика. Литературная критика».

Серия подготовлена усилиями сотрудников Института Массмедиа РГГУ. Изучать историю и теорию журналистики, литературной критики, публицистики – наша профессия. Однако мы убеждены, что тематика, которой посвящена серия, требует более широкого, междисциплинарного, общегуманитарного обсуждения.

Значение средств массовой информации в современном обществе настолько велико, что их принято именовать четвертой властью.

Вместе с тем, эта область – по согласному мнению специалистов – весьма трудна для спокойного, академического изучения. Слишком «горяч» объект. Слишком вовлечены герои этого изучения в сиюминутную жизнь, с ее баталиями, с ее болью, которая касается каждого. Слишком разных сфер бытия приходится касаться журналистам и публицистам, вторгаясь при этом на «территорию» то политологии и социологии, то истории и философии, то экономики и даже естественных наук.

Таким образом, изучая журналистику и публицистику, невольно занимаешься всем. Это создает ряд сложнейших методологических проблем. Приблизиться к их решению – наша сверхзадача.

Подобная установка обуславливает выбор рубрик, которые представлены в настоящем выпуске: «История журналистики и литературной критики», «История публицистики. Риторика», «Проблемы теории электронных СМИ».

Мы также считаем обязательным критико-библиографический раздел и хронику научной жизни Института Массмедиа, которые будут представлены в следующем выпуске.

Мы уверены, что в таком формате серия «Журналистика. Литературная критика» получит продолжение в тематике других серий «Вестника» и, в свою очередь, окажется полезной для них.

ЖУРНАЛИСТ П.И. ШАЛИКОВ: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

История личности и деятельности Петра Ивановича Шаликова до сих пор особо не привлекала к себе внимания исследователей истории журналистики и литературы. Пока не изучены ни биография, ни творчество, ни издательская деятельность, ни, тем более, место и значение П.И. Шаликова в обществе, литературе и журналистике первой половины XIX в.

Судя по воспоминаниям современников, П.И. Шаликов был весьма известной личностью. Его сентиментальные рассказы и стихи получали одобрение публики. По воспоминаниям М.А. Дмитриева, «с одного конца России до другого, кому не было известно имя князя Шаликова? Добейтесь до такой же известности! Гоголь, которого талант был так силен и живописен, Гоголь, которого так прославляют друзья его, желая прицепиться к нему, как паук к хвосту орла в басне Крылова, Гоголь никогда не пользовался такой известностью. Чему приписывать это? Времени!...»¹ Жена П.И. Шаликова Александра Федоровна вспоминает о муже: «Сочинения его расходились хорошо, он имел успех в тогдашнем обществе; романсы его перекладывались на музыку и пелись в салонах, сам он имел очень приятный тенор, выразительную южную физиономию, знал иностранные языки, говорил бойко и складно, словом, считался одним из блестящих людей своего времени»². П.И. Шаликов был знаком со многими литераторами первой половины XIX в.: с Н.М. Карамзиным, И.И. Дмитриевым, В.Л. Пушкиным, А.С. Пушкиным.

Шаликов более 25 лет занимал пост главного редактора авторитетной газеты «Московские ведомости». Он издавал журналы для женщин: «Журнал для милых» (1804; совместно с М.Н. Макаровым), «Московский зритель» (1806), «Аглая» (1808–1812) и «Дамский журнал» (1823–1833), который успешно выходил в течение 10 лет. Первые «журналы мод» и издания, ориентированные на женщин, появились в России еще в середине

XVIII в. Но если в Европе этого времени «женский журнал» уже сформировался как тип издания, то в России можно говорить только о росте внимания журналистов к «женской» теме. Хотя именно журналы П.И. Шаликова сыграли значительную роль в развитии «женской журналистики» в России, их ценность начинает осознаваться только современными исследователями: «Публиковавшиеся Шаликовым материалы, мысли о равенстве и уважительном отношении к женщине не были еще признаны в обществе, и потому нельзя недооценивать роль его изданий в становлении идей женской эмансипации в России»³.

Так почему же в истории литературы сложилось столь невнимательное и даже пренебрежительное отношение к личности П.И. Шаликова? Даже «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона пишет о нем: «Деятельность Шаликова может быть охарактеризована как вырождение сентиментализма. Под влиянием, может быть, своего восточного происхождения, Шаликов особенно развил характерную особенность сентиментализма – чувствительность; у него эта чувствительность тесно связана с чувственностью»⁴. Причем такое отношение к личности Шаликова начало формироваться еще при его жизни. Н.Н. Булич в «Очерках по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века» **сравнивает князя Шаликова с графом Д.И. Хвостовым**: «Петербургский пиит граф Д.И. Хвостов и московский карамзинист – князь Шаликов. Оба они писали очень много и жили очень долго, так что личности их укоренились в литературных преданиях, окруженные эпитаграммами и множеством рассказов самого забавного свойства. <...> Говорить об их отношениях и их деятельности – значило бы вдаваться в такие анекдотические подробности, которые не могут иметь значения на страницах этой истории»⁵.

Очевидно, Шаликов был не понят и недооценен современниками и последующими исследователями во многом из-за свойств своей личности и непростого характера. Князь слыл чудачком и оригиналом, как называют его мемуаристы М.А. Дмитриев⁶ и Ф.Ф. Вигель⁷. Помимо яркой восточной внешности, оригинального поведения, приверженности к сентиментализму и весьма эксцентричной манеры одеваться, Шаликов обладал вспыльчивым характером, который стал причиной многих его ссор с современниками. Образ князя – героя светских анекдотов – отразился на всем его творчестве. Издания Шаликова получили ярлыки «журналов сентиментального направления», и в «историях русской журналистики XIX века» **никогда иначе не**

рассматривались. Помимо диссертации Р.В. Чичинадзе «Жизнь и журналистская деятельность П.И. Шаликова (Шаликашвили)»⁸ 1971 г., написанной на грузинском языке, работ, посвященных П.И. Шаликову, не существует. Насколько можно судить по автореферату диссертации, Р.В. Чичинадзе посвятил большую часть работы изучению истории рода Шаликовых (Шаликашвили). Он также стремится доказать близость Шаликова к декабристским кругам, называя его «скрытым революционером»⁹ и «борцом с царизмом»¹⁰, но при этом подробно не останавливается на личностных характеристиках Шаликова, его изданиях и их роли в формировании «женской журналистики» в России.

Отдельные стороны творчества и издательской деятельности П.И. Шаликова анализируются в общих работах по истории русской литературы или статьях, посвященных специальным темам. Для многих исследователей П.И. Шаликов – посредственный писатель-сентименталист. Это отмечается в давней книге Н.Н. Булича¹¹ и в статье В.В. Пухова «П.И. Шаликов и русские писатели его времени (по архивным материалам)»¹². В.В. Пухов публикует и комментирует найденную им переписку П.И. Шаликова, оценивая деятельность самого Шаликова не слишком высоко: «Хотя его творчество имеет определенное историко-литературное значение, надо отметить, что Шаликов был недалеким, непоследовательным в своих действиях и взглядах человеком»¹³.

Однако в некоторых исследованиях 90-х гг. XX в. творчество и журналистская деятельность П.И. Шаликова начинают осмысливаться по-новому. Так, в статье «Из наблюдений над мирами Гоголя»¹⁴ В. Скуратовский пишет о влиянии П.И. Шаликова на творчество Н.В. Гоголя и проводит интересные параллели между «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и «Путешествием в Малороссию»¹⁵ П.И. Шаликова. Новый взгляд на творчество П.И. Шаликова представлен в статье В.В. Сперантова «Были ли кн. Шаликов изобретателем “онегинской строфы”?»¹⁶, где показано, что «онегинская строфа» впервые встречается в оде кн. П.И. Шаликова «Стихи Его Величеству Государю Императору Александру Первому на бессмертную победу пред стенами Лейпцига в Октябре 1813 года».

Наконец, анализу «женской темы» в журналистской и издательской деятельности П.И. Шаликова посвящена работа Ю.В. Жуковой¹⁷. Анализируя публицистические части журналов (статьи, редакционные заметки, подстрочные примечания издателя), Ю.В. Жукова делает вывод о прогрессивной, протофемин-

нистической направленности журналов и позиции их редактора. По ее мнению, «на их страницах Шаликов последовательно проводит идеи достоинства женской личности, права женщины на равенство с мужчиной, на творчество и интеллектуальную жизнь»¹⁸.

* * *

Князь П.И. Шаликов принадлежал к древнему грузинскому роду¹⁹. В XVIII в. в связи с персидским нашествием на Грузию многие грузинские семьи во главе с царем Вахтангом VI эмигрировали в Россию. «В свите царя был дед П.И. Шаликова Дмитрий Елисеевич Шаликашвили. В 1738 г. после смерти царя его свита попросила зачислить их в грузинскую гусарскую сотню, позднее преобразованную в полк. В 1757 г. в этот же полк был зачислен отец П.И. Шаликова Иван Дмитриевич Шаликашвили, прослуживший там, а затем в Сумском полку в Малороссии до 1797 г. Заслуги его перед Россией были оценены русским правительством: он был награжден четырьмя Георгиевскими крестами и четырьмя орденами Владимира»²⁰. Потом Иван Дмитриевич поселился в поместье отца, селе Сандонаре Полтавской губернии. В дальнейшем к этому имению были присоединены владения его дяди, скончавшегося без наследника в селе Лозово.

По поводу даты рождения Петра Ивановича Шаликова мнения биографов расходятся. Вероятнее всего, он родился в 1767 г. В официальном сообщении о смерти князя сказано, что он скончался в 1852 г. в возрасте 85 лет²¹. Эту версию поддерживает и Р.В. Чичинадзе²². Но некоторые биографы считают, что П.И. Шаликов родился в 1768 г. Этот год указан в словаре Брокгауза и Ефрона²³.

Петр Иванович Шаликов учился в благородном пансионе, в возрасте 11 лет уже получил офицерский чин и «служил в военной службе при Екатерине, большею частью в Варшаве...»²⁴. П.И. Шаликов принимал участие во взятии Очакова и польской войне²⁵. После смерти отца Петр Иванович сразу вышел в отставку²⁶, продал поместье, переехал в Москву, поступил в Московский университет, а затем купил небольшой дом в Москве на Пресне (традиционное место поселения для грузин в Москве). Достаточно сложно точно датировать эти события. Э.И. Стогов (жандармский офицер эпохи Николая I, оставивший интересные воспоминания) пишет: «Мне было 8 лет, как, не имея детей, Бланк (Борис Карлович Бланк (1763–1826), поэт,

друг П.И. Шаликова, публиковался в «Дамском журнале». – В. Е.) взял меня к себе. <...> Комната моя была на антресолях, а в другой – жил, по бедности, князь Шаликов. Он только что кончил университет, и его обязанностью было сочинять стихами надписи на транспарантах на иллюминацию»²⁷. По расчетам, это событие относится к 1805 г. Значит, Шаликов окончил университет в 1805 г. в возрасте 37–38 лет, но своего дома в Москве у него еще не было. В статье Александры Федоровны Шаликовой упоминается, что поместье отца Шаликов продал где-то после 1812 г.: «Уже после двенадцатого года, женившись и расстроив дела своей непрактичностью (не желая отыскивать крепостных крестьян, пожалованных деду его в полтавской губернии), он продал за бесценок имение...»²⁸. В газете «Московские ведомости» за 1814 г. опубликовано объявление, уведомляющее «всех приятелей, выехавших из Москвы в 1812», что князь П. Шаликов живет на Пресненской большой улице, в доме под № 326²⁹. Значит, к 1814 г. Шаликов уже имел дом на Пресне. Позднее П.И. Шаликов вместе с семьей жил непосредственно в здании Университетской типографии на Страстном бульваре (сейчас дом 10), где и печатались его журналы. Но точная дата переезда не установлена. Из письма к А.С. Пушкину 1836 г. следует, что в это время Шаликов уже жил на верхнем этаже типографии³⁰.

* * *

В литературе П.И. Шаликов был приверженцем сентиментализма. Он был вхож в модные салоны, знаком с известнейшими литераторами того времени. М.А. Дмитриев, поэт, племянник И.И. Дмитриева, вспоминает, что П.И. Шаликов всегда бывал на приемах у его дяди, когда тот приезжал в Москву³¹. А Александра Федоровна Шаликова пишет, что муж ее «был с молодых лет дружен с В.Л. Пушкиным, К.Н. Батюшковым и другими; был всегда дружески принят у княгини Зинаиды Волконской»³².

Кроме того, Шаликов был известен как оригинал, своего рода достопримечательность Москвы начала XIX в. М.А. Дмитриев пишет о нем: «Он был очень оригинален. Нынче оригиналы так редки, бульвары и гулянья сделались так пошлы, что для современников князя Шаликова его именно недостает на Тверском бульваре, как необходимой принадлежности»³³.

«Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» дает такой синонимический ряд: «оригинал, чудак, человек странный, эксцентричный»³⁴. П.И. Шаликов отличался

эксцентричной манерой одеваться и странным, необычным поведением. Ф.Ф. Вигель вспоминает: «Мне сказывал Загоскин, что во время малолетства случалось ему с родителями гулять на Тверском бульваре. Он помнит толпу, с любопытством, в почтительном расстоянии идущую за небольшим человечком, который то шибко шел, то останавливался, вынимал бумажку и на ней что-то писал, а потом опять пускался бежать. “Вот Шаликов, – говорили шепотом, указывая на него, – и вот минуты его вдохновения”»³⁵. М.А. Дмитриев пишет: «Его нежные бульварные похождения невообразимы! Иногда за это ему случилось попасть или в неприятные или в смешные приключения, которые не подлежат скромному описанию, но которые забавляли его современников!»³⁶. Александра Федоровна Шаликова пишет о муже: «Кто не знал его за неисправимого оригинала. <...> Кому не приходилось удивляться тому, что не раз самые почтенные дамы, которым случалось ему наговорить в сердцах пропасть колкостей, приезжали первые мириться с ним? На него нельзя было сердиться: живая, пылкая натура этого человека, всегда юная и увлекающаяся, всегда вдававшаяся в крайности, с ироническим складом ума, с большою начитанностью, с южным воображением и с женскою, непритворною добротою, обаятельно действовала на все окружающее, и ему все прощалось»³⁷.

Внешность у князя была примечательная, как и манера одеваться, не раз высмеянная в эпиграммах и письмах современников. М.А. Дмитриев: «Кн. Шаликов был по происхождению грузинец, что обнаруживала и его физиономия: большой нос, широкие черные брови, худощавость»³⁸. Э.И. Стогов: «Это был армянин (ошибка мемуариста. – В. Е.) среднего роста, худощавый брюнет, с огромным носом, ему было за 20 лет, и я не мог быть ему товарищем. Князь Шаликов, впоследствии издававший дамский журнал, был любимец дам, ходил в бланжевых чулках и никогда в сапогах»³⁹. Интересно, что «бланжевые чулки» (фр. blanc, blanche – белый; применительно к деталям туалета – телесного цвета) Шаликова не раз высмеивались современниками. Упоминания о них встречаем, например, в известном сатирическом стихотворении «Сумасшедший дом» А.Ф. Воейкова:

Вот на розовой цепочке
Спичка Шаликов в слезах!
Разрумяненный, в цветочке,
В ярко-планшевых чулках...⁴⁰

Это дает нам основание считать, что чулки телесного цвета – социо-культурный знак, который много говорил современникам

о его носителе. К тому же Стогов пишет, что Шаликов не носил сапог. Это тоже странно. В начале XIX в. известный английский денди Д.Б. Браммелл ввел моду на невысокие гессенские сапожки или высокие сапоги с отворотами, в которые заправлялись длинные панталоны. Костюм с короткими панталонами до колена и чулками был рассчитан только для вечерних выходов⁴¹. Эта мода распространилась по всей Европе и в России тоже. Еще здесь стоит упомянуть, что в России на протяжении XIX в. эталоном мужской красоты и элегантности была военная форма в сочетании с высокими сапогами. П.И. Шаликов тоже был военным, но эту моду отрицал и мундира с сапогами не носил, и даже, видимо, постоянно ходил в коротких панталонах и бланжевых чулках.

Князь носил яркие жилеты и сюртуки, разноцветные шейные платки. Н.А. Полевой с насмешкой упоминает о желтом мундире Шаликова: «А **propos**, видели ли вы его в новом желтом мундире? Мил, да и только»⁴². М.А. Дмитриев: «Он был странен и в одежде: летом всегда носил розовый, голубой или планшевый платок на шее»⁴³. Шейный платок – знаковая вещь в моде и культуре начала XIX в. **На рубеже веков мужской костюм сильно** изменился, стал более простым, удобным и функциональным. В мужской одежде стали превалировать темные цвета и простые линии, единственное украшение – шейный платок, мастерски завязанный⁴⁴. Классический вариант – это белый шейный платок, который необходимо было менять несколько раз в день, но цветные платки тоже не возбранялись. Вышло несколько книг с рекомендациями и схемами завязки узлов на шейных платках. Причем каждый узел сочетался с определенной тканью и цветом. Например, к «математическому узлу» больше всего подходит цвет «бедр испуганной нимфы», один из оттенков розового⁴⁵. Так что можно предположить, что Шаликов стремился подражать моде, надевая голубые или розовые шейные платки, но, видимо, перебарщивал и выглядел смешным в глазах современников.

Комический эффект усугубляло и то, что столь «нежный» стиль в одежде совершенно не подходил яркой восточной внешности князя. Добавим сюда еще необычную манеру поведения. Шаликов был последователем сентиментального направления не только в литературе, но и в жизни. Он вел себя по стандартам сентиментального героя: был нежным и чувствительным, говорил витиевато и восторженно, плакал от горя и от радости. Таким он и остался в истории. М.А. Дмитриев: «Князь Шаликов

был чрезвычайно известен и смешон своею нежностью, которой совсем не было в его характере: он был только сластолюбив и раздражителен, как Азиатец; его сентиментальность была только прикрытием эпикурейства»⁴⁶.

Любовь Петра Ивановича к яркой и эксцентричной одежде не раз высмеивалась в эпиграммах на него. Так, П.А. Вяземский в 1811 г. написал стихотворение «Выход Вздыхалова»:

С собачкой, с посохом, с лорнеткой
И с миртовой от мошек веткой,
На шее с розовым платком,
В кармане с парой мадригалов
И чуть звенящим кошельком
По свету белому Вздыхалов
Пустился странствовать пешком⁴⁷.

Здесь Вяземский высмеивает неудавшуюся попытку П.И. Шаликова отправиться в путешествие за границу. Как видно из эпиграммы (и из воспоминаний Ф.Ф. Вигеля⁴⁸), эта затея Шаликова не удалась из-за отсутствия денег. Но совершенно точно известно, что в 1811 г. П.И. Шаликов уезжал из Москвы, причем на длительный срок, потому что был вынужден приостановить издание журнала «Аглая».

За Шаликовым закрепились прозвища «Вздыхалов», из стихотворения П.А. Вяземского «Выход Вздыхалова», и «кондитер литературы», из эпиграммы поэта В.И. Туманского, опубликованной в 1823 г. в журнале «Благонамеренный».

Дитя пастушеской природы
Писатель Нуликов так сладостно поет,
Что уж пора б ему назваться без хлопот
Кондитером Литературы⁴⁹.

Петра Ивановича Шаликова считали оригиналом не только из-за его эксцентричной одежды, но и из-за необычных, порой скандально смелых выходов. В воспоминаниях Дмитриева сохранилась такая история: в 1812 г. во время захвата наполеоновскими войсками Москвы Шаликов не смог с семьей выехать из города по причине все той же бедности⁵⁰. Когда французы ушли из Москвы, генерал-губернатор граф Ф.В. Ростопчин призвал Шаликова для объяснения: «Зачем он остался в Москве?» «Как же мне можно было уехать! – отвечал кн. Шаликов, – Ваше Сиятельство объявили, что будете защищать Москву на Трех Горах со всеми московскими дворянами; я туда и явился вооруженный; но не только не нашел там дворян, а не нашел и вашего сиятельства!» Еще забавнее, что он к этому прибавил

по-французски: «**Et puis j'y suis reste par curiosite!**» («**И потом я остался там из любопытства!**» – *В. Е.*)⁵¹. Интересно, что в 1812 г. Шаликов уже говорит о своей семье. Видимо, речь шла о его жене Александре Федоровне (в девичестве фон Лейснау)⁵². В 1815 г. у них родилась старшая дочь Наталья, в будущем известная писательница и журналистка. У Шаликовых было восемь детей, четверо из которых умерли в младенчестве, а две дочери и два сына пережили отца.

П.И. Шаликов обладал еще одной, характерной для восточных людей чертой – вспыльчивостью. Так, Александра Федоровна пишет: «Крайняя вспыльчивость моего мужа, не щадившая никакое лицо, вошла даже в поговорку в кругу наших знакомых; а резкая правдивость, восставившая против него многих, в глазах друзей его извинялась только редкою добротою сердца и совершенно детскою нерасчетливостью»⁵³. К.Н. Батюшков в письме от 19 декабря 1811 г. предостерегает П.А. Вяземского, чтобы тот избегал Шаликова: «Прошу тебя именем дружбы не писать на него эпиграмм... Пусть с ним повоюет Каченовский, будем себе в стороне. Это гордый грузин»⁵⁴. М.А. Дмитриев: «Он был довольно раздражителен. Если кем он был недоволен, тот не избегал его маленького мщенья и попадал в его книжку: Мысли, характеры и портреты. Мне случалось слышать, как спрашивали его: “Это вы не меня ли описали в таком-то портрете?” – “Нет! – отвечал кн. Шаликов, – это я описал такого-то, а вот это вас!”»⁵⁵. Книга «Мысли, характеры и портреты» была издана в 1815 г.

Доказательством вспыльчивости князя может служить скандал, разыгравшийся в зале московского университетского правления на собрании «Общества любителей российской словесности» – литературно-научного общества, существовавшего при Московском университете в 1811–1830 гг. В 1817 г. Шаликов избран почетным членом, но в 1827 г. имел там столкновение с М.А. Дмитриевым и был вынужден выйти из Общества. Этот инцидент подробно описан Е.Я. Колбасиным⁵⁶. М.А. Дмитриев обвинил П.И. Шаликова в том, что тот хвалит стихи Хвостова за деньги. Шаликов чуть не побил Дмитриева, о чем написал в письме к Хвостову: «И стал ругать его (Дмитриева. – *В.Е.*) нещадно; и нечего таить, если бы не становились между нами свидетели происшествия, то у него слетели бы с носа очки. Мне говорили о зеркале, которого я, как не очень была освещена комната, и не заметил; о том, что это зала университетского правления; но человек, разобиженный сильнейшим

образом, мог ли слышать что-либо иное, кроме самого себя?»⁵⁷ А.Ф. Шаликова пишет: «Когда произошел таким образом скандал в заседании общества, то муж мой поспешил выйти из него, и искренне жалел, что так случилось. Дело состояло в одном М.А. Дмитриеве; все же другие старались примирить их, зная азиатскую вспыльчивость моего мужа»⁵⁸.

* * *

Как уже указывалось, П.И. Шаликов в своем поведении реализовывал идеалы сентиментализма. Он был нежным, чувствительным, восторженным, погруженным в чувственные и поэтические материи и, естественно, весьма непрактичным в реальной жизни. «Доверчивый до наивности, он даже в других не понимал духа интриги; взгляд его на жизнь был взглядом поэта и философа, а денег считать он никогда не умел»⁵⁹, – вспоминает его жена Александра Федоровна. Именно этой особенностью его характера она объясняет сложное финансовое положение семьи: «Этот недостаток практичности, эта неукротимость избалованной натуры, составлявшие главную черту его характера, могут служить истолкованием многих его странностей»⁶⁰. А.Ф. Шаликова упоминает, что отцовское имение Петр Иванович продал за бесценок, не желая разыскивать своих крепостных крестьян⁶¹.

Интересно, что своих денег П.И. Шаликов считать не умел, но при этом всю жизнь активно занимался благотворительностью и реально помогал бедным семействам. Будучи редактором газеты «Московские ведомости», Петр Иванович публиковал там постоянно «известия о бедных», объявления о семействах, нуждающихся в помощи. Эту традицию он продолжал и в своих журналах. А.Ф. Шаликова: «Многие помнят, с какой горячностью муж мой делал добро, как, не останавливаясь ни перед каким затруднением, доставлял места, обращаясь для этого иногда к вовсе незнакомым людям, словом, деятельно хлопотал о меньших братьях, ссорясь нередко за это с богачом и подвергаясь истинным неприятностям. Это была потребность его души. Он отыскивал несчастных по чердакам и трущобам и любил, чтобы дети видели, что такое нужда и приучались бы отыскивать средства облегчать страдания ближних. Беспечный во всем другом, тут он был неутомимо деятелен, терпелив и практичен гораздо более, чем в делах собственного своего семейства»⁶².

Н.М. Карамзин и И.И. Дмитриев, друзья и покровители Шаликова, всячески старались помочь ему в материальном плане: хлопотали о должности для него, помогали издавать стихи и прозу. Так, в письме к А.И. Тургеневу от 13 декабря 1816 г. И.И. Дмитриев пишет: «Милостивый государь Александр Иванович. Князь Петр Иванович Шаликов отправляет сегодня к князю Александру Николаевичу (князь А.Н. Голицын, министр духовных дел и народного просвещения. – В. Е.) экземпляры жизни Генриха 4 с покорнейшею его просьбою предоставить один из них государю Императору. Отдавая справедливость заслугам его на словесном поприще и принимая живое участие в стесненных обстоятельствах домашней его жизни, я покорнейше прошу вас замолвить за него ваше слово и постараться, чтоб на приношение его обращено было милостивейшее внимание. Подкрепить силы нуждающегося автора есть право дело самое доброе: он по званию своему обязан всегда воскрыляться духом, питать в себе возвышенные чувства и скрывать свою бедность...»⁶³. Интересно, что Карамзин тоже хлопотал об издании шаликовского перевода. Так, в письме от 25 декабря 1816 г. он писал Шаликову: «Искренне благодарю Вас, любезный князь, за ваше приятельское письмо, теперь жду книги, чтобы отдать ее вместе с письмами А.И. Тургеневу; а он вручит их князю Александру Николаевичу, которого вижу редко. Бог видит, что я хотел бы сделать для вас всякую приятность; но могу единственно просить доброго Тургенева и отвечаю вам за его к вам благорасположение»⁶⁴. Из другого письма от 26 марта 1817 г. становится ясно, что речь идет о переводе книги Жанлис «История Генриха Великого». Карамзин еще не раз всячески старался помочь Шаликову устроить его дела, демонстрируя дружбу и покровительство. Видимо, финансовое положение П.И. Шаликова стабилизировалось после того, как он получил должность редактора газеты «Московские ведомости» в 1817 г. Интересно, что такого рода помощь от друзей князь принимал, однако когда Д.В. Давыдов предложил гонорар за редакторскую работу над своей книгой воспоминаний⁶⁵, то он отказался.

П.И. Шаликов был слишком горд или беспечен и для того, чтобы похлопотать о наследстве от богатых родственников. А.Ф. Шаликова описывает такую ситуацию: «... двоюродная сестра его, графиня Завадовская, имела огромное состояние; несмотря на это родные тетки их жили у моего мужа, и из-за них-то он и ссорился с нею постоянно. Единственный сын ее граф Иван Яковлевич Завадовский умирал бездетно: муж был

дружен с ним в молодости (они были почти одних лет), но впоследствии разошелся с ним после того, как окончательно рассорился с его матерью. Графиня умерла, оставив сыну большие капиталы и несколько тысяч душ. Граф жил в Петербурге; муж мой и не справлялся о нем никогда. Но князь Кочубей, приятель Завадовского, встретившись с мужем моим, объявил ему, что граф Иван Яковлевич в безнадежном состоянии и советовал ему съездить к нему в Петербург, прибавив, что Завадовский умирает на чужих руках. “Чтоб я поехал к умирающему богачу за духовной! – воскликнул муж мой, – да, сохрани меня Бог! Подать ему мысль, что я подличаю перед ним, заискиваю его милостей – никогда!” Так и не поехал, не написал даже Завадовскому! Завадовский умер, вспомнив, однако, перед смертью о моем муже, которому по духовному завещанию отказал двадцать пять тысяч ассигнациями наравне с камердинером, с доктором и духовником, прибавив, что князь П.И. Шаликов “ближайший родственник мой со стороны родительницы моей”. – “И за то спасибо! – сказал муж мой, – его воля была отдать, кому вздумается”. А отдал Иван Яковлевич огромную сумму денег совершенно посторонней особе»⁶⁶.

В связи с историей с Завадовскими стоит рассмотреть и достаточно острую полемику, разгоревшуюся после смерти П.И. Шаликова в журнале братьев Достоевских «Время», где в 1862 г. была опубликована статья Е.Я. Колбасина о Д.И. Хвостове. Граф Дмитрий Иванович Хвостов (1756–1835) – племянник А.В. Суворова, стихотворец, член «Беседы любителей русского слова» и Российской академии, с 1807 г. сенатор. В литературных кругах имя Хвостова было нарицательным для обозначения плодовитого графомана; известны многочисленные (в особенности «арзамасские») пародии и эпиграммы на него, осмеивавшие беспомощность и стилистическую какофонию его стихов. Е.Я. Колбасин – литератор, исследователь истории литературы, автор книги «Литературные деятели прошлого времени» (1859) – представляет Шаликова вымогателем и мелким интриганом. Через несколько месяцев после публикации в этом же журнале было напечатано «Письмо к редактору журнала “Время”: по поводу статьи “Певец Кубры”» Александры Федоровны Шаликовой (не раз цитированное в данной работе). Шаликова описывает свою версию взаимоотношений мужа и Хвостова и возмущается «клеветами господина Колбасина»⁶⁷. А.Ф. Шаликова опровергает обвинения Колбасина

и пишет: «Семейство наше никогда ничем не пользовалось от графа Хвостова, и если муж мой, равный ему по рождению и воспитанию, писал лестные отзывы о его сочинениях, то это делалось с добродушием, чтобы потешить доброго старика, считая стихотворство его вполне невинною забавою, и притом высоко ценя его нравственные качества и эту любовь к литературным занятиям, в которых он находил все свое утешение. И вправду, кому мог повредить почтенный гр. Хвостов, воспевая Кубру?»⁶⁸. «О состоянии дел и доходов графа мы никогда ничего не знали и о них не спрашивали. Граф жил постоянно в Петербурге, а муж мой в Москве; для свиданий с графом он в Петербург не ездил, не пил на его счет шампанского, не обыгрывал его в карты, не занимал у него денег (да и ни у кого никогда не занимал слава Богу!). Все, что можно допустить, это то, что графу посылались, может быть, пять или шесть билетов на «Дамский журнал», который сам же граф просил иногда прислать ему для раздачи знакомым. Этим трудно было привести в бедственное состояние богатого человека. Это были просто литературные отношения, без всякого значения для семейства»⁶⁹.

* * *

В 1838 или в 1841 г. Шаликов вышел в отставку и поселился в Серпуховском уезде, но он не жил там безвыездно. В феврале 1845 г. Петр Иванович был в Одессе. В РГАЛИ хранится письмо Шаликова к П.А. Вяземскому от 5 февраля 1845 г., где он пишет: «Милостивый Государь, Князь Петр Андреевич! С берегов Черного моря, от души, самой белой в привязанности к Вам многими сердечными узами, которые нигде и никогда не охлаждаются, прошу ваше Сиятельство принять на себя великодушный труд осчастливить меня доставлением драгоценного памятника о дедушке Крылове – завещанного им каждому чтившему и любившему его – экземпляра басен, из которых первые привез мне, равномерно незабвенный Иван Иванович Дмитриев для моего журнала...»⁷⁰. К письму прилагались стихи Шаликова «К надгробному памятнику Ивана Андреевича Крылова»⁷¹.

Умер Шаликов в феврале 1852 г. и был погребен в Серпуховском Высоцком монастыре. Некрологи были напечатаны сразу в нескольких изданиях: «Московские ведомости», «Сын отечества», «Санкт-Петербургские Ведомости», «Северная пчела». Александра Федоровна Шаликова пишет о его последних днях: «Муж мой, прожив более восьмидесяти трех лет, можно

сказать, не знал старости. За год до кончины своей он читал очень много, писал твердым и красивым почерком, ездил верхом; за два месяца цитировал Вольтера и Монтескье, разбирал “*Contral Social*”, с любовью говорил о Ж.-Ж. Руссо, которому всегда пламенно сочувствовал. О евангелии он, однако, постоянно относился как о высшем произведении истинной мудрости и за четыре года до смерти, вполне вникнув в дух евангельского учения, он пожелал причаститься св. тайне, чего прежде не делал несколько лет. О кончине его можно сказать, что она была проста и естественна, как и вся жизнь его. Он без болезни уснул вечным сном, как младенец, угас, как лампада»⁷². М.А. Дмитриев: «Он любил жизнь и боялся смерти; но называл жизнь всегда гадкою. Однажды, после философского рассуждения в своем роде он простонал нежно: “жизнь и сама по себе гадка; а там умрешь, да еще Макаров (М.Н. Макаров, издатель «Журнала для милых», сотрудник «Дамского журнала». – В. Е.) напишет эпитафию!»»⁷³.

Примечания

- ¹ Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 98–99.
- ² Шаликова А.Ф. Письмо к редактору журнала «Время»: по поводу статьи «Певец Кубры» // *Время*. 1862. № 11. Совр. обозрение. С. 150.
- ³ Жукова Ю.В. Женская тема на страницах журнала «Аглия» (1808–1812) кн. П.И. Шаликова // *О благородстве и преимуществе женского пола*. СПб., 1997. С. 48.
- ⁴ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1903. Т. 77. С. 110.
- ⁵ Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1912. С. 108.
- ⁶ Дмитриев М.А. Указ. соч.
- ⁷ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000.
- ⁸ Чичинадзе Р.В. Жизнь и журналистско-литературная деятельность П.И. Шаликова (Шаликашвили): Автореф... канд. филол. наук. Тбилиси, 1971.
- ⁹ Там же. С. 10–12.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Булич Н.Н. Указ. соч.
- ¹² Пухов В.В. П.И. Шаликов и русские писатели его времени (по архивным материалам) // *Русская литература*. 1973. № 2. С. 159–169.
- ¹³ Там же. С. 159.
- ¹⁴ Скуратовский В. Из наблюдений над мирами Гоголя // *Новый круг*. 1993. № 1. С. 152–159.
- ¹⁵ Шаликов П.И. Путешествие в Малороссию. М., 1804.

- ¹⁶ *Сперантов В.В.* Был ли кн. Шаликов изобретателем «онегинской строфы»? // Филологика. 1996. № 5/7. С. 125–132.
- ¹⁷ *Жукова Ю.В.* Указ. соч. С. 38–50.
- ¹⁸ Там же. С. 48.
- ¹⁹ *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1903. Т. 77. С. 110.
- ²⁰ *Чичинадзе Р.В.* Указ. соч. С. 4.
- ²¹ Московские ведомости. 1852. № 27. С. 273.
- ²² *Чичинадзе Р.В.* Указ. соч. С. 4.
- ²³ *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1903. Т. 77. С. 109.
- ²⁴ *Шаликова А.Ф.* Указ. соч. С. 149.
- ²⁵ *Чичинадзе Р.В.* Указ. соч. С. 5.
- ²⁶ *Шаликова А.Ф.* Указ. соч. С. 149.
- ²⁷ *Стогов Э.И.* Записки // Русская старина. 1903. Т. 1. С. 142–143.
- ²⁸ *Шаликова А.Ф.* Указ. соч. С. 150.
- ²⁹ Московские ведомости. 1814. № 36. С. 903.
- ³⁰ Письма П.И. Шаликова к А.С. Пушкину // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 602–604.
- ³¹ *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 97–98.
- ³² *Шаликова А.Ф.* Указ. соч. С. 144.
- ³³ *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 95–96.
- ³⁴ *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1999.
- ³⁵ *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 265.
- ³⁶ *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 95–96.
- ³⁷ *Шаликова А.Ф.* Указ. соч. С. 144.
- ³⁸ *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 95.
- ³⁹ *Стогов Э.И.* Указ. соч. С. 142–143.
- ⁴⁰ *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 97.
- ⁴¹ *Вайнштейн О.Б.* Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2005. С. 90.
- ⁴² Письмо Н.А. Полевого П.П. Свиныну 22-го янв. 1826 г. // Русская Старина. 1901. Т. 106. С. 401.
- ⁴³ *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 94.
- ⁴⁴ *Вайнштейн О.Б.* Указ. соч. С. 116–125.
- ⁴⁵ Там же. С. 118.
- ⁴⁶ *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 97.
- ⁴⁷ *Вяземский П.А.* Эпиграмма на П.И. Шаликова // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 860. Л. 15–16.
- ⁴⁸ *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 266.
- ⁴⁹ [*Туманский В.И.*] Эпиграмма на П.И. Шаликова // Благонамеренный. 1823. № 11. С. 333.
- ⁵⁰ *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 95.
- ⁵¹ Там же. С. 99.
- ⁵² *Пушкин В.Л.* Стихотворения. СПб., 2005. С. 343.
- ⁵³ *Шаликова А.Ф.* Указ. соч. С. 144.

В.Н. Ершова

- ⁵⁴ *Чичинадзе Р.В.* Указ. соч. С. 8.
- ⁵⁵ *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 96–97.
- ⁵⁶ *Колбасин Е.Я.* Певец Кубры или граф Дмитрий Иванович Хвостов // *Время.* 1862. № 6.
- ⁵⁷ Там же. С. 164–166.
- ⁵⁸ *Шаликова А.Ф.* Указ. соч. С. 152.
- ⁵⁹ Там же. С. 144.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ *Шаликова А.Ф.* Указ. соч. С. 150.
- ⁶² Там же. С. 153.
- ⁶³ Письмо И.И. Дмитриева А.И. Тургеневу // *Русский Архив.* 1867. Т. 9. С. 1085.
- ⁶⁴ *Пухов В.В.* Указ. соч. С. 70.
- ⁶⁵ Там же. С. 71.
- ⁶⁶ *Шаликова А.Ф.* Указ. соч. С. 154–155.
- ⁶⁷ Там же. С. 143.
- ⁶⁸ Там же. С. 145.
- ⁶⁹ Там же. С. 147.
- ⁷⁰ Письма П.И. Шаликова к П.А. Вяземскому // *РГАЛИ.* Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3034.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² *Шаликова А.Ф.* Указ. соч. С. 145.
- ⁷³ *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 97.

К ВОПРОСУ
ОБ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
А.Ф. СМИРДИНА

Личность А.Ф. Смирдина, книгопродавца и книгоиздателя, владельца успешной типографской мастерской и книжного магазина, основателя одной из первых российских публичных библиотек, требует многостороннего и внимательного изучения.

Среди современников А.Ф. Смирдин был хорошо известен. На протяжении своей издательской деятельности он тесно сотрудничал с видными литераторами и журналистами эпохи: А.С. Пушкиным, И.А. Крыловым, О.И. Сенковским, Н.И. Гречем, Ф.В. Булгариным. Оценки его деятельности давались различные: от хвалебных до хулильных. «Смирдину мы обязаны тем, что иные литературные занятия дают средства к жизни и довольству посвящающим им свое время и способности. Мы помним, как нападали в современных журналах на это... Времена эти прошли, все поняли важность и необходимость вознаграждения за литературные труды, но честь и слава и вечная память тому, кто дал этому началу первое движение»¹, – превозносил издателя «Русский инвалид». По другим источникам, писал Смирдин «довольно неправильно, с большими орфографическими ошибками, во внутреннее содержание книг, предлагаемых ему для издания, никогда не входил, довольствуясь объяснением автора»².

Обилие мнений, оценок, замечаний указывает на то, что А.Ф. Смирдин играл весьма важную роль в литературной жизни своего времени, но не как автор, создатель текстов, а как их распространитель. Сфера интересов книгоиздателя включала в себя и журналистику.

Несмотря на небольшое количество работ, посвященных деятельности А.Ф. Смирдина, тенденция освещения его жизни оставалась единой: книготорговца превозносили как «неограниченный драгоценный бриллиант»³. Отступлением от этого канона можно назвать монографию «Словесность и коммерция». В ней

была поставлена проблема зарождения коммерческой журналистики в России, а деятельность А.Ф. Смирдина рассматривалась на фоне изменений, которые принесла эпоха.

Несколько факторов, впрочем, остались незатронутыми. Превращение книги в товар произошло не только из-за осознания авторами того, что читатель готов платить за их «продукцию». Не меньшую роль в коммерциализации литературы и журналистики сыграло развитие наук, механизация производства, в том числе производства книг, позволившая значительно увеличить тиражи и сделать книгу явлением действительно массовым.

Хотя при изучении жизни любого исторического деятеля нельзя не уделять внимания глобальным процессам, повлиявшим на жизнь и мировоззрение общества, детали быта и взаимоотношений обладают своей особой привлекательностью.

Официальная биография Смирдина демонстрирует исследователю человека удачливого, но необразованного, достигшего богатства и успеха благодаря скорее удаче, чем своим способностям. Причиной разорения книготорговца обычно называют финансовые махинации Сенковского, Булгарина и Греча, прибавляя к этому разорительный контракт Смирдина с А.А. Плюшаром.

Смирдин, один из самых богатых, успешных и известных людей своего времени, невольно кажется человеком недалеким, слишком доверчивым и наивным. Такой портрет книгоиздателя представляют на суд читателя Л.С. Кишкин и Н.П. Смирнов-Сокольский, два наиболее видных исследователя биографа Смирдина.

Между тем, обе биографии успешно обходят несколько белых пятен в истории жизни книгопродавца, а также игнорируют тот факт, что жертвенный образ Смирдина плохо сочетается с его достижениями и успехами. Человек до такой степени недалеким и доверчивый вряд ли смог бы построить книгоиздательское и книгопродавческое дело, сравнимое по масштабам разве что с империей Н.И. Новикова. Нововведения и усовершенствования, которые ввел Смирдин, указывают, наоборот, на хитрого и умелого дельца, ловко обходящего опасных конкурентов. А на факты биографии, ранее подававшиеся как доказательства незлобивой, добродушной, недалекой природы книгопродавца, можно взглянуть и с иной стороны.

Так, разорение книгопродавца объясняется его излишней доверчивостью по отношению к Гречу, Булгарину и Сенковскому, которые беззастенчиво обворовывали своего благодетеля. При

этом любой учебник по истории отечественной журналистики обязательно упоминает громадные по тем временам гонорары, которые книгоиздатель выплачивал им. Трудно представить, чтобы коммерсант, обладающий миллионным капиталом, – а Смирдин был именно коммерсантом – не знал или не догадывался об исчезновении крупных сумм, финансовых махинациях и откровенных обманах. Современники Смирдина многократно упоминают близкое сотрудничество, в котором находились, к примеру, Сенковский и Смирдин, а также излишнее попустительство, которое последний оказывал первому. Может быть, здесь скрыто нечто большее, чем доверчивость и мягкость натуры самого успешного книгоиздателя начала XIX в.?

* * *

До начала своего собственного книгоиздательского дела А.Ф. Смирдин работал у трех книгопродавцев.

С 7 до 10 лет, как это было принято в московской торговой мещанской среде, А.Ф. Смирдин обучался грамоте, письму, чтению и арифметике у дьячка, который, по данным Л.С. Кишкина⁴, состоял при церкви Святой Троицы. Известно, что А.Ф. Смирдин обнаружил при обучении любознательность и острый ум. Далее версии спорят друг с другом. По одной из них, когда сыну исполнилось 13 лет, отец определил его «мальчиком» в книжную лавку дяди – П.А. Ильина⁵. По другой, А.Ф. Смирдин начал работать у Ильина в 1804 г., не с 13, а с 10 лет⁶. Высказывается мнение, что более достоверной датой следует считать не 1804, а 1807 г., потому что еще при жизни Смирдина предполагалось отметить в 1857 г. пятидесятилетие его книгопродавческой деятельности⁷.

Работа, которую поручали А.Ф. Смирдину поначалу, была мало связана с собственно продажей книг: он должен был подметать лавку, бегать за кипятком в ближайший кабак, за сайками к саечнику, стряхивать пыль с книг. Лавка Ильина помещалась в амбаре, с выходом на улицу, не закрывавшимся и зимой. Книги, которыми торговал Ильин, были рассчитаны на нетребовательного читателя: покупателю предлагались: М. Комаров «История Ваньки Каина», «Повесть английского милорда»; журналы «Трутень», «Адская почта», «Северная пчела», «Полезное и приятное», «И то и сие»⁸. «Исполняя с точностью даваемые хозяином поручения и стараясь во всем угождать каждому, мальчик Смирдин сделался вскоре любимцем

хозяина и вследствие этого мог несколько свободнее располагать собою; будучи религиозен, он часто посещал церкви и любил прислуживать в алтаре, петь и читать на клиросе, а в свободное время, по серьезности характера не участвуя в забавах своих сверстников, проводил время в чтении книг. Наступил долго-памятный 1812 год. Несмотря на молодые лета, за старания и способности хозяин сделал Смирдина приказчиком...»⁹.

* * *

Во время войны 1812 г. А.Ф. Смирдин в военных действиях не участвовал: «...тогдашнее положение отечества возбудило в нем, как и во многих других молодых людях того времени, патриотическое чувство. Он вздумал идти в ряды московского ополчения, но не мог исполнить этого, потому что наплыв желающих был так велик, что Смирдин в течение нескольких дней не мог добиться до места набора, будучи измят толпой до нездоровья. Последнее обстоятельство и вид некоторых встречавшихся ему ополченцев, дурно одетых и вооруженных пикою и топором, охладили его пыл, и он решил было возвратиться к своим занятиям, но вследствие скорого затем занятия французами Москвы должен был с большей частью населения бежать из нее, и за отсутствием всяких средств на поездку пешком отправился в Петербург. Обокраденный дорогой во время сна и едва не убитый, он кое-как, Христовым именем, добрал до Петербурга...»¹⁰.

Известен интересный факт. В монографии «Словесность и коммерция» Гриц отмечает, что «во время своего бегства из Москвы Смирдин имел случай встретиться с В.А. Плавильщиковым, крупным петербургским книгопродавцем...»¹¹. С ним соглашается Л.С. Кишкин: «С трудом добравшись до столицы, он познакомился там с известным книгопродавцем В.А. Плавильщиковым, уроженцем Москвы, братом популярного актера и драматурга П.А. Плавильщикова»¹². Однако непонятно, как это произошло. Трудно представить себе, что молодому человеку, «обокраденному дорогой во время сна», который «Христовым именем» – если не побираясь, то, несомненно, находясь в стесненных материальных условиях – удалось познакомиться с одним из успешнейших книгоиздателей и книгопродавцев Петербурга. Можно предположить, что у А.Ф. Смирдина были рекомендательные письма от Ильина, но эта версия также не выдерживает критики – сомнительно, чтобы в момент всеобщей

суматохи и подготовки к бегству из города молодой приказчик позаботился о серьезных рекомендациях. Этот вопрос – о встрече Плавильщикова и Смирдина – остается нераскрытым. Общая сфера деятельности (книготорговля, книгоиздание), общие знакомые или инициатива самого Смирдина – что привело его к этой встрече, много изменившей в жизни будущего книгоиздателя, неясно. Это одна из многих тем, требующих дальнейшего исследования.

* * *

Вернувшись из Петербурга в Москву, с 1813 г. на протяжении 4 лет Смирдин служил приказчиком у книгопродавца А.С. Ширяева¹³. Ширяев был крупным московским книгопродавцем, а также арендовал книжную лавку Московского университета, которая при нем процветала. Вывеска над его лавкой гласила: «Российские книги, географические атласы, ландкарты и планы»¹⁴. Ширяев занимался издательской деятельностью – выпускал книги по литературе, истории, сельскому хозяйству, географии, портреты, эстампы. Известно, что он изобретательно проводил рекламу своего книготоргового дела, помещая объявления в газетах. Кроме того, он вел библиографическую работу, выпуская «Реестры», собирал редкие старопечатные книги (существовал каталог, составленный и изданный собирателем). Впоследствии, став хозяином собственного книгопродавческого и книгоиздательского дела, А.Ф. Смирдин поддерживал с А.С. Ширяевым торговлю. Очевидно, что Смирдин позаимствовал у второго своего работодателя некоторые методы ведения дела, например, рекламу своих начинаний. Так, будучи владельцем «Библиотеки для чтения», он широко рекламировал журнал, сообщая публике о содержании готовящихся к выходу номеров.

* * *

В 1817 г., с рекомендациями, предоставленными Ширяевым, А.Ф. Смирдин поступает на работу к В.А. Плавильщикову.

О Плавильщикове необходимо сказать несколько слов. Один из самых видных предпринимателей на книгоиздательском рынке конца XVIII – начала XIX в., он в 1794 г. основал в Петербурге издательство, ставшее одним из крупнейших в России (в 1807–1824 гг. им выпущено 227 книг)¹⁵. В 1815 г. Плавильщиков открыл при своей книжной лавке частную «Библиотеку

для чтения» (1800 наименований), в которую вошли и книги его брата – актера и драматурга П.А. Плавильщикова. Через 5 лет в ней насчитывалось более 7000 наименований. Магазин Плавильщикова – первый в Петербурге книжный магазин, который отапливался в холодное время года. До того книги продавали разносчики в мешках на улицах, торговали книгами и на рынках¹⁶. Состав «Библиотеки для чтения» можно реконструировать по изданию «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова», 1820 г. (составлена В.Г. Анастасевичем)¹⁷. Эта «Роспись» охватывает значительную часть русских книг XVII и начала XIX в. и почти все новые книги за время с 1815 г. К ней выпускались многочисленные дополнения – в 1821, 1822, 1823, 1824, 1825, 1826 гг.

Через четыре года после встречи А.Ф. Смирдина с В.А. Плавильщиковым тот вспомнил о приказчике московской книжной лавки. Л.С. Кишкин утверждает, что Плавильщиков сам пригласил Смирдина к себе на работу, но не указывает источник этих данных¹⁸. Этот факт удивляет. Чем запомнился Плавильщикову Смирдин, что по прошествии такого отрезка времени он не только вспомнил о нем, но и пригласил его к себе на работу? Предварительно списавшись с А.С. Ильиным¹⁹, В.А. Плавильщиков получил у него хороший отзыв о Смирдине и пригласил его к себе в приказчики. Замечательно, что молодой Смирдин сразу поступил на столь высокую должность.

«Здесь честностию, аккуратностию, знанием дела и умением обращаться с покупателями Смирдин приобрел расположение Плавильщикова, который и сделал его главным приказчиком и управляющим магазином»²⁰, – так говорится в «Кратком обзоре книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет». Однако эта фраза мало что сообщает об отношениях, в действительности установившихся между Плавильщиковым и Смирдиным. По утверждению современников, Смирдин обладал неконфликтным, спокойным характером, был честен, услужлив и доброжелателен по отношению к клиентам – все это, а также долгий опыт работы в книгоиздательском деле создало ему определенную репутацию и принесло уважение Плавильщикова.

У Плавильщикова Смирдин проработал шесть лет. Когда тот умер (14 августа 1823 г.), Смирдин получил его дело. Здесь вновь появляется несколько версий того, как это произошло.

А) По духовному завещанию, оставленному Плавильщиковым, он предоставлял Смирдину «за его службу право купить

весь книжный товар по той цене, как ему было угодно, но Смирдин, по добросовестности своей, сделал вызов всех книгопродавцев, чтобы оценить товар, а затем сам назначил цену дороже всех»²¹.

Б) Смирдину предоставлялось «или получить за свой ум из вырученных денег от продажи товара довольно порядочную сумму, или принять на себя всю торговлю, с тем, однако, условием, чтобы расплатиться со всеми долгами Плавильщикова, простиравшимися будто бы до значительной суммы 3000000 ассигнациями. А.Ф. Смирдин избрал последнее, взяв на себя все дела и книжный магазин Плавильщикова, находившийся у Синего моста»²².

Т. Гриц²³ склоняется к мысли, что события развивались по второму сценарию. С ним соглашается Л.С. Кишкин²⁴, хотя и признает, что первая версия «была порождена какими-то конкретными событиями, связанными с переходом книжного дела Плавильщикова к Смирдину»²⁵. Можно предположить, что здесь кроются причины, по которым в биографической литературе Смирдин неизменно предстает в роли простодушного добряка-мецената.

* * *

Тридцатые годы XIX в. в истории русской литературы и журналистики В.Г. Белинский назвал «смирдинским периодом»²⁶. Этот период характеризуется проникновением денежных отношений в литературу и журналистику. Отношение к процессу коммерциализации журналистики было различным.

«Итак, если книга – товар, то выходит, что фабрикант такого товара – литератор, потребитель его – публика, а мы, книгопродавцы, – продаватели его, торгаши литературным товаром», – писал Н.А. Полевой²⁷.

С одной стороны, литература стала восприниматься как товар, который можно продавать и покупать. Ранее, в период «меценатской литературы», подобного отношения не было – литературные произведения воспринимались как образцы искусства, могущие принести славу, расположение, но не постоянный, стабильный доход.

С другой стороны, оплата журналистского и писательского труда способствовала не только появлению профессионалов в этой области. «Будем радоваться от искреннего сердца и тому, что теперь талант и трудолюбие дают (хотя и не всем) честный кусок

хлеба», – писал Белинский в статье «О критике и литературных мнениях»²⁸. Но вместе с тем для многих издателей и авторов гонорар становится средством обогащения, они пишут и печатают, думая не о развитии просвещения, а о личной выгоде.

С этих двух точек зрения и следует рассматривать «Библиотеку для чтения». Коммерчески «Библиотека для чтения» не знала конкурентов – доход, который получали Смирдин, ее издатель, и Сенковский, ее редактор, был огромен. Стоит отметить, что прибыль, которую приносил журнал, во многом была заслугой подписчиков из провинции.

«Библиотека для чтения» была создана как универсальное издание, ежемесячный «журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод»²⁹. Каждая его книжка включала 25–30 печатных листов. Выходил журнал с исключительной точностью – первого числа каждого месяца. Уже во второй год издания «Библиотека для чтения» насчитывала 5000 подписчиков, через два года их число увеличилось до 7000.

Большой тираж позволил Смирдину установить сравнительно невысокую ежегодную подписную плату – 50 руб.

«Мы всегда считали учреждение такого журнала, как “Библиотека”, соединяющего в себе значительное число талантов, свободного от туманных учений и совершенно положительного, единственным средством утвердить в публике колеблющийся путь к русскому чтению, – вкус, которому после нескольких творений слишком долго досаждали и который, наконец, было ослабили убийственная посредственность и в особенности прежний дух нашей журналистики, зараженной желчью бесполезной и часто заносчивой полемики, при решительном небрежении условий занимательности и хорошего выбора предметов», – утверждал свою программу журнал³⁰.

«Библиотека для чтения», как и «Северная пчела», ориентировалась на «среднего» читателя – городских и провинциальных чиновников, мещан, младших офицеров. Но главную поддержку журналу Смирдина оказывали провинциальные помещики, их интересам прежде всего и служил журнал. В статье «Ничто о ничем» Белинский определил «Библиотеку для чтения» как «по преимуществу журнал провинциальный»³¹ и заметил, что «в этом отношении невозможно не удивляться той ловкости, тому искусству, с какими он приноруется и подделывается к провинции»³².

Книжки «Библиотеки для чтения» имели постоянные отделы: «Русская словесность. Стихотворения. Проза», «Иностранная

словесность», «Науки и художества», «Промышленность и сельское хозяйство», «Критика», «Литературная летопись», «Смесь». В номер включались также описания модных парижских нарядов, с приложенными иллюстрациями. Это сразу привлекло внимание женщин.

Если среди широкой публики журнал получил шумное одобрение, то многие видные русские литераторы, в большинстве своем позже сотрудничавшие с «Современником», «Библиотеку для чтения» резко осуждали. «Представьте себе семейство степного помещика, семейство, читающее все, что ему попадает, с обложки до обложки; еще не успело оно дочитать до последней обложки, еще не успело перечесть, где принимается подписка и оглавление статей, составляющих содержание номера, а уж к нему летит другая книжка, и такая же толстая, такая же жирная, такая же болтливая, словоохотливая, говорящая вдруг одним и несколькими языками. И в самом деле, какое разнообразие!»³³ – рассуждал Белинский. «Под ногами у тебя валяется толстый дурак, т. е. первый номер Смирдинской “Библиотеки”»³⁴, – писал Гоголь.

Содержание и направление журнала, весь его облик определялись деятельностью редактора-директора Сенковского, который получил от Смирдина неограниченные полномочия.

Широкое неодобрение среди литераторов и журналистов вызывала редакторская манера Сенковского. «Редактор наложил право нестерпимого цензора на все мои статьи, переделывая в них язык по своей методе, переправляя их, прибавляя к ним, убавляя из них, и многое являлось в таком извращенном виде, что, читая “Библиотеку для чтения”, иногда вовсе я не мог отличить, что такое хотел я сказать в той или иной статье»³⁵, – возмущался Н.А. Полевой. Денис Давыдов, один из авторов, покинувший журнал, писал Н.М. Языкову: «Жаль, что по сие время не напечатана еще любимая моя статья “Воспоминания о сражении при Прейсиш-Эйлау”, которую я решаюсь вам рекомендовать, она вас утешит, если только ее не исковеркает Сенковский, как он уже исковеркал все вышедшие статьи мои...»³⁶.

Сотрудничество Смирдина и Сенковского – это история развития журнала «Библиотека для чтения». Смирдин издавал журнал – финансировал его издание, Сенковский был главным редактором – лицом, контролирующим то, что должно появиться или не появиться в журнале.

Роли издателя и главного редактора в XVIII в. крайне отличались от того, что мы можем наблюдать сейчас, как уже

упоминалось выше. Несмотря на то, что А.Ф. Смирдин оплачивал издание журнала и выплачивал зарплату журналистам и собственно Сенковскому, никакого контроля над «Библиотекой для чтения» он не имел. Проще говоря, А.Ф. Смирдин не использовал журнал для своих личных целей, исключая, конечно, рекламу. Смирдин довольствовался доходом, который приносил журнал, не вникая в идеологическое содержание – возможно, даже не потому, что не интересовался им. Просто, по утверждениям современников, был он плохо образован и не всегда мог отличить талантливое произведение от «пустышки»³⁷.

Отношения между А.Ф. Смирдиным и Сенковским были исключительно коммерческими, без малейшего дружеского расположения. В.А. Каверин в своей работе «Барон Брамбеус» отмечает, что «кроме Сенковского “Библиотека для чтения” имела еще ответственных перед правительством редакторов, в первый год известного грамматиста Н.И. Греча, во второй – Крылова. Но ни тот, ни другой никакого участия в деле не принимали»³⁸.

В августе 1836 г. в «Библиотеке для чтения» появилось следующее извещение: «Для отклонения неуместных догадок и толков считаем нужным сказать откровенно, что с самого начала существования этого журнала, как то почти всем известно, настоящим его редактором был всегда сам директор и общий с издателем владелец его, О.И. Сенковский, и что никто в свете, кроме г-на Сенковского, не имел ни малейшего влияния на состав и содержание “Библиотеки для чтения”. Все ее недостатки, равно как и все достоинства, если какие были, должны быть приписаны ему одному. Те, которые носили звание редакторов “Библиотеки для чтения”, слишком невинны в ее недостатках, чтобы отвечать за них перед публикой, и слишком благородны, чтобы требовать для себя похвалы за достоинства, в которых они не имели никакого участия. <...> О.И. Сенковский, убедясь двухлетним опытом, что этого рода содействие посторонних редакторов нисколько не облегчало его в мучительных трудах директора, по согласию с издателем решился соединить с званием директора “Библиотеки для чтения” звание ее редактора, которого по-настоящему он нес все главные обязанности. Вот и все!»³⁹

При таком положении дел, когда издатель не контролирует свое издание, почти всегда неизбежен обман. О.И. Сенковский, судя по свидетельствам очевидцев, обманывал А.Ф. Смирдина, причем последний страдал не только от потери денег, но и от

потери репутации. Так, П.А. Плетнев в письме к Я.К. Гроту замечает, что Смирдина «доконал Сенковский»⁴⁰. Репутацию терял, конечно, журнал «Библиотека для чтения», а не непосредственно сам книгоиздатель, но и этого было достаточно для того, чтобы породить сомнения в том, таким ли на самом деле был удачливым и хватким дельцом А.Ф. Смирдин.

«В рецензиях принято было печатать отрывки из произведений рецензируемых авторов. <...> Сенковский таким манером перепечатывал в «Библиотеку для чтения» иногда целые книги, а статьи сплошь и рядом. Но всего забавнее, что и за эти перепечатки чужого добра Сенковский брал с благодушного Смирдина, вверившегося в него, словно в евангелие, крупную полистную плату...»⁴¹.

Но нельзя недооценивать и А.Ф. Смирдина. Можно проследить несколько основных принципов, с которыми он подходил к книгоиздательскому делу. Они не так уж сильно отличаются от современных – ведь именно тогда зарождалось коммерческое книгоиздательство. Один из этих принципов – расчет на «среднего» читателя, не обремененного дворянским воспитанием и образованием, на разночинцев, торговых людей, зажиточные провинциальные семьи: «Это был не просто журнал – это было открытие читателя. Расчет на “большинство”, о котором писал Белинский (“Ничто о ничем”), оказался правильным расчетом. Первым же номером была открыта провинциальная Америка – завоеван провинциальный читатель. Способ, которым он был привлечен к журналу, был совершенно новым и для русской и для западноевропейской литературы. В “Библиотеке для чтения” было решительно все – товар для всех профессий и на все вкусы. А.В. Дружинин недаром называл впоследствии Сенковского основателем энциклопедического направления, “которого до сих пор держатся все наши лучшие журналы... за стихотворением шла статья о сельском хозяйстве, и за новой повестью Мишель-Масона следовал отчет о каких-нибудь открытиях по химии»⁴².

Здесь не всегда требовалось качество, которое было необходимым условием в «Современнике», зато приветствовалось острословие, некоторая развязность.

Если исходить из этого, А.Ф. Смирдин не мог выбрать себе лучшего главного редактора: «Для меня нет образцов в словесности, все образец, что превосходно. В нынешнем состоянии литературных учений, когда страшный умственный переворот превратил в кинжал даже тот аршин, которым люди так удоб-

но мерили изящные красоты, подобно атласным лентам, я не вижу возможности другого критического мерила. <...> Вкус – это прихоть беременной женщины, которая есть общество. Следственно, по прочтении критики и спорить не об чем: одно средство – изъять, независимо от обнаруженного уже мнения, другое, различное мнение с таким же чистосердечием, но без опровержений, ибо опровергать чужие ощущения ровно столько же смешно, сколько неудобноисполнимо»⁴³.

Фигура О.И. Сенковского полностью заслоняет А.Ф. Смирдина. В мемуарах современников книгоиздатель упоминается лишь мельком, когда речь заходит о финансировании, которое Смирдин предоставил журналу.

Вот что отмечает А.В. Никитенко, которому по просьбе редакции было поручено цензуровать журнал: «С этим журналом мне много забот. Правительство смотрит на него во все глаза... а редакция так и рвется вперед со своими нападками на всех и на все. Сверх того, наши почтенные литераторы взбеленились, что Смирдин платит Сенковскому 15 тысяч в год. Каждому из них хочется свернуть шею Сенковскому, и вот я уже слышу восклицания: “Как это можно? Поляку позволили направлять общественный дух! Да он революционер! Чуть ли не он с Лелевелем и произвели польский бунт”. Сам Сенковский доставляет много хлопот своей настойчивостью. У меня с ним частые столкновения...»⁴⁴.

«Смирдинская эпоха» – эпоха коммерции, и коммерции в журналистике в особенности. Как ни сомнительно содержание «Библиотеки для чтения», доход журнал приносил несомненный. О.И. Сенковский, таким образом, выполнял функции, возложенные на него А.Ф. Смирдиным, полностью. Портрет слабого, недалекого книгоиздателя-крестьянина – по большей части миф, созданный современной научной мыслью.

* * *

30-е годы – время расцвета дела Смирдина. Он издавал А.С. Пушкина, И.А. Крылова⁴⁵, В.А. Жуковского, И.И. Козлова. У Смирдина выходили книги Е.А. Баратынского (1834), Н.В. Гоголя (1831–1832), Д.В. Давыдова (1840). Устанавливаются коммерческие отношения между автором и издателем. В эпоху Смирдина, отмеченную у Грица как «товарный период русской литературы»⁴⁶, авторам стали выплачиваться значительные гонорары; появились писатели-профессионалы, т. е.

люди, зарабатывающие на жизнь пером. Гонорары начали выплачиваться не только писателям, но и журналистам: «Плата за статьи назначается по 200 рублей за лист оригинальный и по 75 рублей за перевод. Эту плату сотрудники получают от Смирдина немедленно по напечатании их статей»⁴⁷.

Другой реформой Смирдина было значительное снижение цен на книгу. «Он издал сочинения Державина, Батюшкова, Жуковского, Карамзина, Крылова – так, как они в типографском отношении никогда прежде того не были изданы, т. е. опрятно, даже красиво, и, что важнее – пустил их в продажу по цене, доступной и для небогатых людей. В последнем отношении заслуга г. Смирдина особенно велика: до него книги продавались страшно дорого и поэтому были доступны большей частью только тем людям, которые всего менее читают и покупают книги. Благодаря г. Смирдину приобретение книг более или менее сделалось доступным и тому классу людей, которые наиболее читают и, следовательно, наиболее нуждаются в книгах»⁴⁸.

В 1828 г. Смирдин издает «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина» и прибавления к ней (1828, 1832)⁴⁹. Описание книг в смирдинской «Росписи...» было осуществлено не по «немецкой» системе (по определяющему «ударному» слову с изменением заглавия), как ранее делалось в «Росписях...» у Сопикова и Плавильщикова, а по фактическому названию издания, причем с более подробной его характеристикой. Также к «Росписи» прилагался вспомогательный справочный аппарат – указатели (систематический по роду знаний, алфавитный авторский и алфавитный по названиям книг). «Роспись» служила своеобразным каталогом книг, находящихся в библиотеке А.Ф. Смирдина⁵⁰.

Плата, взимавшаяся за пользование библиотечными книгами, была очень невелика и позволяла почти всем желающим читать понравившиеся книги.

Ко времени выхода «Росписи» и двух прибавлений к ней Смирдин постепенно становится ведущим лицом в русской книжной торговле и книгоиздательском деле. В декабре 1831 г. из скромного помещения в доме у Синего моста, где находились книжная лавка и библиотека, он перебирается на Невский проспект в роскошно отделанный магазин в бельэтаже дома Петропавловской лютеранской церкви. На втором этаже была размещена библиотека. За снятое помещение Смирдин платил очень высокую по тем временам арендную плату – 12 тыс. рублей в год⁵¹.

Переезд Смирдина стал событием крупным и почти скандальным. П.А. Вяземский (письмо И.И. Дмитриеву): «На первый случай рекомендую Вам новую книжную лавку Смирдина, первую европейскую лавку с русскими книгами. В ней не темно, не сыро и не грязно: говорю не в литературном отношении. Везде красное дерево, бронза, все так нарядно. Все так блестит, что русским книгам должно быть совестно тут»⁵².

19 февраля 1832 г. в помещении своей новой коммерческой библиотеки Смирдин устроил торжественный обед по случаю новоселья. В нем приняли участие несколько десятков человек, в том числе А.С. Пушкин, И.А. Крылов, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, Н.В. Гоголь, В.Ф. Одоевский, Д.И. Языков, А.Ф. Воейков, О.И. Сенковский, Н.И. Греч, Ф.В. Булгарин, А.П. Брюллов. Приглашение на обед писателей, многие из которых открыто враждовали между собой, имело целью, по одной версии, их примирение, по другой, наиболее вероятной, привлечение к сотрудничеству, в частности, к участию в уже тогда задуманном Смирдиным толстом журнале, которому предшествовали две книги альманаха «Новоселье» (часть 1 – 1833 г., часть 2 – 1834 г.).

После того как сборник «Новоселье» увидел свет, Смирдин, по своему обыкновению, дал обширную рекламу в свои издания: «А.Ф. Смирдин, снискавший уважение всех благомыслящих литераторов честностью в делах и благородным стремлением к успехам литературы, приобретший доверенность и любовь публики богатыми и дешевыми изданиями сочинений любимых авторов, старых и новых, и точностью в исполнении своих обязанностей, захотел дать приличный приют русскому уму и основал книжный магазин, какого еще не было в России. Лет около пятидесяти перед сим для русских книг даже не было лавок. Книги хранились в подвалах и продавались на столах, как товар из ветошного ряда. Деятельность и ум незабвенного в летописях русского просвещения Новикова дали другое направление книжной торговле, и книжные лавки основались в Москве и Петербурге по образцу обыкновенных лавок. Покойный Плавильщиков завел наконец теплый магазин и библиотеку для чтения, и И.В. Сленин, последовав примеру Плавильщикова, основал также магазин в той части города, где долгое время подле модных тряпок русские товары не смели появляться в магазинах. Наконец, г. Смирдин утвердил торжество русского ума и, как говорится, посадил его в первый угол: на Невском проспекте в прекрасном новом здании, принадлежащем люте-

ранской церкви Св. Петра, в нижнем жилье находится книжная торговля г. Смирдина. Русские книги в богатых переплетах стоят горделиво за стеклом в шкафах красного дерева, и вежливые приказчики, руководствуя покупающих своими библиографическими сведениями, удовлетворяют потребность каждого с необыкновенною скоростью. Сердце утешается при мысли, что наконец и русская наша литература вошла в честь и из подвалов переселилась в чертоги. В верхнем жилье, над магазином, в обширных залах устраивается библиотека для чтения, первая в России по богатству и полноте. Все напечатанное по-русски находится у г. Смирдина, все, что вперед будет напечатано достойного внимания, без всякого сомнения, будет у г. Смирдина прежде, нежели у других, или вместе с другими. Там же принимается подписка на все журналы»⁵³.

* * *

Книгоиздательское дело Смирдина пришло в упадок в начале 40-х годов. Т. Гриц связывает крах Смирдина с возросшей конкуренцией и нестабильной экономической ситуацией⁵⁴. Также многочисленны упоминания об излишней доверчивости и наивности Смирдина. А.В. Никитенко пишет: «Смирдин истинно добрый и честный человек, но он не образован и, что всего хуже для него, не имеет характера. Наши литераторы владеют его карманом как арендою. Он может разориться по их милости. Это было бы настоящим несчастьем для нашей литературы! Вряд ли ей дожидаться другого такого бескорыстного и простодушного издателя. Я не раз предостерегал его. Но есть рок, от которого нельзя защититься – это наша собственная слабость»⁵⁵.

Возможно, способствовали разорению Смирдина печатавшиеся у него Сенковский, Греч и Булгарин. П.В. Анненков, П.Д. Юркевич, А.В. Никитенко упоминают о неоднократных обманных операциях с их стороны, приносивших книгоиздателю убытки. Например, в конце 30-х годов Смирдин решил арендовать у Греча и Булгарина «Северную пчелу», надеясь, что газета увеличит тираж и принесет доход. Греч и Булгарин согласились на предложение Смирдина, получив с него 60 тысяч и оговорив свое право браковать любые статьи в ней. В середине января 1838 г. после выхода 5-го номера газеты бывшие владельцы расторгли договор, что принесло Смирдину крупные денежные потери⁵⁶.

Крупный ущерб, поставивший Смирдина на грань разорения, принесла книгоиздателю конкурентная борьба с известным

петербургским издателем А.А. Плюшаром. Для издания «Энциклопедического лексикона» Плюшар под поручительство Смирдина взял в банке большую ссуду. Дело не принесло успеха, и Плюшар обанкротился, а Смирдину как поручителю пришлось выплатить банку 100 тыс. руб.

Для того чтобы поправить свое положение, Смирдин входит в большие долги, под невыгодные для себя проценты берет ссуды везде, где может. Это не приносит успеха. «В начале 40-х годов дела его стали быстро падать, не помогли ему и московские поездки, и помощь от правительства, и издание в его пользу в 1841–1843 гг. сборника “Русской беседы” в 3 томах; он занимал деньги всюду и под залоги товара, и под векселя, но дела все-таки падали»⁵⁷.

В 1841 г. Смирдин отказывается от издания «Библиотеки для чтения». Попытка распродажи хранившихся на складах книг также не дала видимого результата. Смирдин был вынужден заложить свои книги, сначала за 70 тыс. архитектору Императорской академии наук Д.Е. Филиппову, затем под большие проценты бывшему курьеру министерства финансов М.Д. Ольхину.

В 1843 и 1844 гг. Смирдин организывает книжные лотереи. Они принесли около 150 тыс. руб., но все эти деньги почти полностью ушли на покрытие долгов. Дела книгоиздателя стремительно ухудшались. Пришлось продать свой дом на Лиговке, типографию и переплетную. В 1845 г. он отказывается от аренды дорогого помещения на Невском проспекте и открывает более скромную лавку в доме Энгельгардта у Казанского моста. Она просуществовала около двух лет, навсегда закрывшись в 1846 г. В это время выходит третий том альманаха «Сто русских литераторов», не имевший коммерческого успеха. Последним героическим усилием спасти свое издательское дело становится издание дешевой (рубль за том) серии «Полное собрание сочинений русских авторов». Тогда же, впервые за всю историю русской книжной торговли, Смирдин организует «Контору издания русских классиков и высылки их иногородним». В 1847 г., так и не издав третьего дополнения к своей «Росписи...», Смирдин продает библиотеку.

«Ваше превосходительство Милостивый государь Николай Иванович! Умоляю вас потерпеть на мне следующие вам деньги двести рублей, еще один месяц, с благодарностью оные будут вам возвращены, ныне же имею крайнюю нужду и никаких средств не имею возвратить вам оных. Надеюсь на ваше снисхождение,

остаюсь вашим, Милостивый государь, всепокорнейшим слугою А. Смирдин»⁵⁸, – письмо к Н.И. Гречу в июле 1851 г. свидетельствует о трудном денежном положении книгоиздателя.

С 1846 по 1856 гг., не имея никаких средств, с долгами, превышавшими 500 тыс. руб., Смирдин все же продолжает издавать «Полное собрание сочинений русских авторов». Выходит из печати свыше 70 томов. На исходе 1851 г. Смирдин, еще надеясь поправить положение, испрашивает у правительства субсидию на проведение третьей книжной лотереи: «К этой мере понуждают меня приступить не столько мои преклонные лета, сколько болезненное мое положение после многолетней борьбы с неудачами, среди которых я заботился сохранить честное имя и поддерживать многочисленное семейство из последних сил...»⁵⁹. На свое прошение Смирдин получил отказ.

В конце 1851 г., впрочем, он и вся его семья были причислены к почетным потомственным гражданам, только денег на получение из геральдии грамоты о почетном гражданстве у книгоиздателя уже не было. В письме к С.Д. Полторацкому от 26 сентября 1851 г. Смирдин писал, что за грамоту о почетном гражданстве надо внести 330 руб. серебром и что ему не хватает 95 руб. Поэтому он просил Полторацкого одолжить ему 50 руб⁶⁰.

Последние изданные книги Смирдина (2 тома произведений И.И. Козлова и том сочинений Д.В. Веневитинова и В.Л. Пушкина) вышли в 1855 г. «Смирдин, честный, добрый, готовый на все хорошее.... Не имел почти никакого капитала в своей торговле, развел огромные дела на кредит, и от первого удара мог пошатнуться»⁶¹, – писал К.А. Полевой. Так и произошло. По утверждению «Библиотеки для чтения», на Смирдине «лежали огромные долги, большей частью от его излишней доверчивости и от обмана людей неблагонамеренных»⁶².

А в октябре 1856 г. Смирдин был объявлен несостоятельным должником, после чего до дня своей смерти 28 сентября 1857 г. жил в полной нищете.

«На похоронах присутствовало очень мало литераторов. Восемь-девять человек, во много раз меньше, чем на его новоселье... Но где были в час погребения Смирдина те писатели, которые обязаны ему так много? Почему не явились все, находящиеся теперь в Петербурге, литераторы?.. Неужели можно быть равнодушным к человеку, памятного множеством пользы, принесенной им русской литературе, русскому просвещению...?», – писал позднее К.А. Полевой⁶³.

Так формировался миф о плохо образованном, но удачливом книготорговце, павшем жертвой обмана и интриг со стороны приближенных к нему людей. Несколько мемуарных записей друзей, точка зрения Белинского, в советской научной мысли принимаемая за аксиому, – и образ одного из первых «бизнесменов», жестких, чувствующих потребности общества и времени на российском журналистском рынке, превратился в портрет страдальца-мецената, раздавшего миллионное состояние не достойным его доброты людям.

Примечания

- ¹ Похороны книгопродавца Александра Филипповича Смирдина // Русский инвалид. 1857. № 203. С. 841.
- ² Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет: 1782–1882. СПб., 1883. С. 206.
- ³ *Полевой К.А.* Записки. СПб., 1888. С. 207.
- ⁴ *Кишкин Л.С.* Честный, добрый, простодушный... М., 1995. С. 111.
- ⁵ Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. Издание петербургских книгопродавцев на пользу семейства А.Ф. Смирдина и на сооружение ему памятника. СПб., 1858–1859. Т. 1. С. 1.
- ⁶ Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. С. 51.
- ⁷ *Кишкин Л.С.* Указ. соч. С. 110.
- ⁸ *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и торговля. М., 2001. С. 46.
- ⁹ Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. 1782–1882. СПб., 1883. С. 51–52.
- ¹⁰ Там же. С. 52.
- ¹¹ *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Указ. соч. С. 179.
- ¹² *Кишкин Л.С.* Указ. соч. С. 11.
- ¹³ Там же. С. 12.
- ¹⁴ Умная, благонамеренная деятельность // Университетская книга. М., 2005. № 2. С. 14.
- ¹⁵ *Смирнов-Сокольский Н.* Книжная лавка А.Ф. Смирдина. М., 1957. С. 42.
- ¹⁶ *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Указ. соч. С. 16; *Кишкин Л.С.* Указ. соч. С. 111.
- ¹⁷ Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова / Сост. В.Г. Анастасевич. СПб., 1820.
- ¹⁸ *Кишкин Л.С.* Указ. соч. С. 13.
- ¹⁹ *Смирнов-Сокольский Н.* Указ. соч. С. 45.
- ²⁰ Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. С. 52.

- ²¹ Похороны книгопродавца Александра Филипповича Смирдина. С. 841.
- ²² Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. С. 52–53.
- ²³ *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Указ. соч. С. 180.
- ²⁴ *Кишкин Л.С.* Указ. соч. С. 111.
- ²⁵ Там же. С. 112.
- ²⁶ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959. Т. 9. С. 115.
- ²⁷ *Полевой Н.А.* Отрывок из заметок русского книгопродавца его сыну // Новоселье. СПб., 1846. Ч. 3. С. 498–499.
- ²⁸ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 140.
- ²⁹ *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Указ. соч. С. 243.
- ³⁰ Библиотека для чтения. 1835. Т. 11. Отд. 5. С. 31–33.
- ³¹ *Белинский В.Г.* Ничто о ничем // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. 1953. Т. 2. С. 43.
- ³² Там же. С. 45.
- ³³ Там же. С. 44.
- ³⁴ *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Указ. соч. С. 264
- ³⁵ *Полевой Н.А.* Очерки русской литературы. СПб., 1839. С. 16.
- ³⁶ Письмо Дениса Давыдова к Н.М. Языкову // Библиографические записки. 1858. № 7. С. 195.
- ³⁷ Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. С. 52.
- ³⁸ *Каверин В.А.* Барон Брамбеус. М., 2000. С. 107.
- ³⁹ Библиотека для чтения. 1836. Т. 3. С. 26–27.
- ⁴⁰ Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 422.
- ⁴¹ Русский вестник. 1871. Т. 10. С. 634.
- ⁴² *Каверин В.А.* Указ. соч. С. 128.
- ⁴³ Библиотека для чтения. 1837. Т. 22. Отд. 2. С. 50.
- ⁴⁴ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. М., 1955. С. 44–45.
- ⁴⁵ *Смирнов-Сокольский Н.* Указ. соч. С. 79. В 1830 г. Смирдин приобрел у Крылова право издавать его «Басни» сроком на 10 лет, заплатив писателю 40 000 тыс. руб.; пользуясь этим правом, он напечатал басни Крылова в пределах оговоренного срока 8 раз, общим тиражом 40 тыс. экз.
- ⁴⁶ *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Указ. соч. С. 120.
- ⁴⁷ *Никитенко А.В.* Записки и дневники (1826–1877). СПб., 1892. Т. 1. С. 47.
- ⁴⁸ *Белинский В.Г.* Сто русских литераторов // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 207.
- ⁴⁹ Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная. СПб., 1828.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ *Панаева А.Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 216–217.
- ⁵² Письма И.И. Дмитриева к князю П.А. Вяземскому. СПб., 1832. С. 28.
- ⁵³ Северная пчела. 1831. № 25. С. 286.

Е.Ю. Зайцева

⁵⁴ *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Указ. соч. С. 278.

⁵⁵ *Никитенко А.В.* Записки и дневники. (1826–1877). СПб., 1892. С. 240.

⁵⁶ *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Указ. соч. С. 279.

⁵⁷ *Овсянников Н.Г.* Воспоминания старого книгопродавца: Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879. С. 208.

⁵⁸ Рукописный отдел Института Русской литературы (ИРЛИ). Ф. 590. Ед. хр. 137. Л. 8.

⁵⁹ *Толстяков А.П.* О неосуществленной книжной лотерее А.Ф. Смирдина. С. 179–184.

⁶⁰ *Кишкин Л.С.* Указ. соч. С. 121.

⁶¹ *Полевой К.А.* Записки. С. 371–372.

⁶² Библиотека для чтения. 1857. Т. 146. С. 253.

⁶³ *Полевой К.А.* Воспоминания об А.Ф. Смирдине // Северная пчела. 1857. № 210. С. 991–992.

Н.А. ПОЛЕВОЙ И О.И. СЕНКОВСКИЙ: О ЧЕМ МОЛЧАТ ИСТОРИКИ?

Имя Николая Алексеевича Полевого (1796–1846) всплывает в памяти, прежде всего, при упоминании знаменитого когда-то «Московского телеграфа». О деятельности журналиста после закрытия этого издания в 1834 г. говорится крайне мало, хотя тема вполне достойна внимания историков. Как очутился поборник справедливости и борец едва ли не за революционные идеалы (каким он остался в истории благодаря авторам советских монографий) во «враждебном стане» реакционной журналистики? Как Полевой оказался вовлечен в так называемый триумvirат, который составляли О.И. Сенковский, Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч? Литературы, посвященной этой теме, крайне мало. Интересна, с данной точки зрения, монография В.А. Каверина «Барон Брамбеус», написанная еще в 1929 г. Впрочем, Полевой не являлся центральной фигурой этого исследования, а потому упоминался там вскользь.

В «Библиотеке для чтения» Н.А. Полевой начал работать с 1836 г. К тому времени он был уже широко известным журналистом.

С 1825 по 1834 гг. Н.А. Полевой издавал журнал «литературы, критики и художества» «Московский телеграф», ставший главным делом его жизни. Более того, это издание действительно сыграло важнейшую роль в развитии русской культуры. Это был первый русский энциклопедический журнал, по образцу которого позднее издавались «Библиотека для чтения» О.И. Сенковского, «Отечественные записки» А.А. Краевского, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, а также «Современник». Стремясь «знакомить со всем интересным» в России и на Западе, Полевой распределил материалы журнала по разделам: «Наука и искусство», «Словесность», «Библиография и критика», «Известия» и «Смесь». «Московский телеграф» был первым русским энциклопедическим журналом, образовавшим «новое

направление в словесности и критике», определив тем самым новое назначение журнала в «деле литературы»¹. «Успех Полевого, – писал В.Г. Белинский, – был неимоверный, потому что его усилия требовались духом времени»².

Издатель «Московского телеграфа» действительно был человеком передовых взглядов и обладал высоким художественным вкусом. Он в числе первых провозгласил Пушкина гением. В обширной статье, посвященной Державину, критик впервые дал значимую характеристику этого поэта. В статьях о Ломоносове, Кантемире и Хемницере Полевой рассматривал их произведения с точки зрения искренности и цельности, что также было ново для критической статьи.

Полевой придавал особое значение отделу критики, заметив впоследствии: «Никто не оспорит у меня чести, что первый я сделал из критики постоянную часть журнала русского, первый собрал критику на все важнейшие современные предметы». Он не боялся публично критиковать людей, пользовавшихся большим уважением в обществе. По словам В.Г. Белинского, не было возможности пересчитать все авторитеты, уничтоженные им. Отнести Полевого в разряд «умеренных либералов, не сумевших встать на дорогу открытой борьбы, но отстаивавших народные интересы», историкам во многом помог тот факт, что издатель «Московского телеграфа» долгое время вел острую полемику с «литературной аристократией» (она была представлена такими литераторами и критиками, как В.Ф. Одоевский, Е.А. Баратынский, А.И. Тургенев, С.А. Соболевский и др. из кружка А.С. Пушкина – П.А. Вяземского). Спор вышел из-за критики Полевым «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

В данной дискуссии редактор «Московского телеграфа» отчаянно отстаивал антиаристократические позиции. Он написал в 1829–1833 гг. «Историю русского народа», где заявил, что государственности в России не существовало до царствования Ивана III, и поэтому оправдана антибоярская политика «централизаторов» Ивана Грозного и Бориса Годунова. Подобные мнения звучали в его фельетонах и талантливых статьях, опубликованных в «Московском телеграфе».

Происходивший из купцов, Полевой активно защищал права своего сословия, однако – и это очень важно учитывать – он всегда оставался убежденным монархистом. Талантливый публицист, он неоднократно писал о том, что необходимо предоставить промышленникам больше свободы и создать все

условия для развития частной инициативы, духа соперничества и предприимчивости («Обозрение 1825 г.» – 1826, ч. 7, «Письмо к А.П. О-му о первой публичной выставке российских мануфактурных произведений, бывшей в С.-Петербурге в 1829 году» – 1830, ч. 33; рецензия на «Государственную внешнюю торговлю 1828 г.» – 1830, ч. 34 и др.). Это отнюдь не было противлением режиму, как пытались представить в советские годы исследователи, вырывавшие из контекста его статей высказывания, к примеру, о Французской революции.

1834 г. стал очень важным в истории российской журналистики. После выхода критического отзыва Полевого об исторической драме Н.В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла» журнал «Московский телеграф» перестал выходить. В том же году, 1 января, увидела свет смирдинская «Библиотека для чтения». В то время, как Н.А. Полевой, отец семерых детей, фактически остался без средств к существованию, новый журнал собирал все новых подписчиков и процветал.

Следует отметить, что в свое время, работая над созданием «Московского телеграфа», Полевой не только очертил тематику издания, но и угадал очевидную теперь тенденцию тех лет: в 1830-х годах альманахи постепенно вытеснялись журналами, которые часто заменяли читателю книгу. «Для альманаха типична фрагментарная конструкция: материал складывался из отрывков, которые, однако, связывало определенное литературное направление»³. Журнал же (особенно энциклопедический) мог поразить живостью и многообразием. Однако и журналы исчезали, не успев появиться на свет. «Тридцатый, холерный год, – писал В.Г. Белинский, – был для нашей литературы истинным черным годом... Журналы все умерли, как будто бы от какого-нибудь апоплексического удара или действительно от холеры-морбус»⁴. В 1830 г. правительство закрыло журнал «Московский вестник».

Однако периодические издания умирали не только потому, что их закрывало правительство. Они не могли привлечь подписчиков, не были коммерчески успешными. Редакторы и издатели не могли найти универсальную форму журнала, сделать так, чтобы они отвечали запросам современного читателя («Колокольчик», «Северная Минерва», «Гирлянда» и т. д.).

Журнал «Библиотека для чтения», полновластно редактировавшийся Сенковским, сразу выделился из ряда конкурентов (среди них были, прежде всего, «Северная пчела» Ф.В. Булгарина и «Сын Отечества» Н.И. Греча).

С самого начала «Библиотека для чтения» должна была охватить совершенно разные стороны жизни. Во-первых, как объявил Смирдин, в издании участвовали самые видные поэты и писатели того времени: А.С. Пушкин, В.Ф. Одоевский, П.А. Плетнев, П.А. Вяземский, А.А. Бестужев-Марлинский и др.; во-вторых, издание было действительно энциклопедичным по охвату актуальной для того времени тематики. Мысль Сенковского умело лавировала в интересах читающей публики и всегда поставляла что-нибудь новое и интересное. «Библиотека для чтения» ориентировалась на «среднего» читателя: на чиновников, мещан, младших офицеров. Но главную поддержку журналу Смирдина оказывали провинциальные помещики, их интересам, прежде всего, и служил журнал.

Номинальным редактором журнала («с условием не вмешиваться ни во что») стал Н.И. Греч (на этот факт Сенковский, скромно умалчивая о своих заслугах, дает указание во втором томе за 1834 г.). «Уже во второй год издания «Библиотека для чтения» насчитывала 5000 подписчиков, через два года их число увеличилось до 7000. Большой тираж позволил Смирдину установить сравнительно невысокую подписную плату за год – 50 рублей»⁵.

Во всех без исключения томах «Библиотеки для чтения» наличествуют семь разделов: «Русская словесность», «Иностранная словесность», «Науки и художества», «Промышленность и сельское хозяйство», «Критика», «Литературная летопись» и «Смесь». Как дополнение шел подраздел «Моды» – с описанием различных нарядов, чаще женских, но иногда и мужских; прилагались цветные картинки с нарядами. Сенковский очень гордился тем, что ни вид, ни концепция журнала никогда не менялись. Он очень верно угадал чаяния публики, дав ей все, чего она желала: мужчинам – трактаты о хозяйстве, дамам – романы, провинциальному обществу – шутки и остроты, замечательно разбавлявшие скуку повседневности. Однако к тому времени, как в «Библиотеку для чтения» пришел Полевой, журнал уже отчасти потерял свой блеск (но не популярность!): при солидных тиражах он лишился большинства именитых авторов. В «Русской словесности» блистательный перечень «сильно поредел в 1835 и 1836»⁶. Интересен тот факт, что в эти годы ушли из «Библиотеки для чтения» в первую очередь те авторы, чьи труды печатались в неотредактированном виде. «С сотрудниками Сенковский не церемонился и был настоящим деспотом. Не раз случалось, что он даже не дочитывал рукописей: ему нравилась повесть по

сюжету, он отдираал конец рукописи и дописывал свой. Авторы обижались и имели на это полное основание. Об иностранных сочинениях и говорить нечего. Те всегда представлялись читателю в исправленном и дополненном виде. Выбрав роман или ученое сочинение для перевода на русский язык, Сенковский обыкновенно сокращал его во время самого чтения, вычеркивал растянутые места, писал свои вставки на иностранном языке и только после этого отдавал переводчику. К примеру, чтобы угодить провинциальной публике, любившей счастливые развязки, Сенковский изменил окончание романа Бальзака “Отец Горио”, сделав Растиньяка миллионером⁷.

Но авторы покинули журнал вовсе не потому, что Сенковский превращал их произведения в неузнаваемые опусы, а совсем по другим причинам. Современники отмечали: «Доныне нам известны имена следующих лиц, которые никогда не позволяли и не допускали никаких перемен в статьях, помещенных ими в “Библиотеке для чтения” – Е.А. Боратынский, А.Ф. Воейков, кн. П.А. Вяземский, Д.В. Давыдов, В.И. Даль (Казак Луганский), В.А. Жуковский, И.А. Крылов, А.С. Норов, кн. В.Ф. Одоевский, М.П. Погодин, А.С. Пушкин и С.П. Шевырев»⁸. Именно эти имена исчезли со страниц издания во второй половине 1830-х годов.

Кроме того, во-первых, редактор «Библиотеки для чтения» до неприличия открыто делал акцент на том, что издание приносит коммерческую прибыль и издателям, и авторам. В дворянском сословии считалось, что брать деньги за этот труд стыдно, а работать на рынок – унижительно для писателя. Во-вторых, имя Сенковского постоянно звучало вкупе с именами Греча и Булгарина – довольно непривлекательными персонажами журналистики (что впоследствии дало повод не слишком справедливо говорить о «журнальном триумvirате»). В-третьих, редактор журнала был известным противником романтизма, он высмеивал это важное для многих писателей того периода литературное направление. Наконец, Сенковского постоянно обвиняли в том, что он, поляк, портит русский язык и вкус читающей публики.

Тем не менее, у журнала (во многом благодаря агрессивной редакции) было важное достоинство: он сохранял единый дух и направленность, единый подход к статьям и описанию событий. Сенковский неустанно шутил с читателем, придумывал каламбуры, анекдоты и вставлял их повсюду. Журнал читался быстро, легко и весело.

Работа в этом журнале вряд ли была мечтой Н.А. Полевого. Причем сказывалась не только разница в подходе к освещению тех или иных проблем (тогда как Сенковский всячески высмеивал романтизм, Полевой до конца жизни поддерживал это литературное направление). Если сопоставить факты, получается интересная картина. Не успевает выйти в 1834 г. *энциклопедический журнал* «Библиотека для чтения», как вскоре закрывают другой очень популярный на тот момент *энциклопедический журнал* «Московский телеграф». Причем если последний был закрыт за критику Кукольника, то остроты Сенковского в адрес драмы «Рука Всевышнего Отечество спасла» власти оставляют без внимания. У этих двух изданий хоть и была изначально разная «целевая аудитория» («Библиотека» ориентировалась на провинциального читателя, а «Московский телеграф» – на жителей столиц), однако нельзя не заметить, что Сенковский во многом «учел» опыт Полевого в создании журнала, освещающего разные стороны жизни современников. У Сенковского серьезные материалы (все-таки он был известным ученым-ориенталистом) соседствовали с откровенным паясничанием. Например, интересная статья по этнической истории «Некоторые сомнения касательно истории грузинов» (1838, т. 30) по уровню заметно превосходит явно провокационные статьи, где совершенно бездоказательно «доказывается», что язык «Повести временных лет» – польский и что «Слово о полку Игореве» – подделка Петровского времени.

Полевой имел несколько другие взгляды на журналистику: он никогда не позволял себе подобных выходов – даже если бы это принесло еще тысячу подписчиков. Талантливому журналисту, оставшемуся без средств к существованию и дела всей жизни, приходилось только с грустью смотреть на стремительное восхождение «Библиотеки для чтения», определенно самого яркого представителя «торговой журналистики». По словам В.А. Каверина, «Московский телеграф» был закрыт одновременно с появлением нового читателя, когда «огромные издательские возможности носились в воздухе»⁹.

Следует отметить, что Сенковский, со своей стороны, скорее всего, уважал Н.А. Полевого как публициста и историка. Об этом говорит тот факт, что в самом первом томе «Библиотеки» был опубликован труд последнего под названием «Взгляд на историю России от кончины Иоанна Калиты до кончины Иоанна III (1341–1505)»¹⁰, а в апрельском номере выходит его же «Вступление на престол царя Михаила Феодоровича»¹¹.

Шел 1836 год. Полевой, фактически не имея выбора, соглашается на предложение А.Ф. Смирдина войти в редколлегию знаменитой «Библиотеки для чтения». Бывший редактор «Московского телеграфа» явно делает это без удовольствия и с внутренним сомнением. «С самого начала сего журнала я был решительно не согласен с его целью, планом, воззрением... В 1836 году... А.Ф. Смирдин оказал мне тогда бескорыстную и важную услугу в стесненных обстоятельствах..., требовал участия моего в “Библиотеке для чтения”...»¹².

Смирдин не просто «оказал услугу» человеку, которого уважал. Он надеялся придать «Библиотеке для чтения» изюминку, верил, что участие в журнале столь знаменитого критика компенсирует отказ именитых авторов печататься на страницах этого издания.

Однако, «благодаря» Сенковскому, с самого начала все пошло не так, как было задумано. Полевой пишет: «Редактор наложил право нестерпимого цензора на все мои статьи, переделывал в них язык по своей методе, переплавлял их, прибавлял к ним, убавлял из них, и многое являлось в таком извращенном виде, что, читая “Библиотеку для чтения”, иногда вовсе я не мог отличить, что такое я хотел сказать в той или другой статье»¹³. Позже Полевой отказался от авторства по отношению к своим 750 рецензиям, помещенным в библиографическом отделе журнала. В большинстве своем его тексты выходили без подписи. Поставить свое имя Полевой смог только под несколькими статьями (которые позже были опубликованы им в «Очерках русской литературы»).

Не всегда между Полевым и Сенковским была вражда. В течение их совместной работы были и периоды недолгих перемирий. Однажды редактор «Библиотеки» прислал Полевому просьбу-задание написать о Пушкине.

«...Получил я письмо ваше... Спешу теперь уведомить вас, любезнейший Осип Иванович, что если бы я ненавидел вас, то помирился бы с вами и полюбил от последнего письма. Оно делает честь человечеству, оно прекрасно, оно излилось из сердца... Вы возлагаете на меня тяжелую обязанность – написать о Пушкине... верьте истинному уважению и преданности, с какими есть и пребуду, ваш усердный Полевой»¹⁴.

Однако Сенковский не оставлял своих привычек. Н.А. Полевой писал в 1839 г.: «В статье о Пушкине... редактор вставил целую страницу мнений своих о русском языке, с коими я никак не мог согласиться»¹⁵... В статье об «Истории жизни и путешест-

вий Колумба” редактор вставил *похвалы мне* и брань на русский перевод сей книги господина Бредихина, чего никогда не писал я. Я хотел рассуждать, а меня заставили браниться... Статья начинается... небывалым анекдотом, будто Пушкин разговаривал некогда с Батюшковым о русских стихах. Но Батюшкова с 1817 года не было уже в Петербурге, когда Пушкин был еще учеником в Лицее»¹⁶.

А ведь читателям было известно, кто занимается разделом «Критика», и для Полевого похвалы «самому себе» звучали оскорбительно. Сенковский же, вероятно, был готов смешить публику всеми доступными способами – даже за счет сотрудников. И если Полевой временами бывал поистине смешон, Сенковский уже не слишком церемонился с ним, чувствуя явное недоброжелательное отношение к себе.

Очевидно, что в «Библиотеке для чтения» Полевому не давали высказаться, его мнение не учитывалось. Он пытался вернуть себе статус передового литератора и критика, однако эта цель становилась все более далекой. Полевой не вписывался в формат издания, в котором вынужден был трудиться. Это определило его решение: «С этим несносным Сенковским нельзя иметь дела, – писал Н.А. Полевой брату. – Спешу теперь дописать ему, что следует, на декабрь, и ни за что не соглашусь быть долее его сотрудником. Вокруг него какая-то адская атмосфера, и страшно пахнет серою, хотя он беспрестанно курит лучшие сигарки»¹⁷.

Сенковский мог работать только один. Все сделанное чужими руками переделывалось им заново. Он как бы писал весь журнал – от первой страницы до последней. В результате сегодня почти все тексты Полевого, опубликованные в «Библиотеке», совершенно непригодны для научной работы. На них не опирается ни один современный ученый.

Полевой уходит из «Библиотеки для чтения» и фактически провозглашает себя литературным врагом Сенковского. Он начинает сотрудничать с Булгариным и Гречем. Здесь стоит немного остановиться на так называемом журнальном триумvirате, к которому ученые долгое время единодушно относились: Булгарина, Греча, Сенковского.

Впервые такая точка зрения была сформулирована в 1865 г. А.П. Пятковским («Современник», кн. III). Отнесение этих трех журналистов в один разряд является, скорее, следствием стремления историков подходить к изучению журналистики

XIX в. лишь с идеологической точки зрения. Действительно, «Сын Отечества» и «Северная пчела» стояли на охранительных позициях, а «Библиотека для чтения» никогда не призывала к реформированию существующего режима. Этот факт позволил исследователям отделить три названных издания от других, «прогрессивных».

Однако анализировать отношения Греча, Сенковского и Булгарина необходимо также с точки зрения коммерции. В этом смысле само появление «Библиотеки для чтения» и ее успех заранее определяют негативную реакцию со стороны редакторов «Сына Отечества» и «Северной пчелы», у которых «уводили» реальных и потенциальных читателей. «Борьба шла вокруг изобретения, называвшегося “Библиотека для чтения” и равнявшегося 5000 подписчиков, помноженных на 50 рублей ассигнациями в год. Нужно было или овладеть изобретением, или уничтожить его. Нужно было быть Сенковским..., чтобы не допустить ни того, ни другого»¹⁸.

Ф.В. Булгарин вступил в борьбу за рынок сразу, как только увидел, сколь оглушительным был успех первого номера «Библиотеки для чтения». В «Северной пчеле» (№ 1 за 1834 г.) появляется статья «Энциклопедическая фабрика фантастических изделий», в которой содержится выпад не только против нового журнала, но и против самого ее редактора. Вот некоторые места из нее: «Писать... глупейшее ремесло из самых бестолковых... В этом я уверился, наконец, на нынешних праздниках. Во всех магазинах..., набитых тряпками, не было отбоя от покупателей, а в лавках, где продаются тряпки, превращенные в бумагу, пропитанную мозгом писателей, в этих лавках было пусто, как и в журналах, издаваемых доморощенными гениями, как и во всех гениальных карманах...

Я завожу фабрику и стану выделывать на ней вещи, которые будут облегчать труды человека в его важнейших занятиях – в искательстве и деньгохватании. За успех моей фабрики должно ручаться вам, во-первых, ее иностранное название, которого иной русский спросонья не выговорит, а, во-вторых, иностранные мастера, которых я намерен выписывать с первым пароходом. Все материалы на моей фабрике будут также чужеземные, и хотя некоторые из них уже производятся в России, но я намерен обратиться к источнику... Фабрика моя уже давно в движенье и откроется для публики ровнехонько в 8 час. утра, 1 января сего года...»¹⁹.

Само название «Энциклопедическая фабрика фантастических изделий» явно указывало на «Библиотеку для чтения». Об энциклопедичности журнала говорили многие современники, а «фантастические изделия» были опубликованы Бароном Брамбеусом еще в 1833 г.

Как видно из приведенной цитаты, Булгарин довольно прозрачно намекает на то, что «Библиотека» создана Сенковским как источник дохода, а не с высокой целью радовать публику прекрасными литературными произведениями. Редактор «Северной пчелы» хорошо знал, что для дворянского сословия в те годы журнальный бизнес был делом не совсем приличным, не слишком почетным и даже подозрительным. Убеждение, что между «Северной пчелой» и «Библиотекой для чтения» существовала тесная дружба, исчезает даже от простого перечисления опубликованных в булгаринской газете статей, направленных против журнала Сенковского. Вот некоторые из них: «Путешествие старой русской мухи по столовым кабинетам разных стран и народов» (в первой же главе содержится пространный выпад против Сенковского) – № 227 (1834); «Нечто о рецензиях, помещаемых в Библиотеке для чтения» (они, конечно же, бессмысленные и пустые) – № 229 (1834); «Настоящий момент и дух нашей литературы» (Булгарин упрекает Сенковского за полонизм и высказывает мнение, что если человек не был русским ребенком, то не сможет стать оригинальным русским писателем) – № 12 (1836) и т. д. В 1837 г. «Северная пчела» почти ничего не поместила против «Библиотеки для чтения», а в 1838 г. жалит конкурентку из номера в номер.

В 1835 г. к атаке Булгарина присоединяется и Греч. Напомню, с самого начала он был номинальным редактором «Библиотеки для чтения». Сенковский во втором томе (1834) даже намеренно указывает, что он сам выступает лишь как сотрудник и автор материалов для журнала, но не как редактор. Однако в «Библиотеке» реальной власти у Греча не было. На сегодняшний день неизвестны подлинные причины того, почему так случилось, однако можно предположить, что Сенковский просто сумел ловко оттеснить его.

Когда Греч стал участвовать в войне Булгарина против «Библиотеки для чтения», Сенковский практически сразу нашел способ нанести ответный удар. В 1835 г. в 8-м томе «Библиотеки для чтения» появляется известная «Резолюция на челобитную сего, онаго, такового, коего, вышеупомянутого» за авторством Барона

Брамбеуса. Сенковский высказывает негативное отношение к подобным словам (ими «грешил» Греч) и считает употребление их признаком безграмотности. Одновременно Сенковский определился и с терминологией будущей полемики. Многие годы противопоставление «сих» (врагов) и «этих» (Брамбеус и Сенковский) давало возможность редактору «Библиотеки» прикрывать борьбу издателей за рынок невинным спором об употреблении местоимений.

Чуть позже Сенковский решится во всеуслышание заявить, что Греч к журналу имеет мало отношения. «Те, которые носили звание редакторов “Библиотеки для чтения”, слишком невинны в ее недостатках, чтобы отвечать за них перед публикой, и слишком благородны, чтобы требовать себе похвал за ее достоинства, в которых они не имели никакого участия»²⁰.

В такую сложную интригу вмешался Н.А. Полевой. Сенковский знал, что против «Библиотеки для чтения» готовится настоящая кампания. В письме к одной из сотрудниц журнала Е.Н. Ахматовой он пишет: «Этот человек, когда я содержал его с семейством в самые бедственные годы их существования... писал и печатал, что он обожает во мне ч е л о в е ч е с т в о (его собственная фраза), и когда я же поставил его в возможность обойтись без моей милостыни и снова явиться в приличном и почтенном виде перед обществом, он... не проглотив еще последнего куска моего хлеба, заплатил мне самой черной неблагодарностью..., публично обещал смести меня с лица земли»²¹. Сенковский в этом письме, конечно, несколько сгустил краски, однако он хорошо понял, что за читателя опять начинается серьезная борьба.

Поэт Н.А. Степанов (впоследствии издатель-редактор журнала «Искра»), который был еще и талантливым живописцем, изобразил Греча в виде статуи, пьедесталом для которой служили тома его грамматики, из-под ноги его Полевой, как собака, бросается кусать Сенковского за икры. Греч спрашивает: «С и е вам причиняет боль?», а Сенковский отвечает: «Ах, э т о, бога ради – э т о!»²²... Вряд ли Полевой понимал, что окажется лишь пешкой в большой журнальной игре.

Чтобы сразить Сенковского, он даже переехал из Москвы в Петербург. Это произошло 12 октября 1837 г. Позже И.И. Панаев вспоминал, что петербуржцы были поражены, увидев «робкого, вялого, забитого господина, с уклончивыми ужимками, всем низко кланявшегося, со всеми соглашавшегося и как будто не имевшего чувства собственного достоинства»²³.

А.И. Герцен писал: «Печально было видеть, как этот смелый боец, этот неутомимый работник, умевший в самые трудные времена оставаться на своем посту, лишь только прикрыли его журнал, пошел на мировую со своими врагами. Печально было слышать имя Полевого рядом с именами Греча и Булгарина; печально было присутствовать на представлениях его драматических пьес, вызывавших рукоплескания тайных агентов и чиновничьих лакеев»²⁴.

Уже переехав в Петербург, Полевой берет на себя редакторскую работу над «Сыном Отечества» и «Северной пчелой», арендованными Смирдиным у Греча и Булгарина. «Бюджет “Пчелы” составляет 150 000, а “Сына Отечества” 50 000 рублей, когда теперь “Пчелы” расходуется только 2 500 экземпляров, а “Сына Отечества” – смешно сказать – 279 экземпляров»²⁵, – пишет Н.А. Полевой брату в декабре того же года. Несмотря на то, что в руки его переходит уже явно не успешное коммерческое предприятие, журналист пребывает, судя по тону письма, в неплохом настроении: он полон планов и надежд. «Надзор мой полный, – пишет он в том же письме, – ни одна статья не пройдет без меня, кроме вранья Булгарина, но постараюсь, чтобы ему чаще садился на язык типун. Вот человек! Греч и я умоляем: “Пиши меньше”, но он хорохорится и безжалостно пишет. Библиография будет моя, скромная, но дельная. Статьям надо придать колорит шалевский и жаненовский. “Сын Отечества” будет в формате “Библиотеки” и толще ее. Тут всего важнее критика... Теперь тут же шлепнутся о смирдинский прилавок в один день “Сын Отечества” и “Библиотека для чтения”: неужели не увидят разницы в языке, тоне, системе, критике? Там – бесстыдство и кабак, здесь – человеческий язык и ум, скромный, но верный всему доброму и прекрасному»²⁶.

Как видно из декабрьского письма, Полевой стремится составить конкуренцию Сенковскому. Чуть позже он даже придумал и прописал целую программу, благодаря которой можно было бы «свергнуть» «Библиотеку для чтения». В письме к Булгарину от 2 апреля 1838 г. он по пунктам изложил свои обвинения: «Я почитаю О.И. Сенковского вредным для русской литературы и, дорожа честью русской литературы, постараюсь остановить пагубное его влияние, которое сказывается в следующем:

1. Он... сделал из литературы куплю.
2. Он портит русский язык своими нововведениями, вовсе не умея писать по-русски.

3. Он ввел в моду грубую насмешку в критике и обратил ее без пощады на все, даже на самые святые для человека предметы...
4. Он вводит в науки грубый эмпиризм и скептицизм, отвергает философию...
5. Он берет на себя всезнание, ошибается, отпирается, утверждает небылицы...
6. Он до того забылся, что считает себя в праве указывать всем другим ученым и литераторам, берется за все и, не имея достаточных познаний, ни способов, заменяет все это дерзостью, самохвальством и тем портит наше юное поколение, приводя в замешательство даже умных и почтенных людей»²⁷.

Борьба началась почти сразу. В первом же номере «Сына Отечества» за 1838 г. выходит «Обзор литературы», где подробно и несколько враждебно описывается «Библиотека для чтения». Полевой сравнивает журнал с «тяжелой колесницей Ягернаутской», которая «катилась по тесному полю русской литературы, безжалостно давила встречных и брызгала грязью с широких колес своих». В.А. Каверин даже считает, что Полевой грозил в этой статье Сенковскому раскрытием редакционной тайны – в частности, мало кто знал в те годы, что Барон Брамбеус, автор нашумевших в начале 1830-х годов фантастических повестей, есть не кто иной, как сам редактор знаменитой «Библиотеки».

Полевой на этом не остановился. Ко второму номеру «Сына Отечества» был приложен список ошибок, найденных в «Библиотеке для чтения». Автором каталога под названием «Литературные пояснения» был Греч.

Сенковский не смог не отреагировать – однако сделал он это, как всегда, не называя никаких имен и облачая свою неприязнь в форму литературного спора. Намекая на купеческое происхождение Полевого, он, будто случайно, говорил о любви недруга к танцам вприсядку: «Сей, как известно, природный враг мой. Недавно я видел страшный сон, сущий сон: Сей произносил клятву уничтожить меня; Сей связался с Оным и обещал “уронить, убить, стереть меня с лица земли”: я не преувеличиваю! Сей, пускаясь плясать в присядку... торжественно объявлял, что “кто любит добродетель, книжный язык и русскую литературу, тот должен клеветать на меня день и ночь”, пока я, бедный Этот, не умру с горя и досады»²⁸. В данном случае «Этот» – маска Сенковского в литературном маскараде.

Полевому так и не удалось обессилить «Библиотеку для чтения», к тому же по каким-то причинам он поссорился с Булгариным, и последний стал вставлять журналисту палки в колеса: требовал корректуры, задерживал их, исправлял и т. п. Полевой оказался едва не на грани полного отчаяния. В 1840 г. Полевой ушел из журнала. Он стал работать в «Русском вестнике» Греча – правда, задержался там тоже ненадолго.

Н.А. Полевой неизменно считал главным своим козырем критику. Однако в конце 1830-х уже становилось ясно, что приверженец романтизма вряд ли может вести действительно яркий, передовой отдел критики. Еще в «Московском телеграфе» Полевой опубликовал статью «О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах», где в традициях немецкой философии высшую нравственность находит в произведениях Шекспира, Сервантеса, Гете, Шиллера и Гюго. В 1832 г. это было актуально. Однако Полевой так и не сумел выйти из русла романтического направления, с которым было связано его принципиальное понимание литературы. Теперь же время предлагало новую форму, а бывший редактор «Московского телеграфа» не смог найти себе места в непривычной литературной ситуации. Это выразилось, в частности, в рецензиях Н.А. Полевого на гоголевские произведения, опубликованных уже в «Русском вестнике». ««Ревизор» его, – пишет Полевой, – фарс, который нравится именно тем, что в нем нет ни драмы, ни цели, ни завязки, ни развязки, ни определенных характеров. Язык в нем неправильный, лица – уродливые маски, характеры – китайские тени, но все вместе уморительно смешно...»²⁹. Та же мысль читается и в рецензии на «Мертвые души», опубликованной в «Русском вестнике» (№ 1, 1842). Полевому кажется дикой поэма Гоголя: «...пьяница кучер Чичикова для автора занимательное лицо. Ему мало упомянуть о блохах – он заставляет вас слушать, как чешется Чичиков в постеле и ругает блох»³⁰. Эти две рецензии наглядно показывают, сколь глубоким было неприятие Полевым нарождающихся литературных форм.

В том же 1842 г. Полевой уходит из «Русского вестника», чувствуя опустошение и раскаиваясь во всей своей деятельности после закрытия «Московского телеграфа». «Замолчать вовремя – дело великое, – писал он брату в феврале 1844 г. – Мне надлежало замолчать в 1834 году. Вместо писанья для насущного хлеба и платежа долгов лучше тогда заняться бы чем-нибудь, хотя торговать в молочной лавочке»³¹.

Однако Сенковский умолкать не собирался. В 61-м томе «Библиотеки для чтения» за 1843 г. отдел «Литературная летопись» предстал перед читателями в необычной форме – как трагедия-водевиль под названием «**New-year night's dream**» («Сон в новогоднюю ночь»). В этом вольном сочинении Сенковского вдребезги разбивается произведение Полевого «Были и небылицы». В письме к Е.Н. Ахматовой он пишет: «В январской книжке... вы, верно, видели, а может быть, и читали “Летопись” в странной форме трагедии-водевиля. Вы совсем не поняли ее, не правда ли? Это потому, что надо знать имена. “Были и небылицы” – сочинение Полевого. Это – сам Полевой, которого сочинение “Елена Глинская” наполнено покражами из Шекспира и который всегда живет чужим умом»³².

«Были и небылицы» были посвящены деньгам (слово это стоит в подзаголовке книги). Полевой пишет: «Мне казалось, что весь шар земной расплющивается в целковый, и червонец становится жилищем человека, а небо над ним образуется из огромного целкового; что вместо морей проливается серебро... вместо городов строятся на нем биржи и гостиные дворы, и на всемирном аукционе, при стуке молота, величиной с Дудоровскую гору, продают красоту и ум, и славу, и наслаждение, и кричат: Кто больше даст денег?».

Со страниц проглядывает огромное разочарование Полевого жизнью, усталость от нищеты и погони за деньгами, без которых не прожить, – погони ценой унижения. К членам так называемого журнального триумvirата отношение его сложилось окончательно: «... Не знаю ни одного *человека*, ни одного *литератора*, которых бы я ненавидел..., но признаюсь: есть три, четыре существа, которых не могу не презирать!»³³.

Кстати, в том же номере «Библиотеки для чтения», где Сенковский громил «Были и небылицы», помещалась новая драма Полевого «Ломоносов». Это было действительно жестоко: один отдел журнала был полностью посвящен литературному уничтожению человека, сочинение которого занимало едва ли не полностью другой отдел.

Подводя итог, хочется отметить, что многие годы историки не слишком объективно анализировали литературные отношения Н.А. Полевого и О.И. Сенковского, а то и вовсе о них умалчивали. Отношения были, безусловно, сложными и неоднозначными. Оба они делали энциклопедические журналы, быстро нашедшие отклик в сердцах читателей. Оба они были первооткрывателями. Оба были яркими личностями. Но столкновение Полевого и Сен-

ковского – это не просто острая неприязнь известных редакторов. Это столкновение разных эпох российской журналистики. Это два культурных пласта – с «Московского телеграфа» началось духовное влияние словесности на общество, с «Библиотеки для чтения» – коммерциализация журналистики.

И Полевой, и Сенковский умерли в забвении. Первый – в 1846 г., второй, лишившись «Библиотеки для чтения», – на 12 лет позже.

Примечания

- ¹ *Анненков П.В.* А.С. Пушкин: Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873. С. 176.
- ² *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959. Т. 3. С. 178.
- ³ *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и торговля. М., 2001. С. 166.
- ⁴ *Белинский В.Г.* Литературные мечтания // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 87.
- ⁵ История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. А.В. Западова. М., 1973. С. 160.
- ⁶ *Каверин В.А.* Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966. С. 66.
- ⁷ *Соловьев Е.А.* Осип Сенковский // Ломоносов. Грибоедов. Сенковский. Герцен. Писемский: Биографические повествования. Челябинск, 1997. С. 259.
- ⁸ Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду». 1838. № 30. С. 596.
- ⁹ *Каверин В.А.* Указ. соч. М., 1966. С. 97.
- ¹⁰ Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Отд. 3. С. 78–100.
- ¹¹ Библиотека для чтения. 1834. Т. 4. Отд. 3. С. 43–70.
- ¹² *Полевой Н.А.* Избранные произведения и письма. Л., 1986. С. 309.
- ¹³ Там же. С. 310.
- ¹⁴ *Полевой Н.А.* Письмо О.И. Сенковскому от 8 февраля 1837: (Москва – Петербург) // Полевой Н.А. Избранные произведения и письма. Л., 1986. С. 519.
- ¹⁵ Имеется в виду знаменитая полемика Сенковского с Гречем о «Сих и Этих».
- ¹⁶ *Полевой Н.А.* Указ. соч. С. 311.
- ¹⁷ *Полевой К.А.* Записки. СПб., 1888. С. 392.
- ¹⁸ *Каверин В.А.* Указ. соч. С. 82.
- ¹⁹ Цит. по: *Каверин В.А.* Указ. соч. С. 85–86.
- ²⁰ Библиотека для чтения. Литературная летопись. СПб., 1836. Т. 17. С. 23–24.
- ²¹ *Сенковский О.И.* Письмо к Е.Н. Ахматовой // Русская старина. 1889. № 5. С. 298–299.

Н.А. Полевой и О.И. Сенковский: о чем молчат историки?

- ²² *Желиховская В.П.* Е.А. Ган в 1835–42 гг. // Русская старина. 1887. № 3. С. 757.
- ²³ *Панаев И.И.* Литературные воспоминания с приложением писем. СПб., 1888.
- ²⁴ *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965. Т. 7. С. 219.
- ²⁵ *Полевой Н.А.* Письмо к К.А. Полевому // Полевой Н.А. Избранные произведения и письма. С. 523.
- ²⁶ Там же. С. 524–525.
- ²⁷ Там же. С. 522.
- ²⁸ Библиотека для чтения. 1838. Т. 27. С. 12.
- ²⁹ *Полевой Н.А.* Ревизор. Комедия в пяти действиях. Сочинение Н. Гоголя // Полевой Н., Полевой К. Литературная критика: Статьи и рецензии 1825–1842. Л., 1990. С. 336
- ³⁰ *Полевой Н.А.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Полевой Н., Полевой К. Литературная критика. С. 348.
- ³¹ *Полевой К.А.* Указ. соч. С. 571.
- ³² Русская старина. 1889. № 5. С. 296–298.
- ³³ *Полевой Н.А.* Несколько слов от сочинителя // Полевой Н., Полевой К. Литературная критика. С. 307.

К ВОПРОСУ
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЖУРНАЛИСТА
(А.С. Суворин в контексте эпохи)

Открывая в новом веке первую страницу в своем дневнике, главный издатель газеты «Новое время» А.С. Суворин записал: «Новый век или нет? Все равно. Буду считать, что я и в новом веку живу. Лет 10 тому назад я написал, что не буду жить в новом веке. Л.Н. Толстой спросил меня: “Почему вы так думаете?” Я сказал, что десять лет трудно прожить»¹. Пессимистично звучит эта первая в XX в. запись Суворина, хотя его дела по-прежнему идут блестяще. На протяжении почти тридцати шести лет Суворину удалось держать в руках одну из самых влиятельных и значительных газет России. И подобное долготное владение обусловлено прежде всего яркой и талантливой личностью самого издателя – Алексея Сергеевича Суворина. Обращение к биографии Суворина неслучайно. «Далеко не каждый реально живущий в данном обществе человек имеет право на биографию. Каждый тип культуры вырабатывает свои модели “людей без биографии” и “людей с биографией”»². У таких личностей, как Суворин, биография – не просто набор фактов или цепь определенных событий, но в известном смысле еще и сюжет, входящий в обычный состав литературного творчества. Не случайно собственная биография стала «внутренней темой» в произведениях Суворина.

Если рассматривать биографию А.С. Суворина как совокупность сюжетов, кодирующих его поведение в тот или иной отрезок времени, то мы имеем дело с бесконечным текстом. В его основе, на наш взгляд, лежит сюжетно-театральный принцип постановки собственной жизни. В пределах конкретной личностной структуры мы не замыкаемся на проблеме влияния искусства на поведение, более интересным нам кажется иной ракурс – роль и влияние Суворина на формирование журналистских текстов и культурных кодов. Ведь «человек – это своего рода клетка для распределения, переписывания и трансляции культурных кодов,

или то лабораторное пространство, где происходят процессы рекомбинации и мутации культурного материала»³.

А.С. Суворин прожил долгую жизнь. Он родился в 1834 г. в русской провинции, в селе Коршево Бобровского уезда Воронежской губернии. Несмотря на бедность, его воспоминания о детстве светлы и оптимистичны. «Мои детские воспоминания носят на себе отпечаток полной свободы и беззаботности»⁴. Выходец из крестьянской среды, он добился фантастических результатов благодаря своим блестящим способностям и легкому (по определению В.В. Розанова) характеру.

Суворин не получил классического образования, он так и не поступил в университет. Рано женившись, он был вынужден решать материальные проблемы своей быстрорастущей семьи. А начинал свою карьеру Суворин с учительствования, преподавая историю и географию в провинции. Одновременно он служил секретарем бобровского предводителя дворянства, владевшего огромной библиотекой, каталог которой составил молодой Суворин. Там он читал «Колокол», «Полярную звезду», но знакомство с предосудительными изданиями произошло гораздо раньше, еще тогда, когда учился. Свои первые литературные шаги он начал с перевода стихотворений Беранже, затем появились его юмористические сценки в «Весельчаке» Н.М. Львова. Впрочем, М.П. Чехов (брат великого писателя) называл их прозаическими пустячками. Вскоре семья Сувориных переехала в Воронеж. В альманахе «Воронежские беседы» Суворин также опубликовал небольшие рассказы, которые были замечены в прессе. Но он не мог довольствоваться тем, чтобы посвятить себя провинциальным изданиям. К тому же, Елизавете Васильевне Салиас де Турнемир, издательнице журнала «Русская речь», писавшей под псевдонимом Евгения Тур, понравились корреспонденции Суворина, и она предложила ему место секретаря журнала, сотрудничество и переезд в Москву. Жена Суворина (Анна Ивановна, урожденная Баранова, 1840–1874), будучи женщиной энергичной и волевой, поддерживала всеми силами эту идею, не боясь возможных материальных трудностей. Таким образом, в начале шестидесятих годов Суворин переехал в Москву, и с этого момента он целиком посвятил себя и свою жизнь отечественной журналистике.

Издательница «Русской речи» не обладала значительными материальными средствами, но у нее были обширные связи в литературном мире. А начинающему литературную карьеру Суворину прежде всего были необходимы знакомства. В Москве он

сблизился с известными русскими писателями и культурными деятелями – Лесковым, Слепцовым, Левитовым, Провом Садовским, Плещеевым, в доме которого встречался с Толстым, Островским, Салтыковым-Щедриным. Суворина принимали у Аксаковых, Салиас свела его с Тургеневым. Благодаря своему трудолюбию, неиссякаемой энергии, таланту, уму и общительности он умел производить самое приятное впечатление даже на людей недоверчивых. Суворин вошел в литературный и журналистский мир и быстро в нем освоился. Еще будучи сотрудником «Русской речи», Суворин одновременно печатался и в демократических изданиях. В 1862 г. он по заказу председательницы Общества по распространению полезных книг гр. А.П. Строгановой согласился написать цикл популярных брошюр «Рассказы по русской истории».

Имя Суворина приобрело известность в Москве, однако найти постоянную работу он не мог и даже подумывал о возвращении в провинцию, но выбор был уже сделан, и не в характере этого целеустремленного человека было отступить. В одном из своих писем к М.Ф. Де-Пуле он признавался, что не может жить без газеты и хочет организовать свою собственную и обязательно в фельетонном роде. Решение Суворина завоевать журналистский мир России пока было только мечтой, но первые шаги уже были сделаны. Суворин переезжает в Петербург, где начинает сотрудничать в «Санкт-Петербургских ведомостях» В.Ф. Корша. «Когда я переехал в Петербург в декабре 1862 года в “Санкт-Петербургские ведомости” в качестве секретаря редакции и сотрудника, А.Н. Плещеев дал мне на дорогу свое пальто, которое я потом возвратил»⁵. Именно в этот период А.В. Никитенко называл его беднейшим из бедных литераторов. Не пройдет и двадцати лет, как Суворин станет миллионером. Но в начале работы у Корша денег катастрофически не хватало, и он делал все, что ему предлагали: «...был секретарем редакции, читал с Коршем корректуру нумера, корректуру объявлений, писал заметки, основал “хронику”, писал фельетоны, театральные рецензии, ездил в цензуру со статьями непропущенными»⁶. Сотрудничество продолжалось почти двенадцать лет. Это был либеральный период в его творчестве, за отход от которого Суворина жестоко порицала демократическая пресса.

Фельетоны Незнакомца (псевдоним Суворина) пользовались неизменным успехом у всей читающей России. Его стиль отличался легкостью и простотой, а материалы – злободневностью, остроумием и смелостью суждений. Круг затрагиваемых

тем был самым разнообразным, начиная с состояния железных дорог (надо заметить, что это любимая тема Суворина, к которой будет периодически обращаться и «Новое время») и заканчивая правами личности в России, благо реалии русской жизни предоставляли огромное поле деятельности. В своих статьях Незнакомец бескомпромиссно обличал окружающую действительность, не боясь авторитетов. Он смело рассказал о «мучном деле» богатого купца Овсянникова, нажившегося на продаже некачественной муки. Нелицеприятно писал Суворин и о господах, заседающих в городской Думе: «9 октября 1874 г. открылось, что в Думе заседают господа, которых можно купить за довольно дешевую цену. Не один и не два подкупленных, а целые десятки! И какие это подкупы! Трудно себе представить уровень нравственности этих представителей городских интересов...»⁷.

Суворин очень серьезно относился к качеству своих публикаций. Жанр фельетона благодаря ему приобрел новые оттенки и звучание. «В жизни журналистики бывают годы, когда фельетон – не последняя вещь, не праздная забава для гостиных; фельетон является подспорьем передовых статей, и для занятого, погруженного в мелочи жизни человека пересказывает в легкой форме то, что некогда или лень прочитать ему в форме серьезной»⁸. Овладев основными законами журналистики, Суворин в совершенстве усвоил одно из самых главных правил – доступности материала для читателя. Суворин тяготел к небольшому, емкому и конкретному жанру; позднее, уже в «Новом времени», он сам определит его название – «Маленькие письма». Они будут также привлекать внимание читателей, как когда-то его фельетоны. Надо заметить, что Суворин не замыкался в рамках одного жанра, палитра его публикаций была разнообразна: «...в лице его русская журналистика приобрела и выдающегося критика, и театрального рецензента, и газетного “передовика”, и памфлетиста, беллетриста, а также историка»⁹.

«Санкт-Петербургские ведомости» не только сделали имя Суворину, но и определили круг его знакомства, положение в обществе и журналистике. Здесь он познакомился с людьми, которые впоследствии станут опорой его собственного издания. Все они – В.П. Буренин, К.А. Скальковский, Б.В. Гей – будут работать в газете «Новое время».

В 1866 г. Суворин на собственные деньги издал книгу «Всякие. Очерки современной жизни», часть из которой составили его статьи, переработанные в повесть и дополненные пятнадцатью

главами. Книга вызвала первый в истории русской журналистики судебный процесс. Карьера Суворина, так блестяще начавшись, могла завершиться навсегда. Роковым стечением обстоятельств книга, главный герой которой был похож на Чернышевского, вышла 4 апреля 1866 г. В этот день Каракозов стрелял в Александра II. Узнав об этом, Суворин решил не давать рекламного объявления о выходе книги в свет, но одно объявление все же было опубликовано. Книга была представлена в цензуру, но из-за ошибки переплетчика (не вклеил одного листа) не принята. Этот лист чуть не стоил всей будущей жизни Суворину. Его роман о «нигилистах» с описанием гражданской казни главного героя был воспринят как документ, способствовавший разжиганию ненависти к дворянскому сословию в русском обществе.

Министр внутренних дел П.А. Валуев обратился с письмом к М.Н. Муравьеву, назначенному председателем государственной комиссии по делу о покушении Каракозова с просьбой о наложении ареста на книгу «Всякие» неблагонадежного издателя Суворина. Результатом этой эпистолярной переписки было дело, возбужденное петербургским окружным судом, закончившееся обвинением автора крамольной книжки. Суворин отделался двумя неделями гауптвахты, а тираж книги был уничтожен. Лишь в 1909 г. стало возможно ее переиздание.

История с книгой стала определенным рубежом в творческом и духовном развитии Суворина и хорошим для него уроком. Он многое осознал и понял. «Тон фельетонов Суворина заметно потух»¹⁰, – пишет Е.А. Динерштейн в книге, посвященной жизни и деятельности Суворина. С подобным опытом «революционности» к Суворину стала приходить мудрость и осторожность. Он продолжал упорно идти к главной своей цели – издание собственной газеты. Ради воплощения мечты многим был готов пожертвовать Суворин, даже своим радикализмом. Молодой журналист понял, что шутки с властью могут закончиться трагически. Легко стать героем и потерять все, это хорошо понимал Суворин, гораздо сложнее добиться желаемого и сохранить свое собственное «я».

Его внутренние установки стали приводить в действие механизм особого литературного поведения. Суворин внезапно осознал разрыв между эстетическим бытием и реальностью. Он понял, что принятие персональной ответственности за поступок гораздо тяжелее и труднее теоретического обоснования его правоты и истинности. «Жизнь может быть осознана только в конкретной ответственности. Философия жизни может быть

только нравственной философией. Можно осознать жизнь только как событие, а не как бытие-данность. Отпавшая от ответственности жизнь не может иметь философии: она принципиально случайна и неукоренима»¹¹. Своеобразно решал для себя этот вопрос Суворин. Определенная полифоничность в видении мира, которая стала присутствовать в его позднем творчестве, в некоторой мере была вызвана долей конформизма. Суворин вступал в игру, ставки в которой были слишком высоки. А он не мог жертвовать самым дорогим для него – целью своей жизни. Начиная в журналистике с сотрудничества с «Современником» и «Санкт-Петербургскими ведомостями», Суворин намеренно «проиграл» роль радикально настроенного журналиста. Сущностный аспект этой игры заключался в другом: впоследствии Суворину гораздо труднее было бы начать свое издание без этого компромисса с эпохой в 60-е годы XIX в. Его страстная одержимость, устремленность в достижении намеченной цели (приобретения собственного издания) лишней раз подчеркивали определенность некоего сценария.

После отстранения Корша от газеты Суворин ушел из «Санкт-Петербургских ведомостей» и стал сотрудничать с «Биржевыми ведомостями». В этот период ему приходит идея вместе с Н.А. Некрасовым и М.Е. Салтыковым-Щедриним купить книжный магазин. Открыть магазин не удалось, но зато 12 или 13 февраля 1876 г. Суворин совместно с В.И. Лихачевым (известным либералом, товарищем председателя окружного суда) купил у Н.В. Трубникова «Новое время». «Когда Трубников предложил мне купить “Новое время”, я, конечно, колебался, потому что не было денег и взять их было неоткуда. Некрасов приходил ко мне (я жил в это время близко от него около Басейной) и говорил, чтоб я не отказывался, но денег все-таки не было. Я бросался всюду и ничего не мог сделать. Сочувствия было много»¹². В «Дневнике» Суворин часто вспоминал о колебаниях и сомнениях, касающихся начала своей издательской деятельности. В основном, пугали материальные трудности, но он был не из тех, кто отступает. Газета была куплена, и все силы души и таланта Суворин приложил к тому, чтобы сделать ее ведущим изданием России. И уже 29 февраля, в несчастливый по народному поверью Касьянов день, вышел обновленный номер газеты. В наследство от прежних владельцев Суворину досталось понравившееся название «Новое время» и 1562 подписчика, из которых 1296 годовых, 120 полугодовых и 146 на разные сроки,

и тираж 3 тыс. экз. Народная примета не оправдалась, уже к концу года тираж газеты вырос до 15 тыс.

В первом номере была опубликована программа издания, в которой ставились будущие цели и задачи газеты. Прежде всего была определена роль издателя: «Для меня лично – в журналистике все: вся жизнь, все надежды, все радости»¹³, – а затем будущая программа.

Общество ожидало многого от нового издания Суворина. Либеральные круги были уверены в продолжении традиции «Санкт-Петербургских ведомостей» и предыдущих публикаций Незнакомца. Но купил газету Суворин, а не Незнакомец, и он хотел ее видеть новым, самостоятельным изданием, выразившим его идеи. Никто из читателей не обратил внимания на этот нюанс, в первом номере газета объявила об особом направлении – «откровенном» (вещь невозможная в журналистике). Определив подобным образом направление газеты, Суворин намеренно подчеркнул его отличие от радикального, либерального и консервативного. Русский читатель, привыкший к определенности, был несколько озадачен. Некоторая двусмысленность изначально присутствовала в любимом детище Суворина, отражая его внутренние психологические установки. Хотя вряд ли издатель был неискренен, когда давал такое определение, скорее всего он не предусмотрел вопроса о степени этой откровенности. Обвинения в смене направления, выдвинутые Суворину, были несколько преувеличенными, особенно в этом усердствовала демократическая пресса. Суворину же или М.П. Федорову (официальный редактор) из-за самых незначительных случаев приходилось ездить для объяснений к министру внутренних дел А.Е. Тимашеву. Суворин хорошо понимал, чем грозят его детищу подобные вызовы: «...приходилось искусно лавировать между опасными цензурными Сциллой и Харибдой»¹⁴. В 1879 г. Буренин в письме жаловался Суворину на то, что печатать «...о преобразовании университетов или, точнее, о распоряжениях к усмирению – нельзя, иностранные правительства ругать нельзя, а собственные даже хвалить нельзя, ибо следует славословить! По мне... хоть в петлю лезь!». После ознакомления с этим письмом Александр II, которому оно было представлено, написал на полях: «И при этом они ухитряются говорить много гадостей»¹⁵.

Одно из главных идеологических направлений газета приобрела во время русско-турецкой войны. Суворин сам поехал на Балканы и был практически первым корреспондентом, освещавшим события непосредственно с театра военных дей-

твий; он перевернул сознание русского общества. Из номера в номер шли его горячие репортажи в рубрике «Турецкие зверства». Суворин убеждал Россию воевать на Балканах. Генералы М.Д. Скобелев и М.Г. Черняев были его любимыми героями. «Новое время» всячески лелеяло патриотическую идею, тем более, что тема была неисчерпаемой. Идея взятия Константинополя периодически появлялась на страницах газеты в этот период. Нельзя не признать, что дух антисемитизма и нелюбви к инородцам присутствовал в газете. Это не было оголтелым отражением государственной политики, подобные взгляды, увы, были свойственны самому Суворину. Патриотическая идея – один из идеологических столпов «Нового времени» – была неразрывно связана у Суворина с идеей национальной.

24 января 1878 г. Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. 31 марта окружной суд вынес ей оправдательный приговор. «Новое время» освещало судебный процесс сочувственно по отношению к подсудимой. Суворинскому изданию нельзя было отказать в необъективности.

В начале января 1881 г. Суворин писал: «1881 год будет годом необыкновенным. 1881 год будет стоять среди годов русской летописи, быть может, так высоко и ярко, как 1861»¹⁶. Сложно отказать ему в предчувствовании исторических событий. Через два месяца они были подтверждены взрывами 1 марта.

В эти дни «Новое время» призывало к общественному спокойствию и единению всех сословий. В связи с этим нужно обратить внимание на борьбу газеты со «Священной дружиной», образовавшейся после убийства Александра II. Организация собиралась бороться с террористами их же методами. «Дружиной» были недовольны крупные чины в правительстве, но к ней благоволил государь, и вступать в открытую борьбу с организацией не решались. Решился Суворин. Его статья «Политическое шутовство, или Не мытьем, так катаньем» («Новое время», 1882, 24 нояб.) положила начало разгрому этой организации. Публикация этой статьи была неопценимой услугой гр. Д.А. Толстому, в руках которого была сосредоточена громадная власть – обер-прокурор Святейшего синода, министр внутренних дел, министр народного просвещения, который к тому же ведал цензурой. Газета приобретала все большее влияние в «верхах», теперь ее читала не только «улица», но и «сенат». При этом Суворин отнюдь не терял своего лица в журналистике, скорее, отчетливее проявлял его. Хорошо зная вкусы своего читателя, он делал ставку прежде всего на городского обывателя. Резуль-

таты превзошли все его ожидания, и Суворин добился большого успеха и огромного влияния. Анализируя деятельность газеты, Н.Я. Абрамович выявил в ее процветании еще одну причину. «Суворин выступил в “Нов. Вр” в эпоху журнального безвременья... Радикальная журналистика, за несколькими счастливыми исключениями, представляла собой сушь, мертвое поле, топь общих мест, которыми занимались в скучных департаментах радикальных редакций»¹⁷. Василий Розанов заметил подобное состояние и в консервативной журналистике и написал о нем в статье «Судьбы нашего консерватизма» («Новое время», 1900, 30 июня, № 8741). Он отмечал угасание консервативных изданий из-за отсутствия динамики и реального понимания ситуации в России. Например, как считал Розанов, главный редактор журнала «Русский вестник» Ф.Н. Берг «любил консерватизм как вечер, как спокойствие и затишье без всяких собственно политических соображений»¹⁸. Газета «Новое время» была другой, динамично и остро она реагировала на все события, происходящие в стране и за рубежом. Чутье на животрепещущие проблемы русского общества редко подводило Суворина.

Во время студенческих волнений в конце XIX в. позиция Суворина была очень жесткой, он сказал: «Если студенты хотят заниматься политикой, а не учиться, пусть уходят из университетов»¹⁹. Суворин всю жизнь занимался самообразованием и благодаря одаренности и фантастической трудоспособности стал энциклопедически образованным человеком. Он владел несколькими европейскими языками, свободно ориентировался в вопросах науки и философии, искусства и литературы, превосходно знал и любил театр. Его отношение к образованию было благоговейным. Он считал, что невежество является одним из основных признаков отсталости России по сравнению с Европой. На страницах газеты много внимания уделял проблемам просвещения, образования и культурного развития страны. Переживал Суворин и за состояние школ в России; неслучайно, что эту тему в его издании будет благодатно разрабатывать Розанов. Благодаря опыту преподавания в гимназиях, они оба хорошо ориентировались в данной проблеме. Суворин напрямую связывал вопрос просвещения и образования с будущим России. Студенческие требования Суворин не поддержал и осудил в категорической форме: «Натворит штук какой-то центральный университетский кружок, а расплачиваться будет вся Россия...»²⁰. Подобное поведение Суворина вызвало бурю негодования в демократических изданиях, ему грозили судом чести. Для них

Суворин навсегда потерял свое «лицо», став отныне и уже навсегда выразителем консервативной политики правительства. Только редакция единодушно поддержала своего издателя и добилась отмены суда. Суворин сумел сплотить настоящую команду единомышленников вокруг своего дела.

Не «заметил» впоследствии Суворин и первой русской революции. «В России не может быть революции, и все эти события в Москве – пародия на восстание»²¹. Суворин был уверен, что революция чужда русскому народу и в ней ничего кроме стихийного бунта нет. Позднее в переписке с Розановым он будет касаться этого вопроса под иным углом зрения, тревожась за судьбу России. Но в 1905 г. он напишет: «Я убежден, что будь теперешняя революция чисто русская, а не инородческая, в особенности, не будь она еврейской, она не была бы такой злобно-кровавой, дурацки-разорительной и безжалостно-варварской»²². Однако Суворин чувствовал приближение катастрофы и здраво и разумно оценивал побуждающие ее причины. «Область права, правомерного существования – вот что необходимо для всех. Самодержавие стало фикцией. Государь сам находится во власти других, во власти бюрократии и не может из нее вырваться... Бедовое у нас дело»²³. Правда, так откровенно Суворин писал в «Дневнике», газетный жанр диктовал иные выводы о причинах возникновения русской революции. Не случайно Д.С. Мережковский в последнем письме Суворину называл его скептиком и «агностиком» и считал, что лукавая его редакция «защищает самодержавие накануне революции и защищает революцию во время глубочайшей реакции»²⁴.

Оценивая деятельность Суворина, В.И. Ленин в статье «Карьера» писал: «“Новое время” Суворина на много десятилетий закрепило за собой прозвище... “Чего изволите?” Эта газета стала в России образцом продажности газет. “Нововременство” стало выражением однозначным с понятиями отступничество, ренегатство, подхалимство. “Новое время” Суворина – образец торговли “на вынос и распивочно”. Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями»²⁵. Ленинское определение газеты и самого Суворина на десятилетия предопределило все научные исследования в этой области. Как правило, они заканчивались констатацией идеологической слепоты Суворина и резким осуждением его ренегатства в период «разрыва» с либерально настроенной интеллигенцией. Влияние Суворина на русское общественное сознание, русскую журналистику и культуру конца XIX – начала XX в.

было гораздо сложнее и глубже. Яркие публицистические оценки событий, политические дискуссии, участие в литературных спорах – все это лишь некоторая часть того воздействия, которое оказал Суворин на свое время. Алексей Сергеевич Суворин был одной из самых значительных фигур конца XIX – начала XX в. Он привлекал для достижения своих целей различные идеи (патриотизм, государственность, православие, антисемитизм и т. д.). Блестяще манипулируя сознанием буржуазного обывателя, Суворин «открыл» свою теорию относительности, применив ее к области устоявшихся нравственных норм и правил. Позволяя себе нравственный релятивизм в архитектонике эстетической реальности, Суворин был беспощаден в оценках собственной экзистенции. Трагический разлом между бытием и сознанием, часто приводивший его к мысли о самоубийстве, лишь ярче выявлял абсурдность окружающего мира. Периодически задумываясь о бессмысленности своего существования (на страницах дневника), Суворин отразил в тексте диалектику переходной эпохи. Главного преодоления, преодоления в разочаровании ценностями бытия Суворин так и не совершил. Периодически задавая себе вопрос о цели и смысле жизни, Суворин понял, что «ни понятием цели, ни понятием единства, ни понятием истины, посредством которых мы сообщили миру ценность, не может быть истолкован общий характер бытия»²⁶. Драматизм мироощущения усиливался той ролью, которую выбрал для себя Суворин как издатель ведущей официальной газеты России и которая порой была для него тяжела и не уместна. Будучи человеком парадокса, Суворин создавал модель личности эпохи постмодернизма еще на рубеже XIX–XX вв.

Суворин не просто издавал газету, он создал империю «Нового времени»: ежедневная газета «Новое время», иллюстрированное приложение раз в неделю, «Еженедельное “Новое время”», два раза в неделю «Земледельческая газета», ежемесячный журнал «Исторический вестник» (издание продолжалось 38 (!) лет), издательское дело. В типографии Суворина печаталось все, начиная от подарочной «Библии в картинках знаменитых мастеров», роскошного издания на слоновой бумаге, до трудов Эрнста Геккеля (известного дарвиниста). Магазины «Нового времени» в Москве, Петрограде, Саратове, Харькове, Ростове-на-Дону, Одессе; вокзальные киоски «Нового времени». Каждый год – полный сведений суворинский календарь, справочные выпуски «Вся Россия», «Вся Москва», «Весь Петроград»; «Дорожная библиотека» – серия для чтения в пути; «Дешевая библиотека» –

10 копеек том (почти вся русская литература первой половины XIX в.); «Научная дешевая библиотека»; «Новая библиотека» – таков был размах его деятельности. Суворин был одним из первых магнатов печатного дела. Он олицетворял собой тип нового буржуа. На смену респектабельности XIX в. пришла активная буржуазная амбициозность века XX. Деловая хватка, умение поставить дело, подобрать людей, воплотить в жизнь свою мечту дано далеко не каждому. Наряду с блестящими творческими способностями Суворин в полной мере обладал и деловыми. Внутренне отвергая позитивизм, он блестяще реализовал его идеи в жизни. Это не было фарисейством, это было реальным воплощением его мечты, а горькие раздумья в «Дневнике» лишней раз свидетельствуют о том, как хорошо он понимал противоречивость воплощения этого замысла в жизни. «Вместо прогрессивного журналиста средней руки возник организатор, идеолог и гений обыденного буржуазного сознания»²⁷.

Суворин поддерживал отношения с выдающимися русскими писателями (Некрасов, Достоевский, Толстой, Тургенев, Чехов, Лесков, Плещеев и др.). Эти отношения не были безоблачными, но отрицать уважение, которое у многих писателей вызывала деятельность Суворина, – значило бы намеренно исказить истину. К его критике прислушивались, его мнение имело значение. У Суворина была поразительная интуиция на все талантливое и новое. Он «любил литературу, чтит литературную профессию и доброжелательствовал каждому литератору»²⁸. Он уважал чужое мнение и каждому автору давал право на самовыражение на страницах своей газеты. «У меня не газета... Вы хотите вместе с Салтыковым подсказать, а “чего изволите?” Но если серьезно посмотреть, то не “Чего изволите?”, а “Литературный парламент”»²⁹.

А.В. Амфитеатров вспоминает, что поправки или запреты Суворина всегда были очень верными. Он не публиковал тот или иной материал потому, что «...жалел нас... опытным умом старого журналиста, памятовавшего из собственного прошлого, как часто литературное утро отвечает за литературный вечер»³⁰. Сам Суворин расплачивался всю жизнь за свое «демократическое начало». На протяжении всего долгого творческого пути его клеймили «предателем» и «ренегатом». Н.К. Михайловский называл его «флюгером», газета «Новое время» у революционно настроенной интеллигенции ассоциировалась с определением «продажная», не говоря уже о периоде советской власти, когда однозначно преобладала негативная ленинская оценка.

Нельзя согласиться с этими доводами, ибо Суворин – явление слишком сложное и противоречивое, чтобы ограничивать его творчество рамками столь резких высказываний. Разумеется, в политической игре на исторической сцене России суворинское издание было идеологическим выразителем консервативной части русской общественности. Но предателем он не был: «То, что объективно было ренегатством, субъективно было самопознанием и самоосуществлением»³¹. Суворин внутренне был всегда революционером духа. Его натуре было свойственно искать и сомневаться. Его мироощущение было ближе к Розанову (на предмет надо иметь тысячу точек зрения), нежели к Михайловскому. Своих внутренних нравственных убеждений Суворин не менял, об этом свидетельствуют записи в «Дневнике». Скорее всего, Незнакомца приняли не за того, как это в свое время случилось с Достоевским. Хорошо это понял Розанов: «Пора его “Незнакомства” неинтересна: мало ли либеральных пересмешников»³². Больше всего на свете Суворин любил свою газету и хорошо понимал, чувствуя власть, что в ситуации наличия таких организаций в России, как Комитет по цензуре и Святейший синод, нельзя выжить без компромиссов. Он любил повторять афоризм Стаховича: «...можно участвовать, но нельзя успевать – доброму на войне, честному в торговле, правдивому в дипломатии и чистому в политике. Нельзя чистому преуспевать в политике. Для этого есть слово: “компромисс”»³³. Несмотря на все оговоры, его издание выходило на высоком литературном и профессиональном уровне. «Новое время» сравнивали с французской «Фигаро» и лондонской «Times».

Суворин очень многого добился в жизни. Начав с нуля, он стал знаменитым и богатым человеком, что, безусловно, вызывало у окружающих далеко не благородные чувства зависти и злобы. Суетные порывы этих чувств часто определяли отношение к Суворину. Несмотря на то, что началу его деятельности сопутствовали многие трагедии (гибель горячо любимой первой жены и сына), они не сломили его духа. Он видел триумф своего дела и наблюдал за началом упадка, он любил жизнь с ее шумом и суетой. Суворин, сделав газету смыслом жизни, не мог быть другим в тот исторический период. Он представлял собой тип человека с биографией. Не случайно биография стала сюжетом его лучшей книги – «Дневник А.С. Суворина». Столкновение мира культуры и мира жизни в тексте «Дневника» раскрывает философскую природу трагической игры Суворина, «ведь самоотчет-исповедь есть именно акт принципиального и актуального

несовпадения с самим собой...»³⁴. Эта смена психологических зарисовок эпохи и откровений о себе в «Дневнике» стала еще одной условностью в художественном пространстве Суворина. Лучшее в себе Суворин посвятил своему изданию, и это позволило ему с достоинством сказать о себе: «... я могу пойти на всякий суд и спокойно умереть, я – не герой, но герои ли вы? Я – обыкновенный человек, но все-таки я жил недаром и мне есть, что вспомнить хорошего, что я сделал для своей родины»³⁵.

Примечания

- ¹ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. Лнд.; М., 1999. С. 358.
- ² *Лотман Ю.М.* Литературная биография в историко-культурном контексте: (к типологическому соотношению текста и личности автора) // *Лотман Ю.М.* Избр. статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 365.
- ³ *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996. С. 8.
- ⁴ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 86.
- ⁵ Там же. С. 208.
- ⁶ Там же. С. 210.
- ⁷ Очерки и картинки: (Собрание рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца (А. Суворина). СПб., 1875. Кн. 2. С. 186.
- ⁸ Там же. С. 315–316.
- ⁹ *Глинский Б.* Новое время (1876–1916): Исторический очерк. Пг., 1916. С. 21.
- ¹⁰ *Динерштейн Е.* Человек, который сделал карьеру. М., 1998. С. 28.
- ¹¹ *Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. Киев, 1994. С. 53.
- ¹² Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 479.
- ¹³ Новое время. 1876, 29 февр. № 1.
- ¹⁴ *Глинский Б.* Указ. соч. С. 78.
- ¹⁵ *Ветлугин В. (Розанов В.).* Суворин и Катков // Колокол. 1916, 11 марта.
- ¹⁶ Новое время. 1881, 4 янв. № 1743.
- ¹⁷ *Абрамович Н.Я.* «Новое время» и соблазненные младенцы. Пг., 1916. С. 6.
- ¹⁸ *Розанов В.В.* Судьбы нашего журнального консерватизма // Новое время. 1900, 30 июня. № 8741.
- ¹⁹ *Ежов Н.М.* Алексей Сергеевич Суворин (Мои воспоминания о нем, думы и соображения) // Исторический вестник. 1915. № 1. С. 112.
- ²⁰ Новое время. 1881, 13 февр. № 1783.
- ²¹ *Ежов Н.М.* Указ. соч. С. 112.
- ²² Новое время. 1905, 30 апр.
- ²³ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 471.

Н.Ю. Казакова

- ²⁴ *Розанов В.В.* Изобличенный Мережковский // Новое время. 1914, 29 янв. № 13608.
- ²⁵ *Ленин В.И.* Карьера // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1965. С. 266.
- ²⁶ *Ницше Ф.* Воля к власти // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 9 т. М.; СПб., 1910. С. 36.
- ²⁷ *Соловьева И., Шитова В. А.С.* Суворин: портрет на фоне газеты // Вопросы литературы. 1977. № 2. С. 168.
- ²⁸ *Амфитеатров А.В.* Старик Суворин // Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 176.
- ²⁹ *Ясинский И.И.* Роман моей жизни. М., 1926. С. 254.
- ³⁰ *Амфитеатров А.В.* Указ. соч. С. 18.
- ³¹ *Соловьева И., Шитова В.* Указ. соч. С. 168.
- ³² *Розанов В.В.* Опавшие листья // Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 213.
- ³³ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 516.
- ³⁴ *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической реальности // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. С. 203.
- ³⁵ *Суворин А.С.* Маленькие письма. Цит. по: *Соловьева И., Шитова В.* Указ. соч. С. 198.

«МОСКОВСКИЙ ЛИСТОК» –
БУЛЬВАРНОЕ ИЗДАНИЕ КОНЦА XIX в.

К концу XIX в. в российской периодической печати сложилось три основных типа газет. «Большие», «качественные» – самые дорогие и влиятельные газеты, рассчитанные на образованных, привыкших к хорошей литературе читателей; «малые» – газеты, небольшие по объему и более доступные по цене, ориентированные на широкие круги читателей; «дешевые» или «уличные листки» – очень дешевые, имевшие еще более простой, чем «малые», язык. Об этих трех типах русских газет несколько позже, в 1904 г., писал и С.Н. Кривенко: «...газеты начали дифференцироваться на большую и так называемую малую прессу. Пяти- и четырехрублевые газеты приспособляются уже на всякую потребу, стараясь больше всего о разнообразии содержания, а специально уличные листки, с их совершенно особой разухабистостью, сенсационными заглавиями, описанием убийств и уголовными романами, имеют в виду городскую полуинтеллигенцию, до приказчиков, швейцаров и дворников включительно... теперь появилась недавно в Петербурге даже трехрублевая газета, предлагая которую, газетчики кричат: “Русская газета стоит только одну монету” (то есть 1 копейку)»¹. Кстати, в 1904 г. 1 пуд пшеничной муки стоил 1 руб. 25 коп., а средняя месячная зарплата рабочего (в зависимости от места работы)² составляла от 1,3 до 1,5 руб.

Характерным и для «большой» газеты были большой объем и формат, периодичность (чаще всего они выходили ежедневно), а также широкий тематический диапазон: издания писали об общественно-политических, научных, экономических, литературных проблемах. В наиболее чистом виде такой тип издания воплотился в «Русских ведомостях». «Большая» газета уделяла много внимания литературным проблемам, в чем проявлялась еще недостаточно ослабевшая связь с литературно-общественным журналом – формой, господствовавшей в предыдущий период развития отечественной прессы.

«Малой», или четырехрублевой прессой современники называли газеты типа «Биржевых ведомостей», которые действительно стоили 4 рубля и были рассчитаны на «пестрого», в основном провинциального, читателя. Публицист Д. Коропчевский писал в 1892 г.: «Газетная пресса доказывает, что <...> теперь наступает господство газеты, имеющей возможность своевременно улавливать настроение минуты и удовлетворять запросы читателей. Не довольствуясь публицистическими задачами, газеты стали печатать и литературные рассказы в своих фельетонах... В то же время вместе с большою ежедневною прессой все больше и больше распространялась малая пресса, завоеывая себе читателя в таких слоях, где газеты еще недавно были вовсе неизвестны»³.

«Уличные листки» – это, прежде всего, издания, продававшиеся по очень низкой цене. Эти издания быстро завоевывают свою аудиторию. Массовые газеты ориентировались на своего читателя, нового для традиционной русской прессы, на широкие демократические слои, которые вовлекались в общественную и культурную жизнь страны. Для не очень подготовленных и не всегда достаточно образованных читателей предназначался и своеобразный вид публикаций разоблачительного характера, с элементами сенсационности и развлекательности, всегда имевшими успех среди подобной аудитории. Таким образом, главным типобразующим элементом массового издания является читательская аудитория. Но не менее важны и характер публикаций, свойственный этому типу газет, и наличие большого количества приложений, имевших своей целью привлечение читателя, и рост тиража, от которого зависело существование дешевой газеты.

Последний тип получил название бульварных изданий. Так писала об этом явлении в марте 1913 г. А.И. Соколова, мать известного фельетониста и репортера Дорошевича: «Мелкая пресса сыграла в истории русской периодической печати ту же роль, какую сыграла оперетка в мире театрального искусства. Она в конце развратила ее и отняла у нее ореол нравственной власти и умственного и нравственного влияния, какие она имела на общество»⁴. (При этом и Соколова, и сам Дорошевич многие годы сотрудничали с «Московским листком» – ярчайшим представителем бульварных изданий того периода.)

В это время выходили следующие «малые» газеты: «Земщина», «Колокол», «Российский гражданин», «Русское чтение», «Свет», «Бессарабия», «Витебский вестник», «Голос Калуги»,

«Голос Самары», «Рижский вестник», «Симбирянин», «Сеятель», «Тамбовский край», «Уфимский край», «Финляндская газета», «Черниговское слово», «Южное слово» и др. Цена их была от 3 до 4 руб. Кстати, старейшие представители этого типа газет, «Петербургский листок» и «Московский листок», стоили дороже: 8,75 и 6 руб. соответственно (цена подписки на год с приложениями).

В «Отчете о современной печати за 1911 год» содержится такая характеристика «Петербургской газеты», данная цензором и почти дословно повторенная при оценке «Петербургского листка»: «Ежедневная общественно-политическая и литературная газета принадлежит к числу органов бульварной прессы, рассчитанная исключительно на круг читателей, следящих за злободневными новостями и городскими слухами, она все внимание уделяла тому, чтобы своевременно уловить интересующее столичную публику событие или тему и сообщить о них сведения количественно побольше и качественно поразнообразнее. Те же злободневные события запечатлевались в неглубоких по юмору пародиях и, кроме того, давали постоянную пищу для помещавшихся в «Петербургской газете» романов, всегда имевших своими героями современных дельцов. Политическим вопросам этот орган печати уделял небольшое внимание, но во всяком случае высказывался обычно в умеренно-оппозиционном направлении»⁵.

А вот что о себе пишет сам «Петербургский листок»: «Сжатость и краткость по-прежнему останутся нашим девизом. Юмор, легкость изложения и обычная веселость не покинут нас и на будущее время. В юморе, в легкости изложения и веселости заключается вся притягательная сила «Малой прессы», все ее влияние...»⁶.

Наиболее старыми и многотиражными бульварными газетами в конце XIX в. были «Петербургский листок», «Петербургская газета», «Московский листок», «Новости и биржевая газета», «Биржевые ведомости», «Новости дня». Боханов относил все эти газеты к одному типу (бульварному) по следующему принципу: те газеты, которые главное внимание обращали на пикантно-развлекательные сюжеты, всячески избегали серьезных тем повседневной жизни, проповедовали крайний аполитизм и были рассчитаны на читателя-обывателя⁷. Массовые газеты были рассчитаны на массовую, малообразованную аудиторию, характеризовались разнообразием публикуемого материала, большим количеством платных объявлений и основной упор

делали на «романы с продолжением», фельетоны и хронику происшествий.

Старейший представитель изданий этого типа – газета «Петербургский листок» – выходила с 1864 г. Ее содержание состояло из новостей, репортажей, театрального обозрения и традиционных рубрик «слухи и вести», «разные известия», письма к редактору, анонсы театров и клубов; последняя, четвертая полоса полностью составлялась из рекламных объявлений. Язык газеты – очень динамичный, «бойкий», несколько ироничный, но не сниженный, не грубый, статьи не лишены серьезных и нравоучительных мыслей, завуалированных иронией (примерно то же можно сказать и о материалах «Московского листка»).

Вот выдержки из рубрики «Слухи и вести» первого номера газеты (1 января) 1866 г.:

- На итальянскую оперу нашу наша невзгода: г-жа Перелли, как известно, только что поправляется от падения, причиною которого была слишком патетическая игра г-на Калцолари, а г-жа Барбо до сих пор хворает и не дает возможности петербуржцам взглянуть на «Африканку», постановка которой, на нашу сцену, стоит немалых денег. Впрочем, «Африканка», как известно, самое плохое произведение Мейербера и если бы она вовсе не была у нас поставлена, то потеря не оказалась бы чувствительною.

- Парикмахер Шарль (напротив Казанского собора, в доме Петропавловской лютеранской церкви) устроил у себя механические щетки, которыми он чистит и магнетизирует головы своих посетителей и берет за это *пять копеек* лишних. Нужно сознаться, что когда вам по голове проводят вертящейся круглой щеткой, которая соединяется с двигателем с помощью каучукового ремня, то вы ощущаете самое приятное чувство и вас клонит ко сну. Жаль только, что наши французские парикмахеры берут очень дорого за стрижку и бритье, как мы сами убедились лично, стоят 35 копеек, следовательно, с прибавкой **brosserie mécanique, 40 копеек**. Впрочем, и то правда, почему не брать, если платят?

- Нам сообщили, что почтовое управление обратило внимание на заявление, сделанное в «Петербургском листке» г-м *Недешевым*, о необходимости, для жителей окрестностей Волкова кладбища, в почтовом ящике, который был бы к ним поближе. Ящик в настоящее время поставлен, и обыватели той местности им уже пользуются. Нельзя не пожелать, чтобы все администрации наши действовали с тем посвященным вниманием относительно публики, каким постоянно руководствуется главное наше почтовое управление⁸.

Бульварные газеты вступали в борьбу друг с другом. Так, начавшие издаваться в Москве газеты «Русский листок» и «Новости дня» вступили в борьбу с «Московским листком», всячески

стремясь дискредитировать опасного конкурента⁹. Уличали газеты друг друга в выдумывании того, что привлекало внимание читателей. Вот интересный пример такой пикировки:

«Петербургская Газета», 18 (5) февраля 1903 г.

Загрызена собака

В Лесном, по Сосновской ул., ведущей к Политехническому, появились волки. В ночь на вчерашнее число была загрызена собака, недалеко от дачи 11. По ночам в рощах замечаются «огоньки» глаз этих хищников. Местные дачевладельцы и жильцы предполагают устроить в субботу на этой неделе облаву на волков во всех доступных этим хищникам парках. Говорят еще, что волки нападали на людей, но благодаря подоспевшей помощи все обошлось благополучно.

«Петербургская Газета», 20 (7) февраля 1903 г.

Нападение волка на профессора

Сильные укусы

На днях мы сообщали о появлении волков в Лесном. Эти голодные хищники еще не оставили облюбованную ими местность и по ночам загрызают обывательских собак. В последнее время волки стали настолько наглыми, что они уже не боятся человека. Волки нападают на людей почти днем, когда еще не зажжены уличные фонари. Так вчера, около шести часов вечера, на преподавателя политехнического института в Лесном г. Фан-дер-Флита напал огромный серый волк. Нападение было так неожиданно и столь стремительно, что г. Фан-дер-Флит упал. Голодный волк начал с остервенением грызть и терзать свою жертву. Не имея при себе никакого оружия, г. Фан-дер-Флит защищался руками. Но, конечно, это не испугало голодного зверя. К счастью, отчаянные крики погибающего человека услышали проходившие вблизи студенты института и, быстро подоспев на помощь, высвободили г. Фан-дер-Флита из объятий серого хищника. Он получил настолько сильные укусы, что ему понадобилась медицинская помощь. Волк скрылся в лес.

«Новости и Биржевая Газета», 24 (11) февраля 1903 г.

Письмо в редакцию

«Опровержение М.Г. Прошу вас поместить в одном из ближайших номеров вашей уважаемой газеты нижеследующее опровержение. Несколько дней тому назад, а именно 7-го февраля в “Петербургской Газете” в отделе происшествия была напечатана заметка под названием: “Нападение волка на профессора”, где рассказывается весьма подробно и обстоятельно о том, как на автора сего письма возле здания политехнического института напал огромный серый волк, из объятий которого несчастную жертву с трудом вырвали сбежавшие на крик студенты института. Как это, так и другие сообщения этой газеты о волке в Лесном представляют собой возмутительную и наглую ложь. Исходя из той мысли, что “Петербургская

Газета” совершенно не читается интеллигентной публикой, и не желая попусту занимать своей личностью ее внимание, я не предполагал печатать опровержение. Но оказалось, что описываемые ужасы о волках и моем несчастье распространились гораздо шире, не на шутку переполошили моих родственников и знакомых и только случайно не повлекли за собой настоящих несчастий. Поэтому пришлось, в конце концов, просить редакции наиболее распространенных газет напечатать настоящее опровержение сообщения “Петербургской Газеты”».

29 июня 1889 г. на страницах московской газеты «Новости дня» впервые появились хроникальные заметки В.М. Дорошевича, которые шли под общим названием «Злоба дня» или «За день». После чего переходили из газеты в газету вместе с автором, с легкой руки которого подобными рубриками обзавелись все тогдашние газеты¹⁰. А.Р. Кугель писал: «Из всех свойств и талантов Дорошевича абзацы и коротенькие строчки всего быстрее распространились по лицу русской печати, особенно провинциальной»¹¹. Вот один из примеров такой заметки:

Новый полет на воздушном шаре Леоны Дар!

– Вы пойдете сегодня смотреть Леону Дар?

– Нет. Что за интерес смотреть, как хорошенькая женщина с каждой минутой становится от вас все дальше и дальше?!¹²

К такому явлению, как «бульварная пресса», можно относиться по-разному. Но то, что в России XIX в. она была явлением значимым, самобытным, заслуживающим изучения, бесспорно. В Москве самой популярной, имевшей самое большое число подписчиков¹³ и одной из самых первых бульварных газета была «Московский листок» (начала издаваться с 1 августа 1881 г.). Газета всегда выходила в срок, издавалось множество иллюстрированных приложений, выполненных на самом высоком полиграфическом уровне¹⁴. Издатель и главный редактор газеты, Николай Иванович Пастухов, был личностью весьма примечательной и заслуживает отдельного рассказа.

* * *

В статье «Легендарный издатель», опубликованной в журнале «Исторический вестник» за 1911 г., князь Б.А. Щетинин, представитель древнего дворянского рода и политический деятель, публиковавший в общественно-политических и литературных журналах конца XIX в. статьи и заметки, описывает Пастухова как «низкорослого, приземистого, не ладно скроенного, но крепко сшитого человека с большим голым черепом и с уродом-глазом

от глубоко рассеченной нижней веки, придававшей свирепый вид, в сущности, довольно добродушному, хотя и с оттенком некоторого лукавства, открытому, чисто русскому лицу», с «быстрой, сангвинической походкой», с грубоватой, отрывистой и почти всегда мальчишески-задорной речью¹⁵.

Николай Иванович Пастухов родился в 1831 г. в городе Гжатске Смоленской губернии. Его родители были небогаты, и он не имел возможности получить хорошее образование. Однако с детства будущий «основатель мелкой московской прессы» пристрастился к чтению, писал стихи.

Он работал разъездным контролером у раскупщика, торговал в собственной лавке. По приезду в Москву стал служить в московском почтамте и в почтовой бричке развозил казенную корреспонденцию по присутственным местам; потом выступал фокусником во время праздничных народных гуляний за Пресненской заставой. Во время своего «шоу» Пастухов «ел» живых голубей, глотал зажженную паклю, изображал «дикого человека» и был любимцем публики. Однако литературный труд прельщал его больше. Щетинин пишет: «Он пробует свои силы, набрасывает что-то на бумаге и несет свой первый литературный опыт, – какую-то странную смесь рифмованных виршей с довольно безграмотной прозой, – в редакцию “Русских ведомостей”»¹⁶. Тогдшний редактор газеты Скворцов, разглядев в Пастухове литературный талант, предложил ему место репортера. По другим сведениям¹⁷, в газетный мир Пастухова приводит знакомство с Н.П. Гиляровым-Платоновым.

Пастухов начинает писать корреспонденции в «Русские ведомости» и «Современные известия», а также для «Петербургского листка». Здесь он публиковал «Письма из Москвы», имевшие большой успех. Его заметки любопытны, точны, кратки. За ним прочно закрепилось имя «первого репортера в Москве», а вскоре и «короля репортажа».

Как писалось в некрологе на смерть Пастухова в «Московском листке», «репортаж, правильно поставленный, в то время в газетах почти отсутствовал. Покойного Н.И. Пастухова можно признать основателем для этой необходимейшей для московских газет отрасли журналистики. Своевременность, необходимая быстрота в доставлении сведений, точность и верность передачи событий, необыкновенное умение добывать, при самых трудных условиях, необходимые сведения – были яркими чертами его работы. Его корреспонденции с Нижегородской ярмарки, которую он посещал много лет подряд, имели большой успех»¹⁸.

Щетинин пренебрежительно писал: «Особенно любил Пастухов пожары: тут он прямо был художником своего дела. Чуть загорелся где-нибудь дом – уж Пастухов летит на место происшествия, часто опережая пожарную команду; одновременно загорелось в другом месте – он и туда успеет попасть и самым добросовестным образом занесет в записную книжку все мельчайшие детали события; при этом общую картину пожара непременно изобразит в ярких поэтических красках с очевидным намерением «прошибить читателя до слез»¹⁹. Про Пастухова говорили, что он даже выработал какой-то особый «пожарный стиль», которым впоследствии пользовалась целая плеяда репортеров «пастуховской школы», не исключая и самого В.А. Гиляровского.

Вероятно, именно благодаря этой «любви» к пожарам и осуществилась заветная мечта Пастухова – издавать свою газету. По свидетельствам современников, Пастухов, желая услужить генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову, как правило, присутствовавшему на всех больших пожарах, писал в каждой заметке: «Тушением пожара лично руководил его сиятельство, г. московский генерал-губернатор, благодаря энергичной и умелой распорядительности которого скоро удалось обуздать разбушевавшуюся огненную стихию»²⁰. Пастухов всячески пытался попасться князю на глаза, и князь заметил его. Пользуясь этим знакомством, Пастухов обращается к всеильному московскому генерал-губернатору за помощью и поддержкой. Долгоруков исполнил просьбу, и вскоре московская пресса пополнилась «Московским листком».

Есть и другие версии появления газеты. Одну из них, наиболее часто встречающуюся в воспоминаниях современников Пастухова, связывают с министром внутренних дел – Н.П. Игнатьевым, с которым подружился Пастухов в Нижнем Новгороде на ярмарке. Первая попытка создать газету, когда министром внутренних дел был гр. Лорис-Меликов, окончилась неудачей но в 1881 г. – при Н.П. Игнатьеве – дело сразу приняло иной оборот, и газета была Пастухову разрешена²¹. Как вспоминал Пастухов, «в один прескверный, серенький, дождливый день, на улицах Москвы появилась первая уличная газета «Московский листок»²².

Щетинин писал: «Кабатчик Пастухов в ответ на вопрос начальства о направлении «Московского листка» ответил: «Кормимся, ваше благородие, кормимся»²³, имея в виду, что газета не имеет никакой политической направленности, цель

ее – коммерческий успех. В тоже время сам Пастухов считал свою газету политико-литературной²⁴.

Пастухов умел говорить с безграмотной Москвой на понятном ей языке. Его основными читателями были купцы, лавочники, извозчики, жители глухих деревень – обыватели, раньше никогда газет не читавшие. По словам Щетинина, «он один создал огромную категорию читателей, которые раньше не имели, так сказать, никакого касательства к печатному слову»²⁵.

Сотрудник редакции «Московского листка» Григорий Редер писал: «Для того, чтобы сразу завоевать аудиторию, с этим обывателем приходилось говорить не мудрствуя лукаво, на простом, понятном ему языке, другими словами, *спуститься* до читателя. Вот почему мне кажутся более чем странными упреки некоторых, почему газета Николая Ивановича с места в карьер не хотела *поднять* читателя до себя. Говорить так, значит требовать аттестата зрелости от... новорожденного младенца»²⁶.

Газета писала о Москве, о городах, граничащих с ней, фабричных районах. В деревнях Н.И. Пастухов набирал себе корреспондентов среди неграмотных крестьян, в которых как-то безошибочно угадывал способности, оплачивал им и работу, и дорогу. Авторам для своей газеты издатель умел находить всюду. Когда В.А. Гиляровский принес Н.И. Пастухову репортаж о пожарах в рабочих казармах в Орехово-Зуево, издатель обрадовался несказанно: «Рабочие читать газету враскоряку будут, а там и сами нас завалят корреспонденциями про свои беспорядки»²⁷.

В газете отводилось большое место репортерским заметкам о всякого рода происшествиях в Москве и Московской губернии; помещалась масса беллетристического материала облегченного характера, в виде фельетонных романов, сенок, стихотворений, мелочей и пр. Первый номер газеты разошелся в 5 тыс. экз. С каждым днем успех «Московского листка» возрастал, в особенности во время Всероссийской выставки 1882 г. (многочисленные статьи о которой выходили на страницах «Московского листка»), давшей значительный толчок распространению газеты. Прибыль издателя постепенно росла, давая возможность пригласить большее число сотрудников, что он и не замедлил сделать, увеличив в то же время количество строк в номере²⁸.

В «Московском листке» существовало несколько постоянных рубрик. На первой полосе всегда были сведения о подписке, месяцеслов (календарь на каждый день, сведения о времени рассвета и заката, полнолунии и т. п.) и расписание поездов в

Москву и из Москвы («Отъезды железных дорог»), а также письма редактору. Печаталось большое количество частных объявлений, а также разоблачения и открытые обращения к правительству и читателям, имеющие исторический интерес. Например, в № 2 от 3 января 1882 г. на второй полосе было помещено большое (на треть полосы) объявление «От главной конторы виноторговли Петра Арсентьевича Смирнова». В объявлении в очередной раз заявлялось, что многие виноторговцы подделывают ярлыки и способ пломбирования и продают свои вина под видом Смирновских. Авторы сообщения обратились к правительству с просьбой «утвердить законным порядком этикетки или ярлыки, наклеиваемые на изделия нашего водочного завода»²⁹. Просьба была удовлетворена, ярлык утвержден правительством, а подделка с тех пор преследовалась законом.

На первой полосе выделялся материал, который можно было назвать центральным. Передовица становится обязательной в частных газетах с 70-х годов XIX в.³⁰ Появились передовые статьи по вопросам политическим и общественным; автором первых передовых статей «Московского листка» был бывший соредактор «Современных известий» О.А. Гиляров; вскоре в том же отделе стали участвовать: ученый секретарь Императорского общества истории и древностей российских Е.В. Барсов, приват-доцент Московского университета по кафедре философии и психологии П.Е. Астафьев, профессор Н.В. Беляев, бывший редактор «Биржевых ведомостей» и «Биржи» П.С. Усов, О.Н. Плевако и др.³¹ К концу века в «Московском листке» появляются биржевые сводки и информация о деятельности акционерных обществ.

Репортаж занимал в газете главное место с начала ее издания. Репортаж Н.И. Пастухов ценил выше всего, потому что, по его мнению, весь интерес газеты строился на быстроте сообщений, верности факта, образности и яркости изложения. «Репортер, как вор на ярмарке: все видь, ничего не пропускай», – говорил Пастухов³². «Репортаж – это один из труднейших и неприятнейших газетных вопросов», – писал С.Н. Кривенко³³. А В.М. Дорошевич возмущался в своем знаменитом фельетоне «Репортер»:

«Я даже не знаю, существует ли в русском разговорном языке слово “репортер”. Есть слово “репортеришка”.

Чаще всего с прибавлением слова “всякий”.

– Всякий репортеришка, – и туда же смеет писать!

Это слово ругательное, и рассерженный обыватель, если хочет

выругать обидевшего его журналиста, делает презрительную гримасу и говорит:

– Репортиришка!

<...> Это люди, составляющие фундамент газетного дела. Рассуждения фельетонистов и передовиков, это – все соус, в котором подаются факты. Но самое ценное, самое существенное – факты, это ведь принадлежит репортерам. <...> **Становится** обидно и больно: как мало и материального, и нравственного вознаграждения получают эти люди за свой честный, за свой добросовестный, часто талантливый, всегда нелегкий труд»³⁴.

Пастухов начинал как репортер и в своей газете был первым репортером. Как писал С.Н. Кривенко, «ради какого-нибудь удавившегося портного в Рогожской или пожара в Марьиной роще Н.И. Пастухов бегал десятки верст пешком и доставлял сведения, живые и точные»³⁵. Он добывал сведения у полиции, у трущобников.

В газете освещалась и политика, и общественная жизнь, и городские происшествия. Вместе с событиями повседневной московской жизни печатались исторические стихи, сцены из народного быта, фельетоны. Как вспоминал П.П. Перцов, «воскресный фельетон играл вообще весьма важную роль в тогдашних провинциальных газетах... Можно сказать, что это был тот отдел газеты, которым она теснее всего соприкасалась со своей публикой... В воскресном фельетоне в иносказательном роде можно было «навести критику», не разрешаемую в других отделах»³⁶.

Судебный отдел также не был оставлен без внимания: кроме отчетов о делах, рассматриваемых у мировых судей, в окружных судах и судебных палатах, издатель исхлопотал установленным порядком разрешение помещать отчеты военно-окружных судов. Отдел «театра, музыки и искусств», помимо небольших беглых заметок репортерского характера, содержал обстоятельные рецензии С.В. Васильева, О.П. Коммисаржевского, Н.П. Кичеева, П.И. Кичеева, Н.Р. Кочетова и др.

Безусловно, большое количество читателей газете приносили «романы с продолжением». «Романы шли шесть раз в неделю, а по воскресеньям шел фельетон И.И. Мясницкого, его сценки из народного или купеческого быта. И.И. Мясницкого читала праздничная публика, а романы, можно сказать, читались более широко. Каждый романист имел свои два дня в неделю. Понедельник и среда – исторический роман Опочинина, вторник и пятница – роман из высшего круга с уголовщиной – «Сине

домино» (псевдоним А.И. Соколовой), а среда и суббота – А.М. Пазухин, особый любимец публики, дававший постоянных подписчиков»³⁷. Пазухин на страницах газеты помещал также сценки и очерки. Сотрудничал с газетой писатель и журналист Н. Гейнце, писал фельетоны и статьи А. Плещеев. Печатал «Очерки» и «Рассказы» под псевдонимом «Старый знакомый» и сам Пастухов.

Издатель старался улучшить беллетристический отдел: в «Московском листке» были помещены произведения Д.И. Минаева, А.В. Круглова, Л.И. Пальмина, Л.Г. Граве, А.О. Иванова-Классика, Л.Н. Трефолева, Н.С. Стружкина, В.А. Гиляровского и многих других. Кроме обычных фельетонных романов, редакция отвела широкое место романам исторического содержания. Особым успехом пользовались романы П.Н. Полевого и М.О. Старицкого, а из современной жизни – И.И. Мясницкого, А.М. Пазухина, и других. Авторами рассказов и статей чисто фельетонного характера были И.О. Горбунов, Н.А. Лейкин, И.И. Мясницкий, В.М. Дорошевич.

С течением лет, кроме целой плеяды блестящих журналистов того времени, Пастухов привлек к участию в «Московском листке» известных ученых Е.В. Барсова и проф. П.Е. Астафьева, которые должны были писать передовицы.

– Николай Иванович, ну кому нужны эти передовые статьи? – бывало спрашивали у него.

– Нельзя без этого. Пора переводить публику в следующий высший класс³⁸.

Н.И. Пастухов видел в выпуске газеты не только способ обогащения, содержание газеты не было примитивно, в ней не говорилось «обо всем и ни о чем». Для Пастухова газета была делом всей жизни. Он старался сделать газету доступной многим, и в то же время не только развлекать, но и говорить о серьезном, освещать общественную и политическую жизнь страны, заставляя задуматься.

* * *

Издатель «Московского листка» придумывал различные приемы для повышения популярности и тиража своего детища. По свидетельству В.А. Гиляровского, Пастухов даже и бумагу для газеты специальную заказывал, чтобы она годилась на курево.

Одним из таких «ходов» в начале выхода газеты стала публикация романа о разбойнике Чуркине – герое тогдашней

московской уголовной хроники. Роман, автором которого был сам Пастухов, печатался в газете два раза в неделю под именем «Старый знакомый». (Вся Москва знала, что это псевдоним Н.И. Пастухова. У него их было несколько: «Праздношатающийся», «Дедушка с Арбата», «Не я», и он пользовался ими много лет.) Тираж газеты стремительно вырос, роман, по словам Гиляровского, «даже самого А.М. Пазухина забил»³⁹.

Пастухов раздобыл протоколы и материалы по судебному разбирательству дела разбойника Чуркина. Он послал Гиляровского в Гусяцы, откуда разбойник был родом и где промышлял. Все сведения о нем сводились к тому, что Васька Чуркин, бывший фабричный, пьяница, со своей шайкой грабил по дорогам и чужих, и своих, обворовывал клетки да ходил по хозяевам-фабрикантам по несколько раз в год⁴⁰.

Но Пастухов не верил этому. В его воображении Чуркин уже стал легендарным героем, чуть ли не богатырем из русских сказок, и он не хотел принижать созданный образ, сообразуясь с реальными сведениями, добытыми Гиляровским.

С начала публикации романа тираж газеты удвоился и затем продолжал расти. Н.И. Пастухов напечатал четыре книги о разбойнике Чуркине и объявил о выходе пятой. Несмотря на огромную популярность романа среди читателей, многие газеты и критики стали печатать отзывы, в которых указывалось, что описание походов Чуркина развращает читателей, учит, как воровать и грабить. По свидетельству Гиляровского, слухи и жалобы, доходившие и до «хозяина столицы» генерал-губернатора князя Долгорукова, заставили высокопоставленного чиновника принять меры. Он вызвал к себе Н.И. Пастухова, и уже на другой день появился последний фельетон, рассказывающий о конце Чуркина. Разбойники, члены шайки Чуркина, наклонили вершины двух берез, привязали к ним атамана и разорвали его пополам⁴¹.

* * *

Гиляровский писал в книге «Москва газетная»: «“Московский листок” сразу приобрел себе такую репутацию, что именитое и образованное купечество стыдилось брать в руки эту газету, никогда на нее не подписывалось, но через черный ход прислуга рано утром бегала к газетчику и потихоньку приносила “самому” номер, который он с опаской развертывал и смотрел главным образом рубрику “Советы и ответы”»⁴². Эту рубрику придумал

сам Н.И. Пастухов, сразу во много раз увеличив тираж газеты. Купцы, мелкие хозяева, представители думы и земства с трепетом открывали очередной номер, боясь найти там «совет» для себя. «Повару Оливье на Трубу. Рябчики-то ваши куда как плохи, нельзя ли подавать посвежей. Узнает о том санитарная комиссия – протокол составит». «Околоточному Рабиновичу, Серпуховский участок. Кажется, прошло то время, когда ваша братия ходила славить, блуждая по лавкам, а вы все еще это занятие не оставляете, смотрите, как бы вас за это начальство не припугнуло». Или: «Пожалте сюда, поглядите-ка, хитра купецкая политика. Не хлыщ, не франт, а миллионный фабрикант, попить, погулять, охочий на труд на рабочий. Видом сам авантажный, вывел корпус пятиэтажный, ткут, снуют да мотают, все на него работают. А народ-то фабричный, ко всему привычный, кости да кожа, да испитая рожа. Плохая кормежка да гнилая одежда, подводит живот да бока у фабричного паренька»⁴³. «В магазин золотых вещей. Не меняйте, пожалуйста, камни в перстнях у заказчиков, как это вы сделали на днях с одной дамой. Ведь не всегда так легко отделаетесь, как теперь»⁴⁴.

Пастухов не публиковал фамилии провинившегося, но при этом называл его по приметам или по прозвищу, так что все узнавали, но к суду привлечь ни газету, ни ее издателя никак было нельзя.

Как рассказывает в книге «Москва газетная» Гиляровский, в результате таких «советов» часто прекращались незаконные штрафы, пища и жилище улучшались. Часто в информационных заметках общего вида с легкой иронией замаскировано указывалось правительству на те или иные недостатки и упущения. Сообщалось о слишком высоких ценах на дрова или плохие дороги и ненавязчиво прибавлялось: «Зоологический сад объявил о постройке Ледяного дома, а как дело дошло до открытия, сказали, что не построили, так как льда нет. Ну что ж, публика ничего, публика у нас добрая и снисходительная. Нет, мол, и суда нет! И пошла себе гулять по тому месту, где имел быть воздвигнут ледяной дом, при более благоприятных обстоятельствах. И гуляет себе, уплачивая за это удовольствие все ту же должную контрибуцию»⁴⁵.

Нередко после очередных злободневных публикаций случались и бунты рабочих. Пастухова вообще очень волновало положение фабричных рабочих и бедных людей, он искренне им сочувствовал. Гиляровский в воспоминаниях рассказывает о хранившемся у него сочинении издателя «Стихотворения

из питейного быта и комедия “Питейная контора”, сочинение Николая Пастухова. Москва, 1862 год». Комедия была обличительной. В ней только и есть грабители-купцы, сплошь взяточники крупные власти и горькие пьяницы-чиновники⁴⁶. «Московский листок» писал: «С силою чего-то неотразимого, рокового надвигается на нас грозная сила капиталистической эксплуатации. Там, без ярких картин, медленно, но успешно сокращаются годы жизни рабочего среди подавляющего труда, ничтожного заработка и противных всякой самой невзыскательной гигиене условий существования; здесь, от неустойчивости железной лестницы сгорают десятки рабочих, сотни калечатся на всю жизнь»⁴⁷. В номере от 10 июля 1882 г. была помещена заметка о крупной железнодорожной катастрофе: «Вечной памятью глубокой ненависти и укора сохраняются в памяти народной имена тех магнатов железнодорожного мира, которые кровью и жизнью соотечественников купили себе несправедливо нажитое богатство, свой безумно-роскошный, чужими слезами омытый комфорт»⁴⁸.

28 июля 1911 г., в 9 часов утра, издатель «Московского листка» скончался. Его похоронили 31 июля, накануне тридцатилетнего юбилея главного детища – первый номер «Московского листка» вышел в свет 1 августа 1881 г. На похоронах присутствовало много народу, частные лица и представители различных учреждений. На одном из венков, возложенных на гроб, было написано: «Создателю первой популярной газеты от товарищества Н.Л. Казецкого и газеты «Раннее утро».

* * *

С 1911 по 1918 г. на посту главного редактора «Московского листка» сменилось шесть человек, в том числе – знаменитые журналисты Ф.К. Иванов и М.М. Смирнов. После Февральской революции 1917 г. в газете – уже минимум рекламы, газета пишет о политике, общественной жизни. Постоянными рубриками стали: «Отголоски дня», «Великая война», «Москва», «Петроград». Много статей посвящены ходу военных действий, влиянию войны на общество и власть.

Также постоянно давался обзор печати – в основном общественно-политической и партийной: газет «Утро России», «Речь» (орган партии кадетов), «Известия совета рабочих и солдатских депутатов» (большевистское издание), «Воля народа» (орган правого крыла эсеров), «Рабочая газета» (издание меньшевиков),

«Русские ведомости», «Власть народа» и др. Из традиционных рубрик остались «Происшествия», «Театр, музыка», месяцеслов, церковные вести, конечно, роман с продолжением. В этой рубрике также стали печататься произведения, «наваянные эпохой». В июле на страницах «Московского листка» появился роман из царствования Николая II «**Кровавый туман**» – о молодой девушке Марусе, которая стала участницей революционной борьбы.

«Московский листок» воодушевленно принял революцию, приветствовал уничтожение «гнилого и ненавистного самодержавия»⁴⁹: «Грозным размахом сбросил с себя народ прогнившие самодержавные цепи...»⁵⁰. Газета горячо поддерживала созыв Учредительного собрания (регулярно публиковались объявления и призывы участвовать в подписке на «Заем Свободы» – для Учредительного собрания и для военных действий). В «Московском листке» появилась рубрика «Рабочая жизнь» (заметки под названием «Рабочий театр», «На фабрике», «Конференция фабрично-заводских рабочих» и т. п.). Газета давала информацию обо всех партиях, их съездах и программах, публиковала их воззвания и обращения. Но к партии большевиков в редакции относились с настороженностью: «С точки зрения большевиков, все остальные группы контрреволюционны»⁵¹.

В ноябре полосы газеты заполнились тревожными репортажами и заметками о действиях большевиков. Уже на следующий день после окончательного захвата власти большевиками, 12 ноября 1917 г., в № 246 были опубликованы «Протесты против захвата власти большевиками»: резолюция работников общественных и правительственных учреждений; резолюция служащих Всероссийского союза городов; декларация от объединенного комитета служащих государственных учреждений; резолюция рабочих.

Резолюция рабочих, например, была следующей:

«Признавая, что цели и средства завоевания власти большевиками и проявление этой власти не только напоминают худшие времена царизма, но во многом и превосходят их в жестокости (напр., угроза лишить хлеба забастовщиков), и наносят непоправимый вред социализму, собрание пресненского района партии с.-р. постановило не считать большевиков социалистами и потому отмежеваться от них»⁵².

12 ноября выборы в Учредительное собрание, считавшееся последним оплотом порядка в стране, были отложены, а в «Московском листке» – во всю четвертую полосу – было помещено воззвание: «Выборы в учредительное собрание отложены.

Граждане! Только полномочный хозяин Земли Русской – Учредительное собрание сможет спасти русский народ. Когда будут выборы, все идите к избирательным урнам. Голосуйте за партии, стоящие на точке зрения государственного порядка».

В последующих номерах следовали многочисленные заметки о выборах и борьбе вокруг Учредительного собрания⁵³.

В № 256 от 25 ноября 1917 г. «Московский листок» писал: «Правительство Народных комиссаров, утвердившись с помощью штыков, отходит все далее и далее от основ действительной гражданской и политической свободы».

На страницах издания периодически звучат сетования на политику большевиков (например, на повышение цен на топливо, на условия мирного договора и т. д.). В том же № 256 на первой полосе с крупным заголовком вышла большая статья Б. Пайнова, автора многих политических статей «Московского листка» того периода, под названием «Тягчайшее преступление», явившаяся откликом на закрытие в Петрограде газет.

«Нет более тяжкого преступления, как посягательство на свободу слова, посягательство на словесное проявление творческой человеческой мысли, единственного двигателя мировой культуры и прогресса. <...> **Для печатного слова настали времена ХУДШИЕ, ЧЕМ ПРИ САМОДЕРЖАВИИ.** <...> Тот позор, который творится сейчас в Петрограде, – никогда не забудется и ляжет несмываемым пятном и на солдат, и на рабочих...

В Петрограде закрыты все газеты.

Закрыты даже газеты центральных органов печати социал-демократов меньшевиков и социалистов-революционеров. <...> И затоптали ее (свободу слова) в грязь те, кто так много говорит о свободе, кто даже залил страну кровью во имя этой свободы...».

Статья заканчивалась большим объявлением-призывом: «Граждане! Протестуйте против гонений на печать. Протестуйте против нарушений свободы слова».

В 1918 г. газета успела выпустить только 10 номеров – выпуски выходили очень нерегулярно. А на первой полосе уже значилось: «Открыта подписка на 1918 г. на большую политическую внепартийную газету «Московский листок».

В первом номере 1918 г. на первой полосе газета писала: «После вынужденного перерыва (предыдущий номер «Московского листка» вышел 19 декабря 1917 г., данный – 3 января. – Н. Е.), наша газета снова увидела свет. За эти дни события развивались в том же направлении, что и все последнее время.

Пропусту говоря, положение в стране все время ухудшалось. И теперь, в первые дни нового года, слово печати должно так же громко и решительно, как и раньше, звучать для обличения тех, кто ведет нашу родину в бездну, и для призыва граждан к подвигу на спасение родины.

Единственный маяк, который светит нам в тумане и тьме нашей политической ночи, – это Учредительное собрание. Ему одному принадлежит и право распоряжаться судьбами России»⁵⁴.

Но уже в следующем, втором, номере «Московского листка», вышедшем 11 января 1918 г., когда состоялся разгон Учредительного собрания, редакция потеряла эту надежду: «Свершилось... Революция наша вступила в новый и – страшно сказать – ужасный фазис. Для тех, кто не стоит на точке зрения большевиков, кто видит ясно все будущее и всю призрачность попытки сделать Россию социалистической, для тех ясно, что гибель революции и ее завоеваний – следствие разгона Учредительного собрания»⁵⁵.

В последующих номерах «Московский листок» пишет о гонениях на печать, об «антинародном»⁵⁶ Брестском мире.

Последние попытки призвать к примирению перед лицом гражданской войны «Московский листок» сделал на страницах предпоследнего номера. В заметке, где сообщалось, что германские войска заняли громадную территорию России, было следующее воззвание: «Граждане! Пусть каждый из вас вдумается хоть немного в тот ужас, который нам грозит в случае порабощения нас немцами, и вы тогда, как один человек, встанете на защиту поруганной родины.

Бросьте междоусобную войну! В такие великие моменты все должны сплотиться и грудью отстаивать отечество от льющего врага.

Буржуазия и пролетариат, протяните в этот грозный час руки, и родина будет спасена!»⁵⁷

Однако призыв не был услышан.

Последний номер «Московского листка» вышел 3 марта 1918 г.

В справочнике периодической печати за 1959 г. написано: «“Московский листок”, основанный в период жестокой политической реакции, свидетельствовал о стремлении буржуазной прессы отвлечь читателя от злободневных вопросов общественно-политической жизни»⁵⁸. В том же издании говорилось, что газета клеветала на революционных рабочих, после буржуазно-

демократической революции поддерживала А.Ф. Керенского и Временное правительство, а Великую Октябрьскую революцию и вовсе встретила враждебно. В связи со всей этой «контрреволюционной деятельностью» в 1918 г. газета была закрыта.

Примечания

- ¹ *Кривенко С.Н.* Газетное дело и газетные люди // Русская мысль. 1905. № 10 (197). С. 1.
- ² *Рыкачев А.* Цены на хлеб и труд в С.-Петербурге за 58 лет // Вестник финансов. 1911. № 31. С. 57.
- ³ *Коропчевский Д.* Характер современной журналистики // Русское обозрение. 1892. № 2. С. 665.
- ⁴ *Соколова А.И.* Встречи и знакомства // Исторический вестник. 1913. № 3. С. 847.
- ⁵ ЦГИА. Ф. 776. Оп. 10. Ед. хр. 8. Л. 129. Цит. по: *Махонина С.Я.* Русская дореволюционная печать (1905–1914). М., 1991. С. 80–81.
- ⁶ Петербургский листок. 1881, 3 дек.
- ⁷ *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал: конец XIX в. – 1914 г. М., 1984. С. 33, 132.
- ⁸ Петербургский листок. 1866, 1 янв.
- ⁹ История Москвы: В 6 т. М., 1954. Т. 4: Период промышленного капитализма. С. 703.
- ¹⁰ *Летенков Э.В.* «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX века. Л., 1988. С. 94.
- ¹¹ *Кугель А.Р.* Литературные воспоминания (1882–1896 гг.). Пг.; М., 1923. С. 102.
- ¹² Цит. по: *Летенков Э.В.* Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX века. С. 95.
- ¹³ *Вострышев М.И.* Московские обыватели. М., 1999. С. 185.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Щетинин Б.А.* Легендарный издатель // Исторический вестник. 1911, сент. С. 1038.
- ¹⁶ *Щетинин Б.А.* Указ. соч. С. 1039.
- ¹⁷ Московские ведомости. 1911, 30 июля (12 авг.).
- ¹⁸ Московский листок. 1911, 29 июля.
- ¹⁹ *Щетинин Б.А.* Указ. соч. С. 1039.
- ²⁰ Цит. по: *Вострышев М.И.* Московские обыватели. С. 186.
- ²¹ Московский листок. 1911, 29 июля.
- ²² Цит. по: *Щетинин Б.А.* Указ. соч. С. 1039.
- ²³ Там же.
- ²⁴ На первой полосе № 12 «Московского листка» от 13 января 1882 г. было помещено следующее объявление: «Открыта подписка на 1882 г. на политико-литературную, без предварительной цензуры газету, выходящую в количестве 360 номеров в год, «Московский листок».

Н.С. Егорова

- ²⁵ Щетинин Б.А. Указ. соч. С. 1040.
- ²⁶ Московский листок. 1911, 1 авг.
- ²⁷ Гиляровский В.А. Соч.: В 4 т. М., 1967. Т. 3. С. 107.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Московский листок. 1882, 3 янв.
- ³⁰ Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. С. 30.
- ³¹ Московский листок. 1911, 29 июля.
- ³² Гиляровский В.А. Москва газетная. Друзья и встречи. Минск, 1989. С. 83.
- ³³ Кривенко С.Н. Газетное дело и газетные люди // Русская мысль. 1906. № 109. С. 7.
- ³⁴ Дорошевич В.М. Избранные страницы. М., 1986.
- ³⁵ Кривенко С.Н. Газетное дело и газетные люди // Русская мысль. 1906. № 109. С. 80.
- ³⁶ Перцов П.П. Литературные воспоминания. М., 1933. С. 12–13.
- ³⁷ Гиляровский В.А. Москва газетная. Друзья и встречи. С. 87.
- ³⁸ Московский листок. 1911, 1 авг.
- ³⁹ Гиляровский В.А. Москва газетная. Друзья и встречи. С. 88.
- ⁴⁰ Там же. С. 97, 100–101.
- ⁴¹ Там же. С. 102.
- ⁴² Там же. С. 83.
- ⁴³ Там же. С. 84–86.
- ⁴⁴ Московский листок. 1882, 3 марта.
- ⁴⁵ Московский листок. 1882, 3 янв.
- ⁴⁶ Гиляровский В.А. Указ. соч. С. 78.
- ⁴⁷ Московский листок. 1882, 10 июля.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Московский листок. 1917, 5 окт.
- ⁵⁰ Московский листок. 1917, 25 нояб.
- ⁵¹ Московский листок. 1917, 19 июля.
- ⁵² Московский листок. 1917, 12 нояб.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Московский листок. 1918, 3 янв.
- ⁵⁵ Московский листок. 1918, 11 янв.
- ⁵⁶ Московский листок. 1918, 16 янв.
- ⁵⁷ Московский листок. 1918, 2 марта (17 февр.).
- ⁵⁸ Русская периодическая печать (1702–1894 гг.): Справочник. М., 1959. С. 386.

ПОИСК ВРАГА: «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
О РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(Аналитический обзор материалов 1929–1940 гг.)

Изменения, происшедшие в русском языке на протяжении советского периода истории, и шире – феномен тоталитарного языка – в последние два десятилетия привлекают повышенное внимание исследователей и стали предметом анализа в узколингвистической и междисциплинарной, сугубо научной и популярной литературе¹.

Но далеко не все аспекты этой сложной проблемы можно назвать основательно изученными. Так, лишь в незначительном числе работ рассматривается плановая языковая политика советской власти, направленная на так называемое очищение языка от нежелательных элементов. Между тем формирование так называемого новояза (тоталитарного языка) имеет две стороны – стихийную и плановую. Несомненно, сущностные сдвиги в языке в годы революции, становления и функционирования тоталитарной общественной системы неизбежны и связаны прежде всего с изменением структур общественного сознания. В то же время нельзя преуменьшать и значимость языковой политики, которая проводилась во все периоды существования советского государства и не может быть сведена, как это нередко делается, к решению вопроса об официальном языке и созданию письменностей для ряда народов СССР.

Важной составляющей языковой политики советской власти было формирование в общественном сознании образа идеального языка эпохи социализма – богатого, выразительного, доступного массам и, что принципиально, «чистого», освобожденного от недоброкачественных примесей. Намерение власти «очистить» язык оставалось неизменным в течение всей советской истории. А вот перечень «врагов» языка, вредоносных элементов, с которыми следует бороться, существенно менялся в соответствии с ключевыми идеологическими установками каждого конкретного периода.

Борьба за «чистоту языка» в 1930-х годах анализируется в нескольких специальных работах последних десятилетий². Внимание их авторов не сосредоточено, однако, на изменении «образа врага», в противоборстве с которым советскому народу предлагалось выковывать безупречный язык, достойный великой эпохи социалистического строительства.

Одним из важнейших орудий языковой политики любого государства новейшего времени служит система средств массовой информации³. Материалы СМИ содержат важные сведения о концептах и ценностных установках, намеренно внедряющихся властью в общественное сознание.

В данном обзоре представлены публикации «Литературной газеты», посвященные «чистоте языка» и демонстрирующие долгий и противоречивый процесс «вылепливания» образа идеального языка и его врагов, на борьбу с которыми предстояло направить негативную энергию масс.

«Назад к классике»... и обратно?

«Литературная газета», начавшая выходить в 1929 г. – в год «великого перелома», была ориентирована на пропаганду идей культурной революции. Причем среди первостепенных задач декларировалось не окончательное искоренение безграмотности, а борьба за «чистоту языка», т. е. за правильную речь, свободную от всего, что может затуманить смысл и осложнить восприятие текста.

В № 4 за 1929 г. была опубликована заметка Г.О. Винокура «Культура речи в газете» с подзаголовком «Влияние канцелярского языка. Вернемся к образцам литературы». Проблематика этой публикации оказалась очевидно шире, нежели заявленный анализ газетного языка. Г.О. Винокур отмечал, что современный газетный язык засорен *канцеляризмами*, и подчеркивал важность чтения классики для воспитания вкуса и развития «чувства лингвистической дисциплины» (ЛГ, 1929, № 4, с. 2).

Было бы естественно ожидать, что газета продолжит обсуждение поставленного вопроса. Советской печати в целом свойственна серийность публикаций. Это обусловлено отчетливыми и пропагандистскими задачами, ставившимися партией перед СМИ: газета должна была внедрять определенные идеи в общественное сознание и добиваться от читателей поведения, соответствовавшего официальной идеологии. Известна и общая схема проведения газетной кампании: проблемное выступление –

широкое обсуждение с обязательной публикацией «писем трудящихся» – заключительный редакционный материал, содержащий единственно правильные выводы и чаще всего освященный партийным авторитетом⁴.

Однако в данном случае налаженный механизм как будто дал неожиданный сбой. Ни в 1929 г., ни позднее, на протяжении трех лет, «Литературная газета» вообще не вернулась к проблеме культуры речи. Будучи адресованной людям, профессионально работающим со словом, она касалась лишь нескольких, достаточно узких вопросов развития русского языка – ликвидации неграмотности и орфографической реформы; допускалась также критика языка отдельных изданий, но никаких общих выводов из этого не делалось. Можно предположить, что редакции не удавалось выявить сколько-нибудь последовательной партийной линии в отношении языкового строительства, за исключением курса на всеобщую грамотность и обновление письма.

Четко сформулированная позиция Г.О. Винокура оказалась чужда официальной советской идеологии 30-х. Семантика слова «вернемся», использованного как призыв к читателям в подзаголовке публикации 1929 г., вступало в острое противоречие с принципом «отречения от старого мира» и тотального обновления. Тем не менее команды «разоблачить» Винокура и вообще каких бы то ни было ясных указаний от партийного руководства не поступало, и «Литературная газета» отказалась от анализа лингвистической проблематики.

Революционность против призма

Ситуация изменилась в 1933 г., когда в газете появилась полоса под общим заголовком «Нам нужно искусство, понятное массам и любимое ими» (ЛГ, 1933, № 5, с. 3). В редакционной статье резко, хотя и без конкретных примеров, критиковалась «изысканная витиеватость словесного рисунка». Можно сказать, что обсуждению вопросов развития русского языка был дан второй старт. На первый взгляд, между принципами, заявленными Г.О. Винокуром за четыре года до этого, и идеями редакционной статьи 1933 г. не обнаруживается противоречий. В обоих случаях в качестве достоинства языка называется «простота».

Но при внимательном рассмотрении обнаруживаются различия в понимании того, что мешает речи быть точной и доступной. Г.О. Винокур подчеркивал вредное влияние канцелярского языка (официально-делового стиля) на другие речевые сферы,

прежде всего – публицистику. Авторы статьи 1933 г. не касались никаких областей применения русского языка, кроме художественной литературы и осуждали писателей за излишнюю «украшенность» слога. Схематизируя процесс, можно сказать, что «борьба с некрасивостью» сменилась «борьбой с красотью», а газетная речь, в отличие от художественной, оказалась вне критики.

Через несколько номеров «Литературная газета» вновь обратилась к языковой проблематике, на сей раз в специальной большой статье. Известный прозаик К. Федин в статье «Язык литературы» многократно повторил типичное для советской риторики слово «борьба»: «борьба за культуру художественной речи», «борьба за здоровую языковую культуру», «борьба за чистоту речи» (ЛГ, 1933, № 9, с. 3). Главное же, что отличает статью Фебина от предшествующих близких по тематике публикаций, – упоминание еще одного «врага» хорошей речи – *языкового пуризма*. Стремясь соединить две наметившиеся ранее линии, Федин пишет, что «учеба у классики» не отменяет «разумного новаторства», а «борьба за чистоту речи не означает борьбы против словесных новообразований, против новых слов». При этом писатель не дает ясного ответа на вопрос о том, что значит, не будучи «пуристом», «бороться за чистоту языка».

Идея Фебина была подхвачена. Критик Р. Рош в рецензии на «Заметки редактора» М. Презента (ЛГ, 1933, № 60, с. 5) также выступает против языкового пуризма (называя это явление «педантизмом» и «консерватизмом»). Не отрицая необходимости борьбы с «коверканьем русского языка», Р. Рош оспаривает многие утверждения рецензируемого автора, которые расценивает как отстаивание «чрезмерной мнимой чистоты».

Особенно важным представляется тот факт, что Р. Рош не соглашается признать речевой ошибкой использование в публицистике таких «канцелярских шаблонов», как «по линии», «мероприятие», «освоить», «проработать», «неувязка». Для защиты подобных речевых средств от критиков-пуристов Р. Рош применяет самый мощный из аргументов советского периода – ссылку на авторитет И.В. Сталина. Как выясняется, и этот «большой мастер слова» не гнушается канцелярскими словами и оборотами, что полностью оправдывает их в глазах ревнителей культуры речи. Таким образом, более чем через четыре года после заметки Г.О. Винокура редакция «Литературной газеты» все-таки отреклась от его исходных положений и солидаризировалась с

Поиск врага: «Литературная газета» о русском языке теми, кто предлагал толковать «борьбу за чистоту языка» как-то по-новому, вне связи с культурной традицией.

Кампания «за простоту»

Следующий, 1934 г., оказался исключительно богатым публикациями на лингвистические темы, более того – обсуждение вопросов «чистоты языка» обрело наконец характер организованной газетной кампании.

Зачином для дискуссии стала статья М. Горького «О языке» (ЛГ, 1934, № 33, с. 1). Учитывая особое положение Горького – советского классика и создателя писательского Союза, следует отметить, что выводы из будущего обмена мнениями были известны заранее. Никто не мог позволить себе усомниться в правильности утверждений Горького, и обсуждение проблемы превратилось в публикацию различных толкований исходной статьи. Это не помешало, однако, авторам высказать весьма различные по сути мнения.

Горький использовал те же лозунговые сочетания слов, что и его предшественники, в том числе – «борьба за чистоту языка». Вслед за Р. Рош он выдвинул на передний план идею организации языкового процесса. Но среди примеров «паразитарного хлама», засоряющего современную русскую речь, у Горького основными оказываются «новые словечки», т. е. *молодежные жаргонизмы*, такие как «мура», «буза», «вольнить», «шамать», «дай пять» и другие.

В продолжение горьковской публикации в следующем номере газеты была помещена редакционная статья «За культуру языка» (ЛГ, 1934, № 34, с. 1), дополнившая перечень «паразитарных явлений» диалектизмами и бранными словами. По мере уточнения списка «врагов» языка нарастал и пафос лозунгов, завершавших публикации о культуре речи. Происходила отчетливая политизация проблемы. Разговор шел теперь не просто о качестве речи, но о соответствии современного русского языка великим задачам построения социализма. «Борьба за культуру языка, – говорилось в передовой статье, – есть борьба за культуру социализма в целом».

Как это нередко бывало в ходе публичных дискуссий советского периода, участники привели одни и те же аргументы в защиту противоположных точек зрения. Слова о том, что язык должен быть на уровне сегодняшних политических задач, допускали практически любое толкование. Например,

М. Шагинян в статье «Дискуссия о языке» (ЛГ, 1934, № 48, с. 2) называла «загрязнение языка» «так называемым» и выступала за отражение в художественных текстах всех новейших речевых явлений. По ее мнению, языковой пуризм – не что иное, как приверженность «дворянско-помещичьему языку пушкинского этапа русской литературы». По мнению М. Шагинян, революция стимулировала «насыщение общелитературного языка богатейшими местными средствами». Даже расширение сферы применения обращения на «ты» в устной разговорной речи писательница интерпретировала как отражение перехода к бесклассовому обществу.

Таким образом, ситуацию 1934 г. можно охарактеризовать как парадоксальную. С одной стороны, газета организовала дискуссию с заранее известным результатом, главной целью которой было включение «борьбы за чистоту языка» в ряд идеологических кампаний, направленных на достижение единомыслия. С другой стороны, участники процесса поняли партийные установки настолько разнообразно, что дискуссия, задуманная в качестве декоративной, наполнилась реальным содержанием. Сторонникам «чистоты языка», понимавшейся буквально, как свобода от словесного сора, противостояли защитники некой абстрактной идейной чистоты, т. е. соответствия характера языка революционному духу эпохи.

Ощувив, видимо, что дискуссия принимает нежелательный характер, руководство газеты опубликовало подряд (с середины апреля до начала мая) четыре редакционные статьи (ЛГ, 1934, № 48, 50, 52, 56). В них разъяснялось, что при социализме стихийное развитие языка невозможно, языковое строительство ведется сознательно и планомерно, являясь частью «воспитания масс».

В редакционных материалах ставился знак равенства между понятиями «хороший язык» и «доступный язык», причем речь шла о доступности широким массам. Доступность же предполагала ясность и простоту словесных форм. Среди вредных речевых явлений были названы жаргонизмы, диалектизмы и «кудрявые фразы», т. е. риторическая избыточность. Таким образом, при уточнении перечня главных «врагов» из него все-таки выпали канцеляризм, к этому моменту уже надежно защищенные авторитетом партийной прессы.

Дискуссия 1934 г. велась с использованием всех средств, имевшихся в арсенале советской прессы: она включала публикации профессиональных журналистов, писателей, ученых, а

также сатирические материалы, письма трудящихся и, наконец, статьи партийных лидеров.

В этом ряду особенно интересны выступления читателей из числа рабочих. Их мнение, подобно мнению партийных руководителей, воспринималось как однозначно верное, выступало в дальнейшем в качестве ценностного ориентира. И именно представителям Сталинградского тракторного завода было доверено публично отречься от псевдонародных, «мужицких» словечек, таких как «чаво», «таперь» и «покель» (ЛГ, 1934, № 51, с. 4). Таким образом, дискуссия о языке внесла свой вклад в закрепление в сознании читателей одной из идеологически важных оппозиций – «рабочий – крестьянин». В ходе обсуждения лингвистических вопросов ярко демонстрировалось, что понятие «народный» не только не тождественно понятию «крестьянский», но и во многом ему противопоставлено.

На протяжении 1934 г. дискуссия совершила своеобразный «виток». Она начиналась с заявлений об отказе от языкового пуризма и с положительной в целом оценки речевого новаторства. Но уже к середине года в «Литературной газете» стали все чаще появляться материалы, наполненные призывами к учебе у классики. Автор фельетона «Не могу молчать!» (псевдоним – Елкин-Палкин), ученые-филологи – Д.Д. Благой и вслед за ним В.В. Виноградов (ЛГ, 1934, № 59, с. 4; № 71, с. 3; № 80, с. 2) – подчеркивали точность и простоту языка Пушкина, Тургенева и Чехова и воздерживались при этом от какой бы то ни было революционной риторики.

В одной из последних тематических публикаций 1934 г. Ф. Панферов указал, что в языке революции соединились три начала – язык деревни, язык города и лучшая часть – язык вождей. Основной тенденцией развития русского языка в эпоху построения социализма писатель назвал очищение «от хлама» (термин М. Горького) и достижение «мудрой простоты» (ЛГ, 1934, № 111, с. 2).

Показательно, что Ф. Панферов написал данную статью в процессе работы над романом «Бруски». Позже эта книга стала одним из хрестоматийных примеров злоупотребления диалектизмами и прочими «народными словечками», т. е. именно тем «хламом», против которого был направлен пафос газетной кампании. Действительно, персонажи романа постоянно используют такие слова и грамматические формы, как «баить», «робяты», «покажьте» и др. Не свободна от диалектизмов и авторская речь: писатель употребляет слова «гуторить», «посечка», «зыбка» и

т. п. Противоречие между собственной художественной практикой и заявлениями, сделанными на газетной полосе, свидетельствует, безусловно, не столько о личной неискренности известного прозаика, сколько об условной, десемантизированной природе лозунгов борьбы за чистоту и простоту языка, ставших итогом многомесячной дискуссии.

В 1935 г. тема языка вновь, как и шесть лет назад, открылась публикацией Г.О. Винокура. Ученый вновь говорил о том, насколько важно повышать языковую культуру, воспитывать в людях «языковой вкус и чутье». Однако акценты, казалось бы, существенно сместились: теперь Г.О. Винокур призывал «не перегибать палку в смысле ориентации на прошлое» (ЛГ, 1935, № 28, с. 4).

В проведенном автором анализе конкретных примеров лишь на первый взгляд не усматривается никакой последовательности. С одной стороны, Винокур уверенно заявляет, что модное слово «мировоззренческий» создано вопреки правилам русского словообразования (от несуществующего «мировоззренец») и потому является примером языкового бескультурья. С другой стороны, у автора статьи не вызывают протеста активные формы множественного числа существительных с ударным «а» на конце («профессора», «директора» и др.).

Таким образом, позиция Винокура не претерпела значимых изменений. Слово «мировоззренческий» – явление книжной, более того – идеологизированной речи. Оно навязывается русскому языку, будучи для него неорганичным. Формы же множественного числа на «а» есть плод свободного народного речетворчества и не подлежат осуждению со стороны ученых.

Следовательно, Г.О. Винокур по-прежнему понимает борьбу за чистоту языка как освобождение живой речи от мертвящего влияния казенной фразеологии. Правда, в середине 30-х у него уже нет возможности говорить об этом открыто.

Против «неприличия»

На протяжении года в «Литературной газете» было помещено восемь статей и заметок, посвященных культуре языка (ровно вдвое меньше, чем в 1934 г.). Несмотря на небольшой объем публикаций, они позволяют выявить новое направление борьбы за «чистоту языка». Новой мишенью для критики сделались «грубости» и «непристойности», в разряд которых зачислялись фактически все простонародные выражения. В

мини-эссе «К спорам о языке» В. Шкловского такие слова, как «хахаль», были названы «дикими» фактами, грубость которых бесспорна» (ЛГ, 1935, № 34, с. 3).

В редакционной заметке, посвященной переизданию словаря В.И. Даля, говорилось об отрицательном опыте И.А. Бодуэна-Куртене, дополнившего знаменитый словарь «неприличными словами, сквернословиями, мерзостями площадного жаргона» (ЛГ, 1935, № 40, с. 6).

Через несколько номеров «Литературная газета» обрушилась с разгромной критикой на редакцию «Толкового словаря русского языка», возглавлявшуюся Д.Н. Ушаковым. Среди важнейших недостатков нового издания авторы рецензии К. Казимирский и М. Аптекарь отмечали и то, что в нем много «ругательных и вульгарных выражений, приводимых как в терминах, так и в примерах» («вшивый черт», «катись колбасой», «кишка тонка», «киношка», «втрескаться» и др.) (ЛГ, 1935, № 58, с. 4).

Совершенно очевидно, что Казимирский и Аптекарь исходили из неоднократно повторенного их предшественниками тезиса о неуклонном, плановом языковом строительстве при социализме. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова был задуман и составлен не только как нормативное издание, но и как справочник, фиксирующий реальное состояние живого русского языка 1930-х годов. Критики же издания были убеждены, что любой словарь должен непременно иметь исключительно нормативный характер. У них вызывала возмущение попытка объективно отразить жизнь языка.

Отвечая на критику, Д.Н. Ушаков подчеркивал: «Просторечные и вульгарные выражения помещаются в словарь не для их пропаганды, а для борьбы с ними путем разъяснения их стилистического качества» (ЛГ, 1935, № 63, с. 6). Не признавая справедливости претензий, высказанных оппонентами, главный редактор словаря присоединился тем не менее к общему мнению о необходимости очищения языка от всего грубого, низкого и неблагопристойного.

Показательна также единственная статья 1935 г., посвященная вопросам развития языка и имеющая не критическую, а сугубо позитивную направленность. В размышлениях П.Г. Стрелкова «О новообразованиях в языке» говорится об обогащении литературной фразеологии многочисленными оборотами, заимствованными с языковой периферии. Среди важнейших источников обновления разговорного языка автор называет политическую сферу. Он отмечает появление таких выражений, как «головокру-

жение от успехов», «по-новому работать», «догнать и перегнать» и перечисляет их достоинства: они грамматически правильны, политически актуальны и широко распространены.

Рассуждения П.Г. Стрелкова трудно назвать научно безупречными. Так, словосочетание «по-новому работать» вряд ли следует включать в число устойчивых оборотов, а конструкция «догнать и перегнать» явно не должна была попасть в разряд «грамотных», будучи откровенно тавтологической. Но несмотря на слабость научной базы, статья П.Г. Стрелкова чрезвычайно значима для дальнейшего развития языковой темы в советской публицистике. Не отрицая заметного влияния разговорной речи на литературную норму, автор считает все-таки более существенным обратное воздействие книжно-письменного, в том числе делового и политического языка на живую, в том числе устную речь.

Итак, в середине 30-х годов «Литературная газета» уточнила официальное представление о языковом идеале и о том, что ему не соответствует. «Хорошим» был признан грамотный и благопристойный язык, в целом классический и обновляющийся преимущественно под влиянием актуальных политических текстов.

И вновь учеба у классиков

В следующем, 1936 г. в редакционной политике произошло важное изменение: в публикациях, касающихся развития русского языка, стал преобладать пафос утверждения, восславления образца.

«Литературная газета» поместила на своих страницах статьи, посвященные стилю В.И. Ленина, А.С. Пушкина и М. Горького (ЛГ, 1936, № 4, с. 5; № 8, с. 2; № 44, с. 4). При всей несхожести рассматриваемых в этих публикациях личностей и текстов, материалы объединяют как минимум две идеи – стилистической простоты и противостояния некоему «врагу».

Ленин, по утверждению А. Цейтлина, дал образцы «сложной простоты» в неутомимой борьбе с «ненужной иностранщиной». Пушкин, чей вклад в развитие языка раскрывают Б. Мейлах и В. Герасимова, писал понятно для народа и не желал примиряться ни с архаистами, ни с «жеманной» карамзинской поэзией. Наконец, Горький, по словам Б. Неймана, был ревнителем литературного языка и «горячо возражал против подмены выразительности языка словарной экзотикой».

В публикациях 1936 г. выкристаллизовывалась одна из магистральных идей советской пропаганды: борьба «за» всегда есть борьба «против» – для улучшения чего бы то ни было необходимо найти врага, который стоит на пути прогресса.

Найти «виноватых»

После того как важнейшие идеологические принципы кампании «за чистоту языка» определились, выступления «Литературной газеты» на эту тему утратили не только регулярность, но и масштабность. Во второй половине 30-х гг. статьи и заметки, затрагивающие вопросы культуры речи, публиковались, но вне всякой системы. Среди них преобладали материалы, связанные с конкретными текстами и вскрывающие недостатки стиля отдельных писателей и критиков, а также обмен мнениями по поводу употребления тех или иных слов. Осуждались в основном не те или иные явления, а конкретные люди, недостаточно заботящиеся о «чистоте языка». «Литературная газета» критиковала «Введение в стилистику» М.А. Рыбниковой за многочисленные речевые ошибки (ЛГ, 1938, № 15, с. 4), а журнал «Русский язык в школе» – за непонятное наукообразие (ЛГ, 1938, № 68, с. 3), осуждала дикторов радио за выбор ненормативных акцентологических и грамматических вариантов (ЛГ, 1939, № 56, с. 3), объясняла читателям, какие семантические изменения произошли в XX в. в русском слове «довлеть» (ЛГ, 1938, № 12, с. 6).

Надо отметить, что по мере временного удаления от дискуссии 1934 г. на страницах газеты находило отражение большее многообразие точек зрения. Перестав быть центром партийного внимания, тема чистоты языка сделалась менее официозной и начала допускать относительную свободу мнений.

Наверное, интереснейшим материалом «Литературной газеты» 30-х годов, посвященным языковой проблематике, стала статья В.Б. Шкловского «Революция и язык» (ЛГ, 1937, № 61, с. 3). Здесь тоже говорилось о чистоте, но совершенно в ином смысле, нежели во всех остальных публикациях.

Шкловского интересует чистота значения слова, понимаемая как соответствие лексической семантики содержанию понятия. По мнению филолога, после революции «слова почистились... повысилось их значение и... вокруг слова “труд” легли, подчиняясь ему, подымая его, другие слова, созданные народом, его верой в свои силы и когда-то отнятые у народа старой знатью».

Шкловский полагает, что точно так же «почистились», освободились от ложных смысловых оттенков слова «знатность», «доблесть», «геройство» и другие.

Вне всякого сомнения, положение о том, что до революции некоторые слова имели «ложное» значение и служили одурманиванию носителей языка, несостоятельно с точки зрения лингвистики. Это, впрочем, не мешает исследователю языка революционной эпохи двигаться в весьма перспективном направлении. Не только публицисты, но и большинство ученых (исключая А.М. Селищева, чья книга «Язык революционной эпохи»⁵ была написана в 20-х гг.) значительно упрощали процесс перестройки русского языка в годы советской власти. Эту проблему было принято сводить к уходу устаревающих и появлению новых слов⁶. Шкловский же, развивая мысль Селищева, показал широкой газетной аудитории, что революция внесла и продолжает вносить изменения в семантику слов.

Заявленная В.Б. Шкловским тема не нашла продолжения на страницах «Литературной газеты» рассматриваемого периода. Это вполне закономерно: изучение семантических сдвигов было слишком специальной и сложной задачей для массовой газеты. Кроме того, такой подход к анализу современного русского языка вряд ли мог представляться редакции перспективным, так как не давал новых штрихов к образу врага, не позволял актуализировать в памяти читателей уже известные и определить новые мишени для критики. Идеологические кампании 30-х невозможны вне борьбы со «злыми силами», которые могут быть воплощены как в отдельных явлениях жизни, так и в конкретных людях.

В этом отношении показательна обнаруженная «Литературной газетой» переписка между писателем Ф. Гладковым и профессором Д.Н. Ушаковым. В октябре 1939 г. Ф. Гладков обратился с открытым письмом к товарищам из Радиокомитета СССР и с возмущением указал на грубые ошибки дикторов, в частности неверную постановку ударений в падежных формах «на реку», «в фортах», словах «добыча» и «молодежь». Писатель призвал работников радио к очистке языка от «звукового сора» (ЛГ, 1939, № 56, с. 3).

В одном из следующих номеров газеты (ЛГ, 1939, № 68, с. 3) писателю возразил Д.Н. Ушаков, указавший, что нормы литературного языка далеко не так категоричны и, например, ударение в слове «реку» испытывает колебания.

Здесь же был помещен ответ Ф. Gladкова, сославшегося на авторитет классической поэзии, которая знала лишь одно ударение – «на реку». Оттолкнувшись от этого частного вопроса, писатель перешел к большим обобщениям, касающимся закономерностей языковой эволюции. Он заявил, что развитие языка должно идти «в сторону наибольших преодолений», т. е. норме следует не сближаться с узусом, а, напротив, все резче противостоять ему. В качестве подтверждения этой парадоксальной мысли Ф. Gladков привел многочисленные письма трудящихся. Массы, по заявлению писателя, «свирепо протестуют против порчи и засорения языка жаргонизмами, вульгаризмами, натуралистическим перенесением в литературную речь местного сырья и пр.». Весьма показательно, что редакция «Литературной газеты» оставила последнее слово именно за Ф. Gladковым. При этом Д.Н. Ушаков невольно оказался оппонентом не отдельного языкового пуриста, а широких масс трудящихся.

Одной из последних предвоенных публикаций «Литературной газеты» о чистоте языка стала статья В. Катаева «Слово надо любить!» (ЛГ, 1940, № 48, с. 2). В ней не содержалось никаких конкретных утверждений – только лозунги самого общего характера. Катаев требовал от художника народности, а от слова – понятности и убедительности. Он торжественно заявлял: «Народу нужно слово полнокровное, свежее, точное, богатое, неотразимое, умное, справедливое».

Появление этой публикации стало закономерным итогом более чем десятилетнего обсуждения проблемы «чистоты русского языка» на страницах «Литературной газеты».

На мой взгляд, проанализированные факты свидетельствуют о явлении, которое можно назвать «ложной революционностью» идеологов советской власти. В 30-х годах определилась тенденция к однозначному осуждению официальной пропагандой всего истинно нового, смелого, т. е. по-настоящему революционного. Русский язык загонялся в рамки узко понимавшихся норм и приличий. В список «врагов языка» были включены как все средства усложнения стиля («словесные украшения»), так и приемы стилизации под живую народную речь (просторечные и диалектные слова, формы и конструкции). В арсенале писателя и публициста оставалось все меньше официально одобренных языковых ресурсов. То, что пишущего человека фактически лишали выбора слова, представляется вполне закономерным. Речевая свобода отрицалась властью так же, как и всякая дру-

гая – интеллектуальная, духовная, политическая, да и просто поведенческая.

В 30-х годах в целом определилась тенденция, которой предстояло ярко проявиться в дальнейшем: под лозунгами «борьбы за чистоту языка» велась борьба за унификацию речи, против ярких вербальных проявлений человеческой индивидуальности. Борьба за «чистоту языка» превращалась в борьбу за новояз.

Примечания

¹ См., например: *Гусейнов Г.Ч.* Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. 1989. № 11. С. 64–75; *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995; *Мухеев А.В.* Язык тоталитарного общества // Вестник АН СССР. 1991. № 8. С. 130–137; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998; *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика «Оттепели»: материалы к изучению пропагандистской модели XX съезда КПСС: Идеологема «культ личности» // Технология власти: источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 374–402; *Ромашов Н.Н.* Система идеологем русского тоталитарного языка по данным газетных демагогических текстов первых послереволюционных лет: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995; *Сарнов Б.М.* Наш советский новояз: Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2002; *Фельдман Д.М.* Терминология власти: Советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2006; *Хан-Пира Э.И.* Язык власти и власть языка // Вестник АН СССР. 1991. № 4. С. 12–24; *Шейгал Е.И.* Язык и власть. Волгоград, 1999.

² *Грановская Л.М.* Языковедческая наука в борьбе за чистоту и правильность русского языка (20–30-е годы XX в.) // Рус. яз. и лит. в азерб. шк. Баку, 1987. № 1. С. 17–23; *Климайте Д.Ю.* Борьба за чистоту русской литературной речи в первой половине 30-х годов советской эпохи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989; *Примочкина Н.Н.* Горький в литературной борьбе 1934–1935 годов: (Дискуссия о яз.) // Горьковские чтения 1995 г. Н. Новгород, 1996. С. 217–223.

³ Об этом см. подробнее: *Алпатов В.М.* 150 языков и политика: 1917–1997. М., 1997; *Вахтин Н.Б., Головки Е.В.* Социоллингвистика и социология языка. СПб., 2004; *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М., 2000.

⁴ Структура газетной кампании описана, например, в изд.: *Заика Н.К.* Политическая кампания в прессе: исторический опыт и современность. Владивосток, 1986. Несмотря на очевидную конъюнктурность данного исследования, автор достаточно точно и подробно характеризует такой феномен, как советская газетная дискуссия, и особо подчеркивает,

Поиск врага: «Литературная газета» о русском языке

что расхождение во мнениях между ее участниками является лишь внешним, при глубоком внутреннем единстве: «идет процесс взаимодополнения разнообразных мнений» (с. 137).

⁵ *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1927). М., 1928.

⁶ Такой подход характерен для ряда научных работ, опубликованных в советскую эпоху, в частности: *Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка* / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.

ПЕРВЫЕ ОТКЛИКИ
НА СМЕРТЬ АНДРЕЯ БЕЛОГО
В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ*

Андрей Белый умер 8 января 1934 г. после тяжелой, длившейся около полугода болезни. Смерть писателя дала толчок ожесточенной дискуссии о его роли в развитии отечественной культуры и – шире – «о месте поэта в рабочем строю». Дискуссия развернулась на страницах советской и эмигрантской печати и привела к весьма существенным для литературного процесса последствиям: в Советском Союзе имя Белого, символиста и мистика, оказалось фактически под запретом; в кругах русской эмиграции был создан и развит миф о Белом как о поэте-пророке, загодя предсказавшем свою кончину, превратившем смерть в акт жизнетворчества и таким радикальным образом реализовавшем заветы символизма¹.

Смерть Белого пришла на горячее время: страна готовилась к XVII партийному съезду – съезду победителей, который должен был открыться 26 января². В сфере «утрат» в общественной жизни также было немало событий, причем гораздо более важных, нежели смерть писателя – символиста и мистика. В ноябре со всеми почестями у Кремлевский стены похоронили японского коммуниста Сен Катаяму. Еще едва отзвучали слова скорби по умершему в декабре Луначарскому и не закончились мероприятия по увековечению его памяти. И уже не за горами маячило событие безусловной государственной важности – десятилетний юбилей со дня смерти Ленина. В общем, было не до Белого. Хотя, впрочем, не обошлось и без мелких удач.

Непосредственно в день кончины Белого, 8 января, происходило первое в 1934 г. заседание Секретариата Оргкомитета Союза советских писателей, т. е. все, с кем требовалось согласовывать процедуру похорон и прочие нюансы «увековечения», были на месте. Сохранился протокол этого заседания³, проходившего под председательством П.Ф. Юдина. Присутствовали члены оргкомитета В.В. Ермилов и В.Я. Кирпотин, известные писатели и

* Работа выполнена в рамках проекта, получающего поддержку РГНФ–DFG (грант № 06–04–92105АД).

издательские работники (Артем Веселый, Шалва Сослани, Иван Катаев, Ефим Вихрев и мн. др.), а также представители ТАСС, газет и журналов («Литературная газета», «Вечерняя Москва», «Литературный критик»). В протоколе среди присутствовавших были названы Б.А. Пильняк и Г.А. Санников, подошедшие, как следует из записных книжек последнего, уже после начала заседания. Вслед за ними появился и Б.Л. Пастернак⁴.

На повестке дня стояли вопросы, вынесенные на рассмотрение еще, видимо, в конце 1933 г. Сначала слушали сообщение о работе литературного кружка ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт им. проф. Н.Е. Жуковского) и признали работу кружка удовлетворительной. Потом разбирали доклад бригады писателей по изучению литературы Узбекской ССР. По итогам доклада постановили: «В плане реализации идеи А.М. Горького о создании сборников художественных произведений национальных литератур для показа прошлого и современного лица национальных республик – считать одной из основных задач комиссии к 10-летию УзССР выпуск сборника узбекской художественной литературы. <...>. Включить в состав группы постпреда УзССР т. Турсун-Ходжаева. К участию в работе группы привлечь палехского художника, которому поручить отразить 10-летие УзССР в живописи».

Далее должны были рассматриваться вопросы о неудовлетворительной работе с молодыми писателями Ленинграда, о необходимости подготовки выставки к готовящемуся Первому съезду Союза советских писателей, об итогах работы бригады по изучению литературы Севера. Однако перед ними вклинился незапланированный вопрос об Андрее Белом.

«Сообщение о смерти писателя было получено во время расширенного заседания секретариата всесоюзного Оргкомитета», – писала «Литературная газета» 11 января 1934 г. «После обсуждения узбекского вопроса Юдин объявил о случившемся», – отметил в записных книжках Санников⁵.

В Протоколе заседания зафиксировано следующее:

«Слушали: Внеочередное заявление тов. Юдина о смерти писателя Андрея Белого.

Тов. Юдин предлагает почтить его память вставанием.

(Все встают.)

Постановили: Для организации похорон Андрея Белого создать Комиссию в составе Пильняка, Санникова, Вихрева, Ермилова, Пастернака, Крутикова, Симмена.

Поручить Комиссии поставить вопрос перед Оргкомитетом об отпуске средств на организацию похорон и об обеспечении семьи покойного».

В записных книжках Санникова отмечен ряд деталей этого заседания, не попавших в протокол: «Почтили вставанием. Предоставили слово мне и Пильн<яку>. Образовали комиссию. Подошел Пастернак. Наметили порядок»⁶.

Запись Санникова о том, что «наметили порядок», допускает двоякую интерпретацию. Возможно, здесь идет речь о тех действиях, которые согласованно решили предпринять Пастернак, Пильняк и Санников (только эти трое из включенных Оргкомитетом в комиссию по организации похорон Белого могли считаться друзьями покойного). Однако более вероятно, что «порядок» был намечен не тремя друзьями, а всей комиссией по организации похорон и тут же согласован с Оргкомитетом. Таким образом был определен, что называется, чин, или разряд, мероприятия: место, время, характер освещения в прессе и пр.

Очевидно, что уже 8 января было решено, что похороны будут проводиться как мероприятие государственного значения и за государственный счет, что прощание с телом будет происходить в зале Оргкомитета Союза советских писателей на ул. Воровского, что состоится гражданская панихида с назначенными ораторами и музыкантами, что у гроба выставят почетный караул, мозг усопшего передадут в Институт мозга, тело кремируют, а урну с прахом захоронят на кладбище Новодевичьего монастыря. Вероятно, в «намеченный порядок» входило сообщение через ТАСС, центральную и столичную печать о смерти, гражданской панихиде и похоронах писателя, а также публикация почтительных некрологических заметок, посвященных писателю-символисту, принявшему революцию, отказавшемуся от эмиграции и изъявившему готовность служить советской власти.

О самом факте смерти, а также о дате и месте официальных мероприятий, посвященных этому событию, население страны и столицы было проинформировано 9 января Оргкомитетом Союза Советских писателей через газеты «Известия» и «Вечерняя Москва»: в обеих газетах появились лаконичные заметки без подписей:

«Оргкомитет Союза Советских Писателей СССР с глубокой скорбью извещает о смерти писателя Андрея Белого – Бориса Николаевича Бугаева. Гражданская панихида состоится 9 января в 6 час. веч. в помещении Оргкомитета Союза Совет-

Первые отклики на смерть Андрея Белого в советской печати

ских Писателей (ул. Воровского, 50). Доступ к телу 9 января с 4–10 час. вечера там же. Вынос тела из клуба Оргкомитета 10-го в 1 час дня. Кремация 10-го в 3 ч. 30 мин.»⁷

«Оргкомитет Союза Советских Писателей СССР с глубокой скорбью извещает о смерти писателя Андрея Белого – Бориса Николаевича Бугаева. Гражданская панихида состоится 9 января в 6 час. веч. в помещении Оргкомитета Союза Советских Писателей (ул. Воровского, 50). Доступ к телу 9 января с 4–10 час. вечера там же. Вынос тела из клуба Оргкомитета 10-го в 1 час дня. Кремация 10-го в 3 ч. 30 мин.»⁸

В тот же день в тех же двух газетах были опубликованы и авторские некрологи. «Вечерняя Москва» поместила небольшую заметку «Последние годы», за подписью А. Кут:

«Последние годы жизни скончавшегося вчера Андрея Белого были отмечены большой творческой и общественной работой. Писатель – в прошлом один из вождей русского символизма – активно включился в литературно-общественную жизнь: выступал в оргкомитете писателей, делал публичные доклады, работал в местком ГИХЛ'а.

У всех в памяти выступление А. Белого на пленуме оргкомитета ССП в октябре 1932 года, отмеченное тогда всей нашей печатью. Окидывая взором свой общественный путь за последние 15 лет, писатель вспомнил, как еще в 1918 году он работал в московском Пролеткульте. С большой искренностью писатель признал, что тогда он являлся только случайным гостем советской литературы. Сейчас же, – говорил он, – я не могу смотреть на себя иначе, как на активного участника, чувствующего и свою долю ответственности за ее успехи, за создание тех Магнитостроев литературы, которые стали возможными только в наши великие дни.

Не менее памятна литературной Москве его выступления в оргкомитете с блестящим докладом о советском очерке (он был напечатан в “Новом мире”) и его вечер в Политехническом музее.

* * *

В прошлом году А. Белый выпустил большой роман “Маски”. Писатель смонтировал из наиболее удачных отрывков этой трудной и сложной книги отдельную вещь и напечатал ее на страницах “Вечерней Москвы”.

В издании ГИХЛ'а только что вышел огромный том воспоминаний писателя “Начало века”. В этой книге Андрей Белый резкими мазками набросал яркую картину идейного убожества и скудоумия профессорской и литературной Москвы, а отчасти и Петербурга в годы, предшествовавшие первой революции.

Сейчас заканчивается печатанием большой труд А. Белого о Гоголе, явившийся результатом работы всей жизни писателя.

После А. Белого остался огромный архив, имеющий большое значение для изучения истории русской литературы. Этот архив, содержащий более 12 тысяч рукописных страниц, писатель передал В.Д. Бонч-Бруевичу для организуемого им в Москве Центрального литературного музея. Помимо огромного количества рукописей поэта и 600 писем крупнейших писателей, ученых и общественных деятелей, архив содержит сборник лучших стихотворений А. Белого, подготовленный поэтом для посмертного издания».

Заметка А. Кута кажется прямой реализацией намеченного 8 января на заседании Оргкомитета плана по увековечению памяти Белого в той «дозировке», которая полагалась писателю-символисту и писателю-мистику. Автор некролога, тонко чувствующий политическую конъюнктуру, педантично перечислил заслуги Белого перед советской властью, придерживаясь хоть и уважительного, но суховатого официозного тона, не допускающего каких-либо эмоциональных оценок и lamentаций по поводу утраты, понесенной отечественной культурой. Примечательно, что А. Кут демонстративно игнорировал как дореволюционный период жизни и творчества Белого (т. е. период символизма и мистических исканий), так и 1920-х годов, омраченных отъездом Белого в Германию и возвращением из эмиграции в Советскую Россию. В поле зрения журналиста остались только 1930-е годы, отмеченные попытками Белого приспособиться к советской идеологии и зарекомендовать себя как благонадежного советского писателя. Сотрудник «Вечерней Москвы» совершенно сознательно ограничился обзором лишь трех последних лет жизни Белого, откровенно заявив об этом в заглавии некролога – «Последние годы». Таким образом ему одновременно удалось и почтить память усопшего, и избежать идеологически скользких тем.

Другим некрологом, появившимся в тот же день (9 января) в газете «Известия», намеченный в Оргкомитете «порядок» был, напротив того, нарушен. Авторы – Б.Л. Пастернак, Б.А. Пильняк и Г.А. Санников – не ограничились, подобно А. Куту, сухим перечнем заслуг Белого, но написали панегирик, подобного которому не появлялось в советской прессе ни до, ни после смерти писателя⁹:

«8 января, в 12.30 мин. дня умер от артериосклероза Андрей Белый, замечательнейший писатель нашего века, имя которого станет рядом с именами классиков не только русских, но и мировых. Имя каждого гения всегда отмечено созданием своей школы. Творчество Андрея Белого – не только гениальный вклад как в русскую, так и в мировую литературу,

Первые отклики на смерть Андрея Белого в советской печати

оно – создатель громадной школы. Перекликаясь с Марсель Прустом в мастерстве воссоздания мира первоначальных ощущений, А. Белый делал это полнее и совершеннее. Джемс Джойс для современной европейской литературы является вершиной мастерства. Надо помнить, что Джемс Джойс – ученик Андрея Белого. Придя в русскую литературу младшим представителем школы символистов, Белый создал больше, чем все старшее поколение этой школы – Брюсов, Мережковские, Сологуб и др. Он перерос свою школу, оказав решающее влияние на все последующие русские литературные течения. Мы, авторы этих посмертных строк о Белом, считаем себя его учениками.

Как многие гениальные люди, Андрей Белый был соткан из колоссальных противоречий. Человек, родившийся в семье русского ученого-математика, окончивший два факультета, изучавший философию, социологию, влюбленный в химию и математику при **неменьшей любви** к музыке, Андрей Белый мог показаться принадлежащим к той социальной, интеллигентской, прослойке, которой было не по пути с революцией. Если к этому прибавить, что во время своего пребывания за границей Андрей Белый учился у Рудольфа Штейнера, последователи которого стали мракобесами Германии, то тем существенней будет отметить, что не только сейчас же после Октябрьской революции Андрей Белый деятельно определил свои политические взгляды, заняв место по нашу сторону баррикады, но и по самому существу своего творчества должен быть отнесен к разряду явлений революционных. Этот период определился всей субстанцией Андрея Белого. Он не был писателем-коммунистом, но легче себе представить в обстановке социализма, нежели в какой-нибудь иной, эту деятельность, в эстетическом и моральном напряжении своем всегда питавшуюся внушениями точного знания, это воображение, никогда ни о чем не мечтавшее, кроме конечного освобождения человека от всякого рода косности, инстинктов собственничества, неравенства, насилия и всяческого дикарства. Андрей Белый с первых дней революции услышал ее справедливость, ибо Белый умел слушать историю. В 1905 г. Андрей Белый – сотрудник социал-демократической печати. В 1914 г. А. Белый – ярый противник “бойни народов” (выражение Белого того времени). В 1917 г., еще до Октября, А. Белый вместе с А. Блоком – организатор “скифов”. Сейчас же после Октября А. Белый – сотрудник и организатор ТЕО Наркомпроса. Затем – руководитель литературной студии Московского Пролеткульта, воспитавший ряд пролетарских писателей. С 1921 по 1923 г. А. Белый за границей, в Берлине являлся литературным водоразделом, определившим советскую и антисоветскую литературы, и утверждением советской культуры, зная которой тогда он нес для заграницы. Последние десять лет – напряженнейший писательский труд, пересмотр прошлого в ряде воспоминаний, работа над советской тематикой, к овладению ко-

торой он приближался в последних своих произведениях от тома к тому. Андреем Белым написано 47 томов. Им прожита очень сложная жизнь. Все это – поле для больших воспоминаний и изучений, большой вклад в нашу советскую культуру».

Как отмечено Л.С. Флейшманом, «обнародование некролога повлекло за собой целую административную бурю: слишком многое задевало в нем больные вопросы текущей литературной полемики и выглядело вызовом. Уже трехкратное употребление в краткой заметке эпитета *гений* вообще не вязалось с установившейся в газетах терминологией – вдвойне диким оно оказывалось в связи с А. Белым, не только не считавшимся центральной фигурой в складывавшейся культуре “социалистического реализма”, но до 1932 г. находившимся на периферии литературных отношений. <...> Отнесение поэтому его творчества к “разряду явлений революционных” <...> не могло не выглядеть абсурдным: вдобавок, “революционность” эта <...> отождествлялась в некрологической заметке с движением “скифов”. <...> Упоминание о “колоссальных противоречиях” расходилось с укоренившимся в условиях 30-х годов требованием “монументальности” идеологической системы художника, но включение в этот же контекст учебы у Штейнера было вдвойне неуместным – ведь задолго до установления “мракобесного” режима в Германии антропософия подверглась в Советской России гонениям, и Белый был самым видным ее представителем, оставшимся не затронутым репрессиями»¹⁰.

Помещение столь вызывающего по советским меркам текста на страницах «Известий», ответственным редактором которых был И.М. Гронский, «стало возможным в силу личной близости И.М. Гронского с А. Белым в последний год его жизни, а также потому, что все трое авторов некролога принадлежали к авторскому активу “Нового Мира”»¹¹, которым Гронский в то время тоже руководил.

Записные книжки Г.А. Санникова позволяют прояснить некоторые моменты этой скандальной публикации. Санников сообщает, что к работе над некрологом Пастернак, Пильняк и он сам приступили вскоре после того, как в Оргкомитете ССП был «намечен порядок» похорон и увековечения памяти: «Проехали в клинику, в анатомичку, оставили заявление о передаче мозга в Ин<сти>тут мозга¹². Заехали к Кл<авдии> Ник<олаевне>. Вечером засели втроем за некролог»¹³. Судя по всему, текст написали быстро и вечером того же дня доставили в «Известия». Заметку вручили Г.Е. Цыпину, с которым все трое авторов

встречались утром на заседании Оргкомитета. Видимо, там же с ним договорились и о публикации некролога в «Известиях», и о вечерней встрече в редакции.

Григорий Евгеньевич Цыпин (1899–1938) в 1930-е годы был достаточно видной фигурой в литературных кругах: до 1932 г. он возглавлял газету «Вечерняя Москва», в 1934 г., после отстранения от руководства «Известиями» И.М. Гронского, стал одним из заместителей нового главного редактора Н.И. Бухарина, а в 1936 г. – директором «Детиздата» (правда, в 1937 г. он уже был уволен, а в 1938 г. расстрелян)¹⁴. Цыпин считался опытным издательским работником, но в данном случае политическое чутье ему изменило. Он оказался единственным начальником, которому хоть и с некоторыми оговорками, но понравился некролог, написанный Пастернаком, Пильняком и Санниковым. Возможно, именно Цыпину мы обязаны тем, что некролог-панегирик Белому, объявляющий его гением русской и мировой литературы, вообще увидел свет. Как следует из записных книжек Санникова, реакция И.М. Гронского, ознакомившегося с некрологом после Цыпина, была гораздо менее восторженной и, мягко говоря, неоднозначной:

«В “Изв<естиях>” Цыпин сказал: “Замечательно написано”, возражал против перечисления классиков. Пришел Гронский. Прослушал. – “Неправильная статья” <...> – “надо заказать для «Изв<естий>» еще одну”. Пильняк: “Отказаться легко, подберут другие”»¹⁵.

По последней фразе Пильняка ясно, что в какой-то момент речь вообще шла об отказе от публикации сомнительного текста. Трудно предположить, что на решение могла повлиять угроза отдать некролог в другой печатный орган («подберут другие»). Но как бы то ни было, чаша весов склонилась в пользу публикации. И, конечно же, последнее слово здесь было сказано Гронским, которого Белый не без основания считал своим покровителем и благодетелем. «И.М. Гронский <...> оказывает гостеприимство в “Новом мире”, и теплейше идет навстречу всем моим планам; <...> словом – я встречаю внимание и поддержку в партийных кругах», – писал Белый в августе 1933 г.¹⁶ Примечательно, что Гронский был осведомлен не только о его творческих планах, но также о состоянии здоровья и, как следует из дневниковых записей Белого за август-сентябрь 1933 г., старался помочь с лечением: «И.М. Гронский прикрепляет меня к Кремлевской лечебнице» (август); «И.М. Гронский обещается прикрепить меня к Кремлевской аптеке ввиду болезни» (2 сентября); «Меж-

ду прочим Г.А. <Санников> сообщил мне, что ему передавал Гронский, что он разговаривал обо мне со Стецким – вот о чем, ускользнуло: о квартире или о прикреплении меня к Кремлевской аптеке?» (3 сентября); «Передавал о том, что Гронский лично просил прикрепить меня к Кремлевской аптеке Стецкого; и что это будет на днях исполнено» (8 сентября)¹⁷.

Трудно сказать, успел ли Гронский выполнить свои обещания и прикрепить умирающего писателя к кремлевской аптеке, но «гостеприимством» Гронского в «Новом мире» Белый в конце жизни пользовался весьма активно¹⁸. 8 сентября 1933 г. он, уже будучи совсем больным, получил экземпляр журнала со своей последней публикацией, о чем записал в дневнике: «Был Гр<игорий> Алекс<андрович> Санников; принес номер “Нового мира”, где напечатан его “Каучук” и мои отрывки из “Начала века”»¹⁹.

Отрывки, опубликованные Гронским в «Новом мире», предваряли готовящийся в Государственном издательстве художественной литературы выход книги мемуаров Белого «Начало века»²⁰. Предисловие к книге летом 1933 г. было написано Л.Б. Каменевым, в недавнем прошлом – крупным партийным и государственным деятелем. Карьера Каменева в конце 1920-х гг. начала клониться к закату: он был отстранен от ключевых постов, неоднократно исключался из партии и вновь восстанавливался. В мае 1933 г. он занимал пост заведующего издательством «Academia», но его авторитет партийного идеолога и публициста по-прежнему был велик и, как казалось, укреплялся с приближением Первого съезда советских писателей²¹.

Естественно, что Белый с особым волнением ждал суждения Каменева о своем творчестве. Ему казалось, что каменевское предисловие или откроет, или, напротив, закроет ему путь в советскую литературу. Тревогу Белого разделяли друзья, в том числе Г.А. Санников и, возможно, Б.Л. Пастернак. Они ознакомились с текстом предисловия еще летом, в гранках, и были настолько им потрясены, что долгое время просто не решались показать его Белому, справедливо опасаясь за его самочувствие и здоровье²². В итоге писатель прочитал предисловие к своим мемуарам только в ноябре 1933 г., когда получил из издательства сигнальный экземпляр книги.

Основная идея предисловия была сформулирована Каменевым уже в первом абзаце: «С писателем Андреем Белым в 1900–1905 гг. произошло трагикомическое происшествие: комическое, если взглянуть на него со стороны, трагическое –

с точки зрения переживаний самого писателя. Трагикомедия эта заключалась в том, что, искренне почитая себя в эти годы участником и одним из руководителей крупного культурно-исторического движения, писатель на самом деле проблуждал весь этот период на самых затхлых задворках истории, культуры и литературы. Эту трагикомедию Белый и описал ныне в своей книге «Начало века»».

В дальнейшем мысль о «полном банкротстве», к которому пришел Белый в результате «идейного хаоса и умственных метаний по задворкам культуры», развивалась на все лады:

«Как это ни печально для автора воспоминаний, а нужно прямо сказать, что между той средой, идеологией и психологией, которые он запечатлел на страницах своей книги, и тем подлинно новым, что росло ярко и буйно в описываемую им эпоху, никакого мостика, самого легкого и воздушного, проложить никак нельзя. Литературно-художественная группа, описываемая Белым, по своему составу, по своей идеологии, по своей психологии есть продукт загнивания русской буржуазной культуры, а отнюдь не предшественница, не провозвестница сил эту “культуру” ликвидировавших». «Не случай, а закономерность классовых отношений сделали Белого и его круг глухими к революции, к Марксу, к Ленину и открыли их уши для Канта и Тернавцева, Ницше и митрополита Антония, неокантианцев и антропософов. А это, в свою очередь, обрекло их на то, чтобы в самую захватывающую эпоху русской истории скитаться по культурным задворкам. <...> не имеет никаких шансов войти в культурную сокровищницу человечества тот, кто обошел боковыми тропинками столбовую дорогу своей эпохи». «Октябрьская революция спасла кое-кого из этого поколения буржуазной интеллигенции, – напр., автора “Начала века”, – быть может, еще спасет кое-кого. Но чтобы спасти их, она должна была взять их за шиворот и сорвать с того пути, по которому они двигались, ибо по самому своему характеру это была обреченная на гибель группа».

Знакомство Белого с предисловием Каменева произошло тогда, когда писатель был уже неизлечимо болен. Белый был шокирован каменевским приговором. Это со всей очевидностью просматривается в надписи на книге, подаренной Белым П.Н. Зайцеву 28 ноября 1933 г.: «Дорогому другу с горячей любовью этот искаженный предисловием Каменева экземпляр. Автор»²³.

Болезненная реакция писателя зафиксирована в дневнике С.Д. Спасского, в записи, сделанной со слов К.Н. Бугаевой

сразу после смерти Белого: «Предисловие к “Началу Века” поразило. – Я никогда не был шутом. А он меня сделал шутом. – Как теперь я могу появляться в ГИХЛ. Не любил вспоминать о предисловии. Но однажды, вернувшись домой, обессиленный, прилег на кровать, свернувшись: – А все-таки ушиб меня Каменев»²⁴.

Н.И. Гаген-Торн в письме к Р.В. Иванову-Разумнику от 21 января 1934 г. рассказывала: «Очень сильно повлияло на него предисловие Каменева ко II т. воспоминаний (“Начало века”). Б.Н. был взбешен и выведен из себя. Случилось вторичное кровоизлияние 3/XII. 8-го декабря его отправили в больницу, а 8-го января – он умер»²⁵.

На то, что причиной смерти Белого мог стать выход книги мемуаров «Начало века» с каменевским предисловием, указывал и П.Н. Зайцев в дневниковых записях и набросках: «Первое кровоизлияние произошло в Коктебеле 15 июля 1933 года. Затем последовал ряд кровоизлияний: одно в конце ноября. Не связано ли оно с получением авторских экземпляров “Начала века”, к которым Л.Б. Каменев дал свое предисловие (о “задворках культуры”)? Не знаю... Последние кровоизлияния – 6-го и 8-го января 1934 года»²⁶.

Можно с уверенностью сказать, что московские литературные круги именно Каменева винили в преждевременной кончине Белого. И с большой степенью вероятности можно предположить, что в курсе истории с предисловием к «Началу века» был ответственный редактор «Известий» И.М. Гронский. По крайней мере у него были все шансы узнать о нем как самому, так и от авторов некролога.

Нам представляется, что и Пастернак, и Пильняк, и Санников, сочиняя некролог, помнили о статье Каменева, ускорившей кончину писателя, и написали свой панегирик не просто в едином душевном порыве, но и в прямой полемике с каменевской оценкой творчества Белого.

* * *

Если Каменев доказывал, что автор «Начала века» всю свою жизнь «проблуждал <...> на самых затхлых задворках истории, культуры и литературы», то «известинский» некролог был целиком посвящен утверждению обратного. По мнению Пастернака, Пильняка и Санникова, «8 января, в 12.30 мин. дня умер <...> замечательнейший писатель нашего века <...>». В черновом

автографе эта мысль была сформулирована Пастернаком еще резче: «8-го января в половине первого скончался Андрей Белый. Умер величайший русский писатель, человек до конца несостарившейся гениальности, всю жизнь раздиравшийся противоречиями своих разнообразных задатков»²⁷.

Странный образ «несостарившейся гениальности», возможно, был полемичен по отношению в каменевскому тезису о том, что «у русской буржуазной идеологии не было буйной молодости», а потому «пораженная в детстве болезнью старческого маразма, она не дала ни Вольтера, ни Гете, ни Байрона».

Каменев утверждал: «Глубокие потрясения всего организма страны, предвещавшие крушение капиталистического мира в России, и генеральная репетиция его в 1905 г. не создали ни Толстого, ни Достоевского». В «известинском» некрологе, напротив, выражалась твердая уверенность в том, что имя Белого «станет рядом с именами классиков не только русских, но и мировых». В черновом автографе некролога имена русских классиков, в ряд с которыми должно быть поставлено имя Белого, перечислялись: «Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Блок, Маяковский». Но, как указывалось выше, это перечисление не устроило Цыпина и потому было вычеркнуто.

Из звезд мировой, т. е. зарубежной литературы авторы некролога назвали лишь двух – не слишком популярных у широкой публики и совершенно не очевидных с точки зрения политической конъюнктуры: «Переключаясь с **Марсель Прустом** в мастерстве воссоздания мира первоначальных ощущений, А. Белый делал это полнее и совершеннее. Джемс Джойс для современной европейской литературы является вершиной мастерства. Надо помнить, что Джемс Джойс – ученик Андрея Белого».

Не исключено, что выбор этих двух сомнительных имен был продиктован в том числе и желанием защитить умершего друга от той критики, с которой Каменев обрушился на манеру письма Белого: на усложненность стиля, словотворчество, особенности психологических и портретных характеристик персонажей.

Подвергся нападкам Каменева и «культурный багаж» Белого. Писателя-символиста и его окружение автор предисловия к «Началу века» уличил в «подлинном бескультурье»: «<...> не спасает среду Белого тот факт, что – по собственному их мнению – они стояли на вершинах человеческой культуры, что они посвящали свое время и размышления “вечным проблемам”, что на страницах их книг и статей мелькают то и дело имена гигантов мысли и творчества. Все это оказалось внешним»;

«<...> книга Белого свидетельствует непреложно, что при всех этих фокусах исторический кругозор господ фокусников был – в вершок, связь с жизнью равнялась – нулю, объем опыта – исчерпывался десятком модных европейских книг: от Форлендера до Риккерта и от Риккерта – до Форлендера»; «о нем мало сказать, что он был политически малограмотен, – он был просто культурно безграмотен, хотя бы на столе у него и лежали книги Канта, стихи Бодлера и рисунки Бердслея».

Пастернак, Пильняк и Санников постарались отклонить этот упрек, указав, что Белый – «человек, родившийся в семье русского ученого-математика, окончивший два факультета, изучавший философию, социологию, влюбленный в химию и математику при неменьшей любви к музыке <...>». В черновом автографе некролога эта мысль более развернута: указывается, что Белый изучал «Шопенгауэра, Канта, Гегдинга, Вундта наряду с физикой, химией и микробиологией».

Развивая мысль о «задворках культуры», Каменев обличал представителей буржуазной интеллигенции начала века в том, что они пропустили процесс революционных преобразований в стране грядущего социализма, и дезавуировал попытки Белого «представить своих соратников предтечами нового <...>, “бунтовщиками”, способствовавшими хотя бы косвенно взрыву феодально-капиталистической культуры в России»: «Перелистывая книгу воспоминаний поэта, философа, публициста Б.Н. Бугаева <...>, иногда прямо диву даешься: где жили эти люди? что они видели? что они слышали? Или, верней, как умудрились они жить в великую эпоху, ничего не видя, ничего не слыша?» «Ему хочется с Октябрьской революцией “родным счастьем”. Благородное желание. Но – увы! – желание ни на чем не основанное».

Авторы некролога начинают защиту Белого, риторически допустив возможность каменевских выводов: «Андрей Белый мог показаться принадлежащим к той социальной, интеллигентской, прослойке, которой было не по пути с революцией <...>». Однако тут же по пунктам доказывают ее необоснованность и делают прямо противоположный вывод: «<...> не только сейчас же после Октябрьской революции Андрей Белый действительно определил свои политические взгляды, заняв место по нашу сторону баррикады, но и по самому существу своего творчества должен быть отнесен к разряду явлений революционных. <...> Андрей Белый с первых дней революции услышал ее справедливость, ибо Белый умел слушать историю».

Для Пастернака, Пильняка и Санникова Андрей Белый – безусловный «гений», что искупает даже его ошибки, например, то, что он «учился у Рудольфа Штейнера»: «Как многие гениальные люди, Андрей Белый был соткан из колоссальных противоречий». Для Каменева Белый – типичный представитель буржуазной интеллигенции, носитель всех ее пороков, а потому его претензии на влияние в литературе и идеологии не только завышены, но вовсе не оправданны: «Мы знаем от автора, что и сам он носился с мыслью положить конец хаосу и бесплодию своей системой “символизма как мировоззрения”. Но никому из этих учителей никаких школ создать не удалось. Задача была неразрешима. Мысль буржуазной интеллигенции оказалась бессильной и перед надвинувшейся на нее катастрофой предстала разрозненной, разбитой на отдельные секты, школы и кружки».

Брать под защиту «символизм как мировоззрение» авторы «известинского» некролога по понятным причинам не собирались, но попытались нейтрализовать каменевские обвинения, указав, что Белый-символист «перерос свою школу, оказав решающее влияние на все последующие русские литературные течения»: «Придя в русскую литературу младшим представителем школы символистов, Белый создал больше, чем все старшее поколение этой школы, – Брюсов, Мережковские, Сологуб и др.».

В черновике некролога в списке представителей старшего поколения символистов после Мережковских фигурировал еще и Вячеслав Иванов, а завершалось предложение сообщением, что Белый сделал «никак не меньше, чем Блок».

Думается, что не только по личному убеждению, но и в пику Каменеву, в качестве основной заслуги Белого Пастернак, Пильняк и Санников демонстративно заявили о создании Белым литературной школы, причем школы «громадной». Более того, этот эпатажный тезис они постарались доказать на конкретных примерах: «Мы, авторы этих посмертных строк о Белом, считаем себя его учениками». Получилось смело, самоотверженно, но, увы, не очень впечатляюще. В черновом автографе некролога список учеников был больше и аргументация выглядела гораздо убедительней: «равно как под его влиянием были – Есенин, Маяковский, Бабель, Олеша и очень, очень многие другие». Очевидно, что первоначальное желание авторов некролога представить Белого учителем признанных фигур советской литературы показалось «перебором» и перечисление было снято. Однако, несмотря на такое существенное сокращение, мысль о

Белом как о гении и создателе «громдой школы» прозвучала внятно и полемично по отношению к предисловию Каменева.

Трудно, основываясь на кратких записях Санникова, делать выводы о том, насколько каменевский подтекст некролога был считан Гронским и что конкретно имел Гронский в виду, воскликнув после прослушивания: «Неправильная статья». Возможно, ему, как и членам Оргкомитета ССП, устроившим скандал в связи с публикацией некролога в «Известиях», показалось, что панегирик Белому не согласуется с генеральной линией партии в области советской литературы. Однако «неправильной» статья Пастернака, Пильняка и Санникова могла выглядеть на фоне той оценки жизни и творчества писателя, которая была дана в каменевском предисловии к «Началу века». Здесь одно другому не противоречит. И все же пусть косвенно, но подтверждает последнюю версию то, что сразу после ознакомления с «неправильным» некрологом Гронский велел заказать второй, «правильный» – дискуссионный по отношению к первому и одновременно уравнивающий ситуацию в целом. Важно при этом, что решение нейтрализовать «неправильную» статью «правильной» было принято еще вечером 8 января – до того как разгорелся скандал. И особенно значимо, что «правильный» некролог было поручено сочинить именно Каменеву.

«Правильный» некролог появился в «Известиях» уже на следующий день, 10 января. Он был в три раза длиннее, чем некролог Пастернака, Пильняка и Санникова и занял целый «подвал»; в нем повторялись основные тезисы предисловия к «Началу века», правда, в чуть смягченном виде, и вновь утверждалось, что «Андрей Белый был и оставался человеком старого, гибнущего мира», что «его стремление объявить себя одним из ранних предтеч и строителей социалистической культуры неправомерно и необоснованно», что «в вопросах общего мировоззрения он заканчивал линию Гоголя и Достоевского, а не зачинал новое». Правда, справедливости ради надо отметить: в финале статьи Каменев признал, что Белый «не мирился с миром буржуазного мещанства, не воспевал его и не пытался в этом обреченном мире создать для себя уютный уголок, из которого спокойно и благодушно можно было бы наблюдать исторические катастрофы», что он «рвался к новому мировоззрению, инстинктивно чувствовал, что эта новая правда растет в коллективных усилиях людей, строящих социализм», чем и заслужил право на внимание потомков: «В этом залог того, что его книги не останутся бесплодно пылиться на полках библиотек, а будут

сниматься с них и изучаться даже тогда, когда отраженная в них трагедия идеализма и индивидуализма станет для человечества давно прошедшим скверным сном».

Однако маленькая хитрость Гронского не сработала. Статья Каменева уже не могла загасить скандала, вспыхнувшего в связи с публикацией Пастернака, Пильняка и Санникова. «Дискуссия о переоценке», начатая в «Известиях», продолжилась в кулуарах Оргкомитета и в речах выступавших на гражданской панихиде, потом – перенеслась на страницы газет²⁸. В общем, «переоценки» творчества Белого не допустили. Однако это – тема дальнейшего исследования.

В заключение отметим еще одну «реплику» Каменева. 18 января в 2 часа дня на кладбище Новодевичьего монастыря состоялось захоронение урны с прахом писателя. Вечером того же дня, как отмечено в дневниковых записях П.Н. Зайцева, «состоялось заседание в изд<ательст>ве “Академия” по вопросу об издании стихотворений Андрея Белого. От изд<ательст>ва “Академия” слушал и выступал Л.Б. Каменев. Были: К.Н. Бугаева, Б.А. Пильняк, П.Н. Зайцев и, помнится, – Г.А. Санников и Б.Л. Пастернак»²⁹.

По иронии судьбы именно Каменев с готовностью взялся за выпуск посмертного сборника стихотворений Белого. Он поддержал предложение об объеме книги – в 50 печатных листов, а вот по вопросу о гонораре и тираже между П.Н. Зайцевым и Каменевым возник спор:

«29 января 1934 г.

Вчера был в издательстве “Академия”, говорил с Л.Б. Каменевым о гонораре за стихи принятого издательством сборника Андрея Белого, назвал цифру: три рубля за строчку <...> В сборнике “Избранных стихов” Андрея Белого – 15 тысяч строк, это по 3 рубля за строку будет 45 тысяч рублей.

– Этого гонорара не выдержит книга, – заметил Каменев. – Какой тираж мы будем выпускать? Пять тысяч экземпляров. Цену выше 15 руб. за экземпляр книги (продажную) нельзя назначать. А при гонораре 3 рубля за строку книга будет стоить 40–50 рублей.

– Надо печатать 10000 экз., – заметил я.

– 10 тысяч можно, – ответил Каменев.

– А нельзя ли 15 тысяч экземпляров? – спросил я.

– Таких тиражей у нас нет.

– Ведь это первое полное собрание стихов Андрея Белого, – продолжал я.

– Первое... (пауза Каменева)... Это будет последнее издание, – перевел Л.Б. Каменев»³⁰.

Впрочем, прогноз Каменева не сбылся. Не осуществилось и его благое намерение. Сборник стихотворений Белого, доведенный усилиями вдовы и друзей до стадии верстки, так и не издадут. А Каменева через год арестуют и через два года расстреляют.

Примечания

¹ См. об этом: *Спивак М.Л.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. М., 2006. С. 454–471.

² Согласно рассказу В.Н. Топорова, он впервые услышал о существовании Андрея Белого из радиовыпуска новостей: передача начиналась информацией о том, как страна готовится к съезду, а завершалась сообщением о смерти писателя.

³ РО ИМЛИ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 436.

⁴ *Санников Г.А.* Раздумье / Сост. Д.Г. Санников. М., 2005. С. 123.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Известия. 1934, 9 янв. № 8 (5256). С. 4.

⁸ Вечерняя Москва. 1934, 9 янв. № 8 (3037). С. 3.

⁹ См. комментарии Дж. Малмстада в кн.: *Бугаева К.Н.* Воспоминания о Белом. Berkeley, 1981. С. 385.

¹⁰ *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005. С. 198.

¹¹ Там же.

¹² Подробнее об этом см.: *Спивак М.Л.* Посмертная диагностика гениальности: Андрей Белый, Эдуард Багрицкий, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга. М., 2001. С. 9–12.

¹³ *Санников Г.А.* Раздумье. С. 123.

¹⁴ См. о нем: *Разгон Л.Э.* Плен в своем отечестве. М., 1994. С. 306–309.

¹⁵ *Санников Г.А.* Раздумье. С. 123.

¹⁶ Последняя осень Андрея Белого: Дневник 1933 года / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. М.Л. Спивак // Новое литературное обозрение. 2000. № 46 (6). С. 184. Запись за август 1933 г.

¹⁷ Там же. С. 184–185, 188.

¹⁸ См.: Новый мир. 1932. № 11; 1933. № 3–4, 7–8, 10.

¹⁹ Последняя осень Андрея Белого. С. 188. См.: *Санников Г.А.* Каучук: Поэма: (Из документов пятилетки); *Андрей Белый.* Из книги «Начало века». I. Валерий Брюсов. II. А. Блок // Новый мир. 1933. № 7–8. С. 68–86; 261–263.

²⁰ *Андрей Белый.* Начало века. М., 1933.

²¹ «С радостью увидел в “Правде” статью Л. Каменева. Если б Съезд отложить – докладчиком по основному вопросу может быть назначили бы его?», – писал Горький Сталину после 31 июля 1933 г. («Будьте

Первые отклики на смерть Андрея Белого в советской печати

- здоровы, дорогой товарищ»: Письма М. Горького И.В. Сталину. 1933 – 1935 гг. / Публ. А.Д. Чернева // Исторический архив. 2005. № 3. С. 10). Указано Л.Ф. Кацисом.
- ²² Подробнее об этом см.: Смерть «на задворках культуры»: Андрей Белый и Л.Б. Каменев // **A Century's Perspective. Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert Hughes** / Ed. by L. Fleishman, H. McLean. Stanford, 2006. С. 194–218.
- ²³ Книга хранится в отделе Государственного музея А.С. Пушкина «Мемориальная квартира Андрея Белого».
- ²⁴ Дневник *С.Д. Спасского* недавно поступил в РГАЛИ, пока не внесен в описи. Цитируется по машинописной копии.
- ²⁵ «Дорогая моя и любимая Варя...»: Письма Иванова-Разумника к В.Н. Ивановой из Саратовской ссылки / Публ. В.Г. Белоуса // Минувшее. М., 1998. Вып. 23. С. 430. Письмо Н.И. Гаген-Торн приводится публикатором в примечаниях.
- ²⁶ Цитируется по машинописи, хранящейся в частном собрании.
- ²⁷ *Санников Г.А.* Раздумье. С. 124.
- ²⁸ См.: Там же. С. 131–133; *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005. С. 199–201.
- ²⁹ Цит. по машинописи из частного собрания.
- ³⁰ Там же.

ЕВГЕНИЙ СЛАВЧЕНКО / ЭЖЕН ДЕСЛАВ:
ОТ ЖУРНАЛИСТИКИ К ЭКРАНУ

Имя оператора и режиссера Эжена (в испанском и португальском обиходе – Эухенио) Деслава хорошо знакомо историкам кино и синефилам. Без его фильмов «Le Marche des Machines (Марш машин)», «Le Nuits Electrique (Электрические ночи)» (обе – 1928), «Montparnasse (Монпарнас)» (1929), «Robots (Роботы)» (1930), «Images en Negatif (Образы в негативах)», «Visions Fantastique (Фантастические видения)» (оба – 1956) и др. не обходится ни одна представительная ретроспектива киноавангарда, но этим, собственно, общие знания о кинематографисте и исчерпываются. Если обратиться к справочникам и энциклопедиям, то и они предельно лаконичны: «Кинорежиссер Евген Славченко, работавший во Франции, Испании и Португалии под псевдонимом Эжен Деслав, родился 8 декабря 1898 года в Киеве, скончался 10 сентября 1966 года в Ницце»¹.

Как он попал на Запад и с чего началась его профессиональная карьера? Под чьим влиянием формировалась творческая мысль этого мастера? Ответы на эти вопросы остаются открытыми, но многое становится ясным при изучении периодической печати русского Зарубежья. По этим материалам можно проследить канву его биографии в 1920–1930-е годы.

В 1923 г. Славченко попал в Париж. По собственному признанию – случайно, без профессии и определенных планов на будущее. Естественное для молодого человека желание получить образование потребовало немалых усилий и, прежде всего, материальных – для оплаты курса в Сорбонне он устроился разнорабочим на автомобильный завод «Рено» в Бийанкуре². Такой выбор был, по-видимому, не случайным: в начале 1920-х этот пригород французской столицы стал центром эмигрантов-пролетариев, причем сорок процентов из них, по некоторым данным, составляли «малороссы». Французская исследовательница с украинскими корнями указывает, что славянской

колонии Парижа не было присуще серьезное национальное размежевание между разными этническими ветвями. Более того, саму «проблему национальной принадлежности анализировать очень сложно, так как у вчерашних обитателей крупных украинских городов, особенно Киева, не было тесного общения с украинскими крестьянами – это были люди, воспитанные на русской культуре и чувствовавшие себя русскими»³. К этому кругу, скорее всего, принадлежал и Славченко, и именно под его влиянием у него пробудился интерес к искусству и творчеству. Нельзя исключить и того, что увлечение кинематографом было предопределено топографическим обстоятельством – соседством с известной бийанкурской киностудией, регулярно рекрутировавшей на съемки эмигрантов, либо личным знакомством с ее сотрудниками.

В поздние годы Славченко обмолвился, что профессиональное образование получил в вечерней школе кинооператоров, но этот факт, скорее всего, относится к более позднему времени. Достоверно известно, что весной 1925 г. он стал слушателем учебной киностудии, в которой преподавали Жан Эпштейн⁴, Осип Рунич⁵ и другие мэтры русского и французского искусства сцены и экрана⁶. Один из первых творческих замыслов начинающего кинематографиста засвидетельствован газетной хроникой: «Старшая группа студийцев готовит к постановке новый киноскетч по сценарию Е. Славченко под режиссурой А. Александровского»⁷. Подобные опыты, видимо, входили в учебные программы студийцев, а один из них обратил на себя внимание парижской публики: «Кинематограф<ический> скетч “Кровь и любовь”, постановка А. Кавальканти⁸, Рабиновича и Славченко при участии парижской киностудии, прошел с большим успехом в “Салон-Альма”»⁹.

В короткое время русская киношкола превратилась в один из самых популярных центров молодых синефилов: «Вследствие большого наплыва учеников, как французских, так и русских, Парижская киностудия будет функционировать все лето»¹⁰. На нее обратили внимание профессионалы: «В Парижской киностудии состоялся урок О. Рунича в присутствии представителей парижской печати и видных кинодеятелей во главе с Д. Харионовым¹¹. Продемонстрированные киноотрывки лишней раз подтверждают серьезность постановки дела в студии и блестящие результаты, достигнутые учениками за сравнительно короткое время пребывания в студии, начинающей завоевывать себе определенное место в киносферах: известными метерансенами¹²

уже даны нескольким ученикам ответственные роли, и в осеннем сезоне предвидятся большие перспективы для студентов»¹³.

Однако радужным планам не дано было осуществиться: осенью того же года разразился громкий скандал после того, как агенты парижской префектуры обнаружили подпольное ателье по производству порнографических фильмов. Газеты сообщали, что «скандальная история с киностудией на ул. Амстердам принимает все большие размеры. Полицией установлено, что при участии нескольких учеников студии была «скручена» «бескостюмная» фильма «Грехопадение» для тайных экранов Парижа»¹⁴.

По решению суда русская киношкола была закрыта, несколько студийцев были привлечены к уголовной ответственности, а остальные оказались на улице¹⁵. В жизни Славченко открылась новая глава, принесшая ему первую публичную известность – но еще не в кинопавильонах, а в журналистике¹⁶. Он получил предложение стать сотрудником газеты «Русское Время», выходившей в Париже под руководством Александра Филиппова¹⁷. Что же побудило амбициозного редактора, не чуждого экранному творчеству¹⁸ и известного своей неоднозначной репутацией в эмигрантских кругах¹⁹, обратиться к услугам никому не ведомого дебютанта и заменить им тонкого знатока кино Всеволода Базанова²⁰, по каким-то причинам покинувшего издание? Возможно, за этим стояли земляческие чувства: оба были киевлянами, а это обстоятельство немало стоит на чужбине. Не исключено, что был и другой резон: Филиппов был любителем публичного эпатажа и подбирал сотрудников соответствующего темперамента. Впечатленный радикализмом кинематографических взглядов Славченко, он мог решиться на то, чтобы дать ему печатную трибуну для пропаганды неординарных творческих взглядов и убеждений. Новоиспеченный сотрудник газеты и в самом деле не отличался почтением к авторитетам и как правоверный авангардист при всяком случае выказывал им пренебрежение. Решающим обстоятельством стали, по-видимому, личные связи Славченко в кинемире и его желание обрести печатную трибуну для общения с соотечественниками. Очень скоро скромный кинораздел газеты «Русское Время», позиционировавшей себя информационным лидером в эмигрантской прессе Парижа, стал выгодно отличаться от аналогичных рубрик в газетах «Последние Новости» и «Возрождение», заимствовавших свои материалы преимущественно из французской печати. Будучи своим на съемочных площадках и в студийных кулуарах, Славченко

добывал эксклюзивную информацию, недоступную конкурентам. Например, задолго до официальных извещений он первым сообщил о предстоящем отъезде русской звезды французского экрана в Америку: «В октябре месяце, по всем данным, Мозжухин уедет в Холливуд, где будет сниматься в нескольких фильмах для общества “Юниверсал”»²¹.

В сущности, дебютные публикации Славченко были обычной хроникой кинематографической жизни, хотя в этих лаконичных сообщениях проскальзывало авторское отношение к материалу. В апреле 1925 г. он впервые персонализировал свое присутствие в газете, подписав хронику акронимом «Е.С.». Из нее читатель узнал, что режиссер Александр Волков²² готовит к постановке сценарий «Шарлотта Корде»²³, а Владислав Старевич²⁴ приступил к съемкам новой феерии «Китайские сказки»²⁵. Между прочим, через несколько месяцев творчеству великого аниматора Славченко посвятил специальную заметку об успехе его картины в Америке: «На состоявшемся недавно конкурсе кинематографических картин получил первую премию – золотую медаль – единственный из представленных на конкурс европейских фильм “Ла вуа ди Россиньоль (Голос соловья)”²⁶, созданный года три тому назад в Париже Владиславом Старевичем с участием юной танцовщицы Нины Стар. Известный художник кинематографии, много и широко работавший в России, В. Старевич в последние годы специализировался в разработанной им области этого искусства. В его фильмах рядом с живыми людьми играют, подобно живым существам, птицы, стрекозы, бабочки, лягушки и т. д., созданные им в его же декорациях. Сюжеты его фильм близки к сказкам, и, как это свойственно сказке, заключают в себе ту или иную общечеловеческую идею. Новая американская награда за его художественное произведение является 3-ей в кинематографической деятельности В. Старевича: первую он получил в Москве за картину “Стрекоза и муравей” от наследника Цесаревича Алексея Николаевича, вторую на кинематографической выставке в Мюнхене. В настоящее время он заканчивает новую картину на сюжет, полный неожиданных эффектов»²⁷.

По каким-то соображениям Славченко авторизовывал не все, а лишь некоторые, вероятно, значимые публикации, используя, помимо указанного, и другие акронимы – «Е. д. С.» или «С.». Знакомя читателей с новинками экрана и с жизнью его закулисья, честолюбивый автор не забывал и о саморекламе. В конце лета 1925 г. он, например, сообщил о себе, что «специализируется в Париже на кинорежиссуре», а кроме того, сотрудничает в ки-

нематографических изданиях Франции²⁸ и других европейских стран, в том числе – «приглашен лучшим румынским журналом “Синема”, выходящим в Бухаресте, постоянным парижским корреспондентом»²⁹.

Вскоре стали известны и другие подробности международного дебюта Славченко-журналиста: «“Киноэтюды” – под таким заглавием “Пražский фильмoвый свет”, “Сине-магазин”, “Нашето кино” (София) и “Синема” (Бухарест) начнут печатать в ближайшем будущем ряд статей Е. Деслава по современной кинематографии»³⁰. Кроме того, «румынский журнал “Синема”, парижским редактором которого состоит Е. Деслав, посвятил отдельный номер от 1 марта фильме “Михаил Стрoгов”»³¹.

В короткое время он занял видное место среди пишущих о кино, подтвердив это собственным сообщением: «14 мая в Пале Ройяль комиссией при Лиге Наций по созову Международного Киноконгресса было организовано собрание для обсуждения совместно с прессой программы конгресса. Иностранная кино-печать была представлена Евгением Деславом»³².

Телеграфная лаконичность этих заметок не отменяет их биографической ценности: надо надеяться, что когда-нибудь они пригодятся исследователям, когда они займутся собиранием и атрибутированием печатного наследия Славченко-Деслава³³. Собственно, по-русски о кино он написал не очень много и занимался этим недолго, но игнорировать эти тексты не следует. Вписанные в контекст его творческой биографии, они обнаруживают его нелюбовь к пышному многословию и псевдотеоретичности. Все статьи и рецензии Славченко лаконичны и, как правило, подчеркнута информационны, они почти совсем лишены оценочных характеристик, но в них присутствуют зоркий глаз автора, его едва сдерживаемый темперамент и уверенность в собственной правоте. Вряд ли он писал о неинтересном, не писал он и «заказных» рецензий, чем, к сожалению, грешили многие эмигрантские журналисты. Вот один из характерных образчиков его пера: «Фильмы из русской жизни не сходят с парижских экранов. “Черный орел” с Рудольфо Валентино³⁴, “Рандеву” с С. Чаплиным³⁵, “Безумство храбрых” по Горькому³⁶ – идут сейчас во многих парижских кино. “Головокружение” – новая, довольно посредственная картина Лертье³⁷ и “Любовь Великого Князя”³⁸ – весьма приличная фильма “Универсаль”, показанная 2 мая в “Ампире”, будут демонстрироваться в ближайшее время на Бульварах.

Во французском “Сине-Клубе” состоялся просмотр фильма Межрабпома “Станционный смотритель”³⁹.

Разработка проектов костюмов для “Казановы” поручена художнику Борису Билинскому⁴⁰.

Далеко не все кинематографические события привлекали внимание Славченко, однако понять причины его избирательности теперь практически невозможно. Лишь одно представляется несомненным: не питая интереса к западным лентам на «русские сюжеты», он с особым интересом относился к творчеству советских кинематографистов, чьи экранные эксперименты, эпизодически появлявшиеся на закрытых показах в Париже, он, безусловно, знал и ценил. Высказать свое к ним расположение со страниц эмигрантского печатного издания он не мог и должен был искать иные печатные возможности. Летом 1926 г. он ушел из филипповской газеты, послав прощальный привет читателям сообщением об организации «Монмартрского кружка по изучению киноискусства», организаторами которого были указаны он сам и начинающие французские кинематографисты Шарль Вольф, Жорж Пилон, Натали Жермен де Лаваль и др.⁴¹

Помимо идеологических разногласий уход Славченко из эмигрантской печати имел и материальную причину: газетная поденщина оплачивалась в ней скудно⁴², а круг читателей-соотечественников не мог удовлетворить его журналистских амбиций. К тому же, перед молодым кинематографистом открылись тогда возможности самостоятельной работы, ради которой он готов был пожертвовать всем прочим. Два года спустя эмигрантский Париж узнал, что «Е.А. Славченко (Деслав) режиссирует в Берлине кинофильм “Марш машин” на музыку композитора-футуриста Луиджи Россело (автора фашистского гимна)»⁴³. Однако еще до того, как картина пришла на французские экраны, имя кинематографиста узнали парижские киномены – после показа в элитарном киноклубе «Studio-28» фильма «Электрические ночи». Описав эту авангардистскую работу как причудливую серию «снимков, фантастическое сплетение светящихся вывесок, реклам и подвижных огней современной улицы», анонимный рецензент воздержался от оценок, бегло упомянув и экранный опус единомышленника Славченко по авангардным экспериментам Владимира Баринова-Россина⁴⁴, который демонстрировался в той же программе: «ритмическая игра световых фигур», сопровождавшаяся исполнением музыки Эдварда Грига и, в частности, марша из “Пер Гюнта” на изобретенном им “оптическом рояле”»⁴⁵.

Весной 1929 г. молодой режиссер перебрался в Берлин и надолго исчез из виду парижан, хотя время от времени до них доходили известия о его новых экспериментальных лентах: «Е. Деслав закончил свою новую фильму “Четыре чашки кофе”, которая одновременно пойдет в мае в Нью-Йорке, в Лондоне, в Мадриде и в Париже»⁴⁶.

Полгода спустя стало известно о первом звуковом опыте: «В фильм Евгения Деслава “Ход машин” введены звуки. В таком виде он будет показан в одном из новых парижских кинематографов, открывающихся на площади Альма. Звуковое сопровождение состоит из имитативной музыки, написанной немецким композитором Пеппингом»⁴⁷.

Непростой оказалась судьба одной из самых знаменитых лент Славченко-Деслава «Монпарнас». Он снял ее в Париже, но показать картину местной публике помешали какие-то непредвиденные обстоятельства. Поначалу премьера картины была запланирована на сентябрь 1929 г. – в новом «авангардном» киноклубе «Studio 29»⁴⁸, но в намеченный срок зал не открылся и показ ленты сорвался. Зато она с большим успехом прошла по экранам Берлина, Праги, Стокгольма, Лондона, Мадрида, Хельсинки и Бухареста, вызвав ревность парижских киноманов: «Только на Монпарнас он не может никак попасть. Почему бы это?»⁴⁹

Картина была показана парижской публике лишь 20 октября 1930 г. и встретила живой интерес: «У монпарнасцев есть теперь свой “передовой” кинематограф. В двух шагах от “Ротонды”, на улице Жюль Шамплэн, в прошлый четверг состоялось открытие “Студио де Пари”. Новый кинематограф устроен по образцу так называемых интимных театров – нарочитая модернистическая простота стен и освещение, грам<м>офон вместо оркестра, удобные кресла. На открытии присутствовали, главным образом, завсегдагаи Монпарнаса – художники, натурщицы, журналисты. Как раз сеанс был открыт документальным фильмом г. Деслава “Монпарнас”. Время от времени на экране появлялись знакомые по монпарнасским кафе фигуры, которых публика приветствовала аплодисментами и веселыми шуточками, тем более, что многие из них находились в зрительной зале»⁵⁰.

Следующая работа режиссера вызвала еще больший интерес у киноманов. О съемках фильма «Роботы» русские парижане узнали еще осенью 1929 г.: «Е. Деслау <так! – Р. Я.> в очередном фильме использует роботов (механические люди)»⁵¹. Однако работа над картиной затянулась, и прошел год, прежде чем

«Евгений Славченко закончил постановку своего фильма «На пути к роботу», который на днях будет продемонстрирован специально для кинематографических журналистов»⁵². На самом деле, картина вышла на экраны много позже обещанных сроков: «Русский кинорежиссер Евг. Деслав закончил большой звуковой и говорящий фильм для “Парамаунта”, который вскоре пойдет на экране нового кинематографа на Бульварах»⁵³.

Внимание поклонников авангардного экрана привлек и другой его эксперимент. Это был «монтаж молодого кинорежиссера, нашего соотечественника Деслава “Le Monde en Parade <Мир на параде>”. Это нечто вроде кинематографической хроники, в которой не без вкуса подобраны отдельные сцены из “актуалитэ”⁵⁴, всякие спортивные рекорды, сцены из жизни зоологического сада и кусочки городского пейзажа. Некоторые сцены, например, игра львов с детскими шарами или снимки фейерверков, очень удачны»⁵⁵.

Вступление кинематографа в звуковую эру сыграло важную роль в творческой судьбе Славченко, сведя с крупнейшим мастером французского кино Абелем Гансом на постановке картины «Конец мира»⁵⁶. В создании этого фильма приняло участие немало русских эмигрантов разных кинопрофессий, а Деслав занимался озвучанием его иноязычных (немецкой и английской) версий⁵⁷ и одновременно снял и смонтировал документальную короткометражку «Автор “Конца мира”», показ которой сопровождал премьерный показ картины Ганса в театре Елисейских Полей 27 февраля 1931 г.⁵⁸

Эта работа Славченко была последней, обратившей на себя внимание русского Парижа. В дальнейшем его имя нечасто появлялось на страницах эмигрантской печати. Хотя профессиональная известность кинематографиста неуклонно росла, его творческие интересы все дальше уходили от тем и сюжетов, близких зарубежью, да и личное и творческое общение окончательно переместилось в космополитичную среду европейской художественной богемы. По-видимому, все это привело к тому, что редкие упоминания о новых работах Славченко-Деслава были скупы на детали и не сопровождались обычной ремаркой о его российских корнях:

«Е. Деслау готовит фильм, воспроизводящий быт парижского студенческого городка»⁵⁹.

«Приступлено к съемкам фильма “Дикая дивизия” по роману Н. Брешко-Брешковского продукции Жоржа Леграна и под его режиссурой. В главной роли выступит первый танцовщик

монте-карловского балета Ренэ Блюма – Михаил Панаев. В постановке принимает участие Евг. Деслав»⁶⁰.

Со второй половины 1930-х годов Славченко-Деслав совершенно адаптировался во французской, испанской и португальской кинематографиях и окончательно выпал из поля зрения эмигрантских наблюдателей. Однако описание его «русских ракурс – контакты с коллегами в метрополии. В том, что они были достаточно тесными и регулярными, убеждают публикации французской кинопрессы. В январе 1927 г., например, сообщалось о постановке ленинградской фабрикой «Совкино» экранной версии пьесы Алексея Толстого и Павла Щеголева «Азеф – великий провокатор». Часть эпизодов фильма режиссер Александр Ивановский планировал снять на парижской натуре и для этого заручился сотрудничеством Деслава⁶¹. По многим причинам (прежде всего, надо думать, организационно-финансовым) этот проект не осуществился, как, впрочем, и другие экспедиционные проекты ленинградских кинематографистов (примерно в то же время Григорий Козинцев и Леонид Трауберг планировали снимать в Париже эпизоды картины «Новый Вавилон»).

Духовная связь с родиной, несомненно, занимала особое место в мироощущении Славченко. Все годы жизни на чужбине он поддерживал тесные контакты с друзьями и коллегами из украинской диаспоры разных стран, а покуда это дозволялось советскими властями, сохранял деловые и личные связи с Украиной. В марте 1928 г. он стал официальным представителем Всеукраинского Фото-Киноуправления (ВУФКУ) во Франции⁶² и взялся за информирование французской кинообщественности о делах украинского кино⁶³. Переориентация на иноязычного читателя способствовала смене тем и сюжетов на те, что были более близки его вкусу. Есть основания думать, что Славченко мог сотрудничать и в украинской профессиональной прессе, знакомя читателей Харькова, Киева и Одессы с новинками западного экрана. Эта догадка требует изучения и проверки, и надо надеяться, что украинские коллеги займутся соответствующими разысканиями, имея в виду, что эти публикации Славченко могли быть подписаны псевдонимами⁶⁴.

Наше предположение подтверждает одноразовое выступление Славченко-Деслава в московской печати. Его, по обыкновению, лаконичная заметка о показах в Париже фильма «Звенигора» была опубликована в мае 1928 г. в газете «Кино»: автор засви-

детельствовал восхищение творчеством Александра Довженко, послав заочный привет родине. Есть основания думать, что Славченко лично знал Довженко, Эйзенштейна, Вертова и других советских кинематографистов, посещавших Берлин и Париж⁶⁵. Прибавим к этому, что в 1930 г. на советских экранах был показан его фильм «Электрические ночи», а годом ранее по его же рекомендации ВУФКУ приобрело копию документального фильма авангардного режиссера Жоржа Лакомба «Зона» о жизни парижских бедняков⁶⁶.

Эпистолярная связь Славченко-Деслава с родиной продолжалась до конца 1920-х годов, когда советским гражданам были воспрещены контакты с иностранцами и тем более с эмигрантами. С этого времени имя кинематографиста выпало из советской кинотрадиции. Обнаруженное лишь теперь его участие в кинопечати стран, разделенных идеологическими барьерами, представляется весьма необычным опытом в истории европейской киномысли. Круто меняя «вехи» – от антисоветского эмигрантского издания, через румынскую, эстонскую, чешскую, французскую и далее – к советской печати, авангардист Славченко вряд ли вникал в политические детали этого сотрудничества и тем более вряд ли предвидел негативные последствия таких поворотов. Не он один поддался тогда чарам советской пропаганды, усиленным ностальгией по оставленной родине. Среди эмигрантов было немало тех, кто не смог устоять перед соблазном репатриации в СССР. Чем для них обернулось возвращение, теперь хорошо известно, однако Славченко, которому, по всей видимости, стали известны страшные подробности украинского голодомора начала 1930-х годов, эту грань не перешел. Он остался на Западе и, по крайней мере, внешне превратился в космополита: отказался от своего имени, снимал фильмы в разных странах – от Португалии до Швеции, а в периоды творческих простоев жил уединенной жизнью в Ницце или в Женеве. Однако этническую идентичность он берег нерушимо: думал и общался с друзьями по-украински, а накануне Второй мировой войны попытался снять документальную ленту о Карпатской Украине. Он написал на родном языке автобиографический роман и книгу о кинематографическом Париже своей молодости, в поздние годы занялся организацией в Швейцарии киностудии для производства национальных фильмов, неоднократно пытался запустить то в Европе, то в Америке производство большой украинской кинопостановки (один из его замыслов, в частности, был посвящен

гетману Мазепе). О России он, видимо, вспоминал не часто, да и то лишь в связи с «политикой Москвы на Украине»...

Украинским и российским киноманам еще предстоит обстоятельное знакомство с экранными произведениями Евгения Славченко-Деслава, а историкам и исследователям – осмысление его многообразного творческого наследия. Наша задача значительно скромнее: мы попытались восстановить российский компонент биографии кинематографиста, чья судьба наглядно иллюстрирует тезис о родственности украинского и русского художественного сознания.

Примечания

¹ Ценные свидетельства о происхождении кинематографиста содержатся в публикации: *Француженко М.* Українські візії Євгена Деслава // Кіно-Коло. Київ, 1999–2000. № 4–5.

² Описание этого парижского пригорода см. в: *Менегальдо Е.* Русские в Париже: 1919–1939. М., 2001. С. 145–178.

³ Там же. С. 145–146.

⁴ Эпштейн Жан (1897–1953) – режиссер и теоретик французского кино, один из мастеров киноавангарда и школы поэтического документализма.

⁵ Рунич (наст. фам. Фрадкин) Осип Ильич (1889–1945) – драматический актер провинциальных театров, с 1915 г. снимался в кино. В эмиграции – с 1919 по 1925 г. работал в германском и французском кинематографе; впоследствии вернулся на драматическую сцену (рижский Театр Русской драмы). Последние годы жизни актер провел в Иоханнесбурге (Южная Африка).

⁶ Русское Время (Париж). 1925, 24 мая. По-видимому, это была «Первая русская Киноакадемия», открытая в мае 1924 г. бывшим сотрудником московской фабрики А. Ханжонкова Латти Флорэнном (Последние Новости (Париж). 1924, 23 мая; Русская Газета. 1924, 31 мая). Среди дисциплин, преподававшихся в этом учебном заведении, были балет, бокс, музыка, фехтование, верховая и автомобильная езда и т. п. (Последние Новости. 1924, 25 мая), а преподавателями указывались балерина Ольга Преображенская и техники кино, биографически связанные с Россией – например, бывший сотрудник ханжонковской фирмы режиссер Рино Луппо и др. Дипломной работой первого выпуска студийцев был «кинематографический скетч» «Ту-Тан-Ха-Мон» (Там же. 1924, 18 июня).

⁷ Русское Время. 1925, 24 мая. Осенью 1923 г. бывший актер петроградских театров, племянник известного французского продюсера Александра Каменки Александр Александровский переехал из Берлина в Париж. В 1925 г. под именем Алекс Аллин он дебютировал в сериале «Приключения Альбера Макера» (реж. Жан Эпштейн, опер. Николай

Рудаков, худ. Лазарь Меерсон; пр-во «Albatros»), а профессиональную известность завоевал исполнением главной роли в фильме Жермены Дюлак «Раковина и священник» (1927). После 1945 г. актер участвовал в русских театральных антрепризах Парижа.

⁸ Кавальканти (наст. фам. Де Альмейда-Кавальканти) Альберто (1897–1982) – художник, режиссер, сценарист и актер французского и британского кино, начавший свою карьеру авангардными лентами.

⁹ Русская Газета. 1925, 14 мая.

¹⁰ Русское Время. 1925, 4 июля.

¹¹ Харитонов Дмитрий Иванович (1888–1946) – театровладелец, прокатчик и кинофабрикант; с 1919 г. – в эмиграции (Италия – Германия – Франция – Германия – Франция). В указанный период он был одним из руководителей общества Cine-France-Film. См. о нем: *Миславский В. Дмитрий Харитонов: Судьба русского кинопродюсера // Киноведческие записки. 1993. № 18.*

¹² Постановщиками, режиссерами – русская калька французского слова *metteur en scene*. Увлечение сотрудников цитируемой газеты (в частности, Александра Куприна) галлицизмами из профессиональной кинотерминологии вызвало язвительные комментарии оппонентов: «“Русское время” должно ведь и писать по-русски? <...> Нельзя ли чем-нибудь заменить смехотворное “крутить”? Конечно, это дословный перевод слова *tourner*, но не всегда рабская дословность уместна. Да и с точки зрения дословности тут не все благополучно. *Tourner* значит не только крутить, но и крутиться. <...> Затем, не лучше ли говорить “фильма”, чем “фильм” в мужском роде, как это повелось в последнее время? Русский язык привык к словам на “льма”, “тьма” и т.д. женского рода. Окончание же “льм” – ему чуждо. Кроме того, “фильма” в женском роде удобнее, потому что и другие обозначения того же понятия таковы: лента, картина. В разговорном языке эти слова употребляются так же часто, как и “фильма”, и к мужскому роду надо вновь приучать сознание. <...> “Русское время” пишет “**метерансцен**”. <...> Неудачное изобретение! Едва ли можно сомневаться, что его ждет судьба “мокроступов” или “летокруча”, когда-то настойчиво употреблявшихся “Новым Временем” для обозначения аэроплана» (*Сизиф <Г. Адамович>. Отклики // Звено (Париж). 1925, 7 сент.*).

¹³ Русское Время. 1925, 13 авг.

¹⁴ Там же. 1925, 29 дек. Есть основания полагать, что автором этого анонимного сообщения был Славченко.

¹⁵ По-видимому, эта история была связана с неким А. Южиным, выдававшим себя за морского врача. В своей квартире он демонстрировал избранной публике «видения искусства» в исполнении его жены и порнографические киноленты. Во время полицейского налета на квартиру Южиных было задержано 25 человек, распивавших спиртные напитки в компании несовершеннолетних девушек. Владелец «студии» был осужден за «нарушение общественной нравственности» и приговорен к 13 месяцам тюрьмы. См. об этом: *Львов К. Следствия и*

судебные процессы по делам русских эмигрантов в 1920–1930-е годы // Новый Исторический вестник (М.). 2001. № 3. Преждевременное закрытие «Русской Киноакадемии» ускорило уход О. Рунча из кинематографии в эмигрантский театр (*Лери <Н. Клопотовский>*). Пестрые заметки // Возрождение. 1926, 29 авг.).

- ¹⁶ Участие Славченко в этом издании не отмечено исследователями. См.: *Павловец М.* «Русское Время» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940: Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 403–405.
- ¹⁷ Филиппов Александр Иванович (1887–1942; псевдонимы – «Наблюдатель» и «Observer») – выпускник киевского художественного училища, журналист и литератор, сотрудник провинциальной и столичной повременной печати. См. об этом: Сегодня (Рига). 1928, 15 дек. В эмиграции он издавал франкоязычный журнал «L'Economiste Slave» (1920–1921), после чего вернулся в русскую печать и вел газеты «Русская Газета» и «Русское Время» (1923–1928), журнал «Театр и жизнь» (1928–1933). Подробнее о нем см.: *Янгиров Р.М.* В кадре и за кадром: Русские кинематографисты во Франции. 1925–1930 // Диаспора: Новые материалы. Вып. II. Париж; СПб., 2001.
- ¹⁸ В начале 1924 г. Филиппов написал сценарий фильма «Прелестный принц», по которому Вячеслав Туржанский поставил кинокартину с участием Натальи Кованько, Николая Колина и других русских кинематографистов. См. об этом: *Наблюдатель <А. Филиппов>*. Съемки «Очарованного принца» // Русская Газета. 1924, 25 июля. Об истории этой постановки см.: *Янгиров Р.М.* Указ. соч.
- ¹⁹ Ср.: «<...> работать с таким отъявленным хамом, как Филиппов, и в такой, в общем, некультурной газете, было неприятно» (письмо Г.П. Струве П.Б. Струве от 5 мая 1924 г. – ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1. Ед. хр. 11). Ср. также: «Выходившие некоторое время в двадцатых годах “Русская Газета” А.И. Филиппова и “Вечернее Время” Б.А. Суворина в счет идти не могли» (*Струве Г.* Страница из истории зарубежной печати: Начало газеты «Возрождение» // Мосты (Мюнхен). 1959. № 3. С. 375).
- ²⁰ Базанов Всеволод Иванович (1897–1951) – художественный критик, один из учредителей Союза русских сценических и кинематографических деятелей во Франции (1927), впоследствии – профессор Школы высших исследований Сорбонны.
- ²¹ Русское Время. 1926, 8 апр. Ср. с другими публикациями: *Вериховский А.* Подарок Голливуду: (Отъезд И. Мозжухина) // Русское Время. 1926, 21 апр.; *Л<ер>и <Н. Клопотовский>*. Перед отъездом в Америку: Беседа с И.И. Мозжухиным // Возрождение. 1926, 15 июня. После того как сообщения об отъезде актера подтвердились, Деслав уточнил, что Мозжухин, «приезжающий в Америку в сентябре», должен сыграть главную роль в экранизации романа В. Гюго «Человек, который смеется» (Русское Время. 1926, 16 июня). На следующий день он же сообщил о том, что в Париже начался бойкот актера: «В связи с отъездом

- И.И. Мозжухина в Америку французская кинопресса почти совершенно прекратила публикацию сведений и заметок о его киноработе» (Там же. 17 июня).
- ²² Волков Александр Александрович (1881–1942) – дальний потомок трагика Федора Волкова, актер театра и кино; кинорежиссер и сценарист. В феврале 1920 г. эмигрировал, работал на киностудиях Франции, Германии и Италии.
- ²³ Эту постановку режиссер предполагал осуществить в рамках «наполеоновского» проекта Абеля Ганса, но замысел остался неосуществленным. См. об этом: *Янгиров Р.М.* О русском вкладе в «Наполеон» Абеля Ганса // Киноведческие записки. 2001. № 53.
- ²⁴ Старевич Владислав Александрович (1892–1965) – оператор, режиссер, сценарист и продюсер анимационного кино; эмигрировал в 1919 г.; работал во Франции.
- ²⁵ Русское Время. 1925, 21 апр. Прокатное название фильма – «Глаза дракона». Возможно, Деслав был первым, кто упомянул об этой картине Старевича в печати. Ср.: *Leona Beatrice, Francois Martin.* Ladislas Starewitch: Filmographie illustree et commente. Annecy`91. 1991.
- ²⁶ Фильм «**La Voix du rossignol**» (1923). Речь идет о присуждении аниматору золотой медали, учрежденной музыкальным аранжировщиком, композитором и дирижером Голливуда Гуго Ризенфельдом (1879?–1939) для лучшей иностранной картины, демонстрировавшейся в США.
- ²⁷ <Б/н.> Награда русскому артисту // Русское Время. 1925, 6 нояб. Ср. с другими сообщениями: *Верховский А.* Ожившая сказка // Русское Время. 1926, 1 янв.; <Б/н. – А. Морской> Л. Старевич // Кинотворчество (Париж). 1926. № 15–16; *Leona Beatrice, Francois Martin.* Op. cit. P. 33.
- ²⁸ В начале сентября Славченко опубликовал в журнале *Cine-Magazine* обзор кинематографической жизни в Эстонии и Латвии (Русское Время. 1925, 10 сент.). В октябре редактор этого издания поручил ему вести хронику кинематографической жизни в Прибалтике, на Балканах, в Чехословакии и Румынии (Там же. 1925, 29 окт.).
- ²⁹ Русское время. 1925, 8 авг. Известно, что вскоре Славченко опубликовал в румынском журнале большой очерк о латвийском и эстонском кинопроизводстве (Там же. 1925, 20 сент.). О том, что Славченко выступал с регулярными обзорами кинематографической жизни в прибалтийских и балканских странах, сообщали и другие издания зарубежья. См., напр.: *Кинотворчество.* 1926. № 16–17.
- ³⁰ Русское Время. 1926, 20 янв.
- ³¹ Там же. 1926, 17 марта. Фильм «Мишель Строгов» (1926, реж. Вячеслав Туржанский) с участием Ивана Мозжухина, Натальи Кованько и др.
- ³² Там же. 1926, 20 мая.
- ³³ См.: Премьера в Холливуде // Русское Время (Париж). 1925, 1 сент. (подп. Е. д. С.); «Колодец Якова» // Там же. 1926, 12 янв. (без подписи; атрибутировано нами); «Слезы клоуна». «Навигатор» // Там же. 1926, 20 янв. (подпись С.); «Приключения Казановы» //

- Там же. 1926, 3 марта (без подписи; атрибутировано нами); «Ничего» // Там же. 1926, 28 мая (подп. *Евгений Деслав*); Международная кинохроника // Кинотворчество (Париж). 1926. № 17 (май) (подп.: *Евгений де Слав*); «Звенигора» в Париже // газ. «Кино» (М.). 1928. № 19 (8 мая) (подп.: *Евген Деслав*). См. также Приложение.
- ³⁴ Фильм «Черный орел» (1925, реж. Кларенс Браун).
- ³⁵ Фильм «Рандеву» (1923, реж. Маршалл Нилан). Чаплин Сидней.
- ³⁶ Фильм «Безумство храбрых» (1925, реж. Жермена Дюлак).
- ³⁷ Фильм «Головокружение» (1925, реж. Марсель Л'Эрбье).
- ³⁸ Фильм не идентифицирован.
- ³⁹ Французское прокатное название фильма «Коллежский регистратор» (1925, реж. Юрий Желябужский).
- ⁴⁰ Русское время. 1926, 7 мая. Билинский Борис Константинович (1900–1948) – художник-декоратор, автор рекламных киноплакатов, книжный график, в 1920–1940-е годы работал во французском и итальянском кино.
- ⁴¹ Там же. 1926, 17 июня.
- ⁴² Ср.: «Из занимающихся своей журнальной и литературной профессией, подавляющее большинство совершенно не устроено. Иные состоят сотрудниками в разных провинциальных изданиях – в Румынии, Латвии, Эстонии, Польше, Америке, на Дальнем Востоке. Но, конечно, этот труд дает чаще всего очень мало. Кто из них не работает постоянно в парижских изданиях – еле сводит концы с концами. А потому, чтобы избежать полунищенского существования, вынуждены подрабатывать на стороне профессиями и занятиями, не имеющими ничего общего с “шестой державой”». – *Уиковский В.* Журналисты и писатели в Париже // Наш Век (Берлин). 1932, 7 февр.
- ⁴³ Возрождение. 1928, 13 окт.
- ⁴⁴ Баринов-Россинэ Владимир (Лейб) Давидович (1888–1942) – живописец и скульптор, последователь творческих идей Скрябина, занимавшийся опытами по синтезу музыки и цвета, конструктор специального прибора «опто-фоник», в котором удар каждой клавиши соответствовал не только определенному звуку, но и цвету, проецируемому на экран. В 1923 г. он устроил первые цветомузыкальные концерты в театре Вс. Мейерхольда и в Большом театре, а вскоре уехал за границу. В 1926 г. он показал «опто-фоник» парижской публике и запатентовал свое изобретение во Франции. См. о нем: *Северюхин Д., Лейкинц О.* Художники русской эмиграции. СПб., 1994. С. 52–54. В 2002 г. в Третьяковской галерее прошла ретроспективная выставка работ этого мастера.
- ⁴⁵ Последние Новости. 1928, 21 дек.; <Б/п.> Клуб 73 в «Ателье 28» // Возрождение. 1928, 25 дек. Показы этой программы продолжались в январе-феврале 1929 г.
- ⁴⁶ Возрождение. 1929, 10 мая.
- ⁴⁷ Там же. 1930, 10 янв.
- ⁴⁸ Там же. 1929, 13 июля.
- ⁴⁹ Там же. 1930, 3 янв.

Евгений Славченко / Эжен Деслав: от журналистики к экрану

- ⁵⁰ *Ладинский Ант.* «Студио де Пари» // Последние Новости. 1930, 27 окт.
- ⁵¹ Последние Новости. 1929, 22 окт. Имеется в виду фильм «Роботы», вышедший на экраны в следующем году.
- ⁵² Возрождение. 1930, 4 нояб.
- ⁵³ Последние Новости. 1930, 27 дек.
- ⁵⁴ Кинохроники (франц.).
- ⁵⁵ *Ант. Л<адин>ский.* «Парнасс-студио» // Последние Новости. 1931, 10 апр.
- ⁵⁶ Об истории этой постановки см.: *Янгиров Р.М.* В кадре и за кадром: Русские кинематографисты во Франции. 1925–1930 // Диаспора: Новые материалы. Вып. IV–V. Париж; СПб., 2002, 2003; *Он же.* Обретение дара речи: «Русский акцент» в начале звуковой эпохи французского кинематографа (1929–1932) // Киноведческие записки. 2004. № 65, 66.
- ⁵⁷ Возрождение. 1931, 10 июля.
- ⁵⁸ *Eric Le Roy.* Filmographie // 1895. Revue de l'association de recherche sur l'histoire du cinema (Paris). 2000. № 31. Abel Gance: Nouveaux regards. P. 334.
- ⁵⁹ Возрождение. 1933, 9 июня.
- ⁶⁰ <Б/н.> «Дикая дивизия» // Там же. 1937, 19 сент.
- ⁶¹ Cinemagazine (Paris). 1927. № 4 (7 Janvier).
- ⁶² *M<arcel> C<olin>.* M. Deslaw representera la VUFKU a Paris // La Cinematographie Francaise (Paris). 1928. № 489 (17 Mars).
- ⁶³ См., например: *Eugene Deslaw.* En Ukraine // *Ibid.* 1927. № 456 (30 Juillet); *Eugene Deslaw.* Ukraine // *Ibid.* 1928. № 485 (18 Fevrier) и др.
- ⁶⁴ В последние годы украинские исследователи не раз обращались к творческой биографии Славченко. См.: *Брега Г.* Ім'я, яким може пишатися українська культура (Евген Деслав) // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика: Зб. ст. Київ, 2001. Вип. 4; *Госейко Л.* «Фантастична візія»: Останній експериментальний фільм Євгена Деслава // Кіно-Коло. 2003. № 20 и др.
- ⁶⁵ Указание на это есть в письме украинского кинематографиста Леонида Могиланского (1899–1976), с 1929 г. жившего во Франции и получившего известность под именем Лео Моги: «Сейчас вошел ко мне Довженко. Он здесь с Демущким и Солнцевои и просят Вам все сердечно кланяться и шлют наилучшие пожелания» (письмо Сергею Эйзенштейну от 1 августа 1930 г.; Париж-Голливуд). – РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 1980.
- ⁶⁶ *Грейдиг Ю.* Французские немые фильмы в советском прокате // Кино и время. Бюллетень. Вып. 4. М., 1965. С. 349.

М. Заламбани (Италия, Форли)

СТРАНИЦА ИСТОРИИ
СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЫ:
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ «МЕТРОПОЛЬ»

Дело альманаха «МетроПоль»¹ является отражением кардинальных изменений, происходивших в механизме функционирования советской цензуры эпохи «застоя». Нам кажется, что целесообразнее рассматривать это дело не в качестве изолированного события (хотя его история чрезвычайно интересна и подчас напоминает детектив²), а в контексте трансформации советского социума.

Брежневский период характеризовался стабильностью и одновременно, как ни парадоксально, важными изменениями в жизни гражданского общества. Если политическая система восходила еще к сталинской государственной модели, то гражданское общество активно развивалось: рост уровня образования, интенсивная урбанизация, возникновение новых профессиональных профилей и т. п. (Lewin 1995. С. 73, 92–94; Tompson 2003. С. 86–97). Это вело к зарождению различных форм инакомыслия – от явных (правозащитники) до более скрытых (неформальные течения в искусстве) (Шубин 2001).

В результате власть столкнулась со следующей проблемой: цензура с ее архаичными методами оказывалась неэффективной в борьбе против новых культурных явлений, которые надо было нейтрализовывать нетрадиционными для СССР способами. Действительно, специфика истории российского государства заключается в том, что оно от автократической формы правления перешло к тоталитаризму (под эгидой партии), не претерпев тех трансформаций, которым подвергались западные демократии в течение более ста лет.

Россия не проходила через длительный процесс превращения *ancien* в *nouveau régime*, который был характерен для демократических западных обществ. Отсюда возникает такая особенность советского общества (и государства), как сосуществование пре-емственности и изменений³. В частности, цензура, как известно,

формируется отнюдь не при советской власти; наоборот, цензура – архаичный государственный институт, который после 1922 г. только обновляется, адаптируется и расширяется. Это объясняет и зловещие аналогии между сталинским террором и цензурной политикой Николая I: глубинные структуры цензуры оставались неизменными и обновлялись лишь внешне. Потому в эпоху «застоя», когда после сталинского времени страна вступила в новую фазу развития и когда выявились резкие противоречия между государственным аппаратом и гражданским обществом, власть была вынуждена искать более современные формы цензурной политики, ориентированные (по примеру Запада) скорее на надзор, чем на наказание.

Во второй половине 70-х годов советское государство решается на эксперимент, сочетая традиционные инквизиторские меры с «мягкой линией» – действиями превентивного характера, которые позволяют контролировать новые тенденции в обществе путем их «мирной» нейтрализации. Происходит частичная реорганизация цензурской системы. Если прежде цензура строилась по принципу пирамиды, где верхушка – идеологический отдел ЦК КПСС, а под ним Главлит и КГБ, то теперь система несколько децентрализуется, и некоторые функции Главлита передаются другим контрольным институтам, таким, как творческие Союзы (Горяева 2002. С. 325–326).

Но дело альманаха «МетрОполь» показало, что реформы института цензуры были в действительности поверхностными. Политика «профилактирования»⁴ создала эффективную сеть общественного надзора, способствующую контролю за неформальными культурными явлениями. Однако архаичность структуры самой цензуры и ментальности ее верхушки препятствовала применению новых цензурных практик. Поэтому в ситуации угрозы международного скандала, созданной альманахом «МетрОполь»⁵, цензура снова прибегла к апробированным карательным методам.

На начальном этапе власть применила к альманаху «МетрОполь» методы профилактики. Дело вел не КГБ, а Союз писателей. Хотя творческие Союзы, конечно же, всегда строго контролировались, их цензурирующая политика носила превентивный характер (Бобков 1995. С. 270–272). В рамках Союза с составителями альманаха проводились «беседы», имевшие целью убедить их издать официальную (т. е. цензурированную) версию альманаха. Из секретных документов КГБ и ЦК КПСС видно (Документы свидетельствуют 1993), что на

этом этапе высшие инстанции пытались воздержаться от открытого вмешательства.

Однако «профилактирование» не увенчалось успехом: составители альманаха, стремясь противостоять прессингу со стороны Союза писателей, вдруг 19 января 1979 г. напрямую обратились к лидеру партии и государства – Л. Брежневу⁶. 22 января 1979 г. было созвано расширенное заседание секретариата Московского отделения Союза писателей, которое должно было окончательно решить проблему.

Присутствовало примерно пятьдесят членов Союза. Заседание сразу приобрело форму суда: обвиняемые – составители альманаха (Аксенов, Битов, Ерофеев, Искандер, Попов), обвинители – секретарь объединения Ф. Кузнецов и его пособники. В финале «суда» писательская организация вынесла приговор: альманах был признан политической провокацией, поступком, способствующим антисоветской деятельности на Западе, и попыткой узаконить самиздат.

Вот слова некоторых членов Союза Писателей:

Н. Грибачев⁷ (перебивает). Да что вы тут говорите, как да что вам там говорили. Это – неважно. Я вам скажу, как сталинградский комбат. Это – антисоветская пропаганда. В Иране льется кровь, люди гибнут у Самосы⁸, а мы здесь разводим разговоры. Где здесь новаторство? Это – декадентские неликвиды, а мы сидим и рассуждаем о том, как с вами разговаривали, и во сколько вам позвонили. Это – политика. Потому что политика – жизнь и литература – жизнь. Комплекс. Если альманах выйдет на Западе, нужно их поставить лицом к народу. Пусть ответят, и пусть летят их головы. Кому они подыгрывают? Предлагаю: секретариат закончить, обсудить их в секциях⁹, а потом пускай ответят за свое «новаторство».

Алексин¹⁰. Порноноваторство...

(Запись 1979. Л. 9).

Ю. Жуков¹¹ говорит про «политику и литературу», что «кое-кто [10] на Западе» хочет изнутри разложить наше общество, чтобы облегчить расправу с ним. Уверен, что альманах будет напечатан на Западе. Говорит об аполитичности писателей, интеллигенции. «От рюмки – к письменному столу. Можно в партию не вступать, можно получать высокие гонорары, квартиры, а платить за это – не надо». Почему не уважают своих товарищей? Может быть, если соотношение сил в мировой системе изменится, то мы это напечатаем, мы тогда будем сильны и способны будем напечатать любую глупость, в том числе и эту. А сейчас очень накалена межд[ународная] обстановка. Аксенов. Уважаю его как писателя, но всегда поражаюсь

его пренебрежени[ю] классовой борьбой. Нейтралитета быть не может. Надо обсудить по секциям, хотя это непременно будет опубликовано на Западе. Большое зло уже сделано. И кто виновен в этом? Это – типичное произведение самиздата.

(Запись 1979. Л. 9–10).

Н. Грибачев. Это распространение самиздата, то, что вы делаете...

(Запись 1979. Л. 3).

Писательский приговор ссылался на преступления, важные в системе советской юстиции. Статья 70 Уголовного кодекса РСФСР характеризовала «антисоветскую пропаганду и агитацию», а статья 190 устанавливала уголовную ответственность «за распространение в устной или письменной форме заведомо клеветнических измышлений, порочащих государственный и общественный строй» (Цит. по: Блюм 2005. С. 81). На основе этих статей в 60-х годах активно велось преследование инакомыслящих, которое в 70-х годах отчасти сменилось «мягкой линией». Поэтому обвинения, хотя и сформулированные не юристами, а членами Союза, звучали как возврат к недалекому прошлому, как шаг назад в цензурской политике.

Заключительный документ, составленный секретариатом Союза писателей, – это воистину апофеоз советского идеологического дискурса времен «застоя». От признания виновности авторов (вступление и пункт 1) переходят к вынесению им приговора (пункты 2–4) и, наконец, принимается решение действовать широкомасштабно, усиливая идеологическую работу партии по отношению к писателям (пункт 5).

Ф. Кузнецов (читает проект решения секретариата)

Группа молодых московских литераторов под руководством В. Аксенова подготовила альманах «Метрополь» в нездоровой (?) обстановке.

В альманахе представлены известные литераторы в сочетании с молодыми и антисоветчик Алешковский.

Составители и не скрывали своих намерений, опубликовав на 1-й странице манифест-ультиматум.

Составители хотели собрать литературные и другие круги, чтобы там ультимативно поставить вопрос об издании альманаха.

Все предложения о сотрудничестве они упорно отвергают. Секретариат постановил:

1. Считать альманах делом недопустимым, безыдейным, низкохудожественным, противоречащим практике советской литературы по характеру подготовки, ультимативному характеру.

М. Заламбани

2. Обязать членов СП, составителей и авторов, воздержаться от действий личного или общественного характера, ведущих к раздуванию...

3. Если альманах будет напечатан за границей, и составители, авторы совершат эти действия, поставить вопрос об исключении из СП.

4. Обсудить и изучить альманах на парткоме и собраниях творческих секций.

5. Провести открытое партсобрание на тему «Идеологическая работа с московскими писателями на примере альманаха».

Голосуют единогласно.

(Запись 1979. Л. 23–24).

Итак, можно констатировать, что модель советской цензуры в годы «застоя», несмотря на отдельные попытки смягчения и преобразования, в сущности по-прежнему носила инквизиторский характер.

Отвечая на вызовы времени, власть то пыталась реформировать систему цензуры, то возвращалась к репрессивным мерам. Архаичные формы подавления сосуществовали с жестами мнимой политической терпимости, будучи разными компонентами единого целого – управления и манипулирования общественными настроениями. В деле «МетрОполя» эти две стратегии причудливо, но закономерно чередовались. Власть начинала вроде бы либерально, но стоило системе отойти от старых приемов, как она теряла контроль над ситуацией и прибегала к карающим методам. Что и привело к разгрому «МетрОполя».

Примечания

¹ Первоначальная идея литературного альманаха «МетрОполь» относится к 1978 г. и принадлежит В. Аксену и В. Ерофееву, которые потом пригласили Е. Попова, А. Битова, Ф. Искандера. Целью этого проекта было издание сборника, в который должны были войти тексты, никогда ранее не публиковавшиеся (исключение – стихи А. Вознесенского – сборник «Соблазн», Москва: «Советский писатель», 1978 и рассказ Ф. Искандера «Возмездие» – журнал «Дружба народов», 1977, № 7). Авторы сделали попытку предать гласности литературу, вытесненную доминирующей официальной культурой, и, что даже разрушительнее, чем «вольнолюбивое» содержание альманаха, они решились на публикацию, минуя препоны советской цензуры. Авторы самостоятельно выпустили двенадцать экземпляров под собственным копирайтом и хотели организовать вернисаж, чтобы обнародовать альманах, который после этого можно было бы условно считать опубликованным. На колофоне альманаха они заявили: «Альманах ,МетрОполь‘ **выпущен**

в виде рукописи. Может быть издан типографским способом только в данном составе. Никакие добавления и купюры не разрешаются».

О «МетрОполе» см.: Документы свидетельствуют 1993; Уроки Метрополя 1999; Аксенов 1990, 2004; Ерофеев 1990, 2001, 2002; Искандер 2003; Липкин 1990; Попов 1990. С. 297–311, 1999, 2001а, 2001б, С. 159–321, 2001в, С. 322–445, 2003; Тростников 1982; В секретариате правления СП СССР 1979; Кузнецов 1979а, 1979б, 1999; Мнение писателей о Метрополе 1979; Олег Волков о Метрополе 1998; Бобков 1995. С. 270–272, Карпович 1989; Об альманахе ‘Метрополь’ 1979; Еще об альманахе Метрополь 1979; Разные сообщения 1980, 1981.

² Эта история рассказана в нашей статье «Дело ‘Метрополя’. Запись о расширенном секретариате МПО, имевшем место быть 22.1.1979 г. в к. № 8 ЦДЛ» (в печати в «НЛО»), где издана полная стенограмма заседания Союза писателей, на котором произошел разгром альманаха.

³ Существует богатая историографическая традиция, анализирующая сходства и различия (continuities and changes) между царской империей и советским государством. О преемственности см., напр.: Lewin 1995.

⁴ «Изобретением Андропова стало то, что вместо непосредственных репрессий и судебного преследования КГБ стал практиковать так называемое профилактирование – внесудебное вмешательство в жизнь людей, потенциально считавшихся опасными для строя [...]. Если в 1963–1966 гг. КГБ осудил 3 251 человека, то в 1967–1970 гг. при 2 456 официально осужденных 58 298 человек были “профилактированы”» (Пихоя 2000. С. 376).

⁵ Писатели хотели организовать вернисаж, где они предъявили бы альманах собравшимся, среди которых ожидалось не только представители московской интеллигенции, но иностранные гости и журналисты. Последние представляли особую опасность для властей: правительству очень хотелось бы избежать скандала, который мог получить (и на самом деле получил) международный резонанс. Именно готовящийся «метропольцами» вернисаж резко изменил планы государственных органов: участие в нем зарубежных журналистов требовало незамедлительного реагирования.

⁶ Коллективное письмо, переданное Брежневу, было подписано Аксеновым, Ерофеевым, Ахмадулиной, Поповым, Битовым, Искандером. Авторы просили Брежнева «вникнуть в конфликтную ситуацию, возникшую в Московской писательской организации» по поводу «МетрОполя» (Документы свидетельствуют 1993. С. 324–325); кроме того, составители написали письмо секретарю ЦК КПСС М.В. Зимянину и, для сведения, первому секретарю Союза писателей СССР – Г.М. Маркову (Документы свидетельствуют 1993. С. 328–330).

⁷ Грибачев Н.М. (1910–1992), писатель и публицист. Редактор журнала «Советский Союз» (1950–1954, 1956–1991).

⁸ Д.А. Самоса (1925–1980), президент Никарагуа в 1967–1972 гг. и в 1974–1979 гг.

М. Заламбани

⁹ Организация Московских Писателей подразделялась на разные секции: секция прозы, поэзии, критики, драматургии, перевода и т. д.

¹⁰ Алексин А.Г. (псевд. Гобермана) (1924), писатель. Писал рассказы для детей и юношества, после перестройки эмигрировал в Израиль.

¹¹ Жуков Ю. (1908–1990), журналист. В те времена был самым известным официальным специалистом по международным проблемам.

Библиография

Аксенов 1990 – *Аксенов В.* Праздник, который пытались украсть // *Огонек.* № 37. С. 18–19.

Аксенов 1999 – *Аксенов В.* Скажи изюм. М.

Аксенов 2004 – *Аксенов В.* Силовик – это надутый резиновый человек // *Огонек.* № 3 <<http://www.ogoniok.com/win/200403/03-21-23.html>>

Блюм 2005 – *Блюм А.* Как это делалось в Ленинграде: Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки: 1953–1991. СПб.: Академический проект.

Бобков 1995 – *Бобков Ф.* КГБ и власть. М.: Ветеран МП.

В секретариате правления СП СССР 1979. В секретариате правления СП СССР // *Московский литератор.* № 19. С. 5.

Вместе с партией, вместе с народом 1979 – Вместе с партией, вместе с народом: Собрание писателей-коммунистов Москвы // *Литературная газета.* № 20. С. 1–2.

Горяева 2002 – *Горяева Т.* Политическая цензура в СССР: 1917–1991. М.: РОССПЭН.

Документы свидетельствуют 1993 – Документы свидетельствуют: Из фондов Центра Хранения Современной Документации (ЦХСД): Продолжается работа по размежеванию участников «МетрОполя» // *Вопросы литературы.* № 5. С. 322–338.

Ерофеев 1990 – *Ерофеев В.* Десять лет спустя // *Огонек.* № 37. С. 16–18.

Ерофеев 1996 – *Ерофеев В.* Страшный суд: Роман, рассказы, маленькие эссе. М.

Ерофеев 2001 – *Ерофеев В.* Время «МетрОполя» // *МетрОполь* 2001. С. 5–15. Ранее в: Ерофеев 1996. С. 493–506.

Ерофеев 2002 – *Ерофеев В.* Сын посла // *Огонек.* № 15 <<http://www.ogoniok.com/win/200215/15-44-48.html>>.

Еще об альманахе *МетрОполь* 1979 – Еще об альманахе *МетрОполь* // *Хроника текущих событий.* № 54. С. 126–127.

Запись 1979 – Запись о расширенном секретариате МПО, имевшем место быть 22.1.1979 г. в к. № 8 ЦДЛ (Из личного архива писателя Евгения А. Попова).

Искандер 2003 – *Искандер Ф.* «Intervista» // Slavica Viterbiensia. № 1. P. 135–156.

Карпович 1989 – *Карпович Я.* Стыдно молчать // Огонек. № 29. С. 6–9.

Кузнецов 1979а – *Кузнецов Ф.* Конфуз с «МетрОполем» // Московский литератор. 9 февр.

Кузнецов 1979б – *Кузнецов Ф.* О чем шум? // Литературная газета. 19 сент.

Кузнецов 1999 – *Кузнецов Ф.* Об исторической ценности «МетрОполя» // Независимая газета. 3 февр.

Липкин 1990 – *Липкин С.* Образ и давление времени // Апрель. № 3. С. 302–306.

Мнение писателей о «МетрОполе» 1979 – **Мнение писателей** о «МетрОполе»: порнография духа // Московский литератор. 23 февр. С. 3; см. также: Информационный бюллетень СП СССР. 1979. № 2–3. С. 38–42.

Об альманахе «МетрОполь» 1979 – **Об альманахе «МетрОполь»** // Хроника текущих событий. № 52. С. 118–121.

Олег Волков о «МетрОполе» 1998 – **Олег Волков о «МетрОполе»** // Звезда. № 8. С. 143–146.

Пихоя 2000 – *Пихоя Р.* Советский Союз: история власти 1945–1991. Новосибирск: Сибирский Хронограф.

Попов 1990 – *Попов Е.* Прекрасность жизни. М.

Попов 1999 – *Попов Е.* Вертепщик **Василий Аксенов** // Аксенов 1999. С. 404–411.

Попов 2001а – *Попов Е.* Накануне, накануне. М.

Попов 2001б – *Попов Е.* Душа патриота, или различные послания к Ферфичкину // Попов 2001а. С. 159–321.

Попов 2001в – *Попов Е.* Накануне, накануне // Попов 2001а. С. 322–445.

Попов 2003 – *Попов Е.* Подлинная история «Зеленых Музыкантов». М.

Разные сообщения 1980 – **Разные сообщения** // Хроника текущих событий. № 55. С. 64.

Разные сообщения 1981 – **Разные сообщения** // Хроника текущих событий. № 61. С. 94–95.

Тростников 1982 – *Тростников В.* Факты и свидетельства: увольнение // **Континент**. № 31. С. 261–293.

Уроки «МетрОполя» 1999 – **Уроки «МетрОполя»: (Из архива газеты «Московский литератор»)** // Наш современник. № 4. С. 264–279.

Шубин 2001 – *Шубин А.* От «застоя» к реформам: СССР в 1917–1985 гг. М.: РОССПЭН.

М. Заламбани

Lewin 1995 – *Lewin M.* Russia/USSR/Russia: The drive and drift of a superstate. New York: The New Press.

Tompson 2003 – *Tompson W.* The Soviet Union under Brezhnev. London: Pearson-Longman.

ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ В ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЕ 1825–1826 гг.

В отечественной историографии традиционно считалось, что все касающееся следствия и суда над участниками тайных обществ специально замалчивалось официальной властью. М.В. Нечкина считала, что русским монархом овладевала «боязнь побеждающей силы новой идеологии»¹.

Однако в реальности дело обстояло намного сложнее. Молодой император в глазах собственных подданных имел сомнительные права на престол. Общественное мнение в столице, безусловно, было за Константина, и слухи о «домашних сделках» между претендентами на корону не могли успокоить брожения. 14 декабря 1825 года в Петербурге произошел гвардейский мятеж – и мятежники выступали под «константиновским» лозунгом. Диалог с подданными для императора был тем более важен, что от его успеха зависела не только его личная судьба, но и судьба империи. Чтобы построить этот диалог и не допустить взрыва, Николай должен был избрать правильную информационную политику. Причем в этом новому императору помогли люди, близкие по своим реформаторским устремлениям к декабристам: Д.Н. Блудов и М.М. Сперанский.

Дмитрий Николаевич Блудов был литератором-сентименталистом, одним из основателей знаменитого «Арзамаса», родственником Державина и Озерова, другом Батюшкова и Жуковского. По «Арзамасу» Блудов лично знал некоторых декабристов. Вечером 14 декабря 1825 года Блудов, тогда чиновник министерства внутренних дел, по рекомендации Н.М. Карамзина был вызван в Зимний дворец и, «не выходя из кабинета»² Николая, составил первую газетную статью о восстании на Сенатской площади. Она появилась в газетах на следующий день. Статьи, печатаемые в газетах, были анонимными, однако, по-видимому, все они, как и первая, принадлежат Блудову.

Что касается Сперанского, он был хорошо известен своими либеральными взглядами со времени царствования Александра I. По некоторым декабристским проектам, он должен был войти в состав Временного верховного правления, призванного осуществлять руководство страной в течение некоторого времени после победы революции. Николай I знал Сперанского как талантливую юриста, в царствование Александра I составившего множество законопроектов и сумевшего после опалы, удачно проведя реформу местного управления Сибири, вернуться на ключевые государственные посты. Именно ему новый император поручил составление текста манифеста о своем восшествии на престол. Первый манифест по делу декабристов вышел также из-под пера Сперанского³. Он датирован 19 декабря 1825 года.

Судя по первым опубликованным в официальной прессе документам и статьям, сразу после восстания декабристов Николай I «разделил обязанности» между Блудовым и Сперанским. Блудов должен был писать газетные статьи, а Сперанский – составлять официальные манифесты по делу декабристов.

Однако затем ситуация изменилась. Все больше арестованных декабристов в своих показаниях называли имя Сперанского как человека, знавшего о планируемом восстании и в случае победы обещавшего помощь. Очевидно поэтому Сперанский был до поры отстранен царем от написания официальных бумаг. В результате следствие было освещено в основном газетными статьями Блудова⁴. «Донесение следственной комиссии» по итогам следствия над членами тайных обществ также было составлено Блудовым. Неудивительно поэтому, что оно не является юридическим документом по сути, и, как отмечал М.Н. Гернет, «ни в какой степени не отвечает требованиям следственного акта. В нем, как это ни удивительно, нет ни одной ссылки на какие-либо статьи закона»⁵. Действительно, это произведение вполне публицистическое.

При подготовке судебного процесса в мае 1825 года, когда без юридически верно составленных документов обойтись было уже нельзя, Николай снова приблизил к себе Сперанского – для подготовки материалов Верховного уголовного суда. Перу Сперанского принадлежит также «заключительный» манифест по делу «о злоумышленных обществах» – манифест 13 июля 1825 года.

Таким образом, среди публикаций в официальной прессе можно выделить два основных типа: во-первых, официальные документы, издаваемые властью (манифесты, указы императора

и пр.), во-вторых – статьи, предназначенные для опубликования в прессе.

* * *

Публикуемые ниже материалы – это, прежде всего, статьи, специально составленные для опубликования в официальной прессе и принадлежащие, по большей части, перу Д.Н. Блудова⁶. Тексты манифестов, а также «Донесение следственной комиссии» и документы Верховного уголовного суда, опубликованные в газетах, здесь не публикуются, поскольку их полная публикация предпринята в рамках серии «Восстание декабристов. Документы и материалы»⁷.

Орфография и пунктуация документов приведены в соответствии с современными нормами, за исключением тех случаев, когда отступления от современных норм характеризуют стилистические особенности текста. В квадратных скобках расшифровываются сокращения.

1

Вчерашний день будет, без сомнения, эпохой в истории России. В оный жители столицы узнали с чувством радости и надежды, что государь император Николай Павлович воспринимает венец своих предков, принадлежащий ему, и вследствие торжественного, совершенно произвольного отречения государя цесаревича Константина Павловича, и по назначению в Бозе почивающего императора Александра, и в силу коренных законов империи о наследии престола. Но провидению было угодно сей столь вожделенный день ознаменовать для нас и печальным происшествием, которое внезапно, но лишь на несколько часов, возмутило спокойствие в некоторых частях города. Вскоре после издания высочайшего манифеста о вступлении его императорского величества на престол, Государственный совет, Правительствующий сенат и Святейший синод присягали в верности монарху: в течение утра должны были дать присягу все полки лейб-гвардии. В половине двенадцатого часа командующий Гвардейским корпусом⁸ и начальник Гвардейского штаба⁹ донесли его величеству, что присяга učinена полками Конногвардейским, Кавалергардским, Преображенским, Семеновским, Павловским Гренадерским, Гвардейским, егерским, Финляндским и Саперным баталионом. О прочих полках не

было еще известия; по сему причиною полагали отдаленность их казарм от дворца¹⁰. В двенадцать часов узнали, что четыре офицера гвардейской конной артиллерии, оказавшие сопротивление, взяты под стражу, но что прочие как офицеры, так и нижние чины Гвардейского артиллерийского корпуса присягали с отменным и единоклассным усердием. Уже в исходе первого часа дошло до сведения его величества, что часть Московского полка (как сказывали от 3 до 4 сот человек), выступив из своих казарм с распущенными знаменами и провозглашая императором великого князя Константина Павловича, идет на Сенатскую площадь. Толпы народа сбегались к сей площади и пред дворцом. Государь император вышел из дворца без свиты, явился один народу и был встречен изъявлениями благоговения и любви: отовсюду раздавались усердные восклицания. Между тем две возмущившиеся роты Московского полка не смирились. Они построились в батальон-каре перед Сенатом; ими начальствовали семь или восемь обер-офицеров, к коим присоединилось несколько человек гнусного вида во фраках. Небольшие толпы черни окружали их и кричали: ура! Необходимость противопоставить им достаточное число верных войск была очевидна. Государь император дал повеление вывести один батальон Преображенского полка и, предводительствуя оным, приблизился к месту, где были собраны бунтующие, но с твердым намерением не употреблять силы, пока будет хоть малейшая вероятность кротостью и увещанием образумить ослепленных мятежников. К ним подъехал Санктпетербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович¹¹, в надежде, что его слова возвратят их к чувству обязанности, но в ту самую минуту стоявший возле него человек во фраке выстрелил по нем из пистолета и смертельно ранил сего верного и отличного военачальника¹². Он умер нынешнею ночью. Сие злодеяние ни в чем не изменило намерений его императорского величества. Твердость и милость равномерно оказывались в сделанных несколько раз по его повелению увещаниях возмущившимся. Государь призывал их к долгу и смирению, но не вникая никаким образом, не скрывая от них, что и за самую вникую покорность долженствует необходимо и во всяком случае последовать примерное наказание зачинщиков мятежа.

Между тем его величество дал приказание бывший в карауле у дворца полк Финляндский егерский¹³ усилить Саперным батальоном, а полкам Кавалергардскому, Конногвардейскому, Павловскому гренадерскому и лейб-гвардии Артиллерийской

первой бригаде явиться к нему. Все сии войска ревностно просили дозволения одним ударом уничтожить бунт мятежников. К сим последним присоединилось несколько человек из лейб-Гренадерского полка и Гвардейского морского экипажа; но с другой стороны великий князь Михаил Павлович, который в ту лишь минуту возвратился в С.-Петербург, узнав, что часть принадлежащего к его дивизии Московского полка обесславил себя восстанием на законную власть, не медля отправился к казармам и там, даже не употребляя никаких строгих мер, привел к присяге шесть рот сего полка, кои при начале возмущения хоть отказывались присягать, однако ж не хотели и следовать примеру вышедших на Сенатскую площадь. Его высочество, обязав сии роты клятвенным обещанием верности к государю императору Николаю Павловичу, привел их к августейшему брату своему; они пылали равным с другими войсками нетерпением положить конец мятежу.

Но государь император еще щадил безумцев, и лишь при наступлении ночи, когда уже были вотще истощены все средства убеждения, и самое воззвание преосвященного митрополита Серафима¹⁴ пренебрежено мятежниками, его величество наконец решился вопреки желанию сердца своего употребить силу. Вывезены пушки, и немногие выстрелы в несколько минут очистили площадь. Конница ударила на слабые остатки бунтовавших, преследуя и хватая их. Потом разсланы по всем улицам сильные дозоры, и в шесть часов вечера из всей толпы возмущившихся не было уже и двух человек вместе; они бросали оружие или сдавались в плен. В десять часов взято было дозорами более пяти сот, кои скитались рассеянные; виновнейшие из офицеров пойманы и отведены в крепость.

В шесть часов вечера государь возвратился во дворец, и молебствие по случаю восшествия его императорского величества на престол совершенно в присутствии их величеств¹⁵, всего двора и при великом стечении знатных особ. В городе уже было восстановлено повсеместное спокойствие.

Таковы были происшествия вчерашнего дня; будучи очевидцами оных, мы описали все обстоятельства с величайшею подробностью и точностью. Они, без сомнения, горестны для всех русских и должны были оставить скорбное чувство в душе государя императора. Но всяк, кто был свидетелем поступков нашего монарха в сей памятный день, его великодушного мужества, разительного, ничем не изменяемого хладнокровия, коему с восторгом дивятся все войска и опытнейшие вожди их;

всяк, кто видел, с какою блистательною отважностью и успехом действовал августейший брат его великий князь Михаил Павлович; наконец всяк, кто размыслит, что мятежники, пробыв четыре часа на площади, в большую часть сего времени со всех сторон открытой, не нашли себе других пособников, кроме немногих пьяных солдат и немногих же людей из черни, также пьяных, и что изо всех гвардейских полков ни один в целом составе, а лишь несколько рот двух полков и Морского экипажа могли быть обольщены или увлечены пагубным примером буйства, тот, конечно, с благодарностью к промыслу признает, что в сем случае много утешительного, что оный есть не иное что, как минутное испытание, которое будет служить лишь к ознаменованию истинного характера нации, непоколебимой верности величайшей без всякого сравнения части войск и общей преданности русских к Августейшему их законному монарху. Признания уже допрошенных важнейших преступников и добровольная явка главнейших зачинщиков, скорость, с коею бунтующие рассеялись при самых первых выстрелах, изъявления искреннего раскаяния солдат, кои сами возвращаются в казармы оплакивать свое минутное заблуждение, все доказывает, что они были слепым орудием, что провозглашение имени цесаревича Константина Павловича и мнимая верность присяге, от коей его императорское высочество сам произвольным и неперменным отречением своим разрешил всех, служили только покровом настоящему явному намерению замысливших сей бунт навлечь на Россию все бедствия безначалия.

Праведный суд вскоре совершится над преступными участниками беспорядков. Помощью неба, твердостью правительства они прекращены совершенно: ничто не нарушает спокойствия столицы, и войска, кои из предосторожности провели минувшую ночь на бивуаках близ дворца, возвратились в казармы.

Ныне поутру государь император объезжал все находившиеся при нем полки и узнав, что рядовые Гвардейского экипажа изъявляют живейшее раскаяние, утверждают, что они были вовлечены в мятеж обманом, уже в присутствии великого князя Михаила Павловича дали присягу в верности, дозволил сему батальону предстать пред него, даровал им великодушное прощение и возвратил знамя, коего во воле его императорского величества они были лишены вчера. Они со слезами славят милосердие монарха.

(Санкт-Петербургские ведомости. 1825.
15 дек. № 100 (прибавление);

Движение декабристов в официальной прессе 1825–1826 гг.
Московские ведомости. 1825. 23 дек. № 102. С. 3577–3578;
Русский инвалид или военные ведомости
(далее: Русский инвалид). 1825.
19 дек. № 300. С. 1206–1208;
Северная пчела. 1825. 19 дек. № 152;
Journal de St. Petersburg. 1825. 15/27 дек. № 151. С. 635–636.)

2

После происшествия 14-го сего месяца, спокойствие восстановлено в С.-Петербурге с такою скоростью, как и прочностью; ничто уже не нарушает оно и столица восприняла прежний вид. В ней не видно ни малейшего беспокойства, ни малейшего движения. Везде, где только монарх является, войска и народ встречают его величество с живейшим восторгом и радостными восклицаниями.

(Русский инвалид. 1825. 24 дек. № 304. С. 1222;
Московские ведомости. 1825. 30 дек. № 104. С. 3658;
Journal de St. Petersburg. 1825/1826. 22 дек/3 янв.
№ 154. С. 650.)

3

Подробное описание происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14-го декабря 1825 года¹⁶

Декабря 14-го поутру государь император извещен был начальником штаба Гвардейского корпуса¹⁷, что несколько рот лейб-гвардии Московского полка отказались от должной его величеству присяги и, завлеченные буйством своих капитанов, овладели знаменами, принесенными к полку для присяги, изранили своего бригадного командира генерал-майора Шеншина и полкового командира генерал-майора Фредерикса¹⁸, что толпа сия в величайшем неистовстве взяла направление к Исаакиевской площади, увлекая силою встречающихся офицеров, но другая часть полка осталась покорная и в порядке.

Государь император, дав повеление генерал-майору Нейдгарту¹⁹ велеть лейб-гвардии Семеновскому полку немедленно идти унять бунтующих, а Конной гвардии быть готовой по востребованию, сам изволил сойти на дворцовую главную гауптвахту, где караул был от лейб-гвардии Финляндского полка, и приказал им зарядить ружья и занять главные дворцовые ворота. Между

тем доходили до государя императора сведения, что роты бунтовавшие были роты Московского полка 5-я и 6-я, что они уже вышли на площадь против Сената и что при них находится толпа разных людей в самом буйственном виде. Государь император изволил приказать тогда же первому баталиону лейб-гвардии Преображенского полка немедленно прийти к его величеству на Дворцовую площадь, что им и исполнено в неимоверной скорости. В то же время прибыл к государю императору военный генерал-губернатор Милорадович с известием, что толпа произносит крик и восклицания «ура, Константин!», и что он полагает, что сие есть только предлог к самым пагубным намерениям, для которых нужно без отлагательства взять строжайшие меры. Тогда послано от его величества повеление прибыть трем ротам лейб-гвардии Павловского полка, свободным от караула, и лейб-гвардии Саперному баталиону, которому занять Зимний дворец, а третьему баталиону лейб-гвардии Преображенского полка и Кавалергардскому полку прибыть немедленно к его величеству. Между тем сам государь император с первым баталионом Преображенского полка пошел навстречу бунтующим, дабы предупредить всякое покушение на дворец, в коем изволили находиться их императорские величества государыни императрицы и прочие члены императорской фамилии.

Прибыв на площадь против дома княгини Лобановой, государь император услышал выстрелы, и тогда же донесено его императорскому величеству, что военный генерал-губернатор граф Милорадович ранен смертельно бунтовщиками; в то же время прибыл к государю императору лейб-гвардии Конный полк и вслед за ним три роты лейб-гвардии Павловского полка. Вскоре потом его императорское высочество Михаил Павлович²⁰ привел баталион лейб-гвардии Московского полка. Сей баталион с большим усердием просил позволения смыть кровиею бунтующих срам и бесчестье, мундиру своему нанесенное, но государь император, не желая проливать крови, предпочел меры кротости и увещания. Но когда ни увещания его величества, ни присутствие митрополита, ниже угрозы не могли склонить их к сдаче, когда, напротив того, буйство их приметно возрастало и к шайке прибыли разные толпы лейб-гвардии Гренадерского полка солдат с тремя офицерами и знаменем оною, и тогда же началась стрельба из среды шайки, то его величество изволил решиться прибегнуть к мерам строгости, тем необходимейшим, что чернь, подкупаемая деньгами и подносимым вином, начинала более и более приставать к бунтующим.

Вследствие сего приняты государем императором следующие меры. Приказав лейб-гвардии Преображенскому полку занять площадь спиною к Адмиралтейству, лейб-гвардии Семеновскому – улицу, ведущую к манежу Конно-гвардейского полка, улицу и переулок от Галерной к провиантским магазинам, лейб-гвардии же Измайловскому и Егерскому полкам стать в резерве, Финляндскому одному баталиону занять Исаакиевский мост, его величество изволил повелеть артиллерии 1-й Артиллерийской бригады быть готовой к действию; Павловского же полка три роты заняли Галерную улицу. Прежде, однако ж, нежели приступлено к последним мерам строгости, государь император изволил повелеть лейб-гвардии Конному и Кавалергардскому полкам сделать покушение устроить бунтовщиков атакою, весьма трудною, впрочем, по тесному месту и выгодному расположению мятежной шайки, усиленной уже большею частию баталиона Гвардейского экипажа; но и сия мера не имела желаемого успеха, мятежники стояли твердо и, пользуясь выгодою своего места, продолжали неистовство. Сим его величество с душевным прискорбием приказав вывести против мятежной толпы четыре орудия и оные зарядить картечью, послал в последний раз объявить им, чтоб они предались милосердию государя императора, но получив решительный отказ, повелел начать стрельбу из орудий. По второму выстрелу вся шайка рассыпалась и была преследована лейб-гвардии Кавалергардским и Конными полками на Васильевский остров, вдоль по Английской набережной и Галерной улице, дабы отрезать бегущих; тогда же захвачено до 500 человек, а прочие рассыпались в разные стороны по домам и по Неве.

Когда уже совершенно смерклось, то дабы отнять всякий способ злонамеренным возобновить свои покушения во время ночи, его величество изволил повелеть оставить войска на ночь под ружьем. Вследствие сего Дворцовая площадь занята была лейб-гвардии Преображенским полком, лейб-гвардии Саперным баталионом, двумя ротами 1-го баталиона лейб-гвардии Егерского полка при десяти орудиях 1-й и 2-й батарейных рот и тремя эскадронами Кавалергардского полка; в большой Миллионной у моста на Мойке поставлена была рота лейб-гвардии Егерского полка при двух орудиях, а другая при четырех орудиях у моста Эрмитажного театра; лейб-гвардии Измайловского 1-й баталион и эскадрон кавалергардов с четырьмя орудиями поставлены на углу Зимнего дворца по набережной и против Адмиралтейства; 2-й баталион лейб-гвардии Егерского

полка занимал Адмиралтейскую площадь; на Исаакиевской площади, под командою генерал-адъютанта Васильчикова²¹ оставлен баталион Семеновский, Московский, 2-й баталион Измайловского, четыре конных орудия и четыре эскадрона лейб-гвардии Конного полка; на Васильевском острове, под командою генерал-адъютанта Бенкендорфа²², два эскадрона лейб-гвардии Конного полка, Конно-пионерный дивизион, баталион лейб-гвардии Финляндского полка и четыре орудия Конной артиллерии. Лейб-гвардии Казачий полк наряжен был для разъезда по прочим частям города. Сими мерами установлена совершенная тишина и забрано в продолжение ночи до полутора часа человек; многие из зачинщиков частью взяты, частью же сами явились добровольно. Еще в продолжение вечера большая часть Гвардейского морского экипажа воротилась добровольно в свои казармы, где с истинным раскаянием и в страхе от пагубного своего исступления, просили пощады и помилования. Его императорское высочество великий князь Михаил Павлович личными убеждениями своими довершил то, к чему собственное их раскаяние уже приготовило; все единогласно предавались милосердию государя, с покорностию ожидая своей участи; сему же последовала и большая часть людей лейб-гвардии Гренадерского полка. К чести мундира, подле сих постыдных происшествий произошли примеры отличного исполнения своих обязанностей: караул лейб-гвардии Финляндского полка, стоявший в Сенате, под командою подпоручика Насакина I²³, во все время стоял под ружьем и, несмотря ни на угрозы, ни на просьбы мятежников, остался твердо в своей обязанности; то же самое исполнил и унтер-офицерский караул лейб-гвардии Павловского полка, стоявший в Московских казармах.

На другой день поутру порядок был совершенно восстановлен. Государь император лично объехал все войска и, поблагодарив их за усердие, верность, отличный порядок в столь горестном и неожиданном случае, повелел их распустить. Войска, за городом расположенные, коим приказано было подойти к столице, возвращены на свои квартиры, кроме полков лейб-гвардии Драгунского, приведенного в город для разъездов, и по два эскадрона от полков лейб-гвардии Гусарского и Уланского, оставленных близ города для перехвачения беглых мятежников. — Его императорское величество, следуя внушению сердца своего и по совершенном удостоверении в истинном раскаянии Гвардейского экипажа, дозволил оному предстать пред его величество и

удостоверясь лично, что одним обманом мог он быть завлечен в подобное неистовство, удостоил их всемилостивейшего прощения и, возвратив дарованное блаженной памяти государем императором знамя, велел оное вновь освятить и баталиону учинить присягу; что исполнено в раскаянии, с восторгом и видимым усердием. Л.[ейб]гв.[ардии] Гренадерского полка две роты с отличною исправностию содержали караул 14-го декабря в Петропавловской крепости; сего же полка рота его величества с капитаном своим, не хотевшим согласиться на буйство прочих, приведена была сим капитаном к его императорскому величеству, и потому в знак милости, дозволено оной пристроиться к занимающему Зимний дворец лейб-гвардии Саперному баталиону. 15-го же числа поутру донесено его величеству его императорским высочеством Михаилом Павловичем, что и остальная большая часть нижних чинов сего полка, обманом увлеченная, также в истинном раскаянии просит помилования, его императорское величество, желая и здесь оказать милосердие искренно кающимся, возвратил и сему полку знамена, у них взятые, приказав освятить оные вновь и полк привести к присяге. Все сие исполнено с отличным усердием. Лейб-гвардии Московский полк, равномерно лишившийся знамен, но заслуживающий помилования по верности и усердию большей его части, равномерно всемилостивейше прощен и знамена его вновь также освящены.

По продолжающимся подробным достоверным допросам явно изблечены зачинщики сего неслыханного предприятия: в чине подпоручика Кондратий Рылеев²⁴, дворянин Орест Сомов²⁵, бывший вице-губернатор, статский советник Иосиф Горский²⁶, отставной поручик Каховский²⁷, лейб-гвардии Московского полка штабс-капитаны: князь Щепин-Ростовский²⁸ и Бестужев²⁹, адъютант его королевского высочества герцога Александра Виртембергского Бестужев³⁰, лейб-гвардии Гренадерского полка штабс-капитан Сутгоф³¹ и поручик Панов³², адъютант командующего гвардейскою пехотою генерал-лейтенанта Бистрома³³ поручик князь Оболенский³⁴, дежурный штаб-офицер 4-го пехотного корпуса полковник князь Трубецкой³⁵, гвардейского Генерального штаба штабс-капитан Корнилович³⁶, флота капитан-лейтенант Бестужев³⁷, адъютант адмирала Моллера³⁸ Бестужев же³⁹, лейб-гвардии Конного полка корнет князь Одоевский⁴⁰; коллежские асессоры: Пушин⁴¹, Вильгельм Кюхельбекер⁴² и лейб-гвардии Финляндского полка поручик

Движение декабристов в официальной прессе 1825–1826 гг.

Цебриков⁴³. — Все они уже взяты и содержатся под арестом, кроме Кюхельбекера, который, вероятно, погиб во время дела⁴⁴. — Кроме сих главных зачинщиков арестованы состоящие под сильным сомнением: Нижегородского драгунского полка капитан Якубович⁴⁵, добровольно явившейся 12-го Егерского полка полковник Булатов⁴⁶, Гвардейского экипажа лейтенанты Арбузов⁴⁷, Вишневский⁴⁸, Кюхельбекер⁴⁹, Миллер⁵⁰ и Бодиско⁵¹; лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона капитан Пушин⁵², лейб-гвардии Измайловского полка подпоручики: Малютин⁵³, Фок⁵⁴, Кожевников⁵⁵ и князь Вадбольский⁵⁶.

(Санкт-Петербургские ведомости. 1825. 29 дек.

№ 104 (прибавление);

Московские ведомости. 1826. 2 янв. № 1. С. 2–5;

Русский инвалид. 1825. 29 дек. № 305. С. 1227–1230;

Journal de St. Petersbourg. 1825/26. 26 дек. /7 янв.

№ 156. С. 657–658.)

4

Прибавление к подробному описанию происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14-го декабря 1825 года

Неожиданные происшествия 14-го минувшего декабря, печальные сами по себе, имели счастливые последствия, ибо оными обнаружено существование гнусного, дотоле едва подозреваемого заговора. Люди, недостойные имени русских, умышляли неслыханные в отечестве нашем злодейства: истребление всей императорской фамилии, грабеж, расхищение имуществ, убиение не принадлежащих к мятежническому их сообщничеству граждан, одним словом все неисчислимые ужасы безначалия. Совершенный успех сего адского предприятия был, без сомнения, невозможен; но и самое покушение могло сделаться источником многих бедствий. Для предупреждения оных, для искоренения грозившего государству зла, были необходимы строгие и скорые меры осторожности. Оные приняты немедленно. Государь император назначил для сего особенную следственную комиссию⁵⁷, в коей присутствуют: его императорское высочество великий князь Михаил Павлович, военный министр генерал от инфантерии Татищев⁵⁸, действительный тайный советник князь Голицын⁵⁹, с.-петербургский военный генерал-губернатор, генерал-адъютант Голенищев-Кутузов⁶⁰, и генерал-адъютанты Бенкендорф, Левашов⁶¹ и Потапов⁶². Сия комиссия с надлежащею, неусыпною деятельностью занимается

порученным ей исследованием, и по всем частям управления сделаны нужные распоряжения для отыскания злоумышленников. Показания тех, кои пойманы с оружием в руках, и открытие тайного общества, издавна готовившего себя к возмущению, принудили правительство взять под стражу многих более или менее известных людей. Благо отечества, безопасность общая сего неотменно требовали; ибо единственно распространением следствия, умножением допросов и сличением изветов можно было проникнуть в самое начало заговора и обнаружить все отрасли оногo. Старания правительства увенчаны желанным успехом; ему уже известны все ковы заговорщиков, все тайны составленного ими ненавистного сообщничества. По окончании суда сии сведения будут обнародованы. Между тем для всякого, без сомнения, утешительно узнать, что из числа бывших в подозрении некоторые по сделании допросов оказались невинными; им немедленно возвращена свобода. Другие ослепленные молодые люди вступили в сообщество, не зная настоящей его цели, не постигая, сколь гибельны могли быть последствия их неосторожности, и теперь с живым чувством раскаяния видят бездну, в которую влекло их коварство. Есть и такие, кои давно уже отреклись от всяких сношений с сим сообществом, но виновны тем, что не объявили о злодейственных намерениях оногo. Правительство с надлежащею точностью отличит сии разные степени преступления. Главных же, истинно злоумышленных мятежников ожидает примерное наказание, коего требует справедливость, польза государства и общее мнение людей благомыслящих.

(Санкт-Петербургские ведомости. 1826. 5 янв.
№ 2 (прибавление).

Русский инвалид. 1826. 7 янв. № 5. С. 19–20;

Северная пчела. 1826. 7 янв. № 3;

Journal de St. Petersburg. 1826. 5/17 янв. № 2. P. 6.)

5

Новое мятежное покушение, столько же преступное и безумное, столько же легко остановленное действием законной власти, как и то, коего мы были свидетелями, служит доказательством несомненным и необходимости предписанных его величеством сильных мер, и настоящего намерения заговорщиков, наконец, и всего более той утешительной для здравомыслящего наблюдателя неоспоримой истины, что среди великодушного народа

Движение декабристов в официальной прессе 1825–1826 гг.

русского, среди славных верностию русских войск сии пагубные замыслы не могут никогда иметь и малейшего успеха.

Всякий удостоверится в том, прочитав в ниже помещаемом высочайшем приказе описание бывшего 3-го числа сего генваря уже совершенно прекращенного возмущения Черниговского полка.

(Санкт-Петербургские ведомости. 1826. 12 янв. № 4. С. 31–32;
Journal de St. Petersbourg. 1826. 10/22 янв. № 5. Р. 18.)

6

Приказ

**начальника Главного штаба его императорского величества
в С.-Петербурге. Генваря 8 дня 1826 года № 2**

Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев-Апостол⁶³, по сделанным открытиям и по показаниям соучастников, оказался одним из главных злоумышленников, стремящихся к общему беспокойствию и разрушению благосостояния государства, имеющих уже прежде несколько лет самые злодейские намерения против Правительства и блаженной памяти покойного государя императора Александра Павловича. В то самое время, как по открытии сего преступления приступлено было к арестованию подполковника Муравьева-Апостола, он нанес несколько ран полковому своему командиру подполковнику Гебелю⁶⁴ и успел возмутить часть Черниговского пехотного полка под тем же ложным предлогом сохранения верности прежде данной присяге его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу. Он арестовал посланных за ним фельдъегеря и жандармов, ограбил полковую казну, освободил закованных каторжных колодников, содержавшихся в Васильковской городской тюрьме, и предал город бесчинству нижних чинов. Три роты под командою майора Трухина⁶⁵ остались верными законному своему государю и ушли от мятежников, а полковой адъютант поручик Павлов⁶⁶ спас полковую печать и бумаги. — Главнокомандующий 1-ю армиею⁶⁷ предписал ближайшему корпусному командиру генералу от инфантерии князю Щербатову⁶⁸ отправиться самому с нужным числом войск для уничтожения сей шайки злоумышленников и для восстановления прежнего порядка в Черниговском пехотном полку, употребляя к тому меры должной строгости и не щадя бунтовщиков. Хотя можно было надеяться, что сими мерами совершенно прекратятся последствия сего преступления, но

для избежания и малейшего опасения, если бы сверх ожидания преступники могли скрыться от преследования генерала князя Щербатова, — его императорское величество препоручил его высочеству цесаревичу⁶⁹ принять на сие время под начальство свое войски 3-го пехотного корпуса, для скорейшего и вернейшего наказания мятежников.

Государь император, приняв за правило действовать со всею откровенностью пред войсками, коих верность и непоколебимость к законной власти испытал при самом вступлении своем на престол, высочайше повелеть мне соизволил объявить им о всем вышеизъясненном, дабы предав их презрению имя преступника Муравьева-Апостола, сделать известными имена подполковника Гебеля, майора Трухина и поручика Павлова, заслуживающих непоколебимым усердием своим уважение храбрых и верных российских войск.

При самом утверждении сего приказа получено донесение от главнокомандующего 1-ю армиею с рапортом от командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Рота⁷⁰ к генерал-адъютанту князю Щербатову, в копии при сем приложенным, что возмущение Черниговского полка совершенно прекращено.

Подписал: начальник Главного штаба
барон Дибич⁷¹

(Санкт-Петербургские ведомости. 1826. 12 янв. № 4. С. 32–33;

Московские ведомости. 1826. 16 янв. № 5. С. 113–114;

Русский инвалид. 1826. 10 янв. № 8. С. 31–32;

Северная пчела. 1826. 9 янв. № 4;

Journal de St. Petersburg. 1826. 10/22 янв. № 5. С. 18–19.)

7

**Копия с рапорта,
полученного 5-го сего генваря по полудни в 8-мь часов
командиром 4-го пехотного корпуса
генерал-адъютантом князем Щербатовым
от командира 3-го пехотного корпуса
генерал-лейтенанта Рота
от 3-го генваря из местечка Фастов за № 13**

Узнав по прибытии моем вчерась на ночь в деревню Мохначевку, что подполковник Муравьев с мятежниками, по полученным известиям о моем движении, оставил намерение идти чрез Фастов в Брусиллов, переменяя свое направление, шел к Белой Церкви в надежде успеть овладеть у графини Браниц-

Движение декабристов в официальной прессе 1825–1826 гг.

кой⁷² значительной суммой, я сего числа в 3 часа пополудни выступил с кавалерией и конной артиллерией, дав направление генерал-майору Гейсмару⁷³ с двумя орудиями и 3-мя эскадронами к деревне Устимовке; я же с 5-ю эскадронами и 6-ю орудиями шел чрез Фастов, дабы Муравьеву препятствовать всякое отступление, направив равномерно по полуночи 12-ть рот пехоты с 4-мя пешими орудиями с большого Половецкого на м[естечко] Белую Церковь; таким образом, со всех сторон был он окружен и по приближении в час пополудни генерал-майора Гейсмара к деревне Устимовке, где мятежники защищались, но по нескольких выстрелах из орудий положили оружие, и подполковник Муравьев ранен, брат его⁷⁴ застрелился, один офицер убит, кроме других раненых и убитых. О чем Вашему сиятельству имею честь сделать первое мое донесение.

(Санкт-Петербургские ведомости. 1826. 12 янв. № 4. С. 32–33;

Московские ведомости. 1826. 16 янв. № 5. С. 113–114;

Русский инвалид. 1826. 10 янв. № 8. С. 31–32;

Северная пчела. 1826. 9 янв. № 4;

Journal de St. Petersbourg. 1826. 10/22 янв. № 5. С. 18–19.)

8

Приказ

начальника Главного штаба его императорского величества В Санкт-Петербурге генваря 9-го дня 1826 года № 3

В дополнение приказа моего, отданного вчерашний день о возникшем в Черниговском полку и уже прекращенном возмущении, – объявляю сим для сведения войск вновь полученный г. главнокомандующим 1-ю армиею, в копии у сего прилагаемый рапорт генерал-лейтенанта Рота, заключающий подробное донесение о преследовании и совершенном покорении мятежников.

Подписал: начальник Главного штаба
барон Дибич

(Санкт-Петербургские ведомости. 1826. 12 янв. № 4. С. 33;

Московские ведомости. 1826. 20 янв. № 6. С. 153–154;

Русский инвалид. 1826. 12 янв. № 9. С. 35–36;

Северная пчела. 1826. 12 янв. № 5;

Journal de St. Petersbourg. 1826. 10/22 янв. № 5. Р. 19.)

**Копия с рапорта,
полученного 6-го генваря 1826 года в 10-ть часов утра
главнокомандующим 1-ю армию
генералом от инфантерии графом Сакеном
от командира 3-го пехотного корпуса
генерал-лейтенанта Рота, от 3-го того ж генваря
из с. Трилеса за № 16-м**

Спешу донести Вашему сиятельству чрез нарочного, что после выступления моего из местечка Поволоча по двухдневном преследовании возмутителя подполковника Муравьева-Апостола, имевшего при себе шесть рот Черниговского пехотного полка, я успел его окружить с трех сторон. — Средний отряд настиг мятежников на Устиновской высоте близ деревни Пологов (Васильковского уезда)⁷⁵, где Муравьев-Апостол, увидя приближение наших войск, построил мятежников своих в каре и, взяв на руку, пошел прямо на орудия. Каре сей, быв принят картечным огнем, расстроился; — тогда кавалерия сделала атаку; все мятежники бросили оружия, и до семисот человек нижних чинов сдались, равно как и сам подполковник Муравьев-Апостол, который весьма тяжело ранен картечью и сабельным ударом в голову⁷⁶, штаб-капитан барон Соловьев⁷⁷, поручик Быстрицкий⁷⁸, Полтавского пехотного полка подпоручик Бестужев-Рюмин⁷⁹ и брат Муравьева-Апостола отставной подполковник⁸⁰; убиты же поручики Кузьмин⁸¹, Шипила⁸² и свиты вашего императорского величества по квартирмейстерской части прапорщик Муравьев-Апостол (также брат подполковника); кроме сего ранено и убито несколько нижних чинов. — Со стороны нашей нет ни раненых, ни убитых. Донося о сем Вашему сиятельству имею честь испрашивать разрешения: как поступать со взятыми и обезоруженными мятежниками, которые завтрашнего числа по приказанию моему будут отправлены за конвоем в дивизионную квартиру 9-й дивизии, местечко Белую Церковь, где они будут приведены к присяге на верное подданство его величеству государю императору Николаю Павловичу и содержаны под присмотром. Донося Вашему сиятельству мое донесение, что мятеж совершенно прекращен, я считаю долгом присовокупить, что войска, употребленные для усмирения оного, оказывали величайшее усердие и похвальнейший дух. Нижние чины, бывшие с Муравьевым-Апостолом, вообще не защищались,

Движение декабристов в официальной прессе 1825–1826 гг.

и видно, что они только обманом были завлечены к буйству. 1-я же гренадерская рота Черниговского пехотного полка не только не последовала их примеру, но еще отстранилась от них и примкнула ко мне, что я отношу отличной твердости и достоинствам капитана оной Козлова⁸³. О сем происшествии донесено мною всеподданнейше его императорскому величеству сего числа за № 17-м.

(Санкт-Петербургские ведомости. 1826. 12 янв. № 4. С. 33;

Московские ведомости. 1826. 20 янв. № 6. С. 153–154;

Русский инвалид. 1826. 12 янв. № 9. С. 35–36;

Северная пчела. 1826. 12 янв. № 5;

Journal de St. Petersburg. 1826. 10/22 янв. № 5. P. 19.)

10

Здесь примечания не нужны. Произведенное Муравьевым-Апостолом возмущение показало в другой части государства, что намерения заговорщиков повсюду были одинаковы, что везде их средством – убийство, целью – безначалие, грабежи и кровопролития; оно показало также, что повсюду, за исключением весьма немногих ослепленных или обманутых, наши войска единодушны в преданности к власти законной, в пламенном усердии к государю, что военачальники и все вышние и нижние чины исполняют долг свой, долг верности, охранения общественной безопасности, с одинаковым рвением и неустрашимостью.

Взирая на сие, кто из русских не повторит с чувством беспредельной доверенности к Небу тех достопамятных слов высочайшего манифеста, в коих государь император, указуя на происшествия, мгновенно омрачившие день его торжественного воцарения, именует оные откровением тайных путей провидения, творящего добро из самого зла, им караемого⁸⁴.

(Санкт-Петербургские ведомости. 1826. 12 янв. № 4. С. 33;

Русский инвалид. 1826. 12 янв. № 9. С. 36;

Journal de St. Petersburg. 1826. 10/22 янв. № 5. P. 19.)

11⁸⁵

Следственная комиссия, учрежденная по особенному повелению его императорского величества, вскоре после происшествий 14-го минувшего декабря, продолжает действия в кругу, с величайшей точностью ей предначертанном, и уже успела

собрать многие достоверные сведения, объясняющие начало, ход и образование разных тайных обществ, коих руководители в замыслах своих, по счастью невозможных в исполнении, готовились изумить Россию злодействами и ввергнуть в бездну мятежей и бедствия. Представляем здесь в кратком изложении и лишь предварительно, сии сведения, почерпнутые из допросов и признаний самих виновных.

Таковые были преступные намерения управлявших сими сообществами, что число людей, способных принять в оных участие, должно было быть весьма невелико, и сие, к чести имени Русского, к утешению всех добрых граждан, совершенно доказано производящимся следствием. Обстоятельства, о коих мы упоминаем ниже, доказывают также, что в сем случае, безумство едва ли не равнялось гнусности умысла, и что было бы легко заранее предсказать, неуспех оно; узнав, до какой степени простиралось разномыслие между заговорщиками, как их предположения, противоречили одно другому, как беспрепятственно изменяя их, они часто в недоумении, казалось, сами ужасались своих желаний и останавливали всякое действие, и наконец, что всего замечательнее и важнее, как тщетны были их усилия, чтобы собрать значительнейшее число сообщников или распространить вредные правила свои в народ.

Первая мысль о составлении сего родилась в распаленном воображении нескольких молодых людей⁸⁶, оболыщенных пагубным примером мятежников, кои посреди революций, в последние тридцать лет потрясающих Европу, ознаменовали бытие свое кратковременными успехами: сии жалкие подражатели извергов в стремлении своем к переменам и разрушению, уклоняясь от пути, указуемого нам преданиями добродетельных предков, истинных сынов России, забывая долг свой государю и отечеству, забывая данные ими клятвы и самые выгоды своего положения в обществе, слепо предали мечтательной надежде быть преобразователями России и предприняли готовить к сему средства.

Из показаний их явствует — 1-е. Что для сего в конце 1815 года они предположили, и в начале 1816 уже начали заводить тайное общество, которое составлялось из многих отделений и коего цель была двоякая. Одна, всем объявляемая: благотворение; другая, настоящая, но известная лишь небольшому числу членов, изменение государственных установлений в России⁸⁷.

2-е. Что члены, знавшие истинную цель сообщества, еще в 1817 году, в то самое время, когда в бозе почивающий император

Александр с августейшим семейством своим, посетил Москву, им освобожденную и его щедротами подъятую из пепла, рассуждали о средствах умертвить государя. Жизнь сего обожаемого подданными монарха они считали непреодолимым препятствием в исполнении своих намерений и один из них, не дожидаясь жребия, должествовавшего назначить убийцу, сам вызвался на злодейство. Но, уstraшенные ли в сию воплем совести, еще не совсем в них умолкшей, или думая, что им должно прежде изготoвить способы ко всеобщему испровержению, они вдруг решились отложить замышляемое ужасное убийство до другого времени⁸⁸.

3-е. Что в 1818 году, находя, что их сообщество не довольно быстро распространяется, они собрались опять в Москве и дали оному новое образование *Союза благоденствия*⁸⁹ или *Зеленой книжки*. Цель, по-прежнему, двоякая: все члены, сверх дел благотворительности, обязывались способствовать успехам просвещения и улучшению нравов. Намерение испровергнуть государственные установления, осталось тайной начальников; они старались приготовить к тому умы, умножая число своих общников и мало-помалу открывая им свои мнения и виды⁹⁰.

4-е. Что в 1821 году, на третьем общем собрании депутатов всех отделений в Москве⁹¹, они принуждены были признать худой успех своего предприятия, вовсе не соответствовавший их ожиданиям: от того произошли разномыслия, прения, и наконец начальники, удостоверясь, что большая часть членов не одобряют их политических замыслов, чтобы удалить сих членов, сделали предложение, на которое согласились все, одни искренно, другие притворно, уничтожить *союз*⁹². С тех пор многие навсегда отказались от всяких сношений с остатками бывшего общества.

5-е. Но что из сих остатков злоумышленники составили новые сообщества, в коих вступающие были избираемы с чрезвычайными предосторожностями; взаимные сношения оных были покрыты глубочайшею тайною.

6-е. Что около того времени учредилось два общества, почитаемые главными: *Северное*⁹³ и *Южное*⁹⁴. Они имели свои *Директории* или *Думы*, первое в Петербурге, другое в Тульчине; от них зависело несколько отделений под названием *Управ* или *Округов*; вскоре потом возникло третье общество: *Соединенных славян*; с ним были в тайной связи два члена *Южного*⁹⁵.

7-е. Что вслед за тем начальниками всех сих обществ составлен план для испровержения существующего порядка посредством вооруженной силы; для того они старались присоединить

к себе военнотружущих и в особенности ротных и полковых командиров⁹⁶.

8-е. Что во всех вышеозначенных обществах первенствовавшие члены, и каждый лишь по видам своего личного честолюбия, делали разные предположения для будущего образования государства: одни предлагали вручить верховную власть Совету, составленному из трех Правителей⁹⁷, надеясь быть в числе оных; другие хотели раздробить Россию на несколько независимых, но соединенных общим союзом частей, под названием *Держав*, чтобы быть главами в сих отдельных правлениях⁹⁸; наконец иные думали отторгнуть от империи целые области и объявить их совершенно независимыми или уступить соседственным государствам⁹⁹.

9-е. Что посреди сих противных мнений, внушаемых одним слепым и преступным желанием власти, некоторый из предложенных планов не утвержден общим согласием; но что несколько человек из главных заговорщиков снова обратились к прежнему гнусному умыслу на жизнь покойного императора Александра.

10-е. Что в 1823 году два члена, решась совершить злодейский удар, отправились в Бобруйск, ожидать проезда государя, и не исполнили ужасного намерения только за неявкою приглашенных ими на помощь сообщников¹⁰⁰.

11-е. Что в 1825 году мятежники опять думали приступить к исполнению оного; что между ими один, осыпанный благодарениями императора¹⁰¹, предложил себя в его убийцы, и долго с злобным упорством противился мнению других, не столь нетерпеливых злоумышленников; тогда в их скопищем было сначала определено послать в Таганрог извергов, принадлежащих к обществу *Соединенных славян*, но потом, однако же, сделан новый план еще отложить сие злодейство, до прибытия его императорского величества в Белую Церковь на смотр войск в мае в 1826 года¹⁰².

12-е. Что другой кровожадный мятежник нарочно приехал из отдаленного края в Санкт-Петербург в исходе 1825 года и присоединился к *Северному обществу*, чтобы участвовать в убийстве императора Александра¹⁰³.

13-е. Что когда по неисповедимым судьбам Божиим смерть естественная, после тяжкой, хотя недолговременной болезни, лишила нас в Александре отца и государя, то злоумышленники решились истреблением всей императорской фамилии подать знак к мятежу и думали произвести в одно время возмущение

в Петербурге, в Москве и в некоторых других полках 1-й и 2-й армий¹⁰⁴.

Но сии люди, недостойные имени Русских, обманывали себя и насчет собственных сил своих, кои всегда были ничтожны, и насчет возможности замысленных ими бунтов. Последствия обоих покушений, как членов *Северного общества* в Петербурге 14 декабря, так и Муравьева-Апостола в Василькове и окрестностях, доказали, что ни в каком сословии мятежники не могли найти себе пособников; ибо те немногие рядовые воины, кои сначала последовали им, и даже некоторые из офицеров, были не обольщены, а обмануты, веря, что их ведут исполнять долг, налагаемый присягою: сии происшествия доказали, что ковы сего рода, если б даже оные были не столь безрассудно составлены, не могут иметь успеха в России.

Правительство, как мы уже сказали выше, с радостью удостоверилось, что число заговорщиков и особенно тех, кои очернили себя злодейством на деле или намерении, весьма невелико. Ему теперь известны все заведенные ими тайные общества, все безумные и преступные их умыслы, все средства, которые они хотели употребить для приведения их в действие. Исполнив первый долг свой охранения безопасности государства, оно вскоре приступит к исполнению другой не менее священной обязанности: правосудия требуемого и самим человеколюбием. Правительство отличит с надлежащею точностию, как о том было объявлено, разные степени преступления допрашиваемых следственною Комиссиею. Первые виновнейшие были основателями или начальниками сих тайных обществ. За ними следуют те, кои, зная все от прочих сокрываемые ужасные замыслы, участвовали в их злодейственных намерениях; другие должныствовали только служить орудием для исполнения плана, им неизвестного, а некоторые слепо-легковерные, также как бывшие с ними обманутые рядовые, даже не подозревали, что их вооружают против законной власти и порядка.

Рассмотрение изветов и соображение обстоятельств, рассказываемых людьми столь несходными между собою, долго затрудняло и замедляло ход порученного Комиссии исследования; но оно близко к окончанию. Главные преступники, изверги, покушавшиеся на царубийство, возбудители мятежей или обнажившие меч на государя и установленного им начальства, уже уличены, но доселе не преданы суду и достойному нака-

занию, потому что могут еще быть нужны для очных ставок с сообщниками; для того, чтобы, допрашивая многих, тем вернее в определении меры вины каждого избежать всякой ошибки, особливо такой, которая могла бы в глазах Судии увеличить важность преступления, одним словом, чтобы справедливость окончательного приговора не была подвержена ни малейшему сомнению. Между тем следственная Комиссия ревностно исполняет повеление государя, донося его величеству без потери времени о всех, кои оказываются взятыми под стражу по неосновательным подозрениям, происшедшим от нечаянного стечения обстоятельств; и его императорское величество немедленно возвращает им свободу.

(Санкт-Петербургские ведомости. 1826.
29 янв. № 9 (прибавление);

Московские ведомости. 1826. 6 февр. № 11. С. 333–336;

Русский инвалид. 1826. 29 янв. № 24. С. 96–98.

Северная пчела. 1826. 30 янв. № 13;

Journal de St. Petersbourg. 1826. 30 янв/11 февр.
№ 14. С. 51–52.)

12

Приказ российским войскам

Храбрые российские войска!

Когда во дни незабвенные 14-го декабря 1825 и 3-го января 1826 года верными грудями вашими заслонен престол, спасена святыня православной веры, избавлено отечество от ужасов бунта, — известил я вас, что некоторые зачинщики злодейских умыслов таились среди ваших верных рядов. Вы с ужасом и негодованием извергли их; ныне суд над ними и казнь, им подлежащая, исполнены, и очищены верные полки ваши от заразы, вам и всей России угрожавшей. Итак, с помощью Всевышнего, сего дня на том же месте, где вы ровно за семь месяцев не щадили крови своей и с счастьем жертвовали жизнью вашему государю, на том месте, где пред вами пал незабвенный в российской армии граф Милорадович, на том самом месте принесены Господу Богу жертва благодарения *за дарование спасения чрез вас государству* и молитва Ему же *о упокоении душ павших за веру, царя и отечество*¹⁰⁵.

Возвещая о сем вам, храбрые российские войска, от лица России благодарю вас и взываю, сохраните вечно доблести, всегда вас

Движение декабристов в официальной прессе 1825–1826 гг.

отличавшие: теплую веру к Богу, верность престолу, храбрость и неутомимость, и да познает тогда каждый, что *с нами Бог*.

Николай

Санкт-Петербург
июля 14-го дня 1826 года

(Московские ведомости. 1826. 28 июля. № 60. С. 2399;
Русский инвалид. 1826. 21 июля. № 174. С. 708;
Journal de St. Petersburg. 1826. 20 июля/1 авг. № 88. P. 353.)

13

Les cinq criminels d'état condamnés à être pendus par arnkt de la Haute-Cour de justice en date du 11 du courant, ont été exécutés publique, entre le 13 entre 4 et 5 heures du matin, sur un des ouvrages extérieurs de la citadelle de Petersbourg. — Tous les criminels d'état condamnés à être dégradés, avant l'exécution des autres, subi la peine de la dégradation sur le glasis de la citadelle¹⁰⁶.

(Journal de S. Petersburg 1826. 15/27 июля. № 86. P. 346.)

14

Приговор Верховного Уголовного суда, состоявшийся 11-го дня сего месяца о пятерых государственных преступниках, коих оным решено повесить, исполнен сего июля 13-го дня поутру в пятом часу всенародно на валу кронверка Санктпетербургской крепости¹⁰⁷. — Государственные же преступники, осужденные к лишению чинов и дворянства, выведены были прежде того на гласис крепости; с них сняли воинские мундиры и знаки отличия и над головами их преломили шпаги¹⁰⁸. Над морскими офицерами в числе государственных преступников находящимися, исполнено сие наказание по морскому уставу, на военном корабле в Кронштадте того же числа¹⁰⁹.

(Северная пчела. 1826. 17 июля. № 85.)

Комментарии

¹ Нечкина М.В. Движение декабристов: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 396

² Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 т. М., 1928. Т. 2. С. 269–270

³ Погодиц М.П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии: В 2 ч. М., 1866. Ч. 2. С. 467.

⁴ О Д.Н. Блудове как правительственном пропагандисте см.: Готовцева А.Г. Официальная пресса о декабристах: этапы формирования

- правительственной версии // *Вісник Чернігівського державного університету. Чернігів, 2006. Вип. 33. № 3. С. 75–81.*
- ⁵ *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. М., 1951. С. 133.
- ⁶ Некоторые из этих текстов были републикованы: Государственные преступления в России в XIX веке: В 3 т. / Сост. Б. Базилевский. СПб., 1906. Т. 1: Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений (1825–1876). С. 1–68. Однако сборник этот труднодоступен, кроме того, многие статьи в нем перепечатаны с серьезными ошибками и неточностями.
- ⁷ Восстание декабристов. Документы и материалы: В 20 т. М.; Л., 1925–1929. Т. 1–6. М., 1958–2001. Т. 7–20. Далее в тексте и сносках ссылки на это издание будут приводиться в следующем порядке: ВД, год, том, стр.
- ⁸ Гвардейским корпусом в 1825 г. командовал *Александр Львович Воинов* (1770–1832) – генерал от кавалерии, активный участник так называемой генеральской оппозиции, после смерти Александра I Организовавшей присягу Константину Павловичу, и во многом спровоцировавшей ситуацию междоусобицы. В ходе восстания 14 декабря 1825 г. неудачно пытался вести переговоры с восставшими. В него стрелял В.К. Кюхельбекер, но промахнулся. Принял участие в подавлении восстания. 15.12.1825 пожалован в генерал-адъютанты. 01.06.1826 был назначен членом Верховного уголовного суда над декабристами, однако отказался от участия в нем «по причине болезненного положения».
- ⁹ Начальником штаба Гвардейского корпуса в 1825 г. был *Павел Иванович Нейдгардт* (1779–1850) – генерал-майор, активный участник так называемой генеральской оппозиции. В 1827 г. был пожалован в тайные советники и введен в Сенат.
- ¹⁰ Имеется в виду Зимний дворец.
- ¹¹ *Милорадович Михаил Андреевич* (1771 – ночь с 14 на 15.12.1825) – военный и государственный деятель, граф (1813), генерал от инфантерии (1809). Генерал-губернатор Петербурга – с 19.08.1818. После смерти Александра I стал лидером так называемой генеральской оппозиции. В ходе восстания 14 декабря 1825 г. пытался убедить мятежных солдат вернуться в казармы, но был смертельно ранен П.Г. Каховским (пистолетный выстрел) и Е.П. Оболенским (штыковой удар).
- ¹² Согласно сообщению, составленному личным врачом Милорадовича В.М. Петрашевским, «1825-го года Декабря 14-го дня генерал от инфантерии граф Милорадович пистолетною пулею был ранен в левый бок между 7-м и 8-м ребром, которая пуля мною вынута на правом боку между 6 и 7 ребром, причем оною пулею прострелен был желудок в двух местах, печень и ребра были раздроблены левого так и правого бока, между коими проходила та пуля; другая рана была нанесена острым орудием в правой бок близь поясничных позвонков между последним ребром и подвздошною костью, которая проникала до брюшной полости. После получения ран умер в три часа по полуночи. Жил же он 13 часов» (ВД. 1925. Т. 1. С. 277).

- ¹³ В состав лейб-гвардии Финляндского полка входили три батальона, каждый из которых состоял из одной карабинной и трех егерских рот. Утром 14 декабря пехотные караулы в Зимнем дворце были заняты 2-м батальоном Финляндского полка, при этом 6-я егерская рота финляндцев вступила в главную дворцовую гауптвахту.
- ¹⁴ Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский *Серафим (Глаголевский)* был одним из парламентариев, 14 декабря 1825 г. неудачно пытавшихся вести переговоры с восставшими.
- ¹⁵ Имеются в виду вдовствующая императрица *Мария Федоровна* (1759–1828), мать Николая I, и жена Николая I *Александра Федоровна* (1798–1860).
- ¹⁶ Это сообщение было опубликовано также в изд.: Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, братьев Критских и Раевских. М., 1907. С. 38–42.
- ¹⁷ Имеется в виду П.И. Нейдгардт.
- ¹⁸ *Шеншин Василий Никанорович* (1784–1831) – генерал-майор. С 1821 г. – командир лейб-гвардии Финляндского полка, с 1823 г. командовал 1-й бригадой 2-й гвардейской пехотной дивизии, с марта 1825 г. – 1-й бригадой 1-й гвардейской пехотной дивизии, в которую входил Московский полк. В.Н. Шеншин одним из первых бригадных командиров гвардии привел свою бригаду к присяге на верность Николаю I 14 декабря 1825 г.
- Фредерик Петр Андреевич* (1786–1855) – барон, генерал-майор, командир лейб-гвардии Московского полка.
- В момент выхода восставших рот полка из казарм, В.Н. Шеншин и П.А. Фредерикс пытались помешать им и были ранены Д.А. Щепиным-Ростовским сабельным ударом. После подавления восстания оба были произведены в генерал-адъютанты.
- ¹⁹ Имеется в виду П.И. Нейдгардт.
- ²⁰ *Михаил Павлович* (1798–1849) – великий князь, четвертый сын Павла I, брат императоров Александра I и Николая I.
- ²¹ *Васильчиков Илларион Васильевич* (1777–1847) – государственный деятель, генерал от кавалерии. Принял активное участие в подавлении восстания декабристов, настаивал на расстреле мятежников картечью. Считается, что именно он убедил Николая I принять решительные меры.
- ²² *Бенкендорф Александр Христофорович* (1781, по другим данным 1783–1844) – генерал-лейтенант, командир 1-й кирасирской дивизии. Возможно, член Союза благоденствия. Близкий друг декабриста С.Г. Волконского. Участник подавления восстания 14 декабря 1825 г., член Следственной комиссии по делу декабристов, занимался следственными действиями в отношении членов Северного общества.
- ²³ *Насакин Яков Густавович* – подпоручик лейб-гвардии Финляндского полка. Высочайшим приказом 17.12.1825 «за отличное исполнение своей обязанности» произведен в поручики, высочайшим указом от 19.12.1825 награжден орденом Владимира 4 ст. с бантом, в указе ска-

зано: «Во время происшествия, случившегося в здешней столице 14-го числа сего месяца, л.-гв. Финляндского полка подпоручик Насакин 1-й, стоя в карауле на Петровской площади, несмотря ни на просьбы, ни на угрозы окружавших его мятежников, остался непоколебим в своей обязанности, содержа во все сие время вверенный ему караул под ружьем», приказом по полку от 24.12.1825 переведен в роту цесаревича, а 26.12 назначен «быть в Зимнем дворце при представлении его величеству».

²⁴ *Рылеев Кондратий Федорович* (18.09.1795 – 13.07.1826) – декабрист, один из лидеров Северного общества (с конца 1824 – член Думы Северного общества, заменил на этом посту уехавшего в Киев С.П. Трубецкого). Активно вербовал членов общества из числа гвардейских офицеров. Создал внутри Северного общества отдельную организацию, ориентированную на военный переворот. Один из главных организаторов восстания 14 декабря 1825 г., хотя сам на Сенатской площади не присутствовал. Арестован в ночь с 14 на 15.12.1825. Осужден «вне разрядов» и приговорен к смертной казни. Казнен 13.07.1826.

²⁵ *Сомов Орест Михайлович* (10 или 11.12.1793 – 27.05.1833) – литератор, активный сотрудник практически всех периодических изданий начала 1820-х годов. В 1824–1826 гг. – столоначальник в правлении Российско-Американской компании, где правителем канцелярии был К.Ф. Рылеев. Арестован в ночь с 14 на 15 декабря 1826 г., однако 07.01.1826 освобожден с оправдательным аттестатом. 12 января 1826 г. газеты опубликовали следующее сообщение: «Высочайше учрежденный Тайный комитет по воле его императорского величества объявляет, что дворянин Сомов, взятый по подозрению в участии с злоумышленниками, из коих с многими он был в короткой связи, по изысканиям Комитета, оказался не только совершенно не причастным к заговору, имевшему целью разрушить настоящий образ государственного управления в России, но и на Петровской площади в время возмущения 14-го декабря совсем не был» (Санкт-Петербургские ведомости. 1826. 12 янв. № 4. С. 33; Русский инвалид. 1826. 12 янв. № 9. С. 36).

²⁶ *Горский (Грабя-Горский) Осип-Юлиан (Иосиф) Викентьевич* (1766–07.07.1848) – случайный участник восстания 14 декабря 1825 года, членом тайных обществ не был. Арестован 15.12.1825 в Петербурге. Высочайшим указом 05.03.1827 сослан под надзор полиции в Березов, переведен затем в Тару и Омск.

²⁷ *Каховский Петр Григорьевич* (1799 – 13.07.1826) – декабрист, член Северного общества. Участвовал в совещаниях накануне восстания 14 декабря 1825 г. Активный участник восстания: содействовал выходу Гвардейского экипажа на Сенатскую площадь, смертельно ранил генерал-губернатора Петербурга М.А. Милорадовича и командира лейб-гвардии Гренадерского полка полковника Н.К. Стюрлера, ранил также свитского офицера П.А. Гастфера. Арестован 15.12.1825 в Петербурге. Осужден вне разрядов и приговорен к смертной казни. Казнен 13.07.1826.

- ²⁸ *Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович* (1798–22.10.1858) – декабрист, членом тайных обществ не был. Присутствовал на совещаниях накануне восстания 14 декабря 1825 г. Активный участник восстания: будучи убежденным в незаконности присяги императору Николаю I, вместе с М.А. Бестужевым вывел на площадь часть лейб-гвардии Московского полка. Ранил нескольких противившихся выходу москвичей на площадь офицеров. Арестован 14.12.1825 на Сенатской площади. Осужден по 1 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и в каторжную работу вечно. Срок сокращен до 15 лет – 08.11.1832 и до 13 лет – 14.12.1835.
- ²⁹ *Бестужев Михаил Александрович* (22.09.1800–22.06.1871) – декабрист, член Северного общества. Участник совещаний накануне восстания 14 декабря 1825 г. Активный участник восстания: вместе с Д.А. Щепиным-Ростовским и А.А. Бестужевым вывел на площадь часть лейб-гвардии Московского полка. Арестован 14.12.1825. Осужден по 2 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и в каторжную работу вечно (фактически уравнен в наказании с осужденными по 1 разряду). Срок сокращен до 20 лет – 22.08.1826, до 15 лет – 08.11.1832, до 13 лет – 14.12.1835.
- ³⁰ *Бестужев Александр Александрович* (23.10.1797–07.06.1837) – декабрист, член Северного общества. Участвовал в совещаниях накануне восстания 14 декабря 1825 г. Активный участник восстания: способствовал выходу на Сенатскую площадь лейб-гвардии Московского полка, на площади построил его в каре. В ночь с 14 на 15.12.1825 явился с повинною в Зимний дворец, где и был арестован. Осужден по 1 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и в каторжную работу на 20 лет, срок сокращен до 15 лет – 22.08.1826.
- ³¹ *Сутгоф Александр Николаевич* (04.12.1801–14.8.1872) – декабрист, член Северного общества, участник совещаний накануне восстания 14 декабря 1825 г. Активный участник восстания: вывел на площадь роту лейб-гвардии Гренадерского полка, которой командовал. Арестован 14.12.1825. Осужден по 1 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и в каторжную работу вечно. Срок сокращен до 15 лет – 08.11.1832 и до 13 лет – 14.12.1835.
- ³² *Панов Николай Александрович* (1803–14.01.1850) – декабрист, член Северного общества. Активный участник восстания 14 декабря 1825 г.: вывел на площадь лейб-гвардии Гренадерский полк в полном составе (за исключением одной роты, вышедшей под командованием А.Н. Сутгофа). Пытался войти с лейб-гренадерами в Зимний дворец, однако, увидев в карауле дворца солдат лейб-гвардии Саперного батальона, повел своих солдат на Сенатскую площадь. 15.12.1825 добровольно явился в Петропавловскую крепость. Осужден по 1 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и в каторжную работу вечно. Срок сокращен до 15 лет – 8.11.1832 и до 13 лет – 14.12.1835.
- ³³ *Бистром Карл Иванович* (1770, по другим данным – 1779–1838) – барон, военный и государственный деятель. В 1825 г. – генерал-лейтенант,

командующий Гвардейским корпусом. После смерти Александра I встал на сторону так называемой генеральской оппозиции, организовавшей присягу Константину Павловичу и спровоцировавшей междоусобицу. Его адъютанты, князь Е.П. Оболенский и Я.И. Ростовцев, были членами Северного общества и принимали непосредственное участие в подготовке восстания 14 декабря 1825 г. Пассивное поведение Бистрома во время подавления восстания говорит о том, что он, вероятно, знал о планах декабристов.

- ³⁴ *Оболенский Евгений Петрович* (06.10.1796–26.02.1865) – князь, декабрист, член Союза благоденствия (очевидно, с момента основания) и один из лидеров Северного общества и организаторов восстания на Сенатской площади. Во время восстания командовал восставшими войсками; нанес смертельную рану штыком М.А. Милорадовичу. Осужден по 1 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и в каторжную работу вечно. Срок сокращен до 20 лет – 22.8.1826, до 15 лет – 8.11.1832, до 13 лет – 14.12.1835.
- ³⁵ *Трубецкой Сергей Петрович* (29.08.1790–22.11.1860) – князь, декабрист, один из основателей и руководителей Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества. Незадолго до восстания 14 декабря 1825 г. был избран диктатором (военным руководителем) восстания, разработал план восстания. На Сенатскую площадь не явился. Арестован в Петербурге 15.12.1825. Осужден по 1 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и к вечной каторге. Срок сокращен до 20 лет – 22.08.1826, до 15 лет – 08.11.1832, до 13 лет – 14.12.1835.
- ³⁶ *Корнилович Александр Осипович* (7.7.1800–30.8.1834) – декабрист, член Южного общества. Осуществлял связь между служившими в разных местах Украины членами тайного общества, а также между Южным и Северным обществами. Участник совещаний накануне восстания 14 декабря 1825 г. В момент восстания присутствовал на Сенатской площади в качестве зрителя. Осужден по 4 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и к каторжным работам на 12 лет, срок сокращен до 8 лет – 22.8.1826.
- ³⁷ *Бестужев Николай Александрович* (13.04.1791–15.05.1855) – декабрист, член Северного общества. Участник совещаний накануне восстания 14 декабря 1825 г. Активный участник восстания: вывел на Сенатскую площадь Гвардейский экипаж. После подавления восстания безуспешно пытался бежать. Арестован 16.12.1825 в селении Косном в 8 верстах от Кронштадта. Осужден по 2 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и в каторжную работу вечно (фактически уравнен в наказании с осужденными по 1 разряду). Срок сокращен до 20 лет – 22.08.1826, до 15 лет – 8.11.1832, до 13 лет – 14.12.1835.
- ³⁸ *Моллер Федор Васильевич* (Фридрих Рейнгольд) фон (1760–1833) – контр-адмирал, главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта.
- ³⁹ *Бестужев Петр Александрович* (март 1804–22.08.1840) – декабрист, член Северного общества. Участник восстания 14 декабря

1825 г.; вышел на площадь вместе с Гвардейским экипажем. Удержал В.К. Кюхельбекера от выстрела в великого князя Михаила Павловича. Арестован 15.12.1825. Осужден по 11 разряду к разжалованию в солдаты в дальний гарнизон с выслугой.

⁴⁰ *Одоевский Александр Иванович* (26.11.1802–15.08.1839) – декабрист, член Северного общества. Участник совещаний перед восстанием 14 декабря 1825 г. В ночь на 14.12.1825 был в карауле в Зимнем дворце и принял присягу Николаю I, но затем участвовал в восстании. Арестован 16.12.1825 в Петербурге. Осужден по 4 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и в каторжную работу на 12 лет, срок сокращен до 8 лет – 22.08.1826.

⁴¹ *Пушкин Иван Иванович* (04.05.1798–03.04.1859) – декабрист. Еще лицеистом стал участником преддекабристской организации «Священная артель». Член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества (член Думы). Принял активное участие в подготовке восстания 14 декабря 1825 г. Накануне восстания вместе с К.Ф. Рылеевым уговаривал П.Г. Каховского убить Николая I. На Сенатской площади все время находился среди восставших, дважды инициировал покушение В.К. Кюхельбекера на великого князя Михаила Павловича, под картечным огнем пытался организовать отступление солдат. Арестован 16.12.1825 в Петербурге. Осужден по 1 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и в каторжную работу вечно. Срок сокращен до 20 лет – 22.08.1826, до 15 лет – 08.11.1832 и до 13 лет – 14.12.1835.

⁴² *Кюхельбекер Вильгельм Карлович* (10.06.1797–11.08.1846) – декабрист, член Северного общества. Активный участник восстания 14 декабря 1825 г.: на площади дважды пытался застрелить великого князя Михаила Павловича. После подавления восстания пытался бежать за границу. Арестован 19.01.1826 в предместье Варшавы. Осужден по 1 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и в каторжную работу на 20 лет, срок сокращен до 15 лет – 22.08.1826. На каторге не был. Наказание отбывал в Кексгольмской крепости (1826–1827), Шлиссельбурге (1827), арестантских ротах Динабургской крепости (1827–1831), Вышгородском замке в Ревеле (1831), арестантских ротах Свеаборгской крепости (1831–1835).

⁴³ *Дебриков Николай Романович* (1800 – март–апрель 1862) – декабрист. Членом тайных обществ не был и не знал об их существовании. Активный участник восстания 14 декабря 1825 г., пытался вести агитацию в лейб-гвардии Конном полку. Во время восстания находился рядом с В.К. Кюхельбекером, стрелявшим в великого князя Михаила Павловича и генерала А.Л. Воинова. Арестован утром 15.12.1825. Осужден по 11 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и разжалованию в солдаты без выслуги (т. е. фактически уравнен с осужденными по 9 и 10 разрядам).

⁴⁴ В.К. Кюхельбекер после подавления восстания бежал и был арестован только 19 января 1826 года в предместье Варшавы. 28 и 29 января

газеты опубликовали следующее сообщение: «Его императорское высочество доставил сюда известного по преступному участию в происшествии 14-го декабря Кюхельбекера. – Его высочество при сем доводил до высочайшего сведения отличное усердие и расторопность унтер-офицера лейб-гвардии Волынского полка Григорьева, который, будучи послан по делам службы в Варшаве на предместье Прагу, встретил неизвестного ему человека, вступившего с ним в разговор и, сочтя его сомнительным тем более, что наружность его с известными ему, Григорьеву, приметам Кюхельбекера, в полку всем нижним чином объявленными, совпадала, представил его начальству, пред коим открылось, что сей человек есть действительно отыскиваемый преступник Кюхельбекер» (Санкт-Петербургские ведомости. 1826. 29 янв. № 9. С. 93; Русский инвалид. 1826. 28 янв. № 23. С. 89–90; Северная пчела. 1826. 28 янв. № 12).

⁴⁵ *Якубович Александр Иванович* (1797, по др. данным 1796–03.09.1845) – декабрист, штабс-капитан Нижегородского драгунского полка. Членом тайных обществ, скорее всего, не был, но знал об их существовании. Один из организаторов восстания 14 декабря 1825 г. Согласно одному из планов, должен был возглавить лейб-гвардии Измайловский полк и Гвардейский экипаж и захватить Зимний дворец, но утром 14 декабря отказался от этого поручения. На Сенатской площади занял странную позицию «парламентера»: несколько раз переходил от восставших к Николаю I и обратно. Арестован 15.12.1825 в Петербурге. Осужден по 1 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и в каторжную работу вечно. Срок сокращен до 20 лет – 22.08.1826, до 15 лет – 08.11.1832, до 13 лет – 14.12.1835.

⁴⁶ *Булатов Александр Михайлович* (1793–ночь с 18 на 19.01.1826) – декабрист, член Северного общества. Активный участник подготовки восстания 14 декабря 1825 г. Был избран одним из руководителей восстания. По одной из версий именно он, а не С.П. Трубецкой, должен был командовать войсками на Сенатской площади. Кроме того, Булатов был главным действующим лицом одного из планов атаки Зимнего дворца: должен был захватить его, встав во главе лейб-гвардии Гренадерского полка. На Сенатскую площадь не вышел и в восстании участия не принял. Арестован (явился с повинной в Зимний дворец) 14.12.1825. Покончил жизнь самоубийством, разбив голову о стену тюремной камеры. Умер в Военно-сухопутном госпитале.

⁴⁷ *Арбузов Антон Петрович* (1797 или 1798 – янв. 1843) – декабрист, член Северного общества. Участвовал в совещаниях накануне восстания 14 декабря 1825 г. 12–14 декабря вел агитацию среди нижних чинов своей роты против присяги Николаю I. Активный участник восстания: один из инициаторов выхода Гвардейского экипажа на Сенатскую площадь, на площади препятствовал великому князю Михаилу Павловичу и митрополиту Серафиму вступить в общение с мятежными войсками. Арестован в ночь с 14.12 на 15.12.1825 в Петербурге. Осужден

по 1 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и к вечной каторге. Срок сокращен до 20 лет – 22.08.1826, до 15 лет – 08.11.1832, до 13 лет – 14.12.1835.

⁴⁸ *Вишневский Федор Гаврилович* (1798 или 1799–23.04.1865) – декабрист, членом тайных обществ не был. Участник восстания 14 декабря 1825 года в составе Гвардейского экипажа. Перед восстанием вел агитацию среди нижних чинов сохранять верность присяге Константину Павловичу. Арестован в ночь с 14 на 15.12.1825. Осужден по 11 разряду к разжалованию в солдаты с выслугой и определением в дальние гарнизоны без лишения дворянства.

⁴⁹ *Кюхельбекер Михаил Карлович* (1798–1859) – декабрист, членом тайного общества не был. Активный участник восстания 14 декабря 1825 г.: один из организаторов беспорядков в Гвардейском экипаже. Арестован 14.12.1825, добровольно явившись с повинной к великому князю Михаилу Павловичу. Осужден по 5 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и в каторжную работу на 8 лет, срок сокращен до 5 лет – 22.08.1826.

⁵⁰ *Миллер Петр Федорович* (22.6.1081–25.6.1831) – участник восстания на Сенатской площади. Следствием установлено, что членом тайных обществ не был. 14.12.1825 был с Гвардейским экипажем на Сенатской площади, но вскоре ушел с нее. Арестован 15.12.1825. 15.06.1826 высочайше повелено немедленно освободить и отправить в Гвардейский экипаж.

⁵¹ *Бодиско Борис Андреевич* (1800–24.05.1828) – декабрист, членом тайного общества не был. В составе Гвардейского экипажа участвовал в восстании 14 декабря 1825 г. Арестован в ночь с 14 на 15 декабря 1825. Осужден по 8 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и разжалованию в матросы.

⁵² *Пушкин Михаил Иванович* (25.05.1800–25.05.1869) – декабрист, членом тайных обществ не был, но знал о существовании Северного общества. Участник совещаний накануне восстания 14 декабря 1825 г. В самом восстании не участвовал. Арестован 15.12.1825 в Петербурге. Осужден по 10 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и разжалованию в солдаты до выслуги.

⁵³ *Малютин Михаил Петрович* (ок. 1803) – декабрист, членом тайных обществ не был, но по поручению К.Ф. Рыльева вел агитацию среди солдат Измайловского полка. Арестован 15.12.1825. 13.6.1826 высочайше повелено, продержав еще месяц в крепости, выпустить тем же чином в полки 2-й армии и ежемесячно доносить о поведении.

⁵⁴ *Фок Александр Александрович* (1803 или 1804 – авг. 1854) – декабрист, членом тайных обществ не был. 14.12.1825 агитировал нижних чинов лейб-гвардии Измайловского полка против присяги Николаю I, однако непосредственно в восстании 14 декабря 1825 г. не участвовал. Арестован 15.12.1825 в казармах своего полка. Осужден по 11 разряду к разжалованию в солдаты в дальние гарнизоны с выслугой.

⁵⁵ *Кожевников Нил Павлович* (февр. 1804 – 30.10.1837) – декабрист, возможно, член Северного общества, однако сам он это отрицал. Участник

совещаний накануне восстания 14 декабря 1825 г. Оказал сопротивление во время принесения присяги Николаю I, однако в самом восстании участия не принял. Арестован 15.12.1825 в казармах полка. Осужден по 9 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и определению рядовым в дальний гарнизон.

- ⁵⁶ *Вадбольский Александр Петрович* (ок. 1806 – 30.3.1863) – декабрист, членом тайных обществ не был, однако знал о цели и накануне восстания 14 декабря обещал участвовать в выступлении, вел агитацию среди солдат против присяги Николаю I. Арестован в полку 15.12.1825. 11.06.1826 высочайше повелено, продержав еще месяц в крепости, выписать тем же чином в полки 2-й армии и ежемесячно доносить о поведении.
- ⁵⁷ Следственная комиссия (Следственный комитет) – специально учрежденный царем 17 декабря 1825 г. следственный орган для «изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества» (до 14 января 1826 г. его приказано было именовать «тайным»). 26 мая 1826 г., уже в конце своей работы, «комитет» был переименован в «комиссию». В архивных материалах того времени он чаще всего сокращенно именуется «высочайше учрежденным комитетом» (до 14 января – «тайным комитетом», после 26 мая соответственно – комиссией); в литературе о декабристах чаще всего применяется сокращенное общее название «Следственного комитета» или «Следственной комиссии». Председателем Следственного комитета с начала до конца его действий был военный министр А.И. Татищев. В состав комитета вошли: великий князь Михаил Павлович, действительный тайный советник князь А.Н. Голицын, петербургский военный генерал-губернатор генерал-адъютант П.В. Голенищев-Кутузов, генерал-адъютанты А.И. Чернышев, В.В. Левашов, А.Н. Потапов, А.Х. Бенкендорф, В.Ф. Адлерберг, начальник Главного штаба И.И. Дибич. Члены комитета были назначены не все одновременно: например, А.Н. Потапов несколько позже других – 26 декабря, А.И. Чернышев и И.И. Дибич – 2 января 1826 г. Правителем дел Следственного комитета был назначен А.Д. Боровков. При Комитете работала канцелярия, в которую были назначены чиновники Вахрушев, Ивановский, Хлудович и др.
- ⁵⁸ *Татищев Александр Иванович* (1763–1833) – граф (с 1826), военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1823). С 12.12.1824 – военный министр. 17.12.1825 назначен председателем Следственной комиссии по делу декабристов. 26.08.1826 вышел в отставку в связи с подозрением в причастности к махинациям с поставками обмундирования для войск.
- ⁵⁹ *Голицын Александр Николаевич* (1773–1844) – князь, государственный деятель. 17.12.1825 назначен членом Следственной комиссии по делу декабристов. С 16.04.1841 – действительный тайный советник 1 класса. С 27.03.1842 – в отставке.
- ⁶⁰ *Голенищев-Кутузов Павел Васильевич* (1773–1843), граф (1832), военный и государственный деятель, генерал от кавалерии (1826). 20.12.1825 после убийства генерала М.А. Милорадовича назначен

Петербургским военным губернатором и членом Государственного совета. 17.12.1825 назначен в состав Следственной комиссии по делу декабристов. 13.07.1826 распоряжался обрядами смертной казни и гражданской казни. 18.12.1829 оставил пост генерал-губернатора Петербурга и вышел в отставку.

⁶¹ *Левашев (Левашов) Василий Васильевич* (1783–1848) – граф (1833), военный и государственный деятель, генерал от кавалерии (1833). Участник подавления восстания 14 декабря 1825 г., за отличие при подавлении восстания генерал-лейтенант – 01.01.1826. Член Следственной комиссии по делу декабристов, занимался, в частности, первым допросом каждого из арестованных. С 01.07.1827 по 05.01.1831 – командир 1-й кирасирской дивизии. С 15.02.1832 – киевский военный губернатор, генерал-губернатор подольский и волынский. Граф – 01.06.1833, генерал от кавалерии – 06.12.1833. С 03.12.1835 по 29.10.1836 – черниговский, полтавский и харьковский генерал-губернатор. Член Государственного совета – 01.01.1838. Председатель Государственного совета и Комитета министров – 31.12.1847.

⁶² *Потанов Александр Николаевич* (1772–1847) – военный и государственный деятель, генерал от кавалерии (1834). С 30.08.1823 – дежурный генерал Главного штаба. После смерти Александра I встал на сторону так называемой генеральской оппозиции, организовавшей присягу Константину Павловичу и спровоцировавшей междоусобицу. С 14.12.1825 – генерал-адъютант. 26.12.1825 назначен в состав Следственной комиссии по делу декабристов. С 22.08.1826 – генерал-лейтенант. 02.04.1833 – 22.09.1845 – командир 3-го резервного кавалерийского корпуса. С 26.09.1834 – генерал от кавалерии. С 22.09.1845 – шеф Рижского драгунского полка и член Государственного совета.

⁶³ *Муравьев-Апостол Сергей Иванович* (09.10.1796–13.07.1826) – декабрист, один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия (член и блюститель Коренного совета), член Южного общества (руководитель Васильковской управы, с ноября 1825 г. – член Директории). Автор нескольких конкретных планов военной революции. При попытке ареста в ночь с 28 на 29.12.1825 в деревне Трилеса Васильковского уезда Киевской губернии оказал вооруженное сопротивление. Организовал и возглавил восстание Черниговского полка (29.12.1825–03.01.1826), сочинил (вместе с ближайшим другом М.П. Бестужевым-Рюминым) «Православный катехизис» – агитационный документ, прочитанный перед восставшим полком. При усмирении восстания 03.01.1826 тяжело ранен в голову картечью и арестован. Осужден вне разрядов и приговорен к смертной казни. Казнен 13.07.1826.

⁶⁴ *Гельб Густав Иванович* (род. в 1781) – в 1825 г. подполковник, командир Черниговского пехотного полка. 28.12.1825 пытался арестовать командира 2-го батальона полка подполковника С.И. Муравьева-Апостола, однако был тяжело избит вставшими на защиту батальонного командира офицерами-черниговцами; с этого избития началось восстание Черниговского пехотного полка. Согласно послужному списку, «при

возмущении, учиненном Муравьевым, получил 14 штыковых ран, а именно: на голове 4 раны, во внутреннем углу глаза одна, на груди одна, на левом плече одна, на брюхе три раны, на спине 4 раны. Сверх того перелом в лучевой кости правой руки». 09.01.1826 – полковник, назначен комендантом г. Киева.

⁶⁵ *Трухин Сергей Степанович* – в 1825 г. майор Черниговского пехотного полка, командир 1-го батальона полка. Во время восстания Черниговского пехотного полка остался верен законной власти, пытался противостоять занятию ротами под командой С.И. Муравьева-Апостола города Василькова, но был избит восставшими солдатами. После подавления восстания произведен в подполковники и назначен командиром Черниговского пехотного полка нового состава.

⁶⁶ *Павлов Евграф Федорович* – в 1825 г. поручик, полковой адъютант Черниговского полка. В мятеже участия не принимал, оставшись верным законной власти. В начале восстания спрятал полковую печать и часть полковых денег. После подавления восстания произведен в штабс-капитаны.

⁶⁷ Первой армией в 1825 г. командовал *Фабриан Вильгельмович Остен-Сакен* (1752–1837), князь (1832) – военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1832). С 08.07.1818 по 07.03.1834 – главнокомандующий 1-й армией (на этой должности отличился решительностью и жестокостью, не сочувствовал либеральным идеям эпохи), с 26.08.1818 член Государственного совета. Граф – 08.04.1821, в 1832 г. получил титул князя и чин генерал-фельдмаршала. С 1834 г. – в отставке.

⁶⁸ *Щербатов Алексей Григорьевич* (1776–1848) – князь, военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1823). С 25.12.1823 командир 4-го пехотного корпуса 1-й армии со штабом в Киеве. Был знаком и дружен со многими декабристами, особенно с С.П. Трубецким – дежурным штаб-офицером 4-го пехотного корпуса. В декабре 1825 г. отказался принимать участие в подавлении восстания Черниговского пехотного полка. В ходе следствия по делу декабристов подозревался в причастности к заговору.

⁶⁹ Имеется в виду цесаревич *Константин Павлович*.

⁷⁰ *Рот (Ротт) Логгин Осипович* (1780–1851) – военный деятель, генерал от инфантерии (1827). В 1820-х годах – командир 3-го пехотного корпуса 1-й армии. Организовал подавление восстания Черниговского пехотного полка.

⁷¹ *Дибич (Дибич-Забалканский) Иван Иванович* (02.05.1785–29.05.1831), граф (1827) – военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1829). В 1825 г. – начальник Главного штаба и управляющий квартирмейстерской частью. Присутствовал в Таганроге при кончине Александра I. В начале декабря 1825 г. на основе доносов И.В. Шервуда сообщил великому князю Николаю Павловичу (будущему императору Николаю I) о готовящемся тайными обществами восстании, а затем руководил арестами во 2-й армии членов Южного общества.

22 августа 1826 г. (в день коронации Николая I) произведен в генералы от инфантерии.

⁷² *Браницкая Александра Васильевна* (урожденная Энгельгардт, 1754–1837) – племянница светлейшего князя Г.А. Потемкина, обергофмейстерина двора (1824). Владелица местечка Белая Церковь. О богатствах и скупости Браницкой среди современников ходили легенды.

⁷³ *Гейсмар Федор (Фридрих Каспар) Клементьевич* (1783–1848) – генерал-майор, командир кирасирской бригады 3-го пехотного корпуса, руководил одним из четырех правительственных отрядов, которым было поручено окружить мятежников и усмирить восстание. Восставший полк был разбит отрядом Гейсмара близ деревни Пологи.

⁷⁴ *Муравьев-Апостол Инполит Иванович* (1806–03.01.1826) – декабрист, младший брат С.И. Муравьева-Апостола. Член Северного общества. Накануне восстания 14 декабря 1825 г. получил от Трубецкого письмо к брату С.И. Муравьеву-Апостолу с просьбой о военной поддержке (в декабре 1825 г. И.И. Муравьев-Апостол был произведен в прапорщики Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части и назначен на службу в штаб 2-й армии). 13.12.1825 выехал из Петербурга к месту службы в Тульчин, узнав в пути о разгроме восстания, уничтожил письмо. 31.12.1825 приехал в Васильков к С.И. Муравьеву-Апостолу и принял участие в восстании Черниговского пехотного полка. Покончил с собой 03.01.1826 при подавлении восстания. Похоронен в селении Трилесе в общей могиле с А.Д. Кузьминым и М.А. Щепилло.

⁷⁵ В непосредственном столкновении с мятежниками участвовал так называемый средний отряд под командованием генерал-майора Ф.К. Гейсмара, состоящий из трех эскадронов гусар и 5-й конно-артиллерийской бригады.

⁷⁶ С.И. Муравьев-Апостол был ранен в голову картечью; сведения о полученном им сабельном ударе впоследствии не подтвердились.

⁷⁷ *Соловьев Вениамин Николаевич* (ок. 1798–1866, по другим данным 1871) – декабрист, штабс-капитан Черниговского пехотного полка, командир 2-й мушкетерской роты. Возможно, член Общества соединенных славян или Южного общества. Один из организаторов восстания Черниговского пехотного полка: принимал участие в освобождении из-под ареста С.И. Муравьева-Апостола, в ходе восстания командовал ротой. Арестован 03.01.1826 при подавлении восстания. Был судим военным судом в Могилеве, 12.07.1826 приговорен к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и ссылке в каторжные работы вечно. Срок сокращен до 15 лет – 08.01.1832 и до 13 лет – 14.12.1835.

⁷⁸ *Быстрицкий Андрей Андреевич* (1799–1872) – декабрист, подпоручик во 2-ой мушкетерской роте Черниговского пехотного полка. Членом тайных обществ не был. Активный участник восстания Черниговского пехотного полка. Арестован 03.01.1826 при подавлении восстания. Был судим военным судом в Могилеве, 12.07.1826 приговорен к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и ссылке в каторжные работы вечно.

- ⁷⁹ *Бестужев-Рюмин Михаил Павлович* (23.05.1801–13.07.1826) – декабрист, подпоручик Полтавского пехотного полка. Член Южного общества, руководитель Васильковской управы Южного общества (с 1823). В 1823–1824 гг. вел переговоры о совместных действиях с Польским патриотическим обществом, в августе–сентябре 1825 г. присоединил к Васильковской управе Общество соединенных славян, участник восстания Черниговского пехотного полка (29.12.1825–03.01.1826). Арестован 3 января 1826 г. под Киевом при усмирении восстания. Осужден вне разрядов и приговорен к смертной казни. Казнен 13.07.1826.
- ⁸⁰ *Муравьев-Апостол Матвей Иванович* (18.04.1793–21.02.1886) – декабрист, отставной подполковник, старший брат С.И. и И.И. Муравьевых-Апостолов. Один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия (член и блюститель Коренного совета), член Южного общества. Руководитель петербургской ячейки Южного общества (1824). В конце 1824 г. отошел от активной деятельности в обществе. Участник восстания Черниговского пехотного полка. Арестован 3 января 1826 г. под Киевом при усмирении восстания. Осужден по 1 разряду к лишению чинов и дворянства (гражданской казни) и к вечной каторге. Срок сокращен до 20 лет – 10.07.1826, до 15 лет – 22.08.1826.
- ⁸¹ *Кузьмин Анастасий Дмитриевич* (ум. 03.01.1826) – декабрист, поручик, командир 5-й мушкетерской роты Черниговского пехотного полка. Возможно, член Общества соединенных славян или Южного общества. Один из организаторов восстания Черниговского пехотного полка: принимал участие в освобождении из-под ареста С.И. Муравьева-Апостола, в ходе восстания командовал ротой. При подавлении восстания 3.01.1826 ранен в левую руку и арестован; вскоре после ареста покончил с собой. Похоронен в селении Трилесе в общей могиле с И.И. Муравьевым-Апостолом и М.А. Щепилом.
- ⁸² *Щепило Михаил Алексеевич* (ум. 3.01.1826) – декабрист, поручик, командир 3-й мушкетерской роты Черниговского пехотного полка. Возможно, член Общества соединенных славян или Южного общества. Один из организаторов и активный участник восстания Черниговского пехотного полка: принимал участие в освобождении из-под ареста С.И. Муравьева-Апостола, во время восстания командовал ротой. Убит 03.01.1826 при подавлении восстания. Похоронен в селении Трилесе в общей могиле с И.И. Муравьевым-Апостолом и А.Д. Кузьминым.
- ⁸³ *Козлов Петр Федорович* – в 1825 г. капитан Черниговского пехотного полка, командир 1-й гренадерской роты полка. Рота под командованием Козлова осталась верной правительственным войскам и при подавлении восстания присоединилась к ним. Впоследствии рота Козлова была в полном составе зачислена в лейб-гвардии Московский полк. 20 января 1826 г. начальником Главного штаба И.И. Дибичем был подписан приказ следующего содержания: «Черниговского пехотного полка первая гренадерская рота, под начальством капитана, ныне майора, Козлова, при возникшем в сем полку мятеже сохранила непоколебимую верность престолу и, удалясь от злоумышленников,

явилась к настоящему начальству, где с ревностью способствовала в покорении мятежников. Государь император, во внимании к таковой верности и отличному усердию, высочайше повелеть соизволил всех чинов оной роты перевести в полки лейб-гвардии» (текст по: *Шильдер Н.К.* Император Николай I. *Его жизнь и царствование*: В 2 кн. М., 1996. Кн. 1. С. 535. Ст. 315; этот текст на французском языке был опубликован в *Journal de St. Petersburg. 1826. 28 янв. / 9 февр. № 13. Р. 47*).

⁸⁴ Имеются в виду слова из манифеста 19 декабря 1825 г.: «Сколько ни прискорбны сии последствия, но Провидение показало в них новый опыт тех сокровенных путей, коими, карая зло, из самого сего зло оно производит добро» (Манифест был опубликован в официальной прессе: Санкт-Петербургские ведомости. 1825. 22 дек. № 102. С. 1199–1200; Московские ведомости. 1825. 30 дек. № 104. С. 3657–3658; Русский инвалид. 1825. 22 дек. № 302. С. 1213–1215; *Journal de St. Petersburg. 1825/26. 22 дек./3 янв. № 154. С. 649*).

⁸⁵ Это сообщение опубликовано было также в изд.: Государственные преступления в России в XIX веке: В 3 т. / Сост. Б. Базилевский. СПб., 1906. Т. 1.: Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений (1825–1876). С. 9–10; Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, братьев Критских и Раевских. М., 1907. С. 49–52.

⁸⁶ Ср. показание К.Ф. Рылеева: «Общество точно существует. Цель его по крайней мере в Петербурге была Конституционная Монархия. Оно не сильно здесь и состоит из *нескольких молодых людей*» (курсив мой. – А. Г.) (ВД. Т. 1. 1925. С. 152).

⁸⁷ Первая тайная декабристская организация – *Союз спасения* – была основана в феврале 1816 года (а не в 1815 г. – здесь ошибка из показаний П.Г. Каховского: «Общество наше началось с 1815 года» (ВД. 1925. Т. 1. С. 340)) по инициативе А.Н. Муравьева. Кроме него, учредителями организации были С.И. Муравьев-Апостол, С.П. Трубецкой, М.И. Муравьев-Апостол, И.Д. Якушкин, Н.М. Муравьев. Первоначально Союз являлся кружком офицеров, связанных между собою дружескими и родственными узами. Однако вскоре его состав расширился: в Союз вошли М.Н. Новиков (двоюродный племянник просветителя и масона Н.И. Новикова), М.С. Лунин, Ф.П. Шаховской, П.И. Пестель и др. – всего около 30 человек.

Устав общества (впоследствии сожженный) был написан Пестелем при участии Трубецкого и др. В уставе объявлялись основные цели Союза: отмена крепостного права и введение конституционной монархии путем открытого вооруженного выступления в момент смены императора на престоле. Готовясь к революционному перевороту, члены Союза спасения должны были добиваться расширения состава общества и занимать важнейшие посты по военной и гражданской части, активно формировать общественное мнение. В уставе была закреплена структура Союза. Все члены делились на три степени –

«бояре», «мужи», «братья». Союз строился на началах глубокой конспирации и строгой дисциплины при беспрекословном подчинении низших степеней высшим, которые только одни могли знать конечную цель общества. Однако такое сокрытие истинных целей заговора, существование «заговора в заговоре» не устраивало многих членов Союза, а также вновь вступавших в организацию, поэтому просуществовал устав недолго.

В начале 1817 г., через несколько дней после принятия устава, его автор Пестель покинул Петербург. После этого деятельность Союза практически прекратилась.

⁸⁸ Имеется в виду так называемый *Московский заговор 1817 г.* – план цареубийства, разработанный членами Союза спасения в сентябре 1817 г. в Москве. Поводом для создания этого проекта послужило письмо С.П. Трубецкого из Петербурга, в котором сообщалось о «непатриотическом» поведении императора Александра I, который якобы «решился отделить польские губернии от России и, зная, что такое предприятие не может исполниться без сопротивления, едет со всею царствующею фамилиею в Варшаву, из коей издаст манифест о вольности крепостных людей и крестьян. Что тогда народ примется за оружие противу дворян и во время сего всеобщего смятения польские губернии будут присоединены к новому царству» (ВД. 1925. Т. 1. С. 306). Однако цареубийство совершено не было, поскольку выяснилось, что изложенная в письме информация не соответствует действительности, а тайное общество не готово воспользоваться ситуацией и взять власть в стране.

⁸⁹ Здесь и до конца документа курсив в тексте – А. Г.

⁹⁰ *Союз благоденствия* – тайная организация декабристов, образованная в Москве в январе 1818 г. на основе распавшегося Союза спасения. Основанию организации предшествовало написание уставно-программного документа, известного под названием «Зеленая Книга» (по цвету переплета).

⁹¹ *Московский съезд* – съезд членов Союза благоденствия в январе 1821 г., принявший решение о ликвидации этого тайного общества. Однако это решение было фиктивным, прикрывающим цель избавиться как от полицейской слежки, так и от слишком нерешительных и слишком радикальных членов Союза.

⁹² Ср. показание П.И. Пестеля: «Все члены Союза благоденствия единодушно согласны были в намерении содействовать ко введению в России нового порядка вещей и в том, что сие иначе произведено быть бы не могло как чрез количественное усиление членов общества и распространение тем самим Союза благоденствия поелико возможно булышим местам; но по всем прочим предметам и статьям не было общей мысли и единства в намерениях и видах. Сие разногласие относится преимущественно до средств, коими произвести перемену в России, и до порядка вещей и образа правления, коими бы заменить существовавшее правительство. — В сих двух отношениях ничего не было обществом окончательного и решительного положено, происходили

одни только *разговоры и прения* (курсив мой. – А. Г.) без заключения» (ВД. 1927. Т. 4. С. 84).

⁹³ *Северное общество* – условное обозначение, данное в ходе следствия тайному обществу, возникшему в Москве и в Петербурге после Московского съезда 1821 г. (т. е. после распада Союза благоденствия).

⁹⁴ *Южное общество* – условное обозначение, данное в ходе следствия тайному обществу, организованному в штабе 2-й армии в Тульчине в марте 1821 г. Общество возникло в связи с отказом П.И. Пестеля подчиниться решению Московского съезда 1821 г., ликвидировавшего Союз благоденствия.

⁹⁵ *Общество соединенных славян* – тайное общество, организованное в 1823 г. в Новгороде-Волынском польским дворянином Ю.К. Люблинским и прапорщиками 8-й артиллерийской бригады братьями А.И. Борисовым и П.И. Борисовым. Цель общества состояла в создании федерации всех славянских племен. В конце лета – начале осени 1825 г. Общество соединенных славян слилось с Южным обществом и приняло его программу.

⁹⁶ Ср. показания П.И. Пестеля: «Общество имело желание как можно более начальников войск обратить к своей цели и принять в свой Союз, особенно полковых командиров, предоставляя каждому из них действовать в своем полку как сам наилучше найдет. *Желало также и прочих начальников в общество приобрести: Генералов, Штаб-офицеров, ротных Командиров*» (курсив мой. – А. Г.) (ВД. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 113); также показания Н.И. Лорера: «Тайное общество имело всегда в виду и поставляло главной целью обращать и принимать в члены тайного общества, а особливо людей значущих, как-то: *полковых командиров и генералов*». (ВД. 1969. Т. 12. С. 47).

⁹⁷ Идея так называемого Временного правления (Временного верховного правления, Временного правительства) как высшего органа государственной власти после победы революции – один из центральных элементов плана военной революции, разрабатываемого декабристами, была выдвинута П.И. Пестелем и впоследствии была очень популярна среди участников тайных организаций. В качестве кандидатур обсуждались А.П. Ермолов, П.Д. Киселев, Н.И. Тургенев и др. В итоге перед самым восстановлением было принято решение назначить – в случае победы – в его состав М.М. Сперанского, Н.С. Мордвинова и Г.С. Батенькова – в качестве «правителя дел».

⁹⁸ Согласно «Конституции», написанной Н.М. Муравьевым и принятой в качестве программного документа Северного общества, Российская империя делилась на 14 «держав» и две «области». Столицей страны должен был стать Нижний Новгород, который предлагалось переименовать в Славянск. «Державы» должны были делиться на уезды, а уезды – на волости. Каждой «державой» управляло свое правительство, состоявшее из независимых властей: законодательной, исполнительной и судебной. Верховная законодательная власть в государстве должна была принадлежать Народному вече – двухпалатному парламенту,

состоявшему из Верховной думы, в которую входили бы по три представителя от каждой «державы», и Палаты народных представителей, в которую посылались бы по одному представителю от каждых 50 тыс. обывателей. Исполнительная власть сохранялась в руках императора, который есть «Верховный Чиновник Российского правительства». Предусматривались также уничтожение сословий, гильдий и цехов, отмена крепостного права (при сохранении всей земли в собственности помещиков), сохранение общинного землевладения, введение основных гражданских свобод (слова, печати, вероисповедания, занятий и передвижения).

⁹⁹ Имеются в виду переговоры, которые проводились руководством Южного общества с Польским патриотическим обществом. На этих переговорах, в частности, обсуждалась идея в случае победы русской революции вернуть Польше независимость и отдать ей некоторые российские территории, в том числе Гродненскую, часть Виленской, Минской и Волынской губерний.

¹⁰⁰ Имеется в виду так называемый *Бобруйский заговор* – принятое в историографии название конкретного плана военной революции, разработанного Васильковской управой Южного общества в начале 1823 г., в связи с передислокацией частей 9-й дивизии 3-го корпуса в Бобруйскую крепость и ожидавшегося приезда в расположение войск императора Александра I. План предполагал арест императора и приближенных к нему лиц, движение восставших войск на Москву, а в случае неудачи – оборона восставших в Бобруйской крепости. М.П. Бестужевым-Рюминым были предприняты неудачные попытки привлечь к выполнению этого плана живших в Москве членов тайного общества, прежде всего И.Д. Якушкина и И.А. Фонвизина. Следует, однако, отметить, что Бобруйский заговор царевубийства не предусматривал. План этот не встретил одобрения П.И. Пестеля и других руководителей Южного общества и был оставлен его инициаторами.

¹⁰¹ Имеется в виду А.З. Муравьев, который во время сбора войск под местечком Лещин в 1825 г. (Лещинский лагерь) не соглашался отложить начало военной революции на 1826 г. и предлагал начать ее немедленно с царевубийства. Тогда же между членами тайного общества шла речь о том, чтобы ехать в Таганрог, где находился Александр I, для совершения царевубийства. Был оставлен список будущих царевубийц – членов Общества соединенных славян.

Муравьев Артамон Захарович (1793–1846) – декабрист, полковник, командир Ахтырского гусарского полка. Член Союза спасения (1817), Союза благоденствия и Южного общества, активно участвовал в деятельности Васильковской управы Южного общества. В частности, в совещаниях декабристов в Лещинском лагере, вызывался сам ехать в Таганрог и совершить царевубийство. Однако в декабре 1825 г. отказался поддержать восстание Черниговского пехотного полка. Арестован 31.12.1825 г. в Бердичеве. Осужден по 1 разряду к лишению чинов и

дворянства (гражданской казни) и в каторжную работу вечно. Срок сокращен до 20 лет – 22.08.1826, до 15 лет – 08.11.1832, до 13 лет – 14.12.1835.

¹⁰² Имеется в виду так называемый 2-й Белоцерковский план, составленный руководителями Васильковской управы Южного общества в августе–сентябре 1825 г. в Лещинском лагере и приуроченный к высочайшему смотру войск в 1826 г. План этот предусматривал убийство императора Александра I, которое должны были совершить бывшие офицеры, разжалованные в солдаты.

¹⁰³ Имеется в виду А.И. Якубович, который в начале 1825 г. приехал в Петербург с Кавказа и предложил себя в царевницы из «личных видов», желая отомстить Александру I за свой перевод из гвардии в армию. Руководители Северного общества К.Ф. Рылеев и С.П. Трубецкой хотели воспользоваться предложением Якубовича в собственных политических целях. Однако к моменту восстания 14 декабря 1825 г. Александр I уже умер, и Якубович отказался от своего намерения.

¹⁰⁴ Ср. показания П.И. Пестеля: «Приступая к самой революции, надлежало произвести оную в Петербурге, яко средоточии всех властей и правлений; а наше дело в армии и в губерниях было бы признание, поддержание и содействие Петербургу. В Петербурге же могло бы оно произойти восстанием гвардии а также и флота, отправлением особ императорской фамилии в чужие края, исключая покойного государя, созванием Сената, дабы чрез него обнародовать новый порядок вещей, поручением Временному правлению оный ввести, или созванием чрез Сенат же народных депутатов утвердить Конституцию. Ежели же бы монархическое правление было выбрано, то Временное правление составляло бы регентство, а Александр Николаевич был бы признан Императором. Из объяснения сего плана видно, что оный требовал еще много времени; и потому соединялось с оным предположение, что удобно будет революцию начать после естественной кончины государя императора Александра Павловича, коего смерти никто так скоро не ожидал. Впрочем, время начатия долженствовало определиться преимущественно обстоятельствами и силою Общества: в каком случае и насильственная смерть покойного государя могла оказаться надобною; но сие только в крайнем случае, ибо охотнее дождались бы собственной его смерти, разве опасность общества при силе оного и обстоятельства не позволили бы медлить. Вот образ действия, о котором более всего говорено было и с которым все члены общества как в Южном, так и в Северном округе были согласны ... Революция не может начаться при жизни государя Императора Александра Павловича, и что надобно или смерть его обождать, или решиться оную ускорить, коль скоро сила и обстоятельства общества того требовать будут» (ВД. 1927. Т. 4. С. 102–103).

¹⁰⁵ Здесь и до конца документа курсив в тексте – А. Г.

¹⁰⁶ Перевод: Пять государственных преступников, приговоренных Верховным уголовным судом к казни через повешение 11 числа, 13 были

публично казнены между 4 и 5 часами утра на одном из внешних укреплений Петербургской крепости. – Все государственные преступники, приговоренные Верховным уголовным судом к лишению чинов и дворянства, были непосредственно перед тем подвергнуты гражданской казни на гласисе крепости.

¹⁰⁷ Согласно приговору Верховного уголовного суда, к смертной казни были приговорены пять человек, поставленных «вне разрядов» (четвертование), а также 31 осужденный по 1 разряду (отсечение головы). Однако по указу Николая I от 10 июля 1826 г. смертная казнь осужденным по 1 разряду была заменена вечной или 20-летней каторгой. Осужденным же вне разрядов (П.И. Пестелю, К.Ф. Рылеву, С.И. Муравьеву-Апостолу, М.П. Бестужеву-Рюмину и П.Г. Каховскому) приговор был оставлен в силе, но четвертование заменено повешением.

¹⁰⁸ Гражданская казнь происходила в ночь с 12 на 13 июля 1826 г. на эспланаде Петропавловской крепости; ей подверглись 97 осужденных (исключая пятерых приговоренных к смертной казни, пятнадцать осужденных – морских офицеров, двух человек, находившихся на момент оглашения приговора в госпиталях, а также наказанных без лишения дворянства).

¹⁰⁹ Над пятнадцатью морскими офицерами (Н.А. Бестужевым, А.П. Арбузовым, К.П. Торсоном, Д.И. Завалишиным и др.) обряд гражданской казни был совершен в Кронштадте, на флагманском корабле эскадры адмирала Р.В. Кроуна.

«Свое» и «чужое» в древнерусской словесности:
К вопросу об идеологической составляющей
сказаний Симона в Киево-Печерском патерике

Жанр «патерика», сборника произведений о святых одной местности, сложился задолго до того, как появился на Руси и стал развиваться на русской почве. Патерики были очень популярны, «многие из них стали своеобразными “народными книгами” средневековья..., приобщая через простые по стилю и занимательные по форме рассказы о жизни монахов к высоким истинам христианства»¹. Древнерусский читатель рано познакомился с греческими образцами этого жанра: Скитский, Синайский, Римский, Египетский патерики, сформировавшиеся в IV–VII вв., были переведены с греческого в X–XI вв.

Первым самобытным произведением древнерусской литературы патерикового жанра стал Киево-Печерский патерик – сборник произведений о жизни монахов Киево-Печерского монастыря, сказание об основании которого читается в Повести временных лет под 1051 г. Старейший из списков датируется 1406 г., но исследователи относят формирование основного ядра Патерика – переписки Симона и Поликарпа – к первой трети XIII в. Сказания патерикового сборника фиксируют не только современную авторам действительность, но повествуют о жизни и первых подвижников, пришедших в монастырь еще во времена его основателя – Антония. Таким образом, историческая основа сказаний охватывает довольно большой временной отрезок с XI по XIII столетие.

Пожалуй, основной формой, в которой принцип противопоставления «свое–чужое» манифестировался в древнерусской культуре, была конфессиональная характеристика: «свой» – почти всегда представитель христианского мира. Это справедливо и для Киево-Печерского патерика. «Свое» – в первую очередь, все то, что принадлежит к локусу Киево-Печерского монастыря. Идея местного/локального здесь почти полностью заслоняет общерусскую. Последняя же в основном реализуется через

первую: монахи монастыря, добившись духовного совершенства посредством несения обета послушания в Печерской обители, своими деяниями прославляют не только родной монастырь, но и всю русскую землю, становятся общерусскими святыми. Так, об Агапите Целителе Поликарп пишет, что «промчесь слово о нем по всей земли Руской». Степень «чуждости» находится здесь в прямой зависимости от степени активности взаимодействия со святым местом (где «живет» сама Богородица).

Важная жанровая особенность, определяющая специфику организации материала Патерики, – это эпистолярная форма с ярко выраженной дидактической установкой, которая не только повлияла на характер образной системы сказаний, но и во многом определила ее интерпретацию. Послания имеют непосредственных адресатов: Симон обращается к Поликарпу, а Поликарп – к архимандриту монастыря Анкудину.

Послания Симона в той части, где он повествует о деяниях печерских черноризцев, в первую очередь призваны еще раз напомнить Поликарпу о его прегрешениях. Они иллюстрируют определенные модели греховного поведения монахов, которые, по мнению Симона, присущи и самому Поликарпу (одно из сказаний Симона имеет подзаголовок «И се ти скажу подобно твоему тщанию о Еразме-черноризци»). Так, из послания Симона к Поликарпу мы узнаем о небогоугодном поведении («ты же не чрънчески живеши») последнего: Поликарп ссорился с братией, не повиновался игумену, пропускал службу в церкви и т. п. Главный же его грех Симон видит в желании получить епископскую кафедру. Обвинения в честолюбии в адрес печерского монаха повторяются неоднократно.

Дошедшие до нас письменные произведения того времени не сохранили никаких дополнительных сведений о жизни печерского монаха Поликарпа. Все известия содержатся в Киево-Печерском патерике, большая часть из них – в Симоновых посланиях. Мы узнаем о том, что Поликарп к моменту, зафиксированному в тексте, уже успел побывать «на повышении»: он занимал игуменскую должность в суздальских Козьмодемьянском и Дмитровском монастыре, но по каким-то причинам вернулся обратно в стены родного монастыря². В связи с возвращением Поликарпа Симон пишет: «Но радуется о тебе игумен и вся братиа, и мы, весть слышавше; и вси утешися о обретении твоем, яко *погибль бе и обретеса* (здесь и далее курсив мой. – В. Е.)»³. Выделенные нами слова проясняют идеологическую (именно идеологическую, а не нравственную) позицию их автора:

добровольный уход из монастыря приравнивается Симоном к смерти. Идея сакрализации Печерской обители занимает одно из центральных мест в его сказаниях, а порою просто доведена до предела: «Темже ти ся плакати подобает, да прощен будеши, яко оставил был еси честный и святыи монастырь, и святыи отець Антониа и Феодосиа, и святыи чръноризець, иже с нима... Не веси ли, яко древо, часто не напааемо, скоро изсохнет? И ты от послушания отча и братий своих оставле свое место, вскоре хотя погыбнути. Таковый овча, пребываа въ стаде, неврежено будет, а отлучившееся – скоро погыбнет и волком язвядено бывает. Подобаше ти преже разсудити, что ради восхотел еси изити от святаго, и блаженаго, и честнаго, и спасенаго того места Печерскаго, в нем же дивно есть всякому, хотящему спастися»⁴. В приведенном отрывке характерны образы засохшего дерева и отбившейся от стада овцы, съеденной волком. В символической форме они передают ту же идею смерти.

Симон не просто последовательно проводит мысль о святости Печерской обители, но стремится убедить Поликарпа в безальтернативности: другого подобного места просто нет. Ведь Поликарп уходил или собирался уйти в другое святое место, в другой монастырь, а не в «мир». На фоне этого позиция Симона выглядит довольно парадоксально – сам же он пишет о том, что «от того, брате, печерского монастыря мнози епископы поставлены быша». По всей вероятности, этот исторический факт приводится им не для того, чтобы указать на возможность «безнаказанно» покинуть обитель, но чтобы дать еще одно символическое сравнение, еще больше возвеличивающее монастырь: «Якоже от самого Христа, Бога нашего, апостоли во всю вселенную послани быша, такоже от того Матере, госпожи наша Богородици, великаго монастыря тоя мнози епископи поставлены быша во всю Рускую землю»⁵. Киево-Печерские иноки уподобляются здесь первым апостолам, разнесшим зерно праведной веры по всему миру (образ которого отождествлен с Русью), – первые среди первых носителей божественной Истины.

Главная идея Симона становится идеологическим «ядром» его сказаний. Таким образом, оппозиция «свое–чужое» приобретает двойственное значение. «Свое» как принадлежащее христианскому культурному пространству, как следование общей модели христианского поведения, несомненно, сохраняет здесь свое первостепенное значение. Сюда мы можем отнести замечания Симона, относящиеся к духовному облику Поликарпа. Наставления в соблюдении благостного монашеского образа

жизни пронизывают весь текст послания. Но этого недостаточно, чтобы стать частью «своего» мира. Выход за границы Печерского монастыря свидетельствует о полном разрыве со всем, что является «своим»; символизирует переход человека в состояние «отчужденности» и не только по отношению к святому месту, но и духовно-религиозному миру в целом; уход в другой монастырь от братии Симон уподобляет духовной смерти.

Тема святости монастыря и высшей божественной избранности членов ее братии звучит во всю мощь в слове Симона «О создании церкви Печерской». Подробный анализ художественных средств и приемов, которыми воспользовался автор для создания образа «святого места», не входит в цели нашего исследования. Здесь мы остановимся лишь на тех элементах, которые помогают прояснить способ функционирования оппозиции «своего—чужого» в данном сказании.

Создание «дома Богородицы» приписывается автором трем культурным пространствам: русскому, греческому и скандинавскому. Варяг Шимон привез пояс и венец с католического креста; пояс этот послужил мерой при строительстве новой церкви. Из Константинополя приехали строители и иконописцы, которые также доставили с собой мощи святых для закладки в основание церкви, наместную икону Богородицы и мозаики для украшения храма.

Уже из одного перечисления этих фактов видно, что иностранцы, участвующие в создании храма, не воспринимаются как «чужие» – ведь они становятся участниками единого процесса наравне с русскими, внося свой вклад в развитие и распространение христианства на Руси.

В этом отношении особый интерес представляет образ варяга Шимона. В начале повествования Шимон фактически еще не принадлежит христианскому миру: Симон ничего не сообщает о его конфессиональной принадлежности, но позже мы узнаем, что варяг крестился, «оставив латинскую бусть». Тем не менее, вопреки этнической и конфессиональной чужеродности, Шимон выступает не «чужим» по отношению к русским⁶. Уже в начале своего пребывания на Руси он был хорошо принят киевским князем: «Прииде же Шимонъ къ благоверному князю нашему Ярославу; его же приим, въ чести имяше и дасть и сынови своему Всеволоду, да будет старей у него; прия же велику власть от Всеволода»⁷. Мотив не «чуждости» варяга усиливается введением эпизода, повествующего о событиях его прошлой жизни, в которых прослеживается связь варяжского знатного рода с

русским князем: отец Шимона сражался на стороне Ярослава против Мстислава⁸. Окончательный разрыв с прежней жизнью символизируется тем, что варяг был изгнан из своей земли: это сообщает его образу черты «чужеродности» уже по отношению к родной стране.

Культурная и религиозная преемственность Руси от Византии всецело обуславливала и отображение образа этого государства в русском сознании. Его отдельные представители не могли нести угрозы своим «младшим братьям» русам, тесно связанным с ними общностью духовных уз. Греки во всех отношениях принадлежат к «своим». Связь между ними и русскими реализуется в сопоставлении пространственных локусов, семантически тождественных друг другу: Византия – Русь, Константинополь – Киев, храм Богородицы во Влахерне – церковь Успения Богородицы в Киево-Печерском монастыре (ср.: Богородица принимает греческих мастеров в своем греческом «доме», во Влахерне и повелевает им построить для нее новый, на Руси: «Хочу церковь себе возградити в Руси, в Киеве... Приду же и сама видеть церкве и в ней хочю жити»⁹).

В диалоге между мастерами и Богородицей есть одна характерная деталь. Услышав повеление отправиться в другое государство для строительства храма, мастера спрашивают: «О госпоже царице, в *чюжу страну* отсылаеши ны, х кому тамо приидем?». Характеристика греческими мастерами Руси как «чужой» территории свидетельствует об их отношении к ней как к чему-то для них неизвестному, а потому опасному; им требуется конкретное указание, некий ориентир, доминантой которого становится не пространственная, а нравственная составляющая – «сею посылаю Антония и Феодосия», – т. е., прежде всего, к святым людям, благодаря которым и место (чужая земля) стало святым.

Роль Антония и Феодосия, усилиями которых была установлена непоколебимая святость Печерской обители, утверждается на всем пространстве текста Патерика. Основной функцией этих образов становится духовный патронаж над обителью и ее братией. Следует отметить характерную особенность их образа – нерасчлененность. Антоний и Феодосий выступают здесь не в качестве отдельных, самостоятельных личностей, но объединяются в устойчивую пару (ср.: ради молитвы святых отцов Антония и Феодосия – молитвы ради любящих это святое место). Патронаж святых становится ключевым моментом при создании авторами Патерика мотива абсолютной святости

монастыря и невозможности ее нарушения. Образное единство патронов, создавших и оберегающих свое творение, поддерживается Симоном на протяжении всего сказания: варяга в битве с половцами спасает от гибели молитва Антония и Феодосия; Греческим мастерам Богородица называет их в качестве адресатов своей божественной воли; уже после смерти оба преподобных являются иконописцам звать их на Русь расписывать храм и т. д.

Манифестом неразрывности связей с монастырем звучит требование «пребывания» в его границах не только при жизни, но и после смерти: «Блаженъ и триблаженъ сподобивыйся в той положен быти, великы благодати и милости от Бога достоин бысть молитвами святыа Богородица и всех святых. Блаженъ воистину и триблаженъ сподобивыйся в той написан быти, яко оставление греховъ примет и мзды небесныа не погрешит»¹⁰.

В полной мере эта идея реализуется в просьбе Шимона о вечной (как при жизни, так и после смерти) молитве Феодосия за него и весь его род и отпущении всех грехов: «...да никтоже отлучен буди дому святыа... Аще же и в последнее убожество кто приидет, не могай что дати, да в селех церкви тоа положен будет, везде бо молитва Феодосиева заступает... все вы вписани въ молитву святаго Феодосиа... Или кто не въсохочет молитвы его и благословения уклонится, възлюбить же клятву, да придет ему»¹¹. В процитированном отрывке из письма Григория, сына варяга Шимона, показательно требование быть похороненным в границах владений Печерской обители. Нарушение его страшно тем более, что влечет за собой «отчуждение» уже от «действительной жизни» – Бога и его Небесной Церкви.

Симптоматично, что данная форма благочестия распространяется на всех устроителей церкви Успения Богородицы: варяг Шимон был первым погребен в ней, греческие церковные мастера и иконописцы также окончили жизнь свою монахами и были похоронены в Печерской обители.

Свое послание к Поликарпу Симон завершает следующими словами: «Пред Богом ти мльвлю: всю сию славу и власть яко калъ мнел быхъ, аще бы ми трескою тчати за ворота, или сметием валятися в Печерском манастыри и попираему быти человекеы, – лутче есть чести временныа. День един в дому Божеа Матере паче тысяща лет, в нем же волил бых пребывати паче, нежели житии ми в селех *грешничих*»¹². Здесь, прежде всего, интересна образная система, которой воспользовался Симон. Ничто (сметие, т. е. сор, мусор), с бытовой точки зрения, обретает ценность

(святость) одним лишь фактическим нахождением в монастыре, в то время как жизнь за его пределами, какая бы она ни была, – греховна.

Именно здесь, на границе, отделяющей территорию и владения монастыря от всего остального мира, проходит и граница между «своим» и «чужим» в сказаниях Симона.

Другой идеологический аспект, на котором сосредоточено внимание Симона, условно можно обозначить как «отклонение от нормы». В качестве меры выступает богоугодное, «правильное» поведение инока, которое, с одной стороны, определяется степенью соответствия его образа жизни общей духовной христианской модели поведения, а с другой – степенью «преданности» инока святому месту, своему монастырю. Несмотря на то что в общем критерии нормы мы можем выделить два аспекта, было бы ошибкой говорить о них как о противостоящих друг другу. Здесь общехристианская мораль реализуется в частной, последняя же приобретает форму некоего парадоксального противоречия.

Многие из рассказов продолжают подспудно развивать уже отмеченную выше тему – тему святости монастыря. Лейтмотивом она проходит через все творчество Симона, но наиболее сильно звучит в двух сказаниях – об Онисифоре и Афанасии Затворнике.

Однако и здесь присутствует мотив «отклонения от нормы». В сказании об Афанасии он связан с образом несправедливой братии: после смерти тело Афанасия долго оставалось без должного внимания с ее стороны, так как он был очень беден и не имел никаких сбережений. В сказании об Онисифоре некий инок, духовный сын Онисифора, притворялся постником и целомудренником, но в тайне ел, и пил, и «скверно» жил. Элемент несправедливости/чуждости налицо, но тут-то и происходит самое главное: несмотря на то что в обоих случаях демонстрируется нарушение религиозных норм и законов, полного отторжения скверны (чужого) от святого (своего) не происходит. Не происходит потому, что действует закон притяжения и сохранения Киево-Печерского локуса, в границах которого выявляется нарушение. Отсутствие святости в отдельных личностях компенсируется за счет святости места для находящихся внутри него.

Воскреснув, Афанасий сообщает братии истину, которая открылась ему за чертой жизни. Его слова манифестируют основную идею сказаний Симона и представляют собой три

основополагающих для печерского монаха правила: «Имейте послушание во всем игумену, и покаяйтесь на всяк час, и молитесь, да скончается сде и со святыми отци погребени быти в пещере. *Се боле всех вещей трия сиа вещи суть*; аще ли кто постигнет сия вся исправити по чину, – токмо не возносия»¹³. Подобная форма дублирования идеи (в прямой форме мы встречаем ее в послании к Поликарпу) выбрана Симоном не случайно. Форма прямого, незауалированного символическим повествованием высказывания придает словам Симона значение поучения и наставления, исходящего хотя и из уст более опытного (ср. о приходе Поликарпа в иночество недавно) и, возможно, нравственно и духовно более совершенного монаха¹⁴, но все же смертного человека. В слове же об Афанасии Затворнике значение высказывания резко повышается за счет изменения статуса субъекта высказывания: Афанасий выступает лишь в роли медиума, т. е. связующего элемента между земной и загробной жизнью. Истина, которую он заповедовал монахам, представляет собой не квинтэссенцию его личного благочестивого жизненного опыта, но «сообщение оттуда». Этот факт придает «божественный статус» его высказыванию. Таким образом, темы и идеи, лежащие в основе всего творчества Симона, приобретают иное, более высокое значение, обнаруживают прямую связь с божественным началом. Происходит то, что мы можем охарактеризовать как «санкционирование святости монастыря высшей инстанцией».

Святость места спасает и нечестивого монаха в слове об Онисифоре. Монах этот прожил жизнь во грехе и умер не раскаявшись. После его внезапной смерти появляется ряд характерных признаков, открывающих братии его «истинное лицо» и свидетельствующих о начавшемся процессе «отчуждения» инока от всего «своего/святого»: «Во единъ же день, здрав сый, напрасно умре. Не можаше же ни един телеси его приблизитися *смирада деля, бывающаго от него*. И прият ужась вся, и нужею сего извълекше, и не могущим им пения над ним створи смрада ради... и толми восмердеся, яко и безсловесным бегати тоа пещеры. *И многажды вопль слышашеся горекъ, яко мучащи тоа*»¹⁵. Свидетельством полного «отчуждения» должно было стать выдворение смердящего тела за пределы монастыря. Здесь появляется мотив, в котором слышны отголоски сказочного трехкратного испытания героя: когда тело монаха было положено в пещере (т. е. оставалось в границах монастыря / святого места), к Онисифору стал являться святой Антоний с требованием/заданием очистить святое место от скверны: «Почто се створил еси?

Такового скверного, и нечистаго, и незаконнаго, и многогрешнаго zde положи еси, якоже такъ не бысть положень, и осквернил есть святое се место»¹⁶. Требование «отчуждения» повторяется дважды: «Изверзи скоро сего вонъ на снадение псом, недостоин бо есть пребываниа zde»¹⁷. Но дальше происходит перелом: в тот момент, когда в монастыре уже было решено выкинуть тело в реку, грешному монаху было даровано прощение: «Смили ми ся душа брата сего, понеже не могу преступити обета, иже к вам рех, яко *положенный сде всяк помилован будет, аще грешен будет...* Молих бо Господа Бога, да ни един от сего монастыря осужден будет»¹⁸. Идея святости места находит в этом сказании свое высшее выражение. В ознаменование этого смрад, исходящий от тела монаха, превратился в благовоние.

В сказаниях Симона в характеристике главной «идеологической черты», отделяющей «свое» от «чужого», доминирует *пространственное* значение. Границы семантической оппозиции совпадают с территориальными границами Киево-Печерского монастыря. Все, что находится в его пределах, освящено особым божественным светом и не имеет характеристики чего-то чуждого или инородного. И, что существенно, «святость/цельность» самого места не отторгает отдельные «инородные/чуждые» элементы, но «исправляет» и преобразует их. Такая идейная установка повлияла и на структурные особенности сказаний и созданные в них образы.

Примечания

¹ *Ольшевская Л.А.* «Прелести простоты и вымысла...» // Древнерусские патерики. М., 1999. С. 234.

² Попытка объяснить причину, побудившую Поликарпа вернуться в Киево-Печерский монастырь, была сделана Т.Н. Копреевой. См.: *Копреева Т.Н.* Инок Поликарп – забытый писатель-публицист Киевской Руси // Духовная культура славянских народов: Литература, фольклор, история. Л.: Наука, 1983. С. 59–73.

³ Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. М., 1999. С. 20.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Подобного рода характеристика варяжского этноса как не «чужого» существовала в литературной традиции Руси и зафиксирована в других литературных памятниках. См., например: *Демин А.С.* «Свои» и «чужие» этносы в «Повести временных лет» // Демин А.С. Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993.

⁷ Киево-Печерский патерик. С. 7.

⁸ Характерно, что факт создания пояса, доставленного Шимоном, приписывается представителю его же рода: «Отець мой Африканъ, – говорит Шимон, – сдела крестъ и на нем изобрази богомужное подобие Христова написанием вапным, нов дело, якоже латина чтут, велик делом, яко 10 лакот. Сему честь творя отец мой возложи поясъ о чреслах его, имущъ веса 50 гривен злата, и венець злат на главе его. (Киево-Печерский патерик. С. 8.)

⁹ Киево-Печерский патерик. С. 12.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Там же. С. 22.

¹³ Там же. С. 27.

¹⁴ Уничужение Симоном самого себя в слове о Никоне (...грешнаго епископа Симона, и хужшаго во епископехъ, недостойна суца тех святых чръноризец подножия...) или слове об Онисифоре (...аз, грешный, епископъ Симон...) есть литературный прием, характерный для древнерусской словесности.

¹⁵ Киево-Печерский патерик. С. 22.

¹⁶ Там же. С. 23.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

В.С. Парсамов (Саратов)

В.А. ЖУКОВСКИЙ
И ОФИЦИАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА В 1806 г.
(«Песнь барда над гробом славян-победителей»)

В рукописи стихотворение В.А. Жуковского называлось «Бард над гробом падших славян»¹. Первая публикация в «Вестнике Европы» уже имела окончательный заголовок, а также сопровождалась посвящением: «Посвящается неустранимым защитникам Отечества» и эпитафией из «Дифирамба на бессмертные души» Жака Делиля на французском языке.

В 1807 г. стихотворение вышло отдельным изданием без каких бы то ни было изменений. В дальнейшем в собраниях своих сочинений Жуковский публиковал его без посвящения и эпитафии.

Вопреки устоявшемуся мнению, что в «Песне барда» речь идет о «недавно проигранном сражении»², в стихотворении описывается ситуация победы, что видно, во-первых, из самого заглавия, во-вторых, из многократного повторения мотива победы: «враги утихли расточены, так пал с победой рос!» и т. д. Между тем исследовательская ошибка в данном случае показательна. Она обусловлена позднейшим признанием самого Жуковского, что стихотворение вызвано Аустерлицким сражением³, а также общей минорно-медитативной тональностью стихотворения.

Почему же в стихотворении, написанном по поводу поражения русской армии под Аустерлицем, говорится о победе русского оружия? Обратимся к историческому контексту.

До 1805 г. Россия практически не занималась военными приготовлениями, несмотря на то, что с 1804 г. во внешней политике царя все более отчетливо проявлялись военные намерения. Член Негласного комитета П.А. Строганов отмечал: «Что касается военных дел, то они незначительны и ограничиваются повышениями и слушанием докладов военного совета»⁴. Жозеф де Местр летом 1803 г., сокрушаясь, что Россия не проводит активной внешней политики, писал: «У русского императора

только две мысли: мир и бережливость»⁵. Для большинства современников первые годы Александровского царствования прочно ассоциировались с миром. «Россия пользовалась миром и благоденствием под кротким скипетром государя Александра I до 1805 г.», – вспоминал Л.Н. Энгельгардт⁶.

Поэтому полной неожиданностью стал объявленный 1 сентября 1805 г. рекрутский набор, фактически означавший начало войны против Франции. В обращении к Сенату по этому поводу говорилось: «Среди происшествий, покой Европы сильно возмутивших, не могли мы взирать равнодушно на опасности, ей угрожающие. Безопасность империи нашей, достоинство ее, святость союзов и желание, единственную и непремennую цель нашу составляющее, водворить в Европе на прочных основаниях мир, решили нас двинуть ныне часть войск наших за границу и сделать к достижению намерения сего новые усилия»⁷.

Вступление России в войну в 1805 г. не было подготовлено ни материально, ни идеологически. В глазах самого Александра это выглядело как защита принципов свободы и реализация просветительской идеи вечного мира. Ни то ни другое не встречало сколь бы то ни было широкого понимания в русском обществе. Однако не успело еще общество переварить новую ситуацию, как русские войска потерпели сокрушительное поражение под Аустерлицем. Это произошло 20 ноября 1805 г., а 8 декабря «Санкт-Петербургские ведомости» писали нечто невразумительное: «Источенные силы Венского Двора, нещастия, постигшия оный, также недостаток в продовольствии, не взирая на сильное и храброе подкрепление Российских войск, заставили Римского императора на сих днях заключить с Франциею конвенцию, за которою вскоре должен последовать и мир. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО пришед на помощь своего союзника, не имел иной цели, как собственную оною защиту и отвращение опасности, угрожающей Державе Его, видя в настоящих обстоятельствах присутствие войск своих в Австрийских пределах более уже ненужным, Высочайше указать им изволил, оставив оные, возвратиться в Россию. В непродолжительном времени опубликованы будут реляции военных действий, до самого пресечения оных»⁸.

Публикацию реляций пришлось ждать долго. Александр I дал распоряжение М.И. Кутузову «прислать две реляции: одну, в коей по чистой совести и совершенной справедливости были бы изложены действия <...>, а другую — для публикования»⁹. Реляция «для публикования» появилась в газетах 16 февраля 1806 г.

Из нее довольно трудно было понять, кто вышел победителем в сражении. Читателю внушалась мысль если не о победе русских, то во всяком случае о ничейном исходе сражения, с некоторым преимуществом на стороне российских войск. «Почти до самой полночи стояли они в виду неприятеля, который не дерзал уже более возобновлять своих нападений». При этом потери русских назывались в полтора раза меньше, чем французов: «По самым вернейшим изчислениям весь урон наш, как в убитых, так и в плен попавших, не доходит до двенадцати тысяч, напротив того по всем имеющимся сведениям урон неприятеля в убитых и раненных простирается до восемнадцати тысяч»¹⁰.

Итак, официальная точка зрения хоть и отличалась неопределенностью, в целом сводилась к тому, что поражение потерпели австрийцы, а русские, пришедшие исключительно для их защиты, ушли обратно после того, как защищать уже стало некого. Бессовестность подобной фальсификации возмутила Наполеона, ревниво относящегося к одной из самых ярких своих побед. Император французов выпустил по этому поводу специальный бюллетень. В нем говорилось: «Здравомыслящие люди с негодованием слышат, как император Александр и его Правительствующий Сенат утверждают, что поражение потерпели их союзники. Вся Европа хорошо знает, что в России нет семьи, не носящей траур. И это не союзников они оплакивают. Сто девяносто пять орудий, захваченных у русских и находящихся в Страсбурге, это не пушки союзников. 50 знамен, вывешенных в Соборе Парижской Богоматери, это не знамена союзников. Толпы русских, умерших в наших госпиталях или находящихся в тюрьмах наших городов, это не солдаты союзников»¹¹ и т. д.

Русское общество судило об Аустерлицком сражении, конечно, не только по официальной реляции. Благоприятное для Александра мнение об этом событии начало складываться и сложилось еще до ее публикации. Московский современник тех событий С.П. Жихарев писал в дневнике 30 ноября 1805 г.: «Получено известие, что 20 числа мы претерпели жестокое поражение под Аустерлицем. <...> Эта роковая весть вдруг огласила всю Москву, как звук первого удара в большой ивановский колокол. <...> Мы не привлекли не только к большим поражениям, но даже и к неудачным стычкам, и вот от чего потеря сражения для нас должна быть чувствительнее, чем для других государств, которые не так избалованы, как мы, непрерывным рядом побед в продолжении полувека»¹².

Психологический шок усиливался еще и от того, что не было культурного языка для передачи пораженческих настроений. Война и связанные с ней победы для русского сознания прочно ассоциировались с одической традицией, прославляющей героев. Парадоксальным образом Аустерлиц в первое время даже поднял авторитет царя. Александр с момента восшествия на престол не пользовался особой популярностью среди дворянства. Как вспоминал А.С. Стурдза, «в течение первых десяти лет правления Александра в салонах обеих столиц все почти в один голос более или менее громко говорили о крайней посредственности императора, о скромности его умственных способностей, о его обманчивой мягкости, скрывающей полное отсутствие энергии и таланта»¹³.

Даже приезд Александра к армии накануне Аустерлицкого сражения (событие само по себе неординарное, хотя бы уже в силу того, что со времен Петра I **русские монархи появлялись** перед войсками только на парадах) встретил холодный прием. Очевидец этого события граф Ланжерон вспоминал: «Я был удивлен так же, как и другие генералы, холодностью и угрюмым молчанием, с которыми войска встретили Императора»¹⁴.

Но совершенно иначе Александр был принят после своего бесславного возвращения из-за границы. 9 декабря в 4 часа утра царь въехал в столицу и остановился у Казанского собора. Один из очевидцев описал то, что за этим последовало: «Все устремились туда со всех ног. Он был так сжат со всех сторон, что не мог двинуться с места. Все пали на колени и целовали ему ноги и руки. Радость напоминала иступленный восторг. Этот государь, столь заслуженно обожаемый, плакал от умиления и заверял, что это мгновение восполняет ему все огорчения, которые он испытал, и что он всей душой согласен страдать еще больше, чтобы только снова видеть столь приятные его сердцу свидетельства»¹⁵.

Так встречал побежденного императора простой народ, но и дворянство не осталось в стороне. Буквально через несколько дней, по случаю дня рождения Александра (12 декабря), Дума кавалеров ордена Святого Георгия в лице своих депутатов князей А.А. Прозоровского и А.Б. Куракина обратилась к царю с прошением «о возложении на Себя I степени ордена Св. Георгия». Несуразность этого прошения заключалась в том, что, согласно статуту этого ордена, его мог получить только тот, кто «лично предводительствуя войском, одержит над неприятелем,

в значительных силах состоящим, полную победу, последствием которой будет совершенное его уничтожение»¹⁶.

Александр отказался от ордена первой степени, мотивируя это тем, «что он не командовал, а храброе войско свое привел на помощь своего союзника, который всеми оною действиями распоряжал по собственным своим соображениям», но при этом нашел «приличным принять только знак четвертого класса»¹⁷.

Не менее благосклонно к побежденному царю была настроена Москва. 2 декабря 1805 г. С.П. Жихарев занес в дневник: «Известия из армии становятся мало-помалу определительнее, и пасмурные физиономии именитых москвичей проясняются. Старички, которые руководствуют общим мнением, пораздумали, что нельзя же, чтоб мы всегда имели одни только удачи. Недаром есть поговорка: “лепя, лепя и облепишься”, а мы лепим больше сорока лет и, кажется, столько налепили, что Россия почти вдвое больше стала. Конечно, потеря немалая в людях, но народу хватит у нас не на одного Бонапарте, как говорят некоторые бородачи-купцы. И не сегодня, так завтра подавится, окаянный. Впрочем слышно, что потеряли не столько мы, сколько немцы, которые будто бы яшася бегу тогда, как мы грудью их отстаивали»¹⁸.

Настроение москвичей быстро менялось от растерянности до полного восторга: «Удивительное дело! – продолжает свой дневник Жихарев. – Три дня назад мы все ходили как полумертвые и вдруг перешли в такой кураж, что боже упаси! Сами не свои, и чорт нам не брат. В Английском клубе выпито вчера вечером больше ста бутылок шампанского, несмотря на то, что из трех рублей оно сделалось 3 р. 50 к. и вообще все вина стали дороже»¹⁹.

Одним словом, Москва вступала в новый 1806 год в приподнятом боевом настроении. Московские ведомости от 3 января поместили «Стихи на Новый 1806 год» с соответствующими настроениями строками:

Герои лаврами твои везде венчаны,
Господь Сил шествует пред ними во громах:
Где ступят лишь, враги там стерты и попраны,
В твоих же празднуют воинственных стенах.

Росс...имя ужасает
Перс, Галл равно пред ним дрожит,
Весь Свет его победы знает
И славою его шумит²⁰.

Парадоксальная вещь: поражению радуются как победе! Радовались, конечно, не поражению, а возвращению России к активной внешней политике. Четыре с половиной года мирного правления, реформаторской деятельности Негласного комитета большинством дворянства было встречено как проявление государственной слабости и отсутствие политических перспектив. От царя ждали решительных шагов прежде всего в международной политике. При этом идеи либеральной войны тоже были мало понятны. Нужна была патриотически ориентированная внешняя политика, сродни той, которую проводила Екатерина II. Поэтому возросшую популярность царя после Аустерлицкого разгрома следовало воспринимать как аванс со стороны общественного мнения, стремящегося вернуть России былое влияние в международных отношениях²¹.

Александр I чутко уловил эти настроения. Он понял, что в глазах дворянства его погубит не поражение, а мир с Наполеоном. Поэтому, несмотря на все разумные доводы своего министра иностранных дел А. Чарторыйского, предлагавшего начать с Наполеоном переговоры о мире, Александр твердо решил продолжать войну. Но теперь антураж войны становился иным. Александр переходит от либеральной военной фразеологии к патриотической. Идя навстречу общественному мнению, царь манифестом от 16 ноября 1806 г. объявил войну Франции. Основная идея этой войны – защита отечества от возможного вторжения французов. «Россиянам, – говорится в манифесте, – обыкшим любить славу своего отечества и всем ему жертвовать, нет нужды изъяснять, сколь происшествия сии делают настоящую войну необходимою»²².

Примерно в это время Жуковский и написал «Песнь барда». Созданное в пропагандистских целях, стихотворение должно было, воздав должное погибшим героям, еще раз напомнить об их подвиге и вдохновить сограждан на новую войну. Поэтому в стилистике стихотворения переплетаются одическая традиция и элегическая медитация.

Описание самого сражения выдержано в традиционном одическом стиле:

О битвы грозный вид! смотри! перун сверкает!
Се мчатся! грудь на грудь! Дружин сомкнутых сонм!
Средь дымных вихрей бой и гром;
По шлемам звук мечей; коней пронзенных ржанье
И труб созвучный треск. От топота копыт,
От прения бойцов, от кликов и стенанья

Смятенный воеет бор и дол, гремя, дрожит.
О страшный вид погранных боем!

Далее автор переходит к изображению подвигов конкретных героев:

Тот зыблется в крови, с глухим кончаясь боем!
Тот, вихрем мчась, погиб бесстрашных впереди;
Тот, шуйцей рану сжав, десной изнеможенной
Оторванну хоругвь скрывает на груди;
Тот страшно восстенал, на копы восхищенный,
И, сверженный во прах, дымясь, оцепенел...
О мужество славян! О витязей предел!

Архаизированная лексика, общеславянский колорит оды, дополненные авторскими комментариями из современности²³, усиливали патриотическую суггестивность образной системы.

Однако на первом плане стоят не сражение и героизм воинов, а бард, соединяющий в себе войну и мир. Это – традиционная для всех культур фигура певца, вдохновляющего воинов на битвы и рассказывающего о подвигах героев мирным людям. В герое Жуковского пересекаются различные культурные традиции. Само слово *бард* отсылает к Оссиану²⁴. За некоторыми образами стихотворения просматривается «Слово о полку Игореве» с его Баяном²⁵. Встречающийся в тексте образ убитого воина, положенного на щит, отсылает к спартанской традиции с ее Тиртеем, имя которого упоминалось в эпиграфе из Делиля.

В рамках этих традиций Жуковский видит свое место как поэта. Основным содержанием лирической медитации барда являются рассуждения о войне и мире. Эти две категории соотносятся в «Песни...» как смерть и жизнь, как слава и бесславье. Прославляя воинов, павших на войне, бард с презрением отзывается о людях мирной жизни:

Пускай безвестный погибает,
Сей житель праха – червь душой;
Пусть в дольном мраке жизнь годами исчисляет.

Мир ассоциируется не только с безвестным и темным существованием, но и с неволей («*завидна ль часть веригой лет томимых*»), и в конечном итоге со смертью:

Бесславный ждет, томясь, кончины вялых дней,
До времени во мгле могилы погребенный.

Совсем другое дело – смерть на войне. В ее характеристике доминирующей оказывается лексика со значением не только славы, но и наполненности бытия:

Блажен почивший на громах
В виду отчизны благодарной
И в гробе супротивным страх,
И в гробе озарен денницей лучезарной;
Блажен погибший в цвете лет...
О юноша, о ты, бессмертью приобщенный!
Коль быстро совершен твой выпренный полет.

Подлинного мира удостоены лишь те, кто отдал жизнь в бою:

Здесь, братья, вечно мирны вы!
Почийте сладко, незабвенны!

В пространственном отношении война и мир противопоставлены как верх и низ. Все, что относится к мирной жизни, расположено внизу и в темноте, ее образом является «дольный мрак». Битва происходит наверху, и связанные с ней действия выражаются мотивами паренья и полета:

Пари, блистай, превознесенный;
Погибнешь в высоте – весь мир твой мавзолей.

Пространственные характеристики усиливаются световыми. В описании смерти в бою многократно подчеркиваются светлые тона: «И в гробе *озарен денницей лучезарной*» (курсив мой. – В. П.).

Итак, жизнь и смерть меняются местами. Жизнь в привычном значении получает характеристики смерти, а смерть в бою является наивысшим воплощением подлинной жизни. Мирная жизнь в ее нормальном течении строится вокруг могилы воинов как дань памяти об отдавших жизни за свое отечество. Девы рыдают на их могилах, потомки приходят, чтобы набраться мужества и в дальнейшем следовать примеру героических предков.

В этот поэтический мир вплетаются современные мотивы, пропагандирующие политику Александра I в 1806 г. Лейтмотивом этой части «Песни» является отмщение, к которому бард призывает славян. Причем мстить следует не только за погибших братьев, но и за всю Европу, обращенную в рабство Наполеоном – «ярым исполином»:

Прострите взор окрест: лишь дебри запустелы.
Где пышный вид полей? Где радостные селы?
И где тевтонов мощь, низринувшая Рим?
Там мать гладная иссякшими сосцами,
Простертая на прах, в младенца кровь лиет;
Недугом изнурен, кончины старец ждет;
Там чада нищеты – убийство и хищенье;

Там рабства первенец, неистовый разврат.
О ясный мир семей! О нравов осквернение!
О доблесть прежних лет! Лишь цепи там звучат;
Лишь хищников бичи подъяты над рабами;
Сокрылись Германа последние сыны;
Сокрылись сил вожди, парившие орлами;
В пустынях, очеса к земле преклонены,
Над прахом падшего отечества рыдают.

Упоминание несчастий Пруссии позволяет более точно датировать это стихотворение. Судя по этому отрывку, оно не могло быть написано раньше середины октября 1806 г., когда прусская армия была полностью уничтожена французами: «сокрылись Германа последние сыны». В 1806 г. патриотизм Жуковского имел либеральную окраску. Так, указ о созыве милиции Жуковский увязывал с необходимостью «дарования многих прав крестьянству, которые приблизили бы его к свободному состоянию»²⁶. Освобождение немцев от ига Наполеона и русских крестьян от произвола помещиков для Жуковского – явления одного порядка. В этом плане он как бы пропагандирует намерение Александра I строить внешнюю и внутреннюю политику на одних и тех же принципах.

Поэтому не случайно «Песни барда» он придавал большое значение именно пропагандистского толка. За ее публикацией на страницах «Вестника Европы» должно было последовать ее сценическое воплощение. Этими планами поэт поделился в письме к А.И. Тургеневу от 24 декабря 1806 г.: «Кашин почти положил эту пиесу на музыку. Она должна быть представлена мелодрамою на театре, и думаю, что произведет великое действие, и, конечно, больше, нежели при чтении»²⁷. Эта пьеса должна была снять противоречие, обозначившееся в 1806 г. между патристическим одушевлением русского общества и прусскими симпатиями Александра I.

Общественное мнение, хоть и готово было к новой войне, тем не менее неодобительно относилось к намерениям Александра вести войну в интересах Пруссии. Начиная с мемельского свидания 1802 г., между Александром и прусской королевской четой – Фридрихом-Вильгельмом III и Луизой – установились теплые личные отношения. В октябре 1805 г. по дороге к армии, находящейся за границей, Александр вместе с Фридрихом-Вильгельмом в Потсдаме над гробом Фридриха Великого поклялись «в вечной дружбе, залогом которой будет освобождение Германии»²⁸.

Союз с Пруссией был бесполезен в 1805 г., когда Александру так и не удалось присоединить ее к антифранцузской коалиции, и вреден для России в 1806 г., когда Пруссия, получив из рук Наполеона принадлежащий Англии Ганновер, фактически оказалась на стороне Франции против России. Министр иностранных дел А. Чарторыйский напрасно пытался использовать весь свой дипломатический опыт и личные отношения с царем, чтобы отвлечь его от Пруссии и заставить заключить союз с Наполеоном. Александр упорно стоял на своем, и Чарторыйскому это в итоге стоило его поста. Новым министром иностранных дел в июне 1806 г. был назначен А.Я. Будберг, а уже в июле Александру удалось обменяться с Фридрихом-Вильгельмом секретными декларациями, направленными против Франции. По замечанию Н.К. Шильдера, «обмен этих деклараций создал для Пруссии положение, которому нет примера в истории дипломатических сношений государств. В одно и то же время Пруссия состояла в союзе с Францией против России и с Россией против Франции. Спрашивается, которую из этих двух держав Пруссия готовилась обмануть»²⁹.

Несмотря на то что дипломатический просчет Александра сказался очень скоро (14 октября 1806 г. прусская армия была уничтожена французской сразу в двух генеральных сражениях: при Иене и при Ауэрштедте), царь остался верен союзническому долгу и начал войну против Франции практически в одиночку. Такая рыцарская приверженность слову, данному пусть даже неверному союзнику, вызывала иронию в дипломатических кругах Европы и серьезную обеспокоенность в ближайшем окружении царя. Мать Александра Мария Федоровна в письме к сыну 14 марта 1807 г. напоминала ему о судьбах его деда и отца: «Я не перестану повторять, что привязанность вашего деда к Берлинскому двору стала причиной его гибели, привязанность вашего отца к тому же двору стала для него столь же роковой, и ваша привязанность к нему, дорогой Александр, была достаточной до настоящего момента...». Великий князь Николай Михайлович, опубликовавший этот отрывок, затруднился с объяснением такого упорного пристрастия царя к Пруссии и в итоге вынужден был признать это «результатом какого-то рыцарского чувства его к королеве Луизе»³⁰.

Думается, что историк прав лишь отчасти. Рыцарственное отношение к прусской королеве было лишь одним из элементов новых принципов внешней политики, которые Александр I пытался утверждать с самых первых своих шагов на международной

арене. Для него война с Наполеоном – это война из-за принципов, поэтому она должна быть справедлива и бескорыстна. К тому же это война в защиту слабых от сильных, ставящая своей целью новые основания общеевропейского мира. Союз с Пруссией питался не только личными симпатиями Александра к королеве Луизе и ее государству, но и либерально-освободительными идеями и стремлением представить свою внешнюю политику как бескорыстную помощь побежденным народам. Именно этот аспект был особенно важен для Жуковского, выступившего с поддержкой внешнеполитического курса Александра I. **Идея** русско-прусского союза против наполеоновской Франции, не отвечая насущным внешнеполитическим задачам России, была несомненно привлекательна в поэтическом отношении, что и явилось для Жуковского определяющим фактором при написании «Песни Барда». Поэтическая задача создания новой военной лирики естественным образом соединилась с задачей политической пропаганды.

Примечания

- ¹ Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 471 (далее ссылки на это издание в тексте).
- ² Кашкина Л.И. Традиции русского ораторского искусства в гражданско-патриотической лирике В.А. Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века. М., 1988. С. 140.
- ³ Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 419.
- ⁴ Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. II. С. 331.
- ⁵ *Maistre J. de Mémoires politiques et correspondance diplomatique.* Paris, 1958. Т. I. P. 97.
- ⁶ Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997. С. 168.
- ⁷ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. II. С. 125.
- ⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1805, 8 декабря, пятница. № 61.
- ⁹ Богданович М.И. История царствования императора Александра I. СПб., 1869. Т. 2. С. 105.
- ¹⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1806, 16 февраля, пятница. Эти данные очень далеки от приводимых позднейшими историками, которые, впрочем, также разнятся. А.И. Михайловский-Данилевский приводит потери союзников – 27 тыс., французов 12 тыс. Анализ этих и других данных см.: Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 113–114.
- ¹¹ *Pascal Adrien.* Les bulletins de la Grande Armée. Paris, 1841. Т. 3. P. 427.
- ¹² Жихарев С.П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 134.

- ¹³ *Stourdza A de. Oeuvres posthumes religieuses, historiques, philosophique et littéraires.* Paris, 1859. Т. III. P. 96.
- ¹⁴ *Шильдер Н.К.* Указ соч. Т. II. С. 283.
- ¹⁵ Там же. С. 285.
- ¹⁶ *Дуров В.А.* Ордена России. М., 1993. С. 37.
- ¹⁷ *Полн. собр. законов.* СПб., 1830. Т. XXVIII. С. 1300–1301; *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. II. С. 145.
- ¹⁸ *Жихарев С.П.* Указ. соч. С. 135.
- ¹⁹ Там же. С. 135. Правда, эти восторги не всегда переносились на царя. Как вспоминал Ф.Ф. Вигель, в Москве «позволяли себе осуждать царя, даже смеяться над ним и вместе с тем обременять ругательствами победителя его, с презрением называя его Наполеошкой» (*Вигель Ф.Ф.* Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 404).
- ²⁰ Московские ведомости. 1806, 3 января, среда.
- ²¹ На разговоры об Аустерлицком поражении было наложено своего рода табу. Поражения, разумеется, никто не скрывал, но и говорить о нем в обществе было не принято. Такое положение по инерции продолжалось довольно долго, по позднему свидетельству Ф.В. Булгарина, «сорок лет, почти полвека, Аустерлицкое сражение было в России закрыто какой-то мрачной завесой! Все знали правду, и никто ничего не говорил, пока ныне благополучно царствующий государь-император (Николай I. – В. П.) не разрешил генералу А.И. Михайловскому-Данилевскому высказать истину» (*Булгарин Ф.* Воспоминания. М., 2001. С. 191).
- ²² *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. II. С. 155.
- ²³ К строкам:
Тот, шуйцей рану сжав, десной изнеможенной
Оторванну хоругвь скрывает на груди,
дано примечание: «Известный поступок солдата Емельянова».
К строке:
О юноша, о ты, бессмертью приобщенный! –
дано примечание: «здесь автор думал об одном молодом человеке, Новосильцеве, который в прошедшую войну был изранен в сражении и умер от ран, разлученный со своим отечеством, разлученный с родными, которые и теперь оплакивают его потерю. Автор желал бы наименовать всех наших героев, столь недавно принесших в дар отечеству и кровь свою и жизнь, но их имена известны, и благодарность сохранит об них воспоминание» (*Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. С. 418–419).
- ²⁴ См. об этом: *Левин Ю.Д.* Оссиан в русской литературе. М., 1980. С. 88–90.
- ²⁵ *Прокофьев Н.И.* Образы прошлого в поэтическом мире Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века. М., 1988. С. 41–42.
- ²⁶ *Жуковский В.А.* Письма к А.И. Тургеневу. СПб., 1895. С. 26. Подробнее о либерализме Жуковского см.: *Жуковский Г.А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 29–36.

В.С. Парсамов

²⁷ Жуковский В.А. Собр. соч. Т. IV. С. 558.

²⁸ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. II. С. 132.

²⁹ Там же. С. 150.

³⁰ Николай Михайлович, вел. князь. Император Александр I: Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. I. С. 48.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ
О КИШИНЕВСКОМ ПОГРОМЕ

6–7 апреля 1903 г. в дни православной Пасхи произошёл погром в городе Кишиневе (Бессарабская губерния). По масштабам и жестокости у кишиневского погрома не было precedентов: погиб 51 человек (из них 49 евреев) и ранено около 500. Если учесть, что еврейское население города в 1897 г. составляло около 50 тыс. человек¹, можно себе ясно представить серьёзность последствий погрома. Почти треть зданий (домов, магазинов, лавок и др.) в городе Кишиневе была повреждена или разрушена². Один из самых крупных идишских писателей Шолом-Алейхем (Соломон Наумович Рабинович, 1859–1916) описывает погром в письме, адресованном Л. Толстому: «Читая газеты, Вы не могли не содрогаться при мысли, что в наш век возможны такие безобразия, как избиение евреев в Кишиневе в продолжении 2-х дней на глазах полиции и местной интеллигенции, гнусные насилия над девицами на глазах родителей, избиение младенцев и т. п. ужасы времен варварства»³.

Шолом-Алейхем говорит о погроме в романе «В бурю» (1907): «Это исконно русское слово “погром”, не переводимое ни на какой язык, вызывает у евреев чувство, которое ни одна нация, ни один народ на свете, кроме евреев, постичь не в состоянии»⁴. Естественно, русские литераторы, современники Шолом-Алейхема, поднимали голоса протеста против позорного и постыдного деяния, совершенного христианами в христианской стране.

В данной статье мы рассмотрим реакцию крупнейших русских литераторов – Льва Николаевича Толстого (1828–1910), Максима Горького (1868–1936), Владимира Галактионовича Короленко (1853–1921) на кишиневскую трагедию 1903 г. С этой целью мы проанализируем их публицистические работы, посвященные этим событиям, которые входят в «Сборник лучших русских произведений», вышедший сразу после происшедшей трагедии (Берлин, издательство Гуго Штейница, 1904):

1. *Толстой Л.Н.* Письма по поводу Кишинева (телеграмма в американскую газету «**North American Newspaper**», коллективное обращение к кишиневскому голове, письмо Шолом-Алейхему, письмо Э.Г. Линецкому). С. 11–17.

2. *Горький М.* Протест против общества. С. 5–9.

3. *Короленко Вл.* Дом № 13. С. 19–55.

Чтобы глубже понять тексты, вышедшие из-под пера авторитетных литераторов того времени, мы будем их рассматривать наряду с работами историков, отразившими фактическую сторону событий. Мы будем опираться на всестороннее исследование кишиневского погрома американского историка Э. Джаджа «Пасха в Кишиневе. Анатомия погрома» (перевод с англ. К.Л. Жигни; Кишинев, 1998) и статью К.Л. Жигни «Введение к сборнику документов и материалов “Кишиневский погром 1903 года”» (под ред. Я.М. Копанского и др.; Кишинев, 2000) и др.

Послания Толстого

Через три недели после первых новостей из Кишинева Шолом-Алейхем послал упомянутое выше письмо Толстому с просьбой участвовать в сборнике на идиш в пользу пострадавших от погрома. В ответ на просьбу еврейского писателя Толстой пообещал «постараться написать что-либо соответствующее обстоятельствам»⁵. К этому письму Толстой прилагает копию другого письма от 27 апреля 1903 г. на имя зубного врача Э.Г. Линецкого из Елизаветграда. Великий писатель, сообщая, что он уже получил несколько писем, требующих от него мнения о кишиневской трагедии (по сведениям Т.Н. Архангельской, таких писем было около 20⁶), отказывается от открытого публичностического выступления по этому поводу, ограничившись «религиозным вопросом и его приложением к жизни».

Толстой объясняет: «Я могу воспользоваться каким-либо современным событием для иллюстрации проводимой мной мысли»⁷, – но их оценка событий не в его компетенции.

Во второй половине письма Толстой все-таки излагает свое отношение к кишиневскому преступлению. Писатель говорит об испытанном им «тяжелом смешанном чувстве», выделяя в нем четыре составляющих: 1) жалость к жертвам-евреям; 2) недоумение перед озверением христиан; 3) отвращение к образованным людям, подстрекавшим толпу погромщиков; 4) ужас перед правительством, духовенством и чиновничеством. Называя правительство настоящим виновником происшедшего,

Лев Николаевич устанавливает причину погрома: «Кишиневское злодейство есть только прямое последствие проповеди лжи и насилия, которая... ведется русским правительством». Толстой жестко оценивает отношение правительства к кишиневскому погрому как «новое доказательство его (правительства. – Ю. Н.) грубого эгоизма», обличая равнодушие властей по отношению к жестокостям, не касающимся его собственных интересов⁸. Таким образом, Толстой осуждает правительство за его политику насилия и преступную халатность, усилившую трагичность событий.

Работы современных историков дают нам возможность понять слова Толстого в историческом контексте и почувствовать их актуальность: бездействие властей, не предотвративших и не прекращавших погром, служило оправданием слухов о том, что в пасхальные дни будто бы официально разрешается проучить евреев, и это поощряло вандализм толпы. Однако в обвинительных актах само обвинение было предъявлено только погромщикам. И на судебных заседаниях, начавшихся через полгода после погрома и проходивших за закрытыми дверями, допрос свидетелей ограничились, чтобы не называть лиц, которым не было предъявлено обвинений. Кроме того, запретили публиковать отчеты о судах в печати. В таком закрытом судебном процессе ни одно официальное лицо центральной и местной администрации не было подвергнуто уголовному наказанию. Зато письмо Толстого перепечатали в зарубежной прессе, которая была готова сообщить сведения о виновности российского правительства в кишиневских беспорядках (например, такое письмо было опубликовано в газете «The Journal» – Atlanta, 23 мая 1903 г.).

Коллективное обращение к кишиневскому городскому голове, отредактированное Толстым, было опубликовано в российской и иностранной печати. Как и в письме Линецкому, в нем осуждались «подготовители и подстрекатели толпы», совершившей погром, и «попустители»⁹ преступления. Под обращением поставили подписи выдающиеся ученые Москвы и другие передовые люди (всего 318 подписей)¹⁰.

В телеграмме от 10 мая в адрес американской газеты «North American Newspaper» Толстой повторяет свое обвинение: «Виновато правительство, во-первых, изъятием евреев, как отдельной касты, из общих прав; во-вторых, насильственным внушением русскому народу идолопоклонства вместо христианства»¹¹. Так

же и в письме от 6 мая на имя Шолом-Алейхема: «...виновник ... одно правительство, к сожалению этого-то я не могу сказать в русском печатном издании»¹².

Толстой имеет в виду дискриминационные законы, существовавшие в Российской империи для евреев: им запрещалось проживать в деревнях и приобретать землю, ограничивалось количество студентов-евреев в высших учебных заведениях, вводились запреты на профессию и т. д.

Законодатели объясняли это тем, что хотели бы избежать конфликтов между христианами и евреями. Между тем в действительности все было иначе. Историки интерпретируют это так: юридическая дискриминация усиливала мнение среди христиан, что евреи – «опасные чужие». Это помогало подготовить почву для погрома.

Воззвание Горького

В вышеупомянутых письмах Толстой поднял голос против правительства, в то время как Горький возложил ответственность за погром на культурное общество. В статье «Протест против общества», которая была написана по просьбе сионистского деятеля Я. Бернштейна-Когана, автор статьи аргументирует свое обвинение тем, что культурное общество не только «любовалось избиением», но и «на протяжении долгих лет спокойно позволяло себя растлевать таким человеконенавистникам, ... как Алексей Суворин, Виктор Буренин, ... Сергей Шарапов, Виссарион Комаров, Крушеван, Пятковский и иные иже с ними»¹³.

Перечисленные деятели были широко известны как издатели и сотрудники газет и журналов антисемитского характера. Называя их подстрекателями к убийству и грабежу и истинными виновниками погрома, Горький осуждает этих журналистов за разжигание национальной розни, разоблачая их преступные поступки: «...с именем Бога на устах, развращающие русское общество проповедью ненависти к евреям, армянам, финнам»¹⁴. Далее писатель клеймит подсудимых погромщиков: «...гнилые сердца, полные лакейского честолюбия и рабской покорности пред силой»¹⁵.

Обличительная речь Горького позволяет осознать истоки кишиневских событий, которые не обсуждались в зале суда, исключившего подстрекателей и официальных лиц из списка подсудимых.

Правительство, стремясь противостоять революционному движению, в котором активно участвовала еврейская молодежь,

с одобрением относилось к антисемитской печати, прикрывавшейся лозунгом «патриотизма». Антисемиты, в свою очередь, трудились над «патриотическим делом» с амбициозными карьерными целями.

В рассказе Шолом-Алейхема «Два антисемита» (1905) нарисован образ Паволакия Крушевана (1860–1909), издателя единственной в Кишиневе ежедневной газеты «Бессарабец»: «...некий Крушеван, которому покоя нет, который не спит и изобретает средства, как уберечь, спасти и защитить мир от страшной болезни, именуемой “еврейством”»¹⁶. В газете «Бессарабец», выходившей с конца 1890-х годов, регулярно появлялись антисемитские статьи «о еврейском всемирном заговоре, о намерении евреев подчинить себе российское государство, об эксплуатации ими христиан Бессарабии, о нападениях евреев на представителей государственной власти»¹⁷.

Накануне кишиневских событий газеты подняли шум о «ритуальном убийстве». Поводом для этого обвинения послужил инцидент, происшедший за две недели до еврейской Пасхи: 13 февраля 1903 г. в городе Дубоссары (Херсонская губерния), находившемся примерно в 40 километрах севернее Кишинева, был обнаружен труп пропавшего 14-летнего мальчика Михаила Рыбаченко. На теле подростка было множество ножевых ран. Вскоре распустили слухи о том, что евреи убили Рыбаченко, чтобы использовать его кровь в ритуальных целях. Еще до этого события Крушеван публиковал разного рода антисемитские слухи в русле «патриотической пропаганды». В данном случае он раздувал через свою газету и так называемый кровавый навет.

Кровавый навет – самый укорененный и распространенный из различных антисемитских наветов. Он не раз повторялся в истории России. Например, через 8 лет после кишиневских событий обвинение в убийстве православного мальчика с целью применения христианской крови в иудейских «тайных» обрядах потрясает Россию в качестве «дела Бейлиса».

Начиная с 4 марта в газете «Бессарабец» были помещены статьи о дубоссарском деле, наполненные обвинениями евреев в ритуальном убийстве, а затем аналогичные тексты появились и в Санкт-Петербургской газете «Новое время», которую издавал Алексей Суворин (1834–1912).

Между тем через две недели после этого, 19 марта, по требованию местных властей «Бессарабцу» пришлось напечатать официальное опровержение, содержащее заявление о неосно-

вательности опубликованных ранее статей и отрицавшее существование у евреев ритуального убийства. И хотя в умышленном убийстве с целью получения наследства подозревали двоюродного брата и дядю жертвы, было уже поздно: провокационные слухи воздействовали на простых людей и подготавливали их к зверским поступкам.

В книге, посвященной исследованию кишиневского погрома, американский историк Эдвард Джадж ключевой причиной погрома называет активную провокационную кампанию, развернутую в Кишиневе антисемитами, «публиковавшими статьи, распространявшими слухи и печатавшими прокламации о “преступлениях” евреев и о патриотическом долге русских и молдаван сопротивляться им»¹⁸.

Несмотря на явное подстрекательство к расовой вражде, Крушевана не подвергли наказанию, наоборот, в конце жизни он стал депутатом Государственной Думы от «Союза Русского Народа»¹⁹.

В результате было арестовано около 800 погромщиков, большинство – представители низших классов. По этому поводу Горький отмечал, анализируя социальную структуру тогдашнего российского общества, что избивавшая евреев «толпа – это рука», которой «командовали люди культурного общества», лишённые «чувства собственного достоинства и сознания своих прав». При этом Горький, разумеется, признавал долг интеллигенции перед народом. По словам писателя, народ «раздражен тяжестью своей жизни, слеп и окован искусственно создаваемой вокруг него тьмой»²⁰. Так выглядела позиция Горького, высказанная тогда же, когда Толстой подверг беспощадной критике «одуряющее и фанатизирующее людей духовенство» и правительство²¹.

Очерк В. Короленко «Дом № 13»

В очерке Короленко «Дом № 13» автор характеризует возбужденное состояние кишиневской толпы погромщиков такими словами: «Из тонкого налета христианской культуры прорываются вспышки животного зверства»²². Короленко писал очерк, посетив места событий и побеседовав с пережившими погром местными евреями через 2 месяца после резни, когда в городе еще оставались следы катастрофы и не утихла напряженность. Признавая ограниченность масштаба своего сочинения, созданного на примере случившегося в доме № 13, Короленко ставит перед собой задачу «поделиться с читателем хоть бедным

отражением этого ужаса, которым пахнуло на меня». При этом очеркист возлагает надежды на суд, который мог бы восстановить полную картину кровопролития, но одновременно он выражает суду и недоверие: «...есть основание опасаться, что и суд этого не сделает»²³. В конце очерка автор отмечает недостаточность информации и подтверждает свою задачу «выделить один эпизод из... спутанного и обезличенного хаоса, который называется погром»²⁴.

Короленко называет очерк «репортерной заметкой»²⁵. Репортаж состоит из 12 глав, половина из них (III–IX) посвящена описанию погрома. Жестокость погрома описывается конкретно, но сдержанно. В доме № 13 живут 8 еврейских семей (около 45 человек). В главе V автор представляет жильцов, информируя об их именах и фамилиях, профессиях и суммах дохода глав семей и их составе. Репортер с большими подробностями воспроизводит происшедшие, распределяя случаи по главам: в главе VI – история Вайсмана, которому соседский мальчик выбил глаз; в главе VII – убийство стекольщика Гриншпуна, скрывшегося в сарае; в главе VIII – убийство трех жильцов – хозяина дома Маклина, приказчика Берлацкого и его дочери, пытавшихся убежать на чердак; в главе IX – убийство бухгалтера Нисензона, спрятавшегося в погребе. Короленко говорит, что во время пребывания в Кишиневе перед ним непрерывно вставал вопрос: «...во многих ли оно (человеческое чувство. – Н. Ю.) живо?»²⁶

Как будто бы в поисках ответа на этот тяжелый вопрос, в очерке автор освещает психику человека, в частности анализирует криминальную психику толпы в чрезвычайной ситуации: «Среди этого безумного ада из грохота, звона, дикого гоготания смеха и воплей ужаса, – в громадах просыпалась уже жажда крови. Они бесчинствовали слишком долго, чтобы оставаться людьми»²⁷.

Детальное и жесткое описание погромчиков может создать впечатление, что автор возлагает вину за погром только на них. Но Короленко перечисляет пять категорий виновников, требуя от них искупления вины: 1) убийцы; 2) подстрекатели; 3) попустители; 4) ложные обвинители против евреев; 5) безответственные люди²⁸.

Как мы показали выше, Толстой и Горький прямо обвиняли правительство и антисемитскую прессу в побуждении людей к избиению евреев и в бездействии во время погрома. Короленко не касается роли высокопоставленных подстрекателей пог-

ромщиков, но, тем не менее, писатель показывает бездействие официальных лиц – полиции и священника.

В сдержанном и ироническом описании ситуации читаем: после того как городской дал евреям совет спрятаться, он «просидел здесь все время, в качестве незаменимой “натуры” для какого-нибудь скульптора»²⁹.

Очеркист ярко описывает абсурдную реальность, демонстрируя, как неосознанно безразличное (или сознательно безответственное?) поведение городского стало побудительной причиной вандализма.

После возвращения из центра, где раньше начался погром, городской в пригороде просто говорил жителям о том, «как погром идет с усиливавшейся жестокостью в присутствии войск и полиции»; «из этого сообщения молдаване... сделали свои выводы,... что им... нужно делать то же, что делают в других местах города Кишинева»³⁰.

Авторское воображение углубляется и в психологию доброго, но безответственного священника: «...это был добрый человек, который не думал, что есть на “святой Руси”... такой народ, который заслужил, чтобы его людей убивали за какие-то огульные грехи»³¹.

И историки, и Короленко объясняют причину бездействия полиции и военных патрулей тем, что все они ждали точного указания, «приказа сверху». С приходом известия о получении приказа погром сразу утих без применения оружия против его участников.

После описания погрома Короленко останавливается на анализе антисемитизма, который создавал почву для погрома в христианском обществе. В этой связи Короленко выделяет четвертую категорию виновников погрома: ложных обвинителей – носителей идеологии антисемитизма.

Антисемитизм включает разные предубеждения, начиная с версии о евреях как о прямых потомках убийц Христа и т. п. В данном же случае автор прежде всего обращает внимание на образ евреев как хитрых торговцев, эксплуататоров. В судебном заседании городской глава свидетельствует о монополизации евреями торговли в Кишиневе, но при этом он справедливо отмечает, что это является следствием ограничений местожительства и профессии. Короленко пытается отвергнуть образ «еврея-эксплуататора», приводя в качестве примера историю некоего садовладельца, о котором рассказывал местный извозчик. Садовладельцу нужно было занять денег, но после погрома

ростовщики-евреи закрыли кредит. Поэтому ему пришлось обращаться к ростовщикам-христианам. Чем закончилась эта история? Слова извозчика: «Когда жид спушал одну шкуру, то свой теперь ростовщик три шкуры спустит»³². По мере усиления социально-экономической напряженности, в частности, усиления конкуренции между христианами и евреями на фоне развития новых для России капиталистических отношений, антисемитизм обострился. Происходящему Короленко дает такое объяснение: «...среди людей, заведомо сочувствовавших погрому и разжигавших в толпе темные предрассудки, племенную ненависть и дикие инстинкты грабежа и убийства, местные люди могут указать весьма известных ростовщиков, которые теперь дождались часа»³³.

Обратим внимание на пафос заключительных частей рассмотренных публицистических работ трех выдающихся русских писателей. Кроме того, попытаемся показать, какое место занимают публицистические произведения о кишиневском погроме в биографиях этих литераторов вообще и в контексте их отношений к еврейскому вопросу в частности.

Заканчивая свою статью «Протест против общества», Горький взывает к русскому обществу о помощи евреям, призывает «снять... хоть часть позора и стыда за Кишиневское дело». «На помощь евреям!» – пишет он³⁴. Биографические материалы свидетельствуют, что для Горького статья о кишиневском погроме была лишь одним из многочисленных эпизодов в продолжительной борьбе с антисемитизмом и антисемитской печатью в России. Для Горького эта публицистическая борьба началась еще в 1899 г. В «Открытом письме к А.С. Суворину» писатель резко критиковал политику газеты «Новое время» по отношению к делу Дрейфуса, делу еврея, ложно обвиненного в шпионаже³⁵. Поэтому и статья о кишиневском погроме должна рассматриваться в этой исторической перспективе.

Толстой заканчивает письмо Линецкому обращением к евреям: «...следовать всемирному правилу – поступать с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой, и бороться с правительством... доброю жизнью, исключаящей... всякое насилие»³⁶.

Высказывание Толстого о кишиневском побоище определяется тем вариантом христианского учения, которому он давно следовал. Это не противоречит тому, что в том же письме Толстой четко говорит: его «отношение... к евреям не может быть иным, как отношение к братьям»³⁷.

Ряд корреспондентов Толстого интересовались отношением писателя к евреям и еврейскому вопросу, как из-за своего еврейского происхождения, так и потому, что они сами писали о Толстом и о евреях. Эти корреспонденты ждали авторитетного слова знаменитого писателя о происходящем.

Например, ученик Толстого И. Тенеромо выпустил ряд статей и книг о великом писателе: «Л.Н. Толстой о евреях» (СПб., 1908); «Живые речи Л.Н. Толстого» (Одесса, 1908); «Л.Н. Толстой о юдофобстве» («Одесские новости», 1907).

В статье «Юдофобство» Тенеромо приводит высказывание великого писателя о юдофобстве: сравнивая юдофобство с половым извращением, Толстой предупреждает, что эта болезнь приводит к гибели страны³⁸.

Однако в Краткой еврейской энциклопедии говорится, что Толстой отрицал эти публикации Тенеромо, говоря, что автор «не только искажил, а выдумал» его слова³⁹. В брошюре «Лев Николаевич Толстой и евреи» Э. Стамо (автор выраженной антисемитской ориентации) утверждает лживость статьи «Юдофобство», цитируя слова Толстого из письма: «Вероятно, я говорил... Тенеромо... о том, что нехорошо не любить евреев, все же что он написал, – он написал от себя»⁴⁰.

Несмотря на то что и после смерти Толстого спорили о его отношении к евреям, очевидно, что в момент кишиневских событий Толстой выразил свою позицию добрым делом. Это подтверждается фактом участия Толстого в идишском литературном сборнике в пользу пострадавших от погрома. По просьбе Шолом-Алейхема он написал три сказки: «Ассирийский царь Асархадон»; «Труд, смерть и болезнь»; «Три вопроса». В оглавлении сборника отмечается, что сказки «были написаны специально для сборника «Гилф» («помощь», идиш. – *Н. Ю.*) и «были переведены с оригинала Шолом-Алейхемом» (Варшава, издательство «Фолксбилдунг»). Вместе с художественными произведениями опубликовано на русском языке предисловие к сказкам, написанное Толстым (С. 19–33). Эти три сказки проникнуты верой, теми идеями Толстого, которые он пронес через всю жизнь и которые перекликаются с письмом Линецкому. Основными моментами здесь являются: любовь к близким, филантропия и непротивление злу насилием.

В сборнике «Гилф» принял участие и Короленко с рассказом «Ночь» (С. 140–159). Рассказ этот впервые был напечатан в журнале «Северный вестник» (№ 12) в 1888 г.⁴¹, т. е. за 15 лет до кишиневских событий. А сам инициатор издания сборника,

Шолом-Алейхем, напечатал рассказ «Сто один», в котором изображается суматоха в еврейских местечках из-за нового закона, обнародованного после кишиневского погрома и вычеркивающего сто один город из списка городов, запрещенных евреям к поселению.

Интересно, что на просьбу Шолом-Алейхема об участии в сборнике откликнулся и А.П. Чехов, написав вежливое письмо⁴². Ссылаясь на это, некоторые исследователи пишут, что Чехов тоже оказал кишиневским евреям помощь пером. Но в оглавлении сборника имени Чехова нет⁴³.

Обратимся теперь к выводам В. Короленко. Очерк «Дом № 13» он заканчивает утопическим предположением: если бы он был миллионером, он «бы переселил ... огромное большинство евреев из места погрома». Автор высказывает такую гипотезу: если бы еврейский капитал был удален из мест погрома и там остался бы только чистый «отечественный и даже патриотический капитал», когда «Крушевану не на кого было бы возводить мрачные небывлицы о ритуальных убийствах», то «было бы ясно, ... можно ли решать эти вопросы погромами»⁴⁴.

Подобно Горькому, Короленко и в дальнейшем откликнулся на антисемитские сюжеты. Когда киевский еврей М. Бейлис стал очередным «козлом отпущения», которого обвинили в ритуальном убийстве в 1911 г., Короленко «опубликовал в киевских и столичных газетах 15 статей и корреспонденций»⁴⁵ для оправдания невиновного.

По мотивам этого дела инициатор сборника «Помощь» Шолом-Алейхем написал роман «Кровавая шутка»⁴⁶. Шолом-Алейхем так рассказывает о книге в письме Короленко: «...книга, убедительно опровергающая этот нелепый остаток средневековья, который так пришелся по вкусу нашим доморощенным «патриотам»»⁴⁷.

Примечания

¹ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1988. Т. 4. С. 327.

² *Джадж Э.* Пасха в Кишиневе: Анатомия погрома / Пер. с англ. К.Л. Жигни. Кишинев, 1998. С. 85–86; Кишиневский погром 1903 года: Сборник документов и материалов / Под ред. Я.М. Копанского и др. Кишинев: Ruxanda, 2000. С. 15.

³ *Шолом-Алейхем.* Письма // Шолом-Алейхем. Собр. соч.: В 6 т. М., 1990. Т. 6. С. 329.

⁴ *Шолом-Алейхем.* В бурю / Пер. Гиты и Мириам Бахрах. Тель-Авив, 1988. С. 157.

- ⁵ Толстой Л.Н. Письма по поводу Кишинева. Берлин: Издание Гуго Штейница, 1904. С. 13.
- ⁶ Архангельская Т.Н. Толстой и Шолом-Алейхем: По материалам Яснополянской библиотеки // Яснополянский сборник. Тула, 1960. С. 155.
- ⁷ Толстой Л.Н. Письма по поводу Кишинева. С. 14.
- ⁸ Там же. С. 15–16.
- ⁹ Там же. С. 12.
- ¹⁰ Кишиневский погром 1903 года. С. 49, 69; *Копанский Я.М.* Кровавые события 1903 года и мировая демократическая общественность // Кишиневский погром 1903 года. Сборник статей / Под ред. И.Э. Левита и др. Кишинев, 1993. С. 62–63.
- ¹¹ Толстой Л.Н. Письма по поводу Кишинева. С. 11.
- ¹² Там же. С. 13.
- ¹³ Горький М. Протест против общества. Берлин, 1904. С. 7.
- ¹⁴ Там же. С. 7.
- ¹⁵ Там же. С. 8.
- ¹⁶ Шолом-Алейхем. Два антисемита / Пер. М. Шамбадала // Шолом-Алейхем. Собр. соч. Т. 1.
- ¹⁷ Жигня К.Л. Введение // Кишиневский погром 1903 года. С. 11.
- ¹⁸ Джадж Э. Пасха в Кишиневе. С. 153.
- ¹⁹ Горький М. Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос. Иерусалим, 1986. С. 100.
- ²⁰ Горький М. Протест против общества. С. 6.
- ²¹ Толстой Л.Н. Письма по поводу Кишинева. С. 14.
- ²² Короленко Вл. Дом № 13. Берлин: Гуго Штейница, 1904. С. 49.
- ²³ Там же. С. 22.
- ²⁴ Там же. С. 49–50.
- ²⁵ Там же. С. 49.
- ²⁶ Там же. С. 50.
- ²⁷ Там же. С. 39.
- ²⁸ Там же. С. 49.
- ²⁹ Там же. С. 37.
- ³⁰ Там же. С. 33–34.
- ³¹ Там же. С. 45.
- ³² Там же. С. 53.
- ³³ Там же. С. 53–54.
- ³⁴ Горький М. Протест против общества. С. 8–9.
- ³⁵ Горький М. Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос. С. 61–64.
- ³⁶ Толстой Л.Н. Письма по поводу Кишинева. С. 17.
- ³⁷ Там же. С. 15.
- ³⁸ *Тенеромо И. Л.Н.* Толстой о евреях. СПб., 1908. С. 55–60.
- ³⁹ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1982. Т. 8. С. 991.
- ⁴⁰ *Стамо Э.Р.* Лев Николаевич Толстой и евреи. Киев, 1910. С. 6.
- ⁴¹ См. примечания в изд.: *Короленко Вл.* Ночью // Короленко Вл. Собр. соч. Т. 2: Повести и рассказы. М., 1954.

- ⁴² *Беленький М.С.* Шолом-Алейхем и русская литература // Биография смеха. М., 1991. С. 169–170; *Серебряный И.А.* Шолом-Алейхем и народ // Шолом-Алейхем и народное творчество / Пер. с еврейского Р. Миллер-Будницкой. М., 1959. С. 16–17; *Гуревич Э.* Три сказки Л.Н. Толстого // Молодой коммунар (Тула). 1970, 12 авг.
- ⁴³ *Hilf (Помощь): A zaml-buf fir literatur un kunst* (Литературный сборник с иллюстрациями). Warsa (Варшава), 1903. С. 3–4.
- ⁴⁴ *Короленко Вл.* Дом № 13. С. 54–55.
- ⁴⁵ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1988. Т. 4. С. 511.
- ⁴⁶ *Шолом-Алейхем.* Кровавая шутка. М., 2002. Роман был издан в России в 1914 г. в качестве 3–4 тт. издания «Романы» в 4-х т.
- ⁴⁷ *Шолом-Алейхем.* Письма // Шолом-Алейхем. Собр. соч. Т. 6. С. 349.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ Д. ПИНСКОГО

Как известно, существует целая группа текстов, описывающая впечатления зарубежных общественных деятелей, писателей и журналистов, посетивших Россию в 1920–1930-х годах, среди которых можно назвать выступления, статьи и письма Дж. Рида, Г. Уэллса, Т. Драйзера, Р. Роллана, Б. Шоу, В. Беньямина, А. Барбюса, А.-Л. Стронг, А. Жида, Л. Фейхтвангера. В 1920–1930-х годах советский идеологический аппарат стремился использовать их визиты в своих пропагандистских целях как внутри страны, так и за рубежом. Помимо публикаций в советской прессе, освещавших пребывание иностранцев, были изданы сборники «Гости пролетариата» (1932), «Глазами иностранцев: иностранные писатели о Советском Союзе» (1933), а также брошюра М.С. Живова «Зарубежные голоса» (1933), излагавшая советскую точку зрения на значительную группу откликов за период 1927–1932 гг.

За рубежом появление в печати очерков и репортажей о СССР вызывало бурные дискуссии. Особым драматизмом полемика окрасилась во второй половине 1930-х годов, что ярко выразилось в истории публикации книги «Мое возвращение из СССР» (1936) Андре Жида, выпустившего в июне 1937 г. «Поправки к “Моему возвращению из СССР”» в ответ на упреки в «очернительстве страны» со стороны Ромена Роллана, Поля Низана и других видных деятелей французской культуры; обсуждались и выступления Л. Фейхтвангера во время его визита в Советский Союз в 1937 г.

Указанные тексты неоднократно привлекали внимание исследователей; среди важнейших аналитических работ – монография Сильвии Маргулис «Паломничество в Россию. Советский Союз и обработка иностранцев: 1924–1937» (1968), в которой на материале многочисленных свидетельств, связанных с поездками зарубежных специалистов, делегаций рабочих, финансовых и

деловых кругов, а также западных интеллектуалов, анализируются механизмы работы советского аппарата, направленные на создание позитивного образа страны¹. Монография П. Холландера «Политические пилигримы. Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928–1978» (1981; русский перевод – 1997)² рассматривает эти источники в контексте социально-политических и морально-этических поисков представителей западной культуры.

Среди подобных источников есть и немало текстов, связанных с проблемами советского еврейства³. В 1920 и 1930-х годах прошло несколько пропагандистских кампаний вокруг еврейского вопроса, прежде всего Крымского (1926) и Биробиджанского (1928) проектов⁴. Принципиальной вехой в истории советского еврейства стало постановление, принятое 28 марта 1928 г. Президиумом ЦИК СССР, о выделении на Дальнем Востоке земли «для создания еврейской автономной территориально-административной единицы». Визиты известных еврейских писателей были важной частью Биробиджанского проекта.

В 1926 г. в качестве корреспондента нью-йоркской газеты «Форвертс» СССР посетил писатель И.-И. Зингер (старший брат нобелевского лауреата И. Башевиса-Зингера), серия его очерков «Новая Россия» вышла отдельной книгой в Вильно в 1928 г. В 1926 г. в СССР были литераторы Р. Брайнин, М. Надир, прозаик Б. Глазман. В 1927 г. здесь побывал главный редактор газеты «Форвертс» Аб Кахан⁵. После публикации серии его статей в Нью-Йорке Кахан как общественная фигура стал объектом абсолютного порицания в советской прессе, не говоря уже о самой газете «Форвертс».

В 1928 г. еврейские колонии Крыма и Украины посетил И. Опатошу, который затем приезжал и в 1934 г.; по приглашению ОЗЕТа в 1928 г. в СССР побывал Шолом Аш. Их выступления и речи на торжественных собраниях печатались в советской и зарубежной прессе, а к визитам публиковались переводы произведений на русский язык. Это было не только знакомством с творчеством современных западных литераторов, но и механизмом оплаты самого приезда. Финансовую сторону подобных визитов подробно описал Андре Жид в своих «Поправках». Несмотря на щедрость советской стороны, руководство СССР часто ожидало разочарование: то, что печаталось зарубежными гостями по возвращении в Париж, Берлин или Нью-Йорк, было их честным ответом на вопросы западной читательской аудитории. Так случилось, например, и после визита Авраама Рейзена в

1928 г. Накануне его приезда в журнале «Трибуна еврейской советской общественности» писали: «Авраам Рейзен наш, целиком наш... он является гостем от наших еврейских рабочих в Америке»⁶. Но через год в том же журнале было помещено сообщение об общем собрании еврейской секции МАППа от 20 октября 1929 г., на котором писатель был исключен из его рядов⁷. В 1929 г. в СССР приехал известный драматург П. Гиршбейн, который прожил восемь месяцев в еврейских колониях Херсонской области и Крыма, где работал над романом «Красные поля». В то время позицию Гиршбейна резко критиковали в польской и американской еврейской прессе, что гневно осуждалось на страницах «Трибуны»⁸.

После 1929 г. в связи с поддержкой СССР арабской стороны в ходе разгоревшегося конфликта в Палестине многие известные еврейские писатели осудили позицию Советов и в знак протеста перешли из прокоммунистической газеты «Фрайхайт» в «Форвертс». Московская «Трибуна» откликнулась на это статьей «Правые вылазки в литературе», где клеймила прежних гостей Х. Лейвика, А. Рейзена и М. Борейшу за то, что они начали издавать еженедельник «Ди вох», «посвященный “разоблачению” коммунистического влияния во всех отраслях культурной жизни, и объединили вокруг себя пеструю компанию националистов»⁹. В начале 1930-х общее число визитов зарубежных еврейских писателей существенно сократилось¹⁰. В середине 1930-х годов в Москве, Ленинграде, Киеве и Минске стали упраздняться еврейские научно-гуманитарные структуры, резко сократилось количество еврейских школ¹¹.

На этом политическом фоне в Варшаве на языке идиш были изданы две книги очерков, рассказывающих о поездках в СССР в 1936 г.: «Рейзе иберн Ратн Фарбанд» (Путешествие по СССР) Я. Пата, видного деятеля еврейского образования, писателя и драматурга, в которую вошли его статьи, печатавшиеся на страницах «Фольсцайтунг» с октября 1935 по апрель 1936 г., а также двухтомник «Рейзе-бух» (Путевая книга) Д. Пинского. В первом томе были собраны очерки о посещениях Палестины в 1932 и 1936 гг., рассказывающие о еврейских поселениях, кибуцах, о борьбе политических партий, культурной и литературной жизни, проблемах с арабским населением. Второй том посвящен поездке в СССР, куда писатель и его супруга были приглашены на театральный фестиваль, проходивший в Москве с 1 по 7 сентября 1936 г. В этих очерках Пинский характеризует общественную, экономическую и культурную

ситуацию в СССР накануне репрессий 1937 г. Его книга – это бескомпромиссный взгляд европейского социалиста на страну «победившего пролетариата».

В отличие от организованных ОЗЕТ визитов 1928–1929 гг., приезд Д. Пинского фактически не освещался в печати, за исключением информационной строки в московской газете «Дэр Эмес» («Правда»), на что обращал внимание сам автор в книге. Это было не случайно, поскольку писатель был видным деятелем партии Поалей-Цион (Рабочие Сиона), ликвидированной в СССР наряду с другими социалистическими партиями¹². Следует подчеркнуть, что в США, куда Пинский эмигрировал из России еще в 1899 г., он был весьма авторитетной фигурой.

В середине 1930-х годов ни один из писавших на идише литераторов не имел такого количества переводов своих произведений на английский и другие европейские языки, как Д. Пинский. Его комедия «Клад» ставилась на немецком языке знаменитым режиссером М. Рейнхардтом в «Дойче-театр» в Берлине, на английском она неоднократно шла в Нью-Йорке в дополнение к многочисленным постановкам на идише в еврейских театрах Варшавы, Вильно и других городов Восточной Европы. Д. Пинский был автором более 60-ти пьес¹³. Среди его пьес, получивших широкий общественный резонанс, можно назвать трагедию «Семейство Цви» (1904, в русском переводе «Погромные дни»), написанную под впечатлением от кишиневского погрома 1903 г., и символично-романтическую драму «Дэр фрэмдер» (или «Дэр эйбикер ид»; в русском переводе «Вечный Жид», 1906), которая спустя десятилетие стала одной из лучших постановок театра «Габима», игравшего ее на иврите; глубокое впечатление она произвела на М. Горького, посетившего один из первых московских спектаклей в 1919 г.¹⁴

Творческое наследие Д. Пинского разнообразно: литературную карьеру он начинал как поэт, опубликовал несколько сборников рассказов, три романа, а также множество публицистических и литературно-критических статей в ведущих еврейско-американских изданиях. О Пинском писали как о четвертом классике в литературе на идише после Менделе Мойхер-Сфорима, Шолом-Алейхема и И.-Л. Переца. Как драматург Пинский был хорошо известен в дореволюционной России. Для современников его роль в развитии еврейской «новой драмы» была очевидна, что демонстрирует, например, доклад С. Анского на Первом Всероссийском съезде деятелей народного театра в Москве в 1916 г.¹⁵ Прежде чем мы перейдем к анализу «Путевой

книги», приведем несколько биографических сведений из жизни Д. Пинского, непосредственно связанных с темами его очерков о Советской России.

Д. Пинский родился 5 апреля 1872 г. в Могилеве-на-Днепре. Его отец был поставщиком военного обмундирования для русской армии и с 1873 г. значительную часть времени проживал в Москве в районе Зарядье, в то время как семья еще оставалась в Могилеве. Когда Давиду исполнилось 13 лет, семья Пинских переехала в Москву. Отец был страстным любителем музыки, горячим «патриотом» Большого театра, где в то время ставилась опера А. Рубинштейна «Маккавей». Д. Пинский на всю жизнь запомнил, как зимней ночью стоял в очереди за билетами. В очерках 1936 г., описывая посещение города своего детства, он вспоминал не только о роскошных магазинах на Кузнецком мосту, но и о своем прежнем страхе перед ночными облавами жандармов, проверявших документы на «правожительство», и оскорбительные выкрики мальчишек, дразнивших еврейских сверстников. В 1890 г. его старший брат женился и переехал в Витебск, туда же уехал и Давид. Уже тогда в Москве чувствовалось напряжение, которое затем вылилось в изгнание евреев из столицы в конце 1891 г.¹⁶ Его родители также были вынуждены покинуть Москву. Отец глубоко страдал из-за этого унижения, некоторое время он надеялся на защиту со стороны знакомых московских купцов, с которыми работал многие годы, однако те отказали в помощи. Все эти тягостные события и переживания привели к финансовому краху отца и разорению семьи.

В 1892 г. Пинский отправился в Вену с намерением изучать медицину. По дороге он посетил Варшаву, мечтая познакомиться с И.-Л. Перцем (с этого времени завязалась их многолетняя дружба¹⁷). За границей Д. Пинский пробыл недолго и вскоре снова оказался в Варшаве. Самое существенное, что вынес молодой человек из непродолжительного пребывания за границей – это интерес к социальным проблемам; из Вены он вернулся убежденным социалистом.

В 1894–1896 гг. было опубликовано три сборника его рассказов. Молодой писатель рассматривал литературу как оружие в борьбе за справедливое переустройство мира. В 1894 г. при финансовой поддержке Годл Койфман (в дальнейшем жены Д. Пинского) И.-Л. Перец и Пинский приступили к выпуску знаменитой серии «Праздничные листки», основной задачей которой было распространение социалистических идей¹⁸. С этого времени имя Пинского стало популярным среди еврейских

читателей. Серия продолжалась с 1894 по 1896 г. – вплоть до вынужденного отъезда Д. Пинского в Германию, поскольку им заинтересовалась полиция. В очерках 1936 г., описывая систему наблюдения за иностранцами, Пинский вспоминал о том, как в царской России ему приходилось скрываться от слежки, но тогда он был на положении нелегала. В 1936 г. Годл Койфман сопровождала мужа в поездке по СССР, и в тексте путевых очерков Пинский описывает многие детали повседневной жизни, на которые жена обращала его внимание: на качество товаров и их цены, на настроение и хмурые лица людей, на обстановку советских коммунальных квартир и отсутствие цветов на улицах крымских колхозов.

В декабре 1899 г. Пинский эмигрировал в США. В то время он примыкал к Бунду, в газете «Дэр арбэтер» вел рубрику, рассказывающую о революционном движении в России. Подобно многим русско-еврейским интеллигентам рубежа XIX–XX вв., Пинский не утратил связь с родиной, многие его произведения повествуют о жизни в «старом доме», вместе с тем его по праву называют одним из создателей еврейско-американской прозы с социальной проблематикой¹⁹. В конце 1900 – начале 1910-х годов под влиянием литературных дискуссий о национальной культуре он обратился от социально-психологической проблематики к разработке сюжетов, основанных на историческом материале. Со временем писатель все больше примыкал к национальному движению. В 1912 г. он перешел из Бунда в партию Поалей Цион и длительное время был членом ее ЦК в Америке. Д. Пинский был ярким общественным и культурным деятелем, основателем Еврейского театрального общества в Нью-Йорке, инициатором создания Центрального Еврейского общества культуры (ЦИКО), и в 1929 г. был избран его президентом. В 1948 г. участвовал в работе Всемирного конгресса еврейской культуры в Нью-Йорке, был избран первым президентом еврейского ПЭН-клуба. Как общественный и партийный деятель Д. Пинский был тесно связан с рабочим движением, в то же время его художественное творчество нельзя отнести лишь к социально ориентированной литературе. Как писатель и драматург он испытал глубокое влияние европейского модернизма²⁰.

В дореволюционное время в русских переводах вышло несколько рассказов и драм Д. Пинского. В статье о нем в 16-томной «Еврейской энциклопедии» (1908–1913) указывалось, что писатель «первый в еврейской литературе художественно воспроизвел пробуждение классового самосознания в

трудящихся массах еврейской черты», но «постепенно перешел от социальных тем к национальным»²¹. Советская критика признавала произведения социальной тематики, и в СССР вышли три сборника его рассказов на идише: в 1930 г. в Киеве, в 1933 г. в Москве, в 1934 г. в Харькове. Отношение к Д. Пинскому со стороны официальной советской критики отражено в статье Ш. Клитеника в восьмом томе «Литературной энциклопедии» (1934), в которой писателям давалась так называемая классовая оценка. Здесь признавалось, что в начале своего творчества он «находился под сильным влиянием нараставшего революционного движения» и его герои выражали «протест против беспощадной физической и духовной эксплуатации», однако этот «протест не осмысливался им в духе классовой борьбы». Писатель не создал «образы подлинных революционеров» и был «представителем мелкобуржуазного социализма». Далее сообщалось об отходе от революционного движения, Пинский характеризовался как «мелкобуржуазный националист», художественный талант которого «сильно снизился». «В настоящее время, – писал Ш. Клитеник, – Пинский трибун национализма и сионизма в Америке»²².

Со своей книгой, опубликованной на идише в Харькове в 1934 г., с предисловием того же Ш. Клитеника, называвшего его «шовинистом» и «еврейским националистом», Д. Пинский пересек советскую границу в конце августа 1936 г. В первой главе «Мой приезд в СССР» он писал о давней мечте – посетить Советский Союз. Незадолго до его приезда было объявлено о решении суда по каменевско-зиновьевскому процессу – первому показательному «процессу 16-ти»²³. Среди осужденных было десять евреев (из них несколько человек были членами компартии Германии), на что обращала принципиальное внимание западная пресса, в том числе еврейская, однако в СССР национальная принадлежность арестованных не обсуждалась – они рассматривались как участники «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра»²⁴. Пинский пишет о внутренней борьбе, проходившей в его душе. Он, давний деятель социалистического движения, лично знавший нескольких человек из тех, кто был приговорен к расстрелу, понимал, что в СССР произошло жестокое преступление: «Признание обвиняемых, их предсмертная исповедь, их самообвинения – все это невероятные вещи! безобразная комедия во имя восхваления и усиления сталинской диктатуры»²⁵ (здесь и далее пер. наш. – Г. Э.). Память о жертвах, приговоренных к расстрелу в хо-

де первого «открытого» суда, прошедшего 19–24 августа 1936 г., постоянно присутствует в этом тексте, она звучит как его лейтмотив.

Пинский свидетельствует, что решение о поездке было принято после тяжелых колебаний, они (супруги Пинские) хотели отказаться от визита в знак протеста «против очернения социализма», была даже мысль о том, что Советы сами не разрешат им въехать в страну. Тем не менее, они собиравшись увидеть все собственными глазами. И вот приграничная станция Негорелое, где их встречает молодой пограничник, отбирает антифашистскую брошюру, изданную на немецком языке в Германии. В руки ему попадает и харьковская книжка с дикими характеристиками Ш. Клитеника, но офицер не знает идиш и смотрит только на украинский перевод ее названия. Изданная в СССР книга – лучшее подтверждение лояльности. На протяжении всей поездки они пытаются обнаружить знаки протеста против ужасного преступления, но в «стране шепота» люди внешне спокойны, а по «радио звучат веселые голоса и льются прекрасные песни». Супругам Пинским самим вскоре пришлось научиться переходить на шепот, понимать многозначительные взгляды и знаки тех, с кем они встречались.

В двадцати девяти главах книги Д. Пинский описывает посещение Минска, Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и Крыма. Помимо театрального фестиваля, он был на двух московских фабриках, посетил заседание писательской организации, был на экскурсиях в Киево-Печерской лавре, Третьяковской галерее, дворцах Петербурга. Это был типичный маршрут иностранца в СССР, примерно то же описывал Яков Пат, а также Андре Жид, бывший здесь с 17 июня по 24 августа 1936 г., правда, его визит, организованный ССП и курировавшийся М. Кольцовым, освещался в советской прессе. Если французский писатель знакомился с новой для себя страной, то Пинский подмечал все, что появилось уже в послереволюционное время, и вспоминал о том, что навсегда исчезло из жизни. Дворцы культуры, расположенные в прекрасных особняках, вызывали восторг у француза, но у Пинского бывшие городские усадьбы пробудили иные чувства: он понимал глубину драмы, пережитой их владельцами; агрессивность экскурсовода, рассказывавшего о Николае II в Зимнем дворце, заставила вспомнить о трагической гибели его семьи. Д. Пинский писал о молитвенной атмосфере, царившей прежде в Киево-Печерской лавре, которая теперь стала лишь местом посещения туристов.

Он признавал, что дворцы культуры – большое завоевание новой жизни. «Теперь рабочий должен много знать», «культура – важное слово для народа, которое 16 лет назад он даже не знал, с чем его едят», – приводил Пинский слова советских лекторов. В массе подобных цитат с их «гордыми» заявлениями наглядно проявляется ирония самого наблюдателя. На этом же приеме построена глава «Из преступников в хорошие рабочие», где рассматриваются литературные произведения о Беломорканале: пьеса «Аристократы» Н. Погодина и рассказ советского идишского писателя Хаима Гильдина, в котором умный чекист перевоспитывает заключенных. «Оба писателя, Погодин и Гильдин, уверяют, что их рассказы взяты из жизни, что их герои не выдуманы. Оба были на канале, смотрели, читали протоколы администрации». Московский друг, у которого Пинский стал спрашивать, что он думает об этом, посоветовал и ему поехать в Болшево, «поискать материал для драмы или романа». Обычно иностранцам показывали этот подмосковный поселок, где жили бывшие преступники, которых «перевоспитало» государство. Собеседник Пинского с гордостью рассказывал о том, как там работают, «учатся любить родину и ее социалистический порядок», он был убежден, что Погодин ничего не придумал. Пинский, как и Андре Жид, отмечал искреннюю веру многих советских граждан в то, что им внушала пропаганда. В главе «Движение к свободе» писатель приводит слова девушки-гида о достижениях в СССР. Но когда он спросил, как же обстоят дела с демократическими свободами, девушка, выросшая после революции, не поняла вопроса. Выслушав его объяснения, она заключила: «Это неважно. Мы свободны».

В отличие от книги Я. Пата, в которой приводится масса официальных статистических данных, выдержки из документов и газет, описываются встречи с представителями советского аппарата, книга Пинского является свидетельством частного лица. Его собеседниками большей частью выступают простые советские граждане, работники гостиницы, портные, врачи, продавцы, учителя, московские рабочие и крымские колхозники. Значительная часть книги посвящена экономической жизни. Четую Пинских поражают очереди, удивляет низкое качество вещей и продуктов и их высокие цены по сравнению с американскими. Автор сожалеет об исчезновении народных промыслов, о сокращении кустарных мастерских, производивших массу нужных товаров. Весьма красноречиво и название одной из глав: «Не является ли русский социализм государственным капитализмом?». Несколько очерков посвящено стахановскому движению,

широко пропагандируемому в СССР. Д. Пинский, как и А. Жид, пишет о том, что оно ведет к интенсификации труда рабочих, его настораживает появление хорошо оплачиваемой рабочей аристократии. «В чем отличие советских фабрик от американских? Это наличие огромных плакатов с пропагандистскими лозунгами, на которые рабочие смотрят целый день», – писал Пинский о своем посещении московской табачной фабрики и хлебозавода²⁶. На одном из плакатов увидел он и имена всех 16-ти осужденных; ненависть к «врагам» последовательно культивировалась в сознании людей. Его провоцирующие вопросы о профсоюзах, о том, есть ли у рабочих право на забастовку, вызывали удивление, а чаще испуг у простых граждан.

И Д. Пинский, и А. Жид писали о Сталине как о диктаторе, свидетельствовали об обстановке страха в стране, отмечали отсутствие у иностранцев свободы передвижения. В дороге Андре Жид читал роман Н. Гоголя «Мертвые души» и нашел немало параллелей с его героями в ментальности советских граждан. В главах «Сталин» и «Музей революции» Пинский пишет о перерождении социалистической идеи, о сознательном искажении исторических фактов, о замалчивании роли Троцкого и возвеличивании Сталина и Ворошилова. Пинский признавал, что в 1920–1921 гг. он поддерживал страну социалистической революции, его революционная драма «Исаак Пинев» (1922–1924) была созвучна призыву «Через страдания к победе!». Теперь же все происходящее напоминает ему «работу какого-то невидимого режиссера», обожествление Сталина он называет «трагедией русского коммунизма». В главе «Диктатура страха» Пинский описывает собрание московских писателей, его возмущает негативное отношение к Плеханову-критику, он пишет о судьбе литературоведа Фридляндера, разработчика теории «марксистско-ленинского исторического романа», обвиненного в троцкизме, после чего в СССР были запрещены все его работы, как и сама теория; в «издевательствах над историческим романом» был обвинен писатель Вайсман. Пинский вспоминал о расстрелянном по процессу шестнадцати Р. Пикеле, который сотрудничал в журнале «Театр и драматургия». В своей последней статье «Критика наших критиков» Пикеле сам утверждал, что в СССР не может быть разных мнений, его работа точно соответствовала советской идеологии и была полна восхвалений Сталина. «Почему же был арестован столь преданный Сталину человек? – спрашивал Пинский. – Художник слова испытывает муки творчества, ищет слова и образы. Но советский литератор должен искать слова, которые соответствуют партийной ли-

нии, иначе его обвинят в троцкизме». Помимо идеологической цензуры, есть еще и самоцензура. Пинский называет спектакли «Камерного театра», «Театра революции», театра «Пролеткульт», снятые как «троцкистские», пишет об отрицательной рецензии в «Известиях» на постановку в Государственном еврейском театре исторической драмы «Бойтре» еврейского поэта М. Кульбака, об опасениях Д. Бергельсона, работавшего над второй частью исторического романа, где в качестве одного из героев должен был быть изображен коммунист.

Рассказывает Пинский и об истории вокруг пьесы «Исаак Пинев», которую он надеялся предложить для постановки в СССР. В последнем действии его герой стрелял в негодя, примкнувшего к революционному движению из карьерных соображений. Обращаясь к любимой, большевистский комиссар Пинев говорит о своих душевных муках, мечтает о мире, в котором не проливается кровь. В рецензии на эту пьесу все тот же Ш. Клитеник, советский специалист по творчеству Пинского, гневно писал о том, что автор не понял истинного смысла революционного террора. В результате в СССР драму не купили.

Ситуацию в литературе Пинский сравнивает с идущим по канату циркачом, в руке которого балансир – марксистско-ленинская теория. Когда-то в Нью-Йорке Пинский участвовал в дискуссии «Искусство и диктатура» и в своем докладе подчеркивал, что драматурги пишут под властью диктатуры публики, он же хочет работать ради диктатуры идеи, тогда, признается автор, он еще не знал о диктатуре страха. Именно этим можно объяснить то, что «русская литература сейчас столь бедна». Эта же мысль определяет и содержание главы «Еврейская литература и театр в СССР», которые Пинский называет «карикатурными, почти рабскими», отмечает отсутствие пьес из современной жизни. Его возмущают доходящие до абсурда рассуждения советских критиков Х. Дунца, И. Нусинова, не говоря уже о его черном ангеле Клитенике. Жертвами статей которых стали талантливые литераторы Л. Квитко, А. Абчук, Дер Нистер. «Классовой пломбой» они опечатали всех еврейских писателей, официальная трактовка еврейской классики на сцене примитивна, почти бурлескна. Сами актеры не верят в будущее своего театра, писатели воспевают Биробиджан, но не знают, откуда возьмутся там евреи. «Литература, которая покинула свой народ, висит в воздухе»²⁷ – пишет Пинский, перефразируя Шолом-Алейхема. В очерке «Еврейские колхозы в Крыму» Пинский с сожалением констатирует, что литераторы, представлявшие советское еврейство, перестали интересоваться Крымом, все их

внимание направлено на Биробиджан. Молодежь уезжает из колхозов, преподавание идиша в школах сокращается.

Как и Андре Жид, Пинский писал об отсутствии у советских граждан реальной информации о жизни за рубежом, об отсутствии критического взгляда на происходящее в их собственной стране. В отличие от французского писателя, он имел большую возможность общаться с простыми гражданами, многим из них он и его жена передавали письма и посылки от родственников за границей. Во время этих визитов они стремились рассказать о еврейских поселенцах в Палестине, которую посетили накануне своего приезда в СССР, о жизни евреев в Америке, в Аргентине и Канаде. Поскольку советская пресса писала лишь об арабской революции и безработице, то люди с удивлением слушали рассказы о работе кибуцев, о строительстве фабрик и заводов.

Завершалась книга очерком «Мои встречи с еврейскими писателями в СССР», в котором Пинский писал о страхе, которым были объаты те, с кем он общался. В Минске он пытался встретиться с поэтом И. Хариком, но никто не мог объяснить, где же находится известный литератор. М. Кульбак не пришел на назначенную встречу в писательском клубе. В глазах редактора еврейской газеты «Октябрь» Пинский увидел не просто смущение, а какой-то «животный ужас». В Москве прятались не так откровенно, однако и в редакции «Эмес» сказали, что М. Литваков болен. Все, кого он видел в Одессе и Киеве: И. Фефер, Д. Бергельсон, Д. Вендров, П. Маркиш, – были внутренне скованны. Искренне говорил с ним Д. Гофштейн. «Ни в одной из редакций меня вообще не спрашивали о еврейской литературе, никто не говорил ни о ком из писателей, – замечал Д. Пинский. – Правда, Бергельсон задал вопрос об Опатошу и о своем друге Вайнпере, Гофштейн спросил о Лесине и Нигере, и лишь один д-р Израиль Цинберг в Ленинграде, этот прекрасный человек, интересовался всем и всеми»²⁸.

Очерки Пинского остаются единственным свидетельством о реакции властей на факт публикации за границей в Вильно многотомного труда С.Л. Цинберга «История еврейской литературы»²⁹. Официальные представители еврейской культуры в СССР отказались принять эту работу, обвинив ученого в национализме и шовинизме, и только тогда, когда высокое начальство из Москвы спохватилось, поняв, что этот труд мог бы стать гордостью Советского Союза, сами обратились к ученому с вопросом о публикации книги. В завершение главы Пинский писал о поэте Х. Ленском, «духовном приверженце С.Л. Цинберга», с которым познакомился в его доме. Молодой

человек в форме капитана военно-морских сил был для Пинского «символом боевой революции, которая найдет путь к расцвету культурно-национальной жизни народов СССР», – воскликнул давний сторонник рабочей партии Поалей-Цион. Этими словами завершались путевые заметки Д. Пинского о стране, которую он посетил незадолго до трагедии 1937 г., когда были арестованы многие из тех, кого он встретил осенью 1936 г.³⁰

Для многих зарубежных читателей очерки Пинского стали откровением, заставившим пересмотреть отношение к СССР. Однако в Советском Союзе о них знал лишь ограниченный круг лиц; известно, что экземпляр книги был передан в Еврейский антифашистский комитет. Вероятно, это произошло во время визита делегации в США в 1943 г. В монографии Г.В. Костырченко приводятся архивные материалы 1950 г. о «чистке» в Главлите, согласно которым имевшаяся здесь «книга бундовца Пинского» проходила в ряду провинностей, обнаруженных комиссией Отдела пропаганды и агитации ЦК³¹.

Примечания

¹ *Margulies S.* The Pilgrimage to Russia: The Soviet Union and the Treatment of Foreigners. 1924–1937. **Madison; Lnd., 1968.**

² *Холландер И.* Политические пилигримы: Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928–1978. СПб., 1997.

³ *Soyer D.* Back to the Future: American Jews Visit the Soviet Union in the 1920s and 1930s // *Jewish Social Studies*. **N.Y., 2003. № 6/3. P. 124–159;** *Серебряный И.* Визит-картл // *Советиш хеймланд*. М., 1974. № 11. С. 129–139.

⁴ *Abramsky C.* The Biro-Bidzhan Project, 1927–1959 // *The Jews in Soviet Russia since 1917* / Ed. L. Kochan. Oxford; Lnd., 1972. P. 76–98; *Pinkus B.* Towards a Jewish Republic in the Soviet Union // *Pinkus B.* The Jews of Soviet Union: the History of a National Minority. Cambridge, 1988. P. 71–76; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 87–140.

⁵ *Soyer D.* Abraham Cahan's Travels in Jewish Homeland: Palestin in 1925 and Soviet Union in 1927 // *Yiddish and the Left* / Ed. G. Estraiikh and M. Krutikov. Oxford, 2001. P. 57–79.

⁶ *Кац М.* Авраам Рейзен: (К его приезду в СССР) // *Трибуна еврейской советской общечественности*. М., 1928. № 22. С. 12.

⁷ Исключение А. Рейзена из МАППА // Там же. 1929. № 21. С. 27.

⁸ Ш. Яцкан о Гиршбейне // Там же. 1929. № 17. С. 31.

⁹ *Кац М.* Правые вылазки в еврейской литературе // Там же. 1929. № 22/23. С. 11.

- ¹⁰ *Estraiikh G.* Offshore Soviet Literature // *Estraiikh G.* In Harness: Yiddish Writer's Romance with Communism. N.Y., 2005. P. 65–101.
- ¹¹ *Костырченко Г.В.* Закрытие «вопроса» на фоне «большого террора» // Тайная политика Сталина. М., 2003. С. 123–138.
- ¹² *Gitelman Z.* Disappearing Alternatives: The End of the Jewish Social Parties // *Gitelman Z.* Jewish Nationality and Soviet Politics: The Jewish Section of the CPSU, 1917–1930. Princeton, 1972. P. 151–232.
- ¹³ *Элиасберг Г.А.* Жизнь и творчество драматурга Давида Пинского // Материалы Одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2004. Вып. 16. Ч. 2. С. 188–202.
- ¹⁴ *Иванов В.* Русские сезоны театра «Габима». М., 1999. С. 34–40, 114–121.
- ¹⁵ *Ан-ский С.* Еврейский народный театр // Еврейская неделя. 1916. № 2. Стлб. 44–45.
- ¹⁶ *Вермель С.С.* Московское изгнание (1891–1892): Впечатления, воспоминания. М., 1924.
- ¹⁷ *Pinsky D.* Dray yor mit I.-L. Peretz // *Di goldene keit.* Tel-Aviv, 1951. № 10.
- ¹⁸ *Майзель Н. И.-Л.* Перец – зайн лебн ун шафн. Нью-Йорк, 1945. С. 159–170.
- ¹⁹ *Нигер Ш.* Довид Пинский // Нигер Ш. Геклибэне вэрк. Нью-Йорк, 1972. Т. 1. С. 91.
- ²⁰ *Madison Ch.* David Pinsky: A Dramatist of Disparate Qualities // *Madison Ch.* Yiddish literature: It Scope and Major Writers. N.Y., 1975. P. 182–196.
- ²¹ Пинский Давид // Еврейская энциклопедия. СПб., 1912. Т. 12. Стлб. 528.
- ²² *Клитеник Ш.* Пинский Давид // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 8. Стлб. 649.
- ²³ «Антисоветский объединенный троцкистско-зиновьевский центр» // Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 1991. С. 171–210.
- ²⁴ *Костырченко Г.В.* Указ. соч. С. 102–103.
- ²⁵ *Пинский Д.* Рейзе-бух. Варше. [б.г.]. С. 3.
- ²⁶ Там же. С. 82.
- ²⁷ Там же. С. 204.
- ²⁸ Там же. С. 238.
- ²⁹ *Элиасберг Г.А.* «Один из прежнего Петербурга»: С.Л. Цинберг как историк еврейской литературы, критик и публицист. М., 2005. С. 137–140.
- ³⁰ *Костырченко Г.В.* Указ. соч. С. 162–217.
- ³¹ *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона: политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: Документальное исследование. М., 1994. С. 222.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ИГРЫ

Телевизионные игры – особый вид телевизионного творчества, который возник примерно с самого начала регулярного телевизионного вещания и существует по сегодняшний день. Но количество игровых программ и их содержание в разные годы исторического развития были не одинаковы.

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на котором прозвучал доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», что «дало толчок процессу обновления общества, положило начало развенчанию социальных мифов сталинизма, формированию нового общественного сознания, относительно свободного от догм и идеологических стереотипов»¹. Этот период жизни страны получил название «оттепели». Съезд повлек за собой изменения не только в политической жизни, но и в работе средств массовой информации. Печать, радио, телевидение во второй половине 50-х годов начинают более достоверно освещать реальное положение в стране, хотя по-прежнему остаются под диктатом административно-командного управления. «Журналистика стремится освободиться от прежних стереотипов, шаблонов, штампов, но создает новые»².

В годы оттепели поднялся уровень жизни советских граждан. «Повысилась зарплата, возросли общественные фонды потребления, продолжительность рабочего дня в предвыходные и предпраздничные дни была сокращена на 2 часа»³. В сфере культуры наиболее отчетливо проявились свойственные этому времени противоречия, когда идеологические послабления сменялись грубым администрированием, а партийные руководители откровенно вторгались в процесс художественного творчества и научные поиски.

Так, летом 1957 г. ожидался приезд многочисленных зарубежных делегаций на VI **Международный фестиваль молодежи и студентов**. На короткое время «железный занавес» приоткрылся.

В программе подготовки к празднику особое место занимало молодое советское телевидение, которое в то время было сосредоточено в Центральной студии телевидения в Москве. Для того чтобы не ударить в грязь лицом, была создана новая редакция, которую так и назвали – «Фестивальная». Здесь сосредоточились лучшие профессиональные силы, перед которыми была поставлена задача – создать нечто особенное на злобу дня. Так появилась передача «ВВВ» – «Вечер веселых вопросов». «После набивших оскомину бравурных и косноязычных рапортов о советских достижениях в так называемых новостях, однообразных телеспектаклей и “стерильных” концертов классической музыки, подвергнутых жесткой цензуре, зритель увидел обычных людей в студии. Впервые он по собственной инициативе мог стать действующим лицом»⁴. У истоков стояли люди, впоследствии знаменитые: С. Муратов – известный телекритик, профессор факультета журналистики МГУ, основатель редакции «Фестивальная», А. Аксельрод – студент Медицинского института и инженер электролампового завода и др. Принципиально новой была форма программы. Ее целью было провоцирование документального действия-зрелища.

Передачи имели необыкновенную популярность. Уже на следующий день после выхода в эфир о них говорили повсюду. В редакцию пошли потоки писем. Зритель сразу почувствовал новизну предложенного действия и продемонстрировал готовность к сотворчеству. В письмах зрители присылали свои варианты конкурсов, предлагали участие и помощь, задавали вопросы.

Несмотря на успех у зрителей, состоялось только два эфира программы. Поводом к закрытию программы стало недоразумение, случившееся во время эфира третьей. Ведущий Н. Богословский, объявляя очередной конкурс, забыл назвать одно из условий. В итоге задание оказалось чересчур легким: приехать в зал МГУ, откуда шла трансляция, в валенках, полушубке, шапке-ушанке и с самоваром в руках. Кто первый приедет – тот и победитель. А забыл ведущий упомянуть об экземпляре «Комсомольской правды» за 1 января того же года. Приехало около 700 человек, стали требовать допуска на сцену, началась неразбериха, была вызвана милиция и программу закрыли.

Вскоре те же авторы представили зрителям передачу, которую назвали «КВН» (Клуб веселых и находчивых). Она продолжила линию, начатую «ВВВ», но в основе был принцип командных конкурсов. Эфир состоялся в 1961 г. «Это были построенные

на импровизации состязания в эрудиции и остроумии команд, состоявших из студентов вуза или представителей какого-то предприятия или города»⁵. Долгие годы «КВН» оставался единственной передачей на Центральном телевидении, которая явно вступала в противоречие с установками советской партийной журналистики. Но уже к концу 60-х годов, по мере роста политической значимости телевизионной публицистики в целом, создатели КВН, стремясь сохранить социально-педагогический престиж программы, начали отходить от импровизации как основы формы ради возможности углубить содержание передач. КВН был подчинен жесткому сценарию. «Однако принцип импровизационности продолжал декларироваться, ибо без него исчез бы эффект непредугаданности результата соревнования. И участники КВН пытались изобразить импровизацию, но перед объективами телекамер сделать это сколько-нибудь убедительно оказалось невозможно. Это привело к тому, что популярность программы стала падать и к 1973 году «КВН» перестал существовать»⁶. Возродилась передача в 1986 г.

В 1968 г. в эфир вышла программа «А ну-ка, девушки!». Авторами идеи были В. Акопов, А. Шмелев и М. Гюльбемян. Первой ведущая – К. Прошутинская, затем программу вел А. Масляков. Она имела успех у зрителей. По своей форме она также представляла собой цепочку конкурсов, но с профессиональным уклоном. В первой передаче соревновались девушки-телеграфистки. Первый, отборочный этап проходил в нескольких центральных отделениях связи. В программе нужно было проявлять не только профессиональные качества, но и умение танцевать, петь, готовить, остроумно отвечать на вопросы. После заключительного тура жюри называло трех победительниц, но окончательные результаты подводила зрительская аудитория с помощью писем и телеграмм. Победительница награждалась скромным подарком.

«Действие было захватывающим и во многом импровизационным, поскольку видеозапись еще не была распространена и передача выходила в живой эфир. Но все это продлилось очень недолго»⁷. Цензура становилась все жестче.

Созданная по аналогии с «А ну-ка, девушки!» передача «А ну-ка, парни!» «засохла на корню. Видимо, следить за соревнованием девушек зрителям было интереснее»⁸.

В 60-х появилась первая программа Владимира Ворошилова «Аукцион». По выражению А.С. Вартанова, она «гремела»⁹ во второй половине десятилетия. Но передача была не самым успешным проектом автора.

4 сентября 1975 г. впервые вышла в эфир «Семейная викторина “Что? Где? Когда?”», автором и создателем которой был Ворошилов. В передаче приняли участие две команды – две семьи. Передача снималась частями – сначала в гостях у одной семьи, а потом – у другой. Каждой команде задавалось по 11 вопросов. Два сюжета соединялись в один при помощи фотографий из семейных альбомов. В эфир вышла одна программа.

В 1976 г. «Семейная викторина “Что? Где? Когда?”» превратилась в телевизионный молодежный клуб «Что? Где? Когда?». Призами за правильные ответы служили книги.

Следующий пик популярности телевизионных игр приходится на 90-е годы. Политика гласности, начатая советским партийно-государственным руководством во главе с М.С. Горбачевым в 1985 г., имела решающее значение для развития отечественной культуры. Началась постепенная демократизация общества. Эру гласности первыми ощутили читатели периодики. А «в 1986–1987 гласность стала прорываться на телеэкран»¹⁰.

Переход от социалистического планового хозяйства к рыночному коренным образом изменил взаимоотношения в обществе, затронул все, без исключения, общественные институты, в том числе и СМИ. Закон о печати и других средствах массовой информации, принятый в 1990 г., затем Закон РФ о средствах массовой информации 1991 г. закрепили право на создание СМИ не только партийными, но и различными общественными организациями, коммерческими структурами, частными лицами. Это привело к резкому росту количества изданий, была возрождена многосубъектность управления СМИ. Сходные процессы происходили и в сфере телевизионного вещания.

Вслед за распадом СССР автоматически рухнула система Гостелерадио СССР и Центрального телевидения. После дезинтеграции СССР структура Гостелерадио была разделена по республикам, ставшим независимыми государствами. В ведение России перешло 75 телецентров и телестудий, на ее территории передачи стали вести две государственные компании – «Останкино» и «Россия». К началу 1993 г. число вещательных и продюсерских телеорганизаций достигло тысячи¹¹. «После распада СССР в конце 1991 г. Россия вступила в новую стадию реформ, которые охватывали экономику, политическую систему, общественную жизнь, идеологию, культуру»¹².

«За короткий срок, именуемый “переходным периодом”, отечественная система телевидения проделала гигантский путь преобразований»¹³. Она перестала быть партийно-государст-

венной монополией, произошло разделение телекомпаний на программпроизводителей (продюсерские компании) и вещателей (появились и посредники между первыми и вторыми – дистрибьюторы). В результате возник рынок программ, который стал функционировать по своим, рыночным, законам. «Журналистика представляет собой одну из разновидностей производства. Характеризуя ее с этой точки зрения, мы обнаруживаем все элементы процесса производства... В результате этого процесса происходит выпуск продукции, востребованной потребителем»¹⁴, – пишет С.М. Гуревич. Востребованными потребителями оказались информационные программы и программы с рекреативной функцией. «С развитием развлекательных функций СМИ резко увеличилось количество соответствующих изданий и передач, возросла их популярность у аудитории. Они замыкают тройку самых предпочитаемых передач (кинопоказ, информационные и развлекательные)»¹⁵. Художественные фильмы, музыкальные и развлекательные передачи забирают более 60% эфирного времени¹⁶ и благодаря включению в них рекламных блоков обеспечивают солидные финансовые поступления. Заботясь о росте рейтинга передач и соответственно о рекламных поступлениях, все крупнейшие телеканалы акцентируют внимание на программах, адресуемых широкой аудитории, и отказываются от низкорейтинговых, узкоцелевых. «Слепо подчиняясь рейтингам, коммерческое ТВ становится, так сказать, двухполярным: информация (тяготеющая к сенсации) и развлечение (на уровне масскульта, причем, “самых нижних этажей”)»¹⁷. «Не телевидение стало существовать для зрителей, а количество зрителей как основной показатель рейтинга для телевизионных хозяев»¹⁸.

Именно в это время начинает выходить в эфир большое количество игровых программ, и обретают новое лицо уже существовавшие.

25 октября 1990 г. на экраны выходит игра «Поле Чудес». Первоначально ведущим программы был Владислав Листьев, а с 1 ноября 1991 г. его сменил Леонид Якубович.

«Умницы и умники» – в эфире Первого канала (тогда ЦТ) с 1991 г. Ведущий – Юрий Вяземский, профессор МГИМО. Программа выходит еженедельно. Это интеллектуальная гуманитарная телеигра для старшеклассников. В открытой борьбе за право стать абитуриентами Московского государственного института международных отношений принимают участие школьники из всех уголков России и ближнего зарубежья.

В 1993 г. появляется игровая программа для детей, а затем и их родителей «Звездный час». Автором ее был Александр Гольдбург, ведущим – Сергей Супонев.

Начинают выходить в эфир «Любовь с первого взгляда», «Зов джунглей», «Своя игра», «Колесо истории» «Русская рулетка», «Пан или пропал», «Кресло», «Самый умный» и многие другие. Игра «Что? Где? Когда?» меняет свое лицо и превращается в «интеллектуальное казино, где каждый может заработать деньги своим собственным умом!»

На основе сказанного выше можно сделать вывод, что игровые программы появились во время «разрядки» политической обстановки в стране и улучшения условий жизни общества в целом. Очередной этап наибольшей популярности игровых программ приходится на 90-е годы XX в. В это время полным ходом шла «перестройка» и началась демократизация общества.

В два периода жизни страны – 50–60-е и 90-е – наблюдается наибольший зрительский интерес к играм. Из слов современников можно понять, что популярность их была очень высокой. «На пике популярности КВН после его возвращения на экран Александр Масляков попросил зрителей, чтобы они выключили свет, и специально подготовленные камеры показали панораму двух московских районов с погасшими окнами»¹⁹.

Популярность игровых передач в 90-е подтверждалась ажиотажем в прессе, рейтингами и количеством программ, начавших выходить в эти годы.

А.Г. Качкаева в статье «Новейшая история российского телевидения (1985–2004)» дает следующую периодизацию развития телевидения последнего двадцатилетия:²⁰

1. 1985–1990. Центральное телевидение середины 80-х годов было воплощением авторитарного, идеологического телевидения, которое работало как государственно-монополистическое предприятие, финансировалось целиком из бюджета, управлялось административными методами, не зависело от зрителей.

2. Конец 1980-х – 1994. Децентрализация телевизионной системы. В эти годы государство практически утратило функции идеологического и финансового контроля. После митингового прорыва перестройки и гласности, именно в эти годы, совпавшие с периодом первой приватизации, были заложены основы журналистики, ориентированной на западные модели. К концу периода децентрализации системы ТВ начинается первоначальный раздел рынка СМИ.

3. 1994–1996. Передел государственной собственности и формирование новой пропагандистской системы. В результате

политических интриг и лоббистских усилий новых владельцев СМИ не раз менялся статус основных общенациональных телеканалов, президентскими указами телерадиовещание постоянно «совершенствовало». В эти годы сложилась система вещающих и телепроизводящих организаций, определились контуры основных телевизионных сетей, был поделен рекламный рынок.

4. 1997–1999. Активизация политических капиталов и информационные войны.

5. 1999–2000. Активизация государства. Этот этап наметился еще в 1998 г. при создании единого производственно-технологического комплекса ВГТРК, а затем и соответствующего министерства.

После победы В.В. Путина на президентских выборах конфигурация эфирной сетки на телевизионном рынке серьезно изменилась.

6. 2000–2001. Закат эры «олигархов». С идеологической точки зрения, идея нового, сильного, корпоративного государства – определения в СМИ разнятся – воплощается в деятельности телевидения под лозунгом конструктивного диалога и сотрудничества с властью. Диалог, сотрудничество, лояльность – новые характеристики информационного поля этого периода. Они принципиально отличаются от минувшего анархического, агрессивного информационного десятилетия.

7. 2002–2004. Модернизация власти, усиление государственной бюрократии и индустриальные перспективы телевидения. «Пресса должна знать свое место». В этой незамысловатой формуле выражена суть взаимоотношений власти и СМИ.

Если сравнить топ-листы рейтингов программ за 2001 и 2004 гг., то можно увидеть, что во втором случае телевизионные игры становятся менее популярными среди зрителей. Принимая во внимание хронологию событий, приведенную выше, можно сделать вывод, что популярность телеигр по сравнению с показателями 2001 г. резко упала.

В книге Е.В. Поберезниковой «Телевидение взаимодействия. Интерактивное поле общения» приводится таблица возникновения программ «Телевидения взаимодействия»²¹. Выделение из таблицы телевизионных игр показывает, что пик возникновения телевизионных игр приходится на 1993–2001 гг.

Если соотнести эти даты с хронологической таблицей А.Г. Качаевой, становится видно, что в политической жизни страны и в развитии отечественного телевидения происходили серьезные перемены. А с 2002 г. наступает стабилизация поло-

жения и усиление государственной политики по отношению к средствам массовой информации.

Телевизионные игры становятся наиболее популярны в моменты толерантного отношения власти к средствам массовой информации. Чтобы выяснить причины этого, необходимо взглянуть на проблему: 1) со стороны зрителя и 2) со стороны власти.

1. С перехода от социалистического планового хозяйства к рыночному начинается эра коммерческого телевидения и борьба за зрительский интерес, который отражается на рейтинге программ, а следовательно, и на высоких расценках на размещение рекламы.

«Несмотря на высокопарную риторику о служении людям, более всего СМИ заботят деньги, которые поступают от рекламодателей со скоростью, прямо пропорциональной величине и составу зрительской, слушательской или читательской аудитории, которая, в свою очередь, обуславливает содержание материала. Тем самым СМИ испытывают на себе огромное давление, заставляющее их быть максимально развлекательными для максимально большого числа людей»²². Телевидение, в условиях рыночной экономики, показывает то, что хотят видеть зрители.

В зрительских тенденциях телепотребления можно выделить несколько особенностей. Одна из них заключается в том, что с тех пор, как телевизор стал неотъемлемым атрибутом повседневной жизни людей, телесмотрение приобрело характер привычки. «Телесмотрение “вполглаза”, совмещение просмотра с другими занятиями, постоянно работающий во время пребывания дома телевизор – вот основные характеристики современной модели»²³.

Еще одной разновидностью современного телепотребления является так называемое клиповое смотрение – постоянное переключение с канала на канал, ставшее возможным благодаря изобретению пульта дистанционного управления и расширению числа доступных телеканалов. Поэтому, чтобы удержать зрителя на канале, телевизионщики используют приемы, привлекающие зрительское внимание. Напряженный ритм повседневной жизни, необходимость решения многочисленных проблем, вызывающих состояние стресса, способствуют тому, что желание расслабиться, переключить внимание, отвлечься от проблем являются основными установками зрителей при просмотре современного телевидения. «Рейтинговый зондаж остановил коммерческое ТВ

на двух основополагающих структурных элементах программы: развлечении (викторины, игры, шоу, поп-музыка, отдельные киножанры и проч. составные масскульта) и новостях (с акцентом на сенсацию). Именно они заявили себя в качестве выгодного товара на рынке шоу-бизнеса»²⁴.

Сегодня аудитория ждет от телевидения удовлетворения потребности в эмоциональной релаксации и развлечении. Нереализованные потребности в успехе, радости, празднике, смехе дают о себе знать значительным ростом популярности у зрителей развлекательных программ. Телезрители хотят смотреть передачи о том, как жить счастливо, смеяться над шутками, следить за тем, как молодые ребята учатся выступать на сцене.

Игра как одна из форм развлекательного телевидения, несомненно, отвечает всем требованиям зрителя. «Во-первых, телевизионная игра генетически связана с необходимостью удержать зрителя на канале, не дать ему перейти на другую кнопку; можно сказать, что игра – это прежде всего инструмент для поддержания рейтинга. Во-вторых, зрители почему-то легко подвергаются воздействию этого инструмента: им нравится, когда их представитель (игрок) оказывается по другую сторону экрана и вступает в отчаянную схватку с Телевидением в лице ведущего»²⁵. Формат телевизионных игр соответствует современному телепотреблению, и зритель готов к просмотру игровых программ.

2. Можно предположить, что в переходные периоды развития страны государство находится в поисках неких ценностей, необходимых для объединения людей, неких приоритетных задач и целей. Телевизионные игры же не вписываются в общую картину видения властью идеального ТВ. Поэтому наибольшее количество игровых программ приходится на переходные этапы развития общества, именно тогда, когда зритель своим предпочтением диктует вещателям необходимость наличия или отсутствия того или иного продукта в телевизионной сетке. С усилением государственной политики в области средств массовой информации игры постепенно исчезают с экранов телевизоров. Так произошло в 1950–1970 гг.: после XX съезда начало выходить в эфир большое количество игровых программ, но этот процесс внезапно прервался в середине 70-х. Так произошло и в 90-х: на протяжении десятилетия телевизионные игры стали чуть ли не самым популярным жанром телевидения, а к 2002 г., с изменением государственной политики по отношению к телевидению, игры отходят на задний план. Цикличность – спады и подъемы популярности телевизионных игр – налицо.

- ¹ *Зуев М.Н.* История России с древнейших времен до конца XX века. М., 2000. С. 724.
- ² *Козлова М.М.* История отечественных средств массовой информации. Ульяновск, 2000. С. 243.
- ³ *Зуев М.Н.* Указ. соч. С. 738.
- ⁴ *Поберезникова Е.В.* Телевидение взаимодействия: Интерактивное поле общения. М., 2004. С. 20.
- ⁵ *Голядкин Н.А.* История отечественного и зарубежного телевидения. М., 2004. С. 36.
- ⁶ Телевизионная журналистика / Под ред. Г.В. Кузнецова. М., 2002. С. 73.
- ⁷ *Поберезникова Е.В.* Указ. соч. С.29.
- ⁸ *Кацев И.Г.* История российского телевидения: (1907–2000). М., 2004. С. 101.
- ⁹ *Вартанов А.С.* Актуальные проблемы телевизионного творчества: На телевизионных подмостках. М., 2003. С. 116.
- ¹⁰ Телерадиоэфир: История и современность / Под ред. Я.Н. Засурского. М., 2005. С. 36.
- ¹¹ *Кузнецов И.В.* История отечественной журналистики (1917–2000). М., 2000. С. 12.
- ¹² История России в новейшее время (1945–1999): Учебник для вузов / Под ред. А.Б. Безбородова. М., 1999. С. 324.
- ¹³ Система средств массовой информации России / Под ред. Я.Н. Засурского. М., 2001. С. 176.
- ¹⁴ *Гуревич С.М.* Экономика отечественных СМИ. М., 2004. С. 18.
- ¹⁵ Система средств массовой информации России. С. 174.
- ¹⁶ Там же. С. 175.
- ¹⁷ *Борецкий Р.* Телевидение на перепутье. М., 1998. С. 82–83.
- ¹⁸ *Поберезникова Е.В.* Указ. соч. С. 60.
- ¹⁹ *Вакурова Н.В., Московкин Л.И.* Типология жанров современной экранной продукции. М., 1997. С. 124.
- ²⁰ *Качкаева А.Г.* Новейшая история российского телевидения (1985–2004) // Телерадиоэфир: История и современность / Под ред. Я.Н. Засурского. М., 2005. С. 36–54.
- ²¹ *Поберезникова Е.В.* Указ. соч. С. 209–217.
- ²² *Харрис Р.* Психология массовых коммуникаций. М., 2002. С. 48.
- ²³ Россия и социальные изменения в современном мире: Материалы международной научной конференции «Ломоносов-2004»: В 3 т. М., 2004. Т. 1. С. 101.
- ²⁴ *Борецкий Р.Б.* В Бермудском треугольнике ТВ. М., 1998. С. 65.
- ²⁵ *Голубовский А.* Эфирное счастье // Еженедельный журнал. № 021, 04.06.2002. С. 11.

НОВАЯ СПОРТИВНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СМИ

(На материале сноубордистской терминосистемы,
используемой в журнале «Onboard»)

В конце XX в. физическая культура и спорт сформировались в особый социально-культурный институт. Все больше и больше людей интересуются спортивными мероприятиями – матчами, играми, гонками и другими соревнованиями. Потребности этой растущей части населения обслуживает спортивная журналистика. Сейчас она включает в себя не только комментирование и обозрение спортивных событий, но и спортивную публицистику, спортивное журналистское расследование и т. п.

Совершенно естественно, что такая крупная отрасль, как спортивная публицистика, не может обходиться без своей собственной специальной лексики. Основой этого лексического пласта является специальная терминология (96% всей лексики поля)¹.

В мире информационных технологий терминосистемы, подобные спортивным, не могут развиваться в отрыве от массового читателя. Поэтому так важен публицистический аспект этого вопроса. Однако проблема особенностей функционирования спортивной терминологии в публицистической речи почти нигде не затрагивается.

Журналисты часто прибегают к спортивной терминологии, но не всегда берут на себя труд объяснить читателю значение того или иного термина. Насколько спортивная терминология вошла в русский язык? Может ли не посвященный во все детали того или иного вида спорта читатель легко понять журналиста или комментатора? Или все-таки спортивным изданиям нужно бы помещать в конце своих публицистических заметок краткий словарь-справочник употребляемых в статье спортивных терминов? Такова основная проблема, анализируемая в данной статье.

Материал исследования – спортивная лексика и терминология, представленная в ежемесячном спортивном жур-

нале «Onboard», а также в электронной версии журнала в Интернете.

Журнал «Onboard» очень популярен в Европе. Он считается самым профессиональным изданием, посвященным сноубордингу. С 2004 г. начала выходить русская версия журнала, ее выпуском занялось издательство «ГеймЛэнд». Издание освещает все события, происходящие в мире сноубординга – как в России, так и в Европе и Америке. Целевая аудитория журнала – молодые люди, увлекающиеся сноубордингом, как профессионалы, так и любители.

В статье анализируются тексты шести первых номеров журнала. Выбор обусловлен тем, что значения узкоспециальных терминов должны быть объяснены именно в первых выпусках периодического издания, когда идет активное формирование его аудитории.

В качестве источника используется также электронная версия журнала «Onboard» (www.onboard.ru). Интернет-версия журнала появилась не так давно, но при популярности сети Интернет в современном мире ее нельзя игнорировать. Многие издания создают электронные версии в Интернете, используя его преимущества: 1) Интернет обеспечивает мгновенный доступ к информации; 2) электронные версии изданий могут включать в себя намного больше информации, чем те же издания в печатном варианте. Если что-то не было включено в основное издание, оно скорее всего найдет свое место в электронной версии журнала.

В каждом из номеров журнала производился подсчет используемых узкоспециальных терминов: количество терминов на одну страницу, на 10 страниц, на весь выпуск. Результаты сравнивались. Анализируемые термины делились на две группы: повторяющиеся и неповторяющиеся (в одной статье, на одной полосе, в одном номере, в разных номерах). Такое деление позволило представить более полную картину употребления узкоспециальных терминов на страницах журнала.

Параллельно подсчету терминов велся подсчет дефиниций, данных этим терминам. Учитывались способы раскрытия значения термина, приемы подачи дефиниций на страницах журнала. Проводился и анализ фоторабот. В подобных журналах иллюстрации играют важную роль, их значение нельзя преуменьшать: многие термины могут встречаться в подписях к фотографиям. На этом этапе работы анализировались иллюстрации, велся подсчет терминов, использовавшихся в этих рубриках. Иссле-

дования подкреплялись работой со словарями. Та же методика использовалась и при анализе Интернет-версии журнала.

Самая яркая особенность употребляемых в журнале терминов – это их иноязычность. Почти все термины заимствованы из английского языка, например *фронтсайд*, *рэйл*, *джиббинг*, *квотерпайп*, *скипасс*, *хайфпайп* и др.

В русской транслитерации употребляются термины, обозначающие препятствия (*хафпайп*, *квотерпайп*, *рэйл*, *бокс* и др.), стили катания (*фристайл*, *фрирайд*, *джиббинг*), названия некоторых технических устройств, например, подъемников (*фуникулер*, *дрэг*).

Помимо употребления англицизов в русской транслитерации, в журнале также часто используется терминология непосредственно на языке оригинала. В основном это касается названия разнообразных трюков – их не приводят в русском написании. Скорее всего, потому что зачастую это практически невозможно: *sw bs 180 melon* (св бс 180 дыня), *sw bs 540 stalefish* (св бс 540 несвежая рыба), *switch backslide three indy* (переключение, возвращение три инди), *frontside five* (передняя сторона пять) и т. д.

Написание некоторых терминов нельзя назвать утвержденным. Оно может быть различным в статьях разных авторов. Например, в № 1 термин *disaster* был написан по-русски (*дизастер*), а в № 6 – уже на языке оригинала.

Анализируя употребляемую в журнале терминологию, можно заметить, что далеко не каждый термин обладает устоявшейся орфографией. Например, у термина *бинер* можно найти сразу два варианта написания: *бинер* и *биннер*. Причем иногда – в одной статье (Безопасность в аренду: 100 рублей за биппер // *Onboard*, № 1, сентябрь 2004). Это говорит о том, что терминология российского сноубординга, хоть и довольно обширная, еще не может считаться окончательно устоявшейся. Не существует ее классификации, а значит, нет и четких правил орфографии.

В целом проведенный анализ показал, что заимствованная лексика в русской сноубордистской терминологии составляет свыше 95% всего состава.

Сноубордистская терминосистема изобилует многосоставными терминами. Это могут быть двухкомпонентные термины: *кинкованный рейл*, *кинкованный мегабокс*, *tail slide*, которые иногда двуязычны: *наклонный рейл*. Для этих терминов характерны двухкомпонентные номинативные сочетания, состоящие

из определяемого компонента (обычно имя существительное) и определяющего (имя прилагательное, другое существительное и некоторые другие части речи). В сноубордистской терминосистеме двухкомпонентные термины составляют около 42% всех словосочетаний и занимают около 28% всей терминосистемы. Часто на страницах журналов встречаются многокомпонентные термины (от 3 до 7 единиц). Например, в названии моделей технических снарядов (*Salomon David Benedek 155*), в названии трюков (*nose blunt slide*).

Многокомпонентные сочетания составляют около 48% всех словосочетаний (около 31% всей терминосистемы).

В данной терминосистеме широко распространено употребление названий, построенных по принципу осново- и словосложения: *трансфер, джибб-парк, фанбокс, handplant*. Сложные слова занимают около 36% всей сноубордистской терминосистемы.

Термины, не являющиеся недавними заимствованиями из английского языка, встречаются редко и относятся к так называемой общей спортивной терминологии: *гимнастика, куртка, перчатки, трасса*.

Что касается непосредственно узкоспециальной терминологии, то русскоязычные термины составляют в ней менее 5% всей терминосистемы. Эти термины могут обозначать название снаряда, трюка или части доски и обычно односоставны. В основном такие термины являются калькой с английского варианта названия: ср. англ. *tail* и русск. *хвост* (сноуборда).

Изредка встречаются русскоязычные термины, образованные по схеме «глагол + существительное», например, *построить вылет*.

Из проделанного анализа можно сделать следующий вывод: на страницах журнала употребляется огромное количество малопонятных среднему читателю терминов: от 50 до 100 терминов в каждом номере. В среднем на 10 страниц приходится по 10–12 терминов.

Основные пояснения к терминам даются журналом в виде фотоиллюстраций. Они занимают значительную часть издания, среди исследованных номеров был даже специальный «фото-выпуск» *Onboard, № 3, ноябрь 2004*.

Фотоработы обычно представляют различные трюки, выполняемые спортсменами. Часто эти страницы снабжаются пояснениями – названием трюка, именем спортсмена, местом исполнения трюка. Например, в первом номере журнала

24 термина были пояснены фотографиями, в четвертом – 28 (из 63), в шестом – 12 (из 47).

Что касается других средств раскрытия термина, то в разных номерах журнала они представлены в небольшом количестве и совершенно бессистемно.

Из 99 терминов, появившихся уже в первом номере журнала «Onboard», в тексте объяснено значение всего двух. Дефиниции обоих терминов даны в скобках после определяемого слова: «Наши обкатывали перила, в том числе с “дизастером” (заход на рейл с высокого прыжка), что у них неплохо получалось». (Первый раз в SPC Elbrus Trip 2004 // Onboard, № 1, сентябрь 2004).

В ходе исследования выяснилось, что значение некоторых терминов не раскрывается, однако иногда рядом с ними, в скобках, дается их английский вариант написания: «Парк не самый лучший, но есть, чем развлечь себя, а именно: несколько больших тейблтопов (tabletops) вокруг подъемника Коген, рейлы, хипы, а также потрясающие пиллоу лайнз (pillow lines) слева от Михарашию» (Среда катания // Onboard, № 1, сентябрь 2004). Назначение в тексте подобных «разъяснений» не очень понятно – возможно, это сделано для того, чтобы можно было посмотреть значения в словаре? Но даже после проверки значения английского слова по словарю (например, tabletop-настольный, настольного типа) смысл термина остается неясным.

В некоторых случаях одни термины поясняются другими еще более неясными: «Вылетев, хватай грэб (самый легкий – это liep, он поможет развернуть голову и плечи в направлении вращения). Спокойно жди, пока снова не увидишь гребень пайпа» (Трюкология // Onboard, № 6, март 2005). Не объясняя, что такое *грэб*, автор называет наиболее легкий из них и советует взять именно его.

В большинстве же случаев значение термина не раскрывается вообще, даже если объяснения буквально напрашиваются: «С самого утра светило солнце, а парк был отлично выведен: 2 трамплина различной величины, отремонтированный flat-down бокс, радуга и квотерпайп. Последняя фигура была всем в новинку, поэтому особых вылетов в тот день не было» (Дабл джибб в Новопеределкино // Onboard, № 6, март 2005). Если фигура была всем в новинку, то, скорее всего, она в новинку и читателям журнала. Значение термина стоило пояснить, но авторы статьи этого не сделали.

В свете всего сказанного необходимо проанализировать итоги работы со справочной литературой. Ни в одном из использованных словарей² не нашлось требуемых дефиниций. Напротив, в этих словарях не освещается терминология такого вида спорта, как сноубординг.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в большинстве своем термины остаются без дефиниций. Возможно, о значении некоторых из них можно догадаться – например, о значении терминов *скользяк*, *кант*. Если читать журнал «Onboard» регулярно, то значение подобного рода терминов понять можно. Но есть термины, которые от каждого очередного прочтения не становятся понятнее. И таких в журнале большинство.

Терминология у сноубординга обширная, построена на иноязычной основе. Однако редакция не проводит последовательной просветительской политики и перекладывает ответственность за ее понимание исключительно на читателей.

Исследование также затрагивало электронную версию журнала. Печатная и электронная версии должны дополнять друг друга, и без анализа интернет-версии выводы могли бы быть ошибочными, а рекомендации – излишними. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что издатели воспользовались удобствами сети Интернет и создали некий раздел, который должен помочь читателям ориентироваться в сноубордистской терминологии.

Выяснилось, что в Интернет-версии журнала гораздо больше обучающих статей. Поэтому на электронных страницах ярче представлены общеспортивные термины – около 40% от всей имеющейся терминологии. По той же причине в интернет-версии журнала употребляется намного больше русскоязычных терминов, в основном многосоставных: *встать в стойку*, *закинуть нос*, *группироваться в воздухе*, *серия прыжков*. Но в целом терминология на страницах интернет-версии журнала представлена так же широко, как и в печатном варианте, и сохраняет те же особенности – отсутствие строгой классификации и устоявшейся орфографии.

В интернет-версии журнала даются дефиниции немногим базовым терминам. Узкоспециальные термины, как и в печатном издании, остались без дефиниций. В электронной версии отсутствует раздел, посвященный сноубордистской терминосистеме. Стоит отдельно сказать, что интернет-версия журнала не включает в себя графы поиска. Поэтому даже если в какой-либо

статье раскрывается значение необходимого термина, искать эту статью можно только наугад.

Из проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Терминология в современной сноубордистской публицистике используется часто. Наблюдается огромное количество иноязычных терминов, многие из которых приводятся в издании на языке оригинала. Терминосистема сноубординга широка, однако пока нельзя назвать устоявшейся ее графику и орфографию.

2. Несмотря на большое количество используемых в печати терминов, дефиниции получает лишь малое их количество. В среднем из сорока пяти терминов объясняется значение одного, причем какой-либо здесь системы нет. Значения терминов невозможно уточнить за неимением какого-либо терминологического словаря как в печатной, так и в электронной версии журнала. Однако давать дефиниции узкоспециальным терминам (особенно относящимся к еще не устоявшейся терминосистеме) в публицистике необходимо.

На основании проведенного исследования предлагаются некоторые рекомендации для повышения информативности журнала в плане терминологии. Существует несколько средств раскрытия значения термина: в скобках после определяемого слова (если слов в поясняющем тексте немного); в сноске (если дефиниция включает в себя ряд понятий); в словаре в конце материала (если в тексте много терминов, требующих дефиниций). В некоторых случаях термин может быть пояснен с помощью картинки или фотографии. Особенно это актуально по отношению к спортивной публицистике, где множество изображений трюков, фигур, препятствий и технического оборудования. Но самым удобным средством раскрытия значения является терминологический словарь в интернет-версии издания. Словарь должен располагаться в специальном разделе, а ссылка на него – находиться на главной странице электронной версии. К тому же с помощью строки поиска читатель сможет быстро найти необходимую ему дефиницию. Такие словари следует создавать по образцу уже имеющихся изданий³.

Стоит отдельно упомянуть о том, что объяснять значения используемых терминов – это элементарная журналистская этика. Журналист обязан быть вежлив со своим читателем, должен «держат планку» и быть всегда компетентным в освещаемом им вопросе. Объяснение значений используемых им терминов –

А.М. Бекина

это пример качественной журналистики, оно создает изданию хорошую репутацию.

Примечания

¹ *Кожевникова И.Г.* Русская спортивная лексика: Структурно-семантическое описание. Воронеж, 2003. С. 35.

² См. список в конце статьи.

³ См., напр.: Терминология спорта: Толковый словарь спортивных терминов: Ок. 9500 терминов / Сост. Ф.П. Суслов, Д.А. Тышлер. М., 2001.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНА «ДЕКАБРИСТ» В PR-КАМПАНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Пиар НБП (национал-большевистской партии) держится на мелком политическом хулиганстве¹. Новым русским революционерам свойственно приурочивать свои «торжественные мероприятия» к памятным датам истории революционного движения. Поэтому нет ничего удивительного, что их самая громкая акция – «ненасильственный захват» кабинета в приемной Администрации Президента РФ (ул. Ильинка, 23) – припала на день 14 декабря. День, когда «Россия – по словам их учителя В.И. Ленина – впервые видела революционное движение против царизма». В таком контексте весьма уместны лозунги «Царизм не пройдет!» и «Долой самодержавие!». Их наряду с другими антипутинскими требованиями скандировали молодые революционеры, запершись в одном из кабинетов здания на Ильинке.

Удивительно другое. За период с 14 по 31 декабря 2004 г. было зафиксировано не менее 477 сообщений прессы о «захвате приемной» и расследовании дела 39 лимоновцев. Но только в двух публикациях из этой полутысячи появилось определение героев акции как «новейших декабристов»² и «новых декабристов»³. Автор обоих определений Лев Сигал («Русский журнал» от 25 и 31 декабря) может быть признан изобретателем метафоры «декабристы из НБП»⁴. Остальные журналисты прошли мимо возможности обыграть по горячим следам совпадение даты «ненасильственного захвата приемной» с годовщиной «восстания декабристов».

17 января 2005 г. в «Новой газете» была опубликована статья Анны Политковской «Поколение некстати», где впервые было употреблено выражение «нацболы-“декабристы”»⁵. Этой формуле было суждено стать классической. Ни одно из выражений того же смысла («новейшие декабристы»⁶, «новые декабристы»⁷, участники «восстания декабристов»⁸, «декабристы-лимоновцы»⁹,

«декабристы НБП»¹⁰, «нео-декабристы»¹¹, «младодекабристы»¹², «недавние декабристы»¹³) не смогло соревноваться в частотности с формулой Политковской. Но широкое тиражирование декабристской метафоры в прессе началось далеко не сразу. Следующее употребление случилось почти два месяца спустя. 9 марта 2005 г. на сайте информационного агентства «Regnum» появилось сообщение: «“Декабристов”-лимоновцев оставили под стражей»¹⁴. Еще почти через месяц, 3 апреля 2005 г. на сайте КПРФ опубликована информация: «Продлено следствие по делу нацболов-“декабристов”»¹⁵. Всего за 4 месяца метафора «декабристы» была применена к нацболом 5 раз.

Можно предположить в таком замалчивании декабристской метафоры заговор «буржуазной» прессы против «пролетарской» партии. Но, обратившись к «партийной печати» национал-большевиков, мы с удивлением обнаруживаем, что никакого антилимоновского заговора СМИ не было.

В первом сообщении сайта «НБП-инфо» о «ненасильственном захвате» указывалось, что акция посвящена «защите Конституции» и приурочена к «годовщине смерти Андрея Сахарова»¹⁶. Связь с декабристами впервые была отмечена на сайте НБП лишь в феврале 2005 г. Причем в обоих случаях приурочивание «мирной протестной акции» к годовщине восстания декабристов было сделано не членами НБП.

10 февраля 2005 г. было опубликовано открытое письмо к президенту РФ от М.А. Глобы-Михайленко, «матери участника митинга в знак протеста против принятия Думой РФ закона о “монетизации” льгот, проходившего 2 августа 2004 года». В письме сообщалось, что «40 юношей и девушек 14 декабря 2004 года, в *день восстания декабристов*, годовщину смерти Андрея Сахарова, пришли на митинг в защиту Конституции к приемной Администрации Президента»¹⁷.

16 февраля 2005 г. на том же сайте была опубликована стенограмма обсуждения проекта постановления «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “О ситуации, связанной с событиями 2 августа 2004 года в здании Министерства здравоохранения и социального развития”». Депутат от партии «Родина» Н.С. Леонов охарактеризовал «захват» приемной лимоновцами как «мирную протестную акцию, совершенную ими 14 декабря, в *годовщину восстания декабристов*, в помещении общественной приемной Администрации Президента Российской Федерации»¹⁸.

Использование термина «декабрист» в PR-кампаниях политических партий

И лишь 3 апреля 2005 г., почти четыре месяца спустя после «мирной протестной акции», на сайте НБП появилось первое сообщение, где ее участники были названы «нацболами-“декабристами”»¹⁹. После этого именование «нацболы-“декабристы”» стало привычным ([yandex дает 145 ссылок](#)) для официального сайта лимоновцев.

Орган НБП газета «Лимонка» проявила большую расторопность в использовании декабристского «бренда». В январе 2005 г. амиго El Lobo Rojo подвел итоги за год: «Прошедший год был весьма успешным для НБП: мы снискали не только широкую известность, но и любовь народную. Тому способствовали наши знаменитые акции: мирный захват Минздрава в знак протеста против отмены льгот – и “восстание декабристов” (14 декабря, через 179 лет после выступления на Сенатской площади) – захват приёмной администрации президента, демонстрация протеста против безумной политики Путина»²⁰.

Почти полгода после этого метафора «декабристы» на страницах «Лимонки» не использовалась. Лишь в июне 2005 г. в редакционной статье Эдуарда Лимонова «Дела партийные» появилось упоминание «сорока “декабристов”, национал-большевиков»²¹. В последующих номерах газеты эта метафора употреблялась неоднократно ([yandex дает 92 ссылки](#)).

Выражение «нацболы-“декабристы”» обрело устойчивость штампа в середине апреля, через четыре месяца после «мирного захвата». Именно тогда пропагандисты НБП создали яркий «информационный повод» – «“Захват”-2». 15 апреля 2005 г. ИА «Regnum» риторически вопрошало: «Родители нацболов-“декабристов” пойдут по стопам своих детей?» Со ссылкой на пресс-службу НБП сообщалось: «Во вторник, 19 апреля, в 12.30 родители членов Национал-большевистской партии, арестованных 14 декабря 2004 г. за символический “захват” приемной Администрации Президента РФ, намерены провести акцию “Захват”-2: в бездушном пространстве”. <...> В 12.30 родители нацболов-“декабристов” планируют прийти в приемную Администрации Президента и потребовать встречи с Президентом»²².

Апрельский «запуск» формулы «нацболы-“декабристы”» был, скорее всего, спровоцирован эффектом от выступления М.Б. Ходорковского. 11 апреля 2005 г. он заявил в «последнем слове» на суде: «Спасибо моей жене, которая действительно повела себя как соратник, как настоящая декабристка»²³. Слова «настоящая декабристка» удалось обнаружить в 15 сообщениях

СМИ за период 11–13 апреля. Ход пиарщиков Ходорковского заключался в смещении акцента: можно ненавидеть кругом виноватого олигарха и при этом сочувствовать его самоотверженной «декабристке»-жене. Пропаганда НБП копировала этот удачный ход: можно считать детей наглыми хулиганами, но нельзя остаться равнодушным к горю несчастных родителей²⁴. После «Захвата-2» метафора «нацболы-“декабристы”» заработала. 15–19 апреля 2005 г. она была употреблена в 8 сообщениях СМИ. Формула Политковской превратилась в термин, т. е. краткое обозначение участников акции 14 декабря 2004 г. Впоследствии она тиражировалась в СМИ не менее 186 раз.

Мы видим, что руководство НБП не торопилось ассоциировать молодых «героев, призвавших Путина уйти в отставку», с декабристами²⁵. Почему национал-большевики поначалу отказались от очевидных и благотворных для пропаганды параллелей с «первым поколением» русских революционеров?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо исследовать классическую тему советского литературоведения «Писатель X о декабристах». В январе 1991 г. был опубликован протест 50 видных писателей, членов советского Пен-центра, против действий советских войск в Вильнюсе. 5 мая 1991 г. русский писатель Лимонов возразил советским писателям в газете «Советская Россия». В статье «Чадаевщина» он описывает «перестройку» как революцию «новой буржуазии», чьим капиталом является знание, против власти «партийных бояр». По определению Лимонова: «Интеллигенция – это элита буржуазии, ее мозговой трест, ее идеологические парашютно-десантные войска». Он отказывает интеллигентам в важнейшей для них самих функции – просвещении народа: «Интеллигенция в нашу эпоху потеряла роль просветителя и идеолога. Указывать неграмотному народу дорогу сегодня не нужно. Мы живем в эпоху всеобщей грамотности и необыкновенного развития средств коммуникаций. <...> Массы сами способны сегодня разобраться что к чему и без интеллигенции». В статье о сущности и истории русской интеллигенции абсолютно логично упомянуты ее святые предки – декабристы. Для понимания отношения Лимонова к декабристам важен контекст:

«Во времена иноземных нашествий, смут и хаоса лучшие люди российской цивилизации следовали другой, куда более благородной традиции. Ломоносов, Державин, юный Пушкин с войсками на Кавказе и в Бессарабии, боевой офицер Лермонтов, боевой офицер Лев Толстой в Севастополе, военный врач

Использование термина «декабрист» в PR-кампаниях политических партий

Константин Леонтьев, вовсе гражданский Достоевский – примеров можно было бы привести немало, все они словом и делом защищали Отечество. Это есть, в отличие от чаадаевщины, наша основная мощная традиция. Ей следовали люди высокого качества таланта. Я присоединяю свою подпись к подписям авторов “Бородино” и “Войны и мира”. Обращение же Пен-центра иначе, как предательским, не назовешь. Предательским по отношению к нашим солдатам. Петр и Екатерина, цари и, я уверен, *даже декабристы* (они выступали против формы правления Русским государством, но защищали его против нашествия Наполеона) прокляли бы подписантов-“демократов”. Верно и то, что все они, от Петра и Ломоносова до Толстого и Достоевского, не были *профессиональными интеллигентами*. Они чувствовали солидарность прежде всего со своим народом, в который уходили глубоко корнями»²⁶.

Почему *«даже декабристы»*? Почему автор с сомнением включает их в ряд последователей «благородной традиции»? Не потому ли, что основатель предательской традиции «чаадаевщины» был членом декабристского «Союза Благоденствия»?

На эти вопросы отвечает следующее обращение писателя к декабристской теме. В «Лимонке» № 6 (февраль 1995 г.) вечный подросток Савенко бросает «Лимонку в избирателя»:

«К сожалению, – массовый российский избиратель, – это мещанин, т. е. человек, лишенный нескольких измерений, а именно: общественного, государственного, национального, мистического. Его сознание АРХАИЧНО, потому что при советской власти народ искусственно опускали в 19-й век. Его насильственно кормили архаичной эрзац-культурой (вспомните астрономическое количество фильмов, телефильмов, радиопостановок, спектаклей, книг с “героями” – *декабристами*, купцами, поручиками, барышнями, помещиками), потому что конфликты и герои 19 века были безопасны. В то же время мощный исторический взрыв национализмов в Европе в 1918–1945 гг. остался неизвестен человеку вовсе, окарикатурен, очернен. *Мещане* у нас рабочие, и таксисты, и лотошники, и *интеллигенты*»²⁷.

Ненависть «интеллектуального маргинала»²⁸ Эдички к буржуазной интеллигенции²⁹ перекидывается на святых предков мыслящих «мещан» – «щеголей-вольнодумцев декабристов»³⁰. Для Лимонова они «герои» в кавычках, т. е. не истинные герои. В исходном понимании древних греков, герои – святые предки, которым надо подражать. Поэтому декабристы не являются тем священным образцом, с которым следует отождествляться

членам НБП: «Пусть Вас вдохновляют исторические примеры: история партии большевиков, история итальянских фашистов, германских национал-социалистов»³¹. Отвечая на «ленинский» вопрос «От какого наследства мы отказываемся?», Лимонов в первую очередь отвергает архаичных «героев»-декабристов.

Пренебрежительное отношение безоглядных революционеров к «хрупкой дворянской революционности» (М.В. Нечкина) декабристов проглядывает в «Календаре “Лимонки”», который если не составлялся Лимоновым, то, по меньшей мере, получил его редакторское благословение:

«14 декабря 1825 г. провалилась попытка декабристов осуществить военно-революционный переворот. Они, конечно, страшно далеки были от народа, но главное – активней надо было мочить, господя!»³².

«13 июля 1826 г. в Петербурге повесили пятерых руководителей восстания декабристов. Лучше, тщательнее надо готовить государственные перевороты, товарищи!»³³

Тема была продолжена в тюремных интервью Эдуарда Лимонова. Отвечая в июне 2001 г. на вопрос корреспондента «Независимой газеты» («Скажите, вы что, надеетесь, что ваша партия победит при вашей жизни? Может быть, вы считаете, что НБП выполняет своего рода функцию декабристов: декабристы разбудили Герцена, а уже Герцен будил тех революционеров, которым суждено было воплощать соответствующие идеи в жизнь?»), Лимонов решительно заявил: «*Удобрением для поколений служить не будем*. Победим сами, НБП. А если падет один боец, на его место придут другие. Знамя НБП будет над Лефортовом и Бутыркой»³⁴. Образ красного знамени НБП над тюрьмами свидетельствует, что параллель с революционным удобрением (декабристами, сгнившими «во глубине сибирских руд») чужда вождю национал-большевиков. Он видит свою организацию не «первым поколением», но «поколением победителей».

Через полтора года Лимонов в интервью Александру Проханову утверждал, на первый взгляд, обратное: «НБП начала нечто, что, по всей вероятности, так же значительно, как то, что *начали декабристы*, а потом народовольцы. <...> Мы сделаем все, чтобы осколки нашей “Лимонки” детонировали крушение Нового Деспотизма. <...> Если дрова, как ты говоришь, окажутся сырыми, то загорятся со второй спички, с третьей. Но то, что это будет НБП и ее флаг, я не сомневаюсь»³⁵.

В этом высказывании имеется логическое противоречие. Писатель сравнивает свою партию с декабристами и

Использование термина «декабрист» в PR-кампаниях политических партий народовольцами, которые оказались первой и второй «спичками», не способными запалить «сырые дрова» народного возмущения. Но далее, как и в интервью «Независимой газете», Лимонов утверждает, что крушение «нового деспотизма» произойдет под «флагом» НБП. То есть национал-большевизм будет «третьей спичкой» или, по терминологии Ленина, «третьим поколением». Впрочем, для писателя, живущего яркими образами победного «знамени»/«флага», отсутствие логики простительно. Надо учитывать также, что жанр интервью для «непосвященных» требует перевода понятия «самоотверженные герои» в привычные им символы. Даже у читателей газеты «Завтра» «фашизм не пройдет». Поэтому вождь нацболов, подобно вождю большевиков, причащается к русской революционной традиции. Но алогизм высказывания (НБП – мученики героического самопожертвования, вроде декабристов и народовольцев, и вместе с тем победители-большевики) свидетельствует о неограниченности сравнения с декабристами для Лимонова.

На сайте интернет-магазина «Озон» в марте 2004 г. было опубликовано еще одно интервью Лимонова, где писатель подвел итоги своего тюремного опыта. Отвечая на вопрос, наверняка навеянный представлениями журналиста о Лимонове-знике («Возможно ли в культурном пространстве России диссидентство, появятся ли новые декабристы?»), Лимонов попросту проигнорировал нелюбимую декабристскую тему: «Диссидентство – это ситуация в стране, в которой люди не могут спокойно публиковать, распространять свои инакомыслящие книги. Или другие виды культуры. Похоже, действительно может появиться диссидентство, хотя еще остались какие-то щели в государственной машине»³⁶.

Отчужденность от революционеров-декабристов заметна и в беллетристике писателя-революционера.

В «Книге мертвых» (Санкт-Петербург, 2000) Лимонов утверждает, что стремление к власти вдохновляло декабристов в «большей степени», чем мечты о свободе: «Так, говорят, было в Европе, когда артиллерийский лейтенант Наполеон Бонапарт сделал в Революцию молниеносную и блистательную карьеру – в несколько лет стал генералом, а потом Императором. Каждый лейтенант того времени, не только французский, всей Европы, мечтал стать Наполеоном. О наших отечественных *декабристах* пишут как о поборниках свободы и республики, но их вдохновляла ещё в большей степени легенда Императора»³⁷.

В сборнике произведений Лимонова «Контрольный выстрел» (Екатеринбург, 2003) есть мемуарное эссе «“Декабристы”». Автор вспоминает телепросмотр, состоявшийся в день 14 декабря 2001 г. в тюремной камере. Ассоциации с декабристами возникают по поводу появления на экране двух ренегатов – Андрея Исаева и Владимира Жириновского: «Так что я сподобился увидеть 14 декабря, в день восстания, двух декабристов, двух бывших можно сказать “революционеров”, а ныне через десять лет две циничные человеческие оболочки»³⁸. О сложном отношении к декабристам свидетельствует различие в написании слова «декабристы». В заголовке присутствуют иронические кавычки, а в тексте кавычек нет. Таким образом, во втором случае «две циничные человеческие оболочки» прямо отождествляются с теми, кто заявлял о себе как о «поборниках свободы», но в действительности вдохновлялся «еще в большей степени» стремлением к монархической власти, «легендой Императора».

В другой написанной в тюрьме книге «Другая Россия» (Екатеринбург, 2003) Лимонов развернул уже приводившееся утверждение, что «при советской власти народ искусственно опускали в 19-й век»³⁹. Одна из глав носит злое название «Трупный яд XIX века». В ней Лимонов в очередной раз предлагает сбросить Пушкина, а заодно и декабристов, с «корабля современности»:

«Утверждаю, что именно потому, что Россия потребляла Чехова, Толстого, Пушкина, Достоевского в лошадиных дозах, именно поэтому мы – отсталая, терпящая поражение за поражением держава. <...> Нет, не аномальная любовь граждан к XIX веку привела к феномену преобладания культуры XIX века. Просто, победив в 1917 году, новая власть банально не пошла на творческую борьбу с окружающим современным миром и с его культурой и эстетикой, а пошла на запреты. <...> Все культурные, философские и политические открытия и Европы и Азии прошли мимо России и остались ей неизвестны. <...> Зато как грибковая плесень разросся ядовито XIX век! <...> XIX век был для власти безопасен. Его *декабристы*, *перешедшие в анекдоты*, Белинские, Катковы, Шоколадный карлик Пушкин, дура Натали Гончарова, апатичные резонёры “Вишнёвого сада”, гусары, корнеты, разночинцы, даже Базаров – болтуны, извергающие тонны слов, не могли никого совратить, приобщить к крамоле, потому и поощрялись. <...> Ослабевающая власть Хрущева и Брежнева всё увеличивала дозу XIX века. Тошнотворные барышни и гусары, и Пушкин, слава Богу, породили народную

Использование термина «декабрист» в PR-кампаниях политических партий

отдачу – издѣвку в форме порноанекдотов. Однако советский человек всё же сформировался под влиянием литературы XIX века, с сознанием на столетие дряхлее современности»⁴⁰.

Вопреки своим воззрениям Лимонову пришлось признать метафору «нацболы-декабристы». В немалой степени это произошло потому, что «товарищи по партии» не разделяли его негативного отношения к первому поколению русских революционеров.

Хотя его ранний союзник исламист Гейдар Джемаль тоже сомневается в преемственности дела Ленина, а следовательно, и национал-большевиков по отношению к декабристам. В статье «Неоленинизм в XXI веке» («Лимонка» № 104, ноябрь 1998) он утверждает: «Ленин пришёл в революционную традицию России по двум, как бы, мандатам: один мандат у него был западный – это мандат марксизма. Другой мандат – мандат русской революционной традиции, которая им самим возводится к декабристам. Со школьной скамьи все помнят знаменитое “Декабристы разбудили Герцена” – и так далее. Но мне кажется, что ссылка на декабризм не совсем точный адрес. В действительности, Владимир Ильич был русский мальчик, старший брат его был русский мальчик, и корни их уходят в глубокий евразийский фанатизм ненависти к Системе»⁴¹.

Но остальные члены НБП и сочувствующие партии употребляют слово «декабристы» в традиционном интеллигентском контексте.

В январе 2002 г. второй человек в НБП Владимир Линдерман, выступающий под псевдонимом Абель, рассуждает о том, что в борьбе с режимом «кровавой гѣбни» национал-большевики не могут опереться на народ. Поэтому необходим тактический союз с либеральными СМИ: «Народ (в смысле “социальные низы”) вряд ли способен сегодня разглядеть в ФСБ своего врага. У народа зрение сегодня замылено страшными сказками про “олигархов”. А вот СМИ, интеллигенция уже по своему социальному статусу недолюбливают ФСБ». Общая нелюбовь к ФСБ – залог сотрудничества с «буржуазной» прессой: «Мы совершаем подвиги, они их сочувственно преподносят читателям, зрителям и слушателям». Абель предупреждает, что трусливые либералы обязательно опошлят героический порыв нацболов:

«Нужно помнить, что мы живем в негероическое время. Обывательская идеология господствует тотально. Прикиньте, в каких красках описали бы сегодняшние СМИ выступление декабристов в 1825 году на Сенатской площади? “Несформиро-

вавшиеся юнцы”, “несчастные семьи”, “хулиганская акция”, “дали повод для репрессий”, “провокация 3 отделения” и т. п.»⁴².

«Теоретик партии» готов не только к тактическому союзу с «буржуазной» интеллигенцией. Он искренне разделяет миф интеллигенции о святых декабристах-героях. В феврале 2003 г. Абель в статье «Сбросим обноски старых идеологий» («Лимонка», № 214) восхищается тюремной книгой Лимонова: «“Другая Россия” Вождя – это самая смелая на сегодня попытка освободиться от идеологического старья». Речь идет о той самой книге, где весь XIX век и в первую очередь декабристы преданы анафеме. Тем не менее, Абель как будто не замечает лимоновского негативизма по отношению к декабристам: «Две великих идеи для нас одинаково дороги: идея Нации и идея Свободы. В сочетании этих идей нет ничего противоестественного. Вспомним хотя бы декабристов, замышлявших не только отмену крепостного права, но и мечтавших о военных победах во славу России»⁴³.

30 марта 2005 г. на сайте НБП была опубликована очередная теоретическая статья Абеля. В пафосном тексте «Революция превыше всего» он на примере декабристов, которые «были бесспорными русскими патриотами, но при этом горячими сторонниками политических и гражданских свобод», продолжает доказывать, что понятия «нация» и «свобода» не являются взаимоисключающими. Абель отмечает, что декабристы эволюционировали от «буйного национализма» к революционной постановке социальных вопросов: «Главное внимание переключилось на внутренние проблемы. И на внутреннего врага – самодержавие». Далее автор сравнивает историю декабристов с эволюцией НБП: «НБП прошла *похожий путь*: от дерзких акций против внешнего врага (США, НАТО, антирусские режимы СНГ и Прибалтики, и т. п.) к жесткому политическому и физическому противостоянию с Кремлем. Это закономерная эволюция национальной революционной партии. <...> Сегодня патриота России куда больше, чем агрессивные выходки США на международной арене, должно бесить дичайшее уродство собственной страны»⁴⁴.

В этом месте логика пропаганды требует закольцевать метафору, напомнить о товарищах-«декабристах», выступивших 179 лет спустя 14 декабря 1825 г. против того же «внутреннего врага – самодержавия». Но талантливый пропагандист Абель почему-то этого не делает. Кроме как цензурой «вождя» Эдички этот риторический ляп объяснить затруднительно.

Как известно, лимоновская партия требует решительного подавления чеченских сепаратистов. Отвечая «сознательному рабочему» из Северодвинска («Буржуазия и капитал не имеют национальных границ. <...> Враг – буржуазия, а не братья-украинцы, белорусы, чечены, т. е. враг – националистические буржуазные правительства»), Лимонов предпочел национальное чувство большевистскому классовому чутью: «Ну, какие же нам чечены – братья? Злейшие враги. До того, как мы пришли их воевать, они терроризировали Россию и изнутри, а в Чечне просто вырезали русских»⁴⁵. В «Лимонке» не раз публиковались материалы, где на примерах прошлого предлагались пути «замирения» Кавказа. Декабристы – участники кавказской войны также рассматриваются в качестве вдохновляющего примера для российских солдат третьего тысячелетия.

В «Лимонке» № 18 (июль 1995) А. Борисов в статье «Спецназовец Лермонтов в Чечне» напоминает, что «Кавказ Россия завоевывала не одно десятилетие. И среди многих, кто принимал в этом участие, были три великих русских писателя: Грибоедов, Лермонтов и Л. Толстой». В статье сочувственно сообщается, что в бою при Валерике «уже на исходе боя, шальная чеченская пуля сразит декабриста Лихарева в тот самый момент, когда он будет рассуждать с Лермонтовым о Канте, Гегеле и вечности»⁴⁶.

В статье Слива «Пусть ненавидят, лишь бы боялись» («Лимонка» № 56, январь 1997) упоминается о декабристских связях покорителя Кавказа генерала Ермолова и его сотрудника коллежского асессора Грибоедова: «На всю Россию прогремели события на Сенатской площади. Николай приказал арестовать Грибоедова как сторонника декабристов. <...> Царь подозревал Ермолова в связях с декабристами, и не без оснований. Члены тайного общества видели Ермолова в роли одного из деятелей будущего революционного правительства. Но, как известно, декабристы потерпели поражение. Счастливая звезда генерала Ермолова закатилась»⁴⁷.

Две упомянутых статьи относились к чеченской войне президента Б.Н. Ельцина. В ноябре 2004 г. в «Лимонке» № 261 опубликована статья Андрея Игнатьева «Путин как реинкарнация Николая I». **Товарищ Андрей спорит с либералами, сравнивающими путинскую «вертикаль» со «сталинскими репрессиями».** Он сравнивает политику, включая «бесконечную и бессмысленную» кавказскую войну, императора Николая с правлением президента Путина: «По моему мнению, если и говорить сейчас о какой-либо реставрации, то это реставрация

старой дореволюционной романовской России, а из всего романовского периода путинщина больше всего напоминает время царствования Николая I (1825–1855). Известно, что правление Николая началось с *восстания декабристов*, и все оно поэтому прошло под флагом борьбы со смутьянами – отсюда и печально знаменитое Третье отделение, “мундиры голубые”, эпоха безвременья, душливая атмосфера, от которой многие бежали хоть на Кавказ, где тогда шла такая же бесконечная и бессмысленная война, как и та, которая идет сейчас»⁴⁸.

Другие упоминания декабристов на сайте «НБП-инфо», также вполне сочувственны.

В ноябре 2002 г. («Лимонка», № 208) автор НБП из Ульяновска почтительно цитирует великого земляка: «Среда великороссов выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-ых годов»⁴⁹.

На сайте НБП помещена публикация иркутской интернет-газеты «СМ Номер один» от 16 декабря 2004 г. В ней рассказывается о бывшем перуанском студенте, оставшемся в России и вступившем в ряды НБП. Умберто Сильва-Бедойя рассказывает, как он оказался в Иркутске: «Я немного читал об Иркутске. О том, что в этом городе жили декабристы, что сюда ссылали людей, которые шли против системы. Я как раз считал себя одним из таких людей – и поехал в Сибирь»⁵⁰.

В ноябре 2005 г. в статье «Маленькие люди» («Лимонка», № 285) доктор Борменталь иронизирует по поводу «абстрактного гуманизма» великой русской литературы. По его мнению, «если не будет напрягаться “большой” человек внутри нас, то мы все вымрем! Дашь великие потрясения! Убей маленького в себе!» Маленьким мещанам, по мнению автора, противостоят «большие люди: яковинцы, *декабристы*, полководцы, императоры, мыслители»⁵¹.

В двух текстах сторонников национал-большевизма декабристы представлены, на первый взгляд, в ироническом ключе.

В «Лимонке» № 193 (апрель 2002) в рубрике «Промывка мозгов» неизвестный автор объясняет нацболам, «как надо понимать» правильно:

«Закордонного оппозиционера БАБа уже сравнивали с Троцким. Но лондонский Березовский скорее напоминает Герцена: этот разбуженный декабристами субъект в середине XIX века был ведущим дворянским оппозиционером петербургской имперской бюрократии. Проживая за границей – попеременно в Лондоне и Ницце (совсем как Борис Абрамыч) – Герцен

Использование термина «декабрист» в PR-кампаниях политических партий

слал из своего прекрасного далёко словесные громы и молнии на голову царскому режиму. Злобный царский режим, гноивший оппозиционеров любых сословий в Акатуе или Алексеевском равелине, тем не менее не посягал на экономические основы герценовской оппозиционности. И революционный либерал Герцен критиковал крепостное право на деньги, содранные со своих крепостных»⁵².

Равиль Баширов в недатированной статье спрашивает: «Кто сможет назвать *декабристов, породистых русских дворян* – жидами-иудореволюционерами?»⁵³.

Заметно, что ирония направлена не на декабристов, а на скованных с ними цепью «трех поколений» «революционного либерала» Герцена и «жидов-иудореволюционеров». Более того, оба автора противопоставляют декабристов предмету своей иронии. В отличие от прохлаждающегося в Лондоне и Ницце Искандера, декабристы «гниют» в Алексеевском равелине и Акатуе. А жидам-дворянжкам оппонировать «породистые русские дворяне».

Мы видим, что Лимонов-вождь не смог передать товарищам по партии свое негативное восприятие предков интеллигенции – декабристов. Но, вероятнее всего, противодействовал использованию декабристской метафоры в пиаре акции 14 декабря 2004 г. С середины апреля ситуация вышла из-под контроля вождя НБП. Как развивалась метафора после апрельского «прорыва»?

Удивительно, но и в последующий период метафора в большинстве случаев использовалась лишь в качестве термина, т. е. краткого обозначения участников «мирного захвата»: «нацболы-“декабристы” – 39 активистов НБП, проводших в декабре прошлого года акцию протеста в приемной администрации президента»⁵⁴. В терминологической ипостаси энергетика декабристской метафоры аннигилируется. Подобно смыслу выражения «белый как лунь» ее смысл полностью стирается в массовом сознании.

Запоздалое признание метафоры «нацболы-“декабристы”» свидетельствует, что Эдуард Лимонов – негибкий политик, которому трудно поступиться личными вкусами и пристрастиями в прагматических целях. Другой важный вывод: СМИ не способны самостоятельно формировать имидж того или иного события. В своем подходе они жестко зависят от пиаровских ходов заинтересованных сторон.

- ¹ «С правовой точки зрения проблема в том, что эта партия регулярно проводила дерзкие акции, которые в бытовом восприятии выглядели хулиганством, но при которых насилие не применялось. Это скорее имитация насилия. И отсюда возникла проблема их правовой квалификации». См.: *Сигал Л.* Уроки 2004 // Русский журнал. 2004. 31 дек. (<http://old.russ.ru/culture/upravo/20041231.html>)
- ² *Сигал Л.* Страна Лимония // Русский журнал. 2004. 25 дек. (http://www.russ.ru/docs/74422520?user_session=a710a179d7dec181c054d12b279bb7f4)
- ³ *Сигал Л.* Уроки 2004 // Русский журнал. 2004. 31 дек. (<http://old.russ.ru/culture/upravo/20041231.html>)
- ⁴ Немного ранее, 18 декабря декабристские ассоциации были намечены в статье «Милые нац-бол-шалости» сибирского журналиста Василия Королева. Разоблачая лимоновцев, «человек из Кемерово» обыгрывает ленинскую цитату «страшно далеки они от народа»: «Можно сколь угодно долго заниматься крупными и мелкими пакостями (на днях несколько национал-большевиков захватили приёмную Администрации Президента России), но не надо изображать из себя страстных радетелей за народ, потому что страшно товарищи нацболы от народа далеки. Народу-то революции вовсе ни к чему, спасибо – накушались уже по темечко». См.: *Королев В.* Милые нац-бол-шалости // Губернские ведомости. Кемерово. 2004. 18 дек. (<http://www.gubved.ru/article/?id=2453>).
- ⁵ *Политковская А.* Поколение некстати // Новая газета. 2005. 17 янв. (<http://2005.novayagazeta.ru/nomer/2005/03n/n03n-s17.shtml>)
- ⁶ *Сигал Л.* Страна Лимония // Русский журнал. 2004. 25 дек. (http://www.russ.ru/docs/74422520?user_session=a710a179d7dec181c054d12b279bb7f4)
- ⁷ *Сигал Л.* Уроки 2004 // Русский журнал. 2004. 31 дек. (<http://old.russ.ru/culture/upravo/20041231.html>)
- ⁸ *El Lobo Rojo.* Куда пойти «советчикам» // Лимонка. № 264. Январь 2005. (http://limonka.nbp-info.ru/264/264_34_09.htm)
- ⁹ <http://www.regnum.ru/news/418161.html>
- ¹⁰ *Загати С.* Постоять на эшафоте // Завтра. 2005. 31 авг. <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/05/615/72.html>
- ¹¹ <http://pmem.livejournal.com/2330.html>
- ¹² *Гражданин России.* Декабристы у парадного подъезда // <http://www.nbp-info.ru/112print.html>
- ¹³ Купите наши души. Семь признаков религиозных, политических и корпоративных сект. 14 апреля 2005 // <http://yoki.ru/social/835-0/>
- ¹⁴ «Декабристов»-лимоновцев оставили под стражей. 9 марта 2005 // <http://www.regnum.ru/news/418161.html>
- ¹⁵ Продлено следствие по делу нацболов-«декабристов». 3 апреля 2005 // <http://www.cprf.ru/news/lenta/32411.html>

Использование термина «декабрист» в PR-кампаниях политических партий

- ¹⁶ 14.12.04. Москва: захвачена приемная администрации президента // http://nbp-info.ru/archiv/131204/141204_priemnaya.html
- ¹⁷ 10.02.05. Открытое письмо президенту РФ от матери политзаключенного // http://www.nbp-info.ru/archiv/131204/100205_pismo.html
- ¹⁸ 16.02.05. Стенограмма пленарного заседания Государственной думы РФ по «делам НБП» // http://www.nbp-info.ru/archiv/131204/160205_leonov.html
- ¹⁹ 03.04.05. Москва: Продлено следствие по делу нацболов-«декабристов» // http://www.nbp-info.ru/archiv/131204/030405_decabr.html
- ²⁰ *El Lobo Rojo*. Куда пойти «советчикам» // Лимонка. № 264. Январь 2005 (http://limonka.nbp-info.ru/264/264_34_09.htm)
- ²¹ Лимонов Э. Дела партийные // Лимонка. № 275. Июнь 2005 (http://limonka.nbp-info.ru/275/275_12_01.htm)
- ²² Родители нацболов-«декабристов» пойдут по стопам своих детей? 15 апреля 2005 // <http://www.regnum.ru/news/439422.html>
- ²³ Ходорковский М.: «Я верю в то, что моя страна, Россия, будет страной справедливости и закона» // <http://www.khodorkovsky.ru/speech/2199.html>.
- ²⁴ Ср. слова из обращения родителей нацболов к президенту РФ: «Проявите милосердие, помилуйте наших детей. Взгляните в наши глаза и глаза истории. Они полны надежды на Вас» // 22.04.05. Президенту Российской Федерации Путину В.В. от родителей политзаключенных // http://www.nbp-info.ru/archiv/131204/220405_putinu.html
- ²⁵ Лимонов Э. Дела партийные // Лимонка. № 275. Июнь 2005 (http://limonka.nbp-info.ru/275/275_12_01.htm)
- ²⁶ Лимонов Э. Чаадаевщина // Советская Россия. 5 мая 1991 (http://www.nbp-info.ru/new/lib/lim_iv/sssr13.html)
- ²⁷ Лимонов Э. Лимонка в избирателя // Лимонка. Февраль 1995. № 6 (http://www.nbp-info.ru/Limonka/6_12_6.htm)
- ²⁸ Магарил С. Чем опасен национал-большевизм? 4 октября 2005 // <http://www.regions.ru/news/1904470/>. Адекватный перевод слова *маргинал* – подносок общества. Ср. на сайте НБП-инфо: «подонки это маргиналы» // Слова редактора // Инкуб № 1 (www.nbp-info.ru/inkub/001/1_12_01.htm)
- ²⁹ Лимонов подчеркивает, что слово *мещанин* переводится «на французский, да и на английский лишь словом *буржуа*». См.: Лимонов Э. Чаадаевщина // Советская Россия. 5 мая 1991 (http://www.nbp-info.ru/new/lib/lim_iv/sssr13.html)
- ³⁰ Лимонов Э. Несколько мыслей по поводу Хлебникова // День литературы. Июль 2003. № 7 (<http://www.nbp-info.ru/2265print.html>)
- ³¹ Лимонов Э. Новогоднее обращение вождя к членам НБП и сочувствующим // Лимонка. Январь 1997. № 56 (<http://www.nbp-info.ru/Limonka/56.htm>). В первую тройку любимых политиков Эдички вошли «Ленин, Гитлер, Муссолини» // Ответы вождя на вопросы рабочего // Лимонка. Январь 1997. № 55 (<http://nbp-info.ru/Limonka/55.htm>)
- ³² Календарь «Лимонки» // Лимонка. Ноябрь 1999. № 132 // www.nbp-info.ru/Limonka/limon132/cal132.htm

- ³³ Календарь «Лимонки» // Лимонка. Июнь 1998. № 120 // <http://www.nbp-info.ru/Limonka/limon120/cal120.htm>
- ³⁴ *Тулльский М.* Голос из Лефортовской тюрьмы // Независимая газета. 14 июня 2001 // http://faces.ng.ru/people/2001-06-14/2_vote.html)
- ³⁵ Эдуард Лимонов: «Не будьте, как русские князья!» Диалог с Александром Прохановым // Завтра. Февраль 2003 (<http://www.geksogen.ru/r6.html>)
- ³⁶ Эдуард Лимонов: «Высший тип писателя – это мыслитель». Март 2004 // <http://www.ozon.ru/context/detail/id/1659592/>. Ср. ответ Лимонова на вопрос рабочего из Северодвинска («Имеете ли Вы отношение к Савенко (денщик П.И. Пестеля. – С. Э.), непосредственно связанному с декабристом Пестелем?»): «К стыду моему, не знаю. Плохо знаю свою родословную». См.: Ответы вождя на вопросы рабочего // Лимонка. Январь 1997. № 55 (<http://nbp-info.ru/Limonka/55.htm>)
- ³⁷ http://biblio-techka.megalit.ru/limonov_mertvye/limonov_mertvye_9.php
- ³⁸ http://nbp-info.com/new/lib/lim_checkshot/cv18.htm
- ³⁹ *Лимонов Э.* Лимонка в избирателя // Лимонка. Февраль 1995. № 6 (http://www.nbp-info.ru/Limonka/6_12_6.htm)
- ⁴⁰ http://soft.rosinstrument.com/cgi-bin/st/In_Russian/EDUARD_LIMONOV/TRUPNY_YAD_XIX_VEKA.txt. Бывший соратник Лимонова Вадим Штепа дает «поморские ответы» на книгу писателя-узника «Другая Россия». Издательски советуя классику применить «прогрессивный метод» «новой хронологии», архангелогородец пародийно «деконструирует» подсознательное отношение Лимонова к декабристам: «Удивительно, как Лимонов с его литературным талантом не воспользовался этим прогрессивным методом и попросту не вычеркнул так опозылевший ему 19 век русской истории. Его же на самом деле не было вовсе! Вот, смотрите, какие потрясающие соответствия: все эти мифы о “декабристах” были просто поздним и искаженным переложением событий Октябрьской революции, тиран Николай I был двойником Сталина, освободитель Александр II – Хрущева, застойный Александр III подозрительно смахивал на Брежнева, а когда Горбачев отрекся и развалил Союз, массовое подсознание его за это расстреляло» // *Штена В.* Поморские ответы // Иначе. 5 мая 2003 (<http://www.inache.net/barrikad/answers.html>)
- ⁴¹ *Джемаль Г.* Неоленинизм XXI века // Лимонка. Ноябрь 1998. № 104 (<http://limonka.nbp-info.ru/104/104.htm>)
- ⁴² *Абель.* Что делать? // Лимонка. Январь 2002. № 56 http://www.nbp-info.ru/Limonka/187_12_2.htm
- ⁴³ *Абель.* Сбросим обноски старых идеологий // Лимонка. Февраль 2003. № 214 (http://www.nbp-info.ru/Limonka/214_12.htm)
- ⁴⁴ *Абель.* Революция превыше всего. 30 марта 2005 // <http://www.nbp-info.ru/149.html>
- ⁴⁵ Ответы вождя на вопросы рабочего // Лимонка. Январь 1997. № 55 (<http://nbp-info.ru/Limonka/55.htm>)

Использование термина «декабрист» в PR-кампаниях политических партий

- ⁴⁶ *Борисов А.* Спецназовец Лермонтов в Чечне // Лимонка. Июль 1995. № 18 (http://www.nbp-info.ru/Limonka/18_34_1.htm)
- ⁴⁷ *Слип.* Пусть ненавидят, лишь бы боялись // Лимонка. Январь 1997. № 56 (<http://www.nbp-info.ru/Limonka/56.htm>)
- ⁴⁸ *Игнатьев А.* Путин как реинкарнация Николая I // **Лимонка. Ноябрь 2004.** № 261 (http://nbp-info.ru/limonka_new/261/261_34_05.htm)
- ⁴⁹ *НБП.* В.И. Ленин: «О национальной гордости великороссов» // Лимонка. Ноябрь 2002. № 208 (http://www.nbp-info.ru/Limonka/208_12_2.htm)
- ⁵⁰ *Улыбина Ю.* Перуанец из Иркутска готов умереть за Россию // СМ Номер один. 16 декабря 2004 (<http://pressa.irk.ru/sm/2004/50/003000.html>; http://www.nbp-info.ru/subs/aboutus/76_bedoya.html)
- ⁵¹ Доктор Борменталь. Маленькие люди // Лимонка. Ноябрь 2005. № 285 (http://www.nbp-info.ru/limonka_new/285/285_56_05.htm)
- ⁵² Промывка мозгов // Лимонка. Апрель 2002. № 193 (<http://www.nbp-info.ru/Limonka/193.htm>)
- ⁵³ *Баширов Р.* Ленин и мы // <http://www.nbp-info.ru/128print.html>
- ⁵⁴ 01.07.05. Москва: открытое заседание по делу нацболов-«декабристов» // http://www.nbp-info.ru/archiv/131204/010705_2zasada.html

КАК ПОПАСТЬ В РУРИТАНИЮ, ИЛИ «БУМАЖНЫЕ» КОММЕНТАРИИ К ИНТЕРНЕТУ

Там где-то – где прекраснее всего.
Одни его находят, другие – нет.

К. Чанек. Кракатит¹

В последние годы нашу жизнь, наверное, трудно представить без Интернета. По словам главы одной из крупных фирм, занимающихся разработкой программного обеспечения, «Точно так же, как электричество изменило нашу жизнь, превратив граммофоны в стереофонические проигрыватели, ледники в холодильники, свечи в лампочки, **Internet революционизирует** все устройства, которыми мы пользуемся, – от компьютеров до телевизоров, телефонов и автомобилей»².

Для тех (и это не только молодежь!), кто проводит ежедневно значительную часть дня за компьютером, виртуальная жизнь стала куда более глубокой и интересной, чем реальная. Для других работа была бы невозможна без технологии передачи информации Интернета и его безграничных информационных ресурсов. Интернет благославляют (нерадивые студенты, скачивающие из сети рефераты и курсовые) и клянут (преподаватели, проверяющие эти работы). Исследователи обоснованно пишут, что сейчас «Интернет, а вместе с ним и массмедиа можно рассматривать как ядро цивилизационного развития и как феномен культуры. Интернет-культура (или киберкультура) начинается тогда, когда сеть создает в себе новые формы культурного бытия и трансформирует их в нашу повседневную жизнь»³.

Когда мы ищем в Интернете информацию о событиях прошлого, то находим совсем не то, что можем обнаружить в архивах или в подшивках газет столетней или более давности. И когда удастся получить такую историко-культурологическую информацию, то прошлое с помощью информационных технологий словно оживает, актуализируется, временные рамки исследования расширяются и мы обретаем возможность ощутить неразрывное единство культуры, связь прошлого, настоящего и будущего, которое, в свою очередь, может быть смоделировано с помощью средств прогностики⁴.

Как попасть в Руританию, или «Бумажные» комментарии к Интернету

Эти соображения пришли на ум в связи со следующим интересным явлением. В сети есть сайт **Ruritania (или Руритания)**. Туда заходят разные люди: кто-то интересуется литературой – само слово «Руритания» означает название вымышленной страны, придуманной английским писателем Энтони Хоупом в конце XIX в.; кто-то – экономикой и социологией, ведь на примере хозяйства или общественного устройства несуществующего государства исследователь может строить гипотетические модели развития в вымышленных условиях, разрабатывать новые экономические теории и социально-политические концепции; кто-то, наконец, увлечен книжной графикой и выясняет детали готического шрифта **Ruritania font, придуманного австралийским дизайнером Полем Дж. Лойдом**. И все же содержащаяся в сети сухая информация вряд ли поможет понять в полной мере, что же такое Руритания.

Попробуем разобраться. Для начала – случай из истории американской литературы.

Нью-Йорк, конец 1960-х. Во время писательской вечеринки к Дэниэлю Кизу, автору нашумевшего фантастического романа «Цветы для Элджернона», подошел начинающий автор. «Никак не могу понять, – сказал он восхищенно, – как это вы написали такую замечательную вещь». Киз засмеялся и ответил: «Я и сам до сих пор не разобрался. Если поймете это раньше меня, скажите мне – я хотел бы сделать так еще раз».

Наверное, это же мог бы сказать про себя в конце жизни английский писатель Энтони Хоуп, придумавший больше века тому назад Руританию – вымышленную страну, которая до сих пор не затерялась в пестром многообразии миров современной фантастики.

Энтони Хоуп Хокинс, писавший под псевдонимом Энтони Хоуп, родился 9 февраля 1863 г. Он был вторым сыном преподавателя Эдвардса Хокинса, служившего директором школы для детей малоимущих священников. Энтони Хокинс закончил школу в Марлборо, где был известен скорее не успехами в учебе, а спортивными достижениями и деятельностью на посту президента дискуссионного клуба и редактора школьной газеты. После окончания Оксфорда по специальности «древние языки и античная литература» получил право адвокатской практики, но клиентов у него поначалу было немного. Потому-то по вечерам Хокинс, по его словам, «пописывал» – сначала это были статьи для газет и журналов, а потом он начал сочинять рассказы. Как он записал тогда в дневнике, в его сердце боролись «законно

прописанные» мадам Закон и леди Политика с «дерзкой выскочкой» мисс Литературой⁵.

В 1890 г. Хокинс выпустил свой первый роман «Человек, добившийся известности»⁶, действие которого происходило в вымышленной стране в Южной Америке. На обложке книги стояло имя: Энтони Хоуп – этот псевдоним Хокинс использовал всю жизнь. Роман остался незамеченным. Меж тем дела Хокинса начали налаживаться, адвокатская практика росла. В 1891 г. он пытался баллотироваться в парламент, но проиграл выборы. Позже, в 1895 и 1900 гг., когда он стал известным писателем (и в таком качестве мог быть полезен политикам), его приглашали баллотироваться, но он отказывался; однако же в глубине души, как он потом признавался, у него осталось чувство сожаления по несостоявшейся политической карьере.

В 1891 г. был напечатан второй роман Хокинса «Отец Стаффорд»⁷, до этого отвергнутый шестью издателями. О степени читательского внимания к этой книге красноречиво говорит одна цифра – за первые три месяца было продано всего 199 экземпляров, и дальше ситуация, мягко говоря, не улучшалась. Лишь третий роман «Вдова мистера Уитта»⁸ (1892) был замечен читателями и удостоился похвального отзыва «Таймс». К этому времени Хокинс понял, что отдает литературе больше времени, чем юриспруденции (в конце 1892 г. он записал в дневнике, что ненавидит ее). В 1893 г. у него вышло уже три книги – два романа и сборник рассказов.

28 ноября 1893 г. Хокинс возвращался под вечер с судебного заседания в приподнятом состоянии духа – ему удалось выиграть сложное дело. И вдруг, как пишут в романах (Хокинс и сам не раз в своих книгах использовал это слово, звучащее так зазывно и загадочно), в его сознании всплыло слово: «Руритания». Хокинс был готов поклясться, что раньше никогда и нигде не слышал его. Он остановился, словно пробуя слово на вкус и одновременно пытаясь понять, какая ассоциация, слуховая или зрительная, могла породить его. И в этот момент (снова вдруг!..) он увидел, что навстречу ему идут два человека, поразительно похожих друг на друга. Хокинсу, как он позже вспоминал, неожиданно показалось, что между этими людьми и словом «Руритания» мистическим образом возникла связь – странная, но вполне отчетливая. Он полночи проворочался, пытаясь разобраться в своих ощущениях, заснул под утро – и почти сразу проснулся, поняв, что сюжет новой книги оконча-

Как попасть в Руританию, или «Бумажные» комментарии к Интернету

тельно сложился в его сознании. Через месяц черновой вариант романа «Узник Зенды» был готов.

В апреле 1894 г. роман был опубликован⁹ и имел оглушительный успех, что стало для Хокинса, не избалованного читательским вниманием, полной неожиданностью. Роман не затерялся среди таких известных книг середины и второй половины 1890-х годов, как «Книга джунглей» и «Вторая книга джунглей» Р. Киплинга, «Машина времени» и «Война миров» Г.Дж. Уэллса, «Лорд Джим» Д. Конрада.

«Руританией» Хокинс назвал вымышленную страну, расположенную где-то в Центральной Европе. А встреченные близнецы навели его на мысль сделать завязкой сюжета идею о существовании двойников: принца Рудольфа, предполагаемого короля Руритании, и Рудольфа Рассендила, лондонского прожигателя жизни, происходящего из английского аристократического рода Барлесдон.

Их сходство – рост, стать, крупный нос с горбинкой, а главное, шапка ярко-рыжих волос (во время коронации как-то жительница столицы упоенно кричит, приветствуя своего короля: «Если он рыжий, то настоящий!..»¹⁰) – объяснялось просто: в начале XVIII в. будущий король Руритании Рудольф V несколько месяцев жил в Англии, там-то и случилась у него любовная связь с графиней Амалией из рода Барлесдон...

Богатый и свободный, Рудольф Рассендил, повинуясь внезапной прихоти, решает отправиться в Руританию, где он не был ни разу. Страна переживает политический кризис: хотя в самом скором будущем должна состояться коронация Рудольфа, законного претендента, но сводный брат Рудольфа, герцог Штрельзау, прозванный в народе из-за цвета волос Черным Майклом, видит на троне Руритании только себя.

Рассендил едет в Париж, затем в Дрезден, а оттуда на поезде отправляется в Штрельзау, столицу Руритании. Доехав до Зенды, городка, расположенного в 50 милях от столицы, герой делает в нем остановку и, переночевав, отправляется на железнодорожную станцию пешком. В лесу он встречает чело века, похожего на него как две капли воды. Им оказывается принц Рудольф, будущий король, пришедший в восторг от неожиданной встречи с родственником, о котором он никогда до этого не слышал, и пригласивший Рассендила пообедать с ним и двумя его придворными. Обед проходил крайне бурно, провозглашалось множество тостов в честь предстоящей – уже завтра! – коронации. Под конец подали бутылку, о которой

слуга сказал, что ее прислал сводный брат будущего короля герцог Штрельзау. Королю вино так понравилось, что он выпил бутылку в одиночку, а что было дальше, герой не помнил, так как алкоголь к тому времени одолел его.

Утром выяснилось, что это случилось не только с ним – принц Рудольф, который через несколько часов должен был быть на коронации, спит мертвецким сном. И поскольку стало ясно, что проснется он не скоро, его придворные, полковник Сапт и Фриц фон Тарленхайм, упросили героя заменить будущего монарха на предстоящей церемонии. По дороге, обсуждая происшедшее, все трое пришли к выводу, что добавленное в бутылку одурманивающее зелье – дело рук герцога Штрельзау.

Коронация прошла успешно – никто ничего не заподозрил, даже принцесса Флавия, дальняя родственница принца, с которым ее давно обвенчала народная молва. Ночью, после коронации, полковник Сапт и герой возвращаются в Зенду, в тот дом, где остался спящий принц, и обнаруживают, что он исчез. Нашли лишь труп хозяина этого дома. Сомнений не было: наследник престола Руритании похищен Черным Майклом, который увез его в свой замок, расположенный недалеко от Зенды.

Свыше трети книги занимает рассказ о том, как проходила подготовка к проникновению в практически неприступный замок и его захват. Рудольф Рассендил неожиданно для себя вовлекся в сложную политическую интригу, играя роль заговорщика, и почувствовал, что ему это нравится. Рассендил оказался великолепным фехтовальщиком и метким стрелком, вызывая всеобщее восхищение своей ловкостью и силой. И именно благодаря ему замок был захвачен, а принц (*de jure уже* король) освобожден; главный же злодей, Черный Майкл, погиб во время штурма.

Законному королю Руритании Рудольфу возвращен его трон, а Рудольф Рассендил покидает страну – и не только из-за своего сходства с монархом. Он и принцесса Флавия полюбили друг друга, но быть вместе они не могли: Флавия была связана своими обязательствами перед народом Руритании, жители которой так ждали династического брака между нею и житеlem. Рассендил вернулся в Англию. Он поселился в своем загородном имении и вел почти затворнический образ жизни. Каждый год он встречался в Дрездене с Фрицем фон Тарленхаймом, который привозил ему шкатулку от Флавии. В шкатулке лежали неизменно красная роза и листок бумаги, на котором были написаны всего три слова: «Рудольф – Флавия – всегда». Взяв

Как попасть в Руританию, или «Бумажные» комментарии к Интернету

увядший цветок, Рассендил клал в шкатулку такую же розу и отсылал ее с Фрицем в Руританию...

Роман имел большой успех. Критики наперебой хвалили книгу – автора даже называли «новым Дюма»¹¹. Самым дорогим стал для Хокинса отзыв Роберта Луи Стивенсона – в неотправленном письме, найденном на письменном столе после его смерти, знаменитый писатель поздравлял молодого прозаика с удачей его «весьма энергичной и яркой книги»¹².

Популярность романа использовали кинематографисты. По книге были поставлены три немых фильма (1912, 1915, 1922) и три звуковых (1937, 1952, 1978). Лучшей считается экранизация 1937 г. с Дугласом Фэрбенксом в роли Рудольфа Рассендила. Кроме того, роман послужил основой для двух мюзиклов: «Принцесса Флавия» (1925) и «Зенда» (1963).

Успех романа «Узник Зенды» был не случаен. Перед нами образец приключенческого романа с авантурным сюжетом, события которого окрашены романтическим колоритом: тайны, заговоры, двойники, погони, схватки, засады. Хокинс, конечно же, испытал влияние мастеров жанра: прежде всего, Дюма («Три мушкетера», «Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон», «Граф Монте-Кристо») и Эжена Сю («Парижские тайны», «Агасфер»), а также своих соотечественников – неоромантиков Стивенсона («Остров сокровищ», «Похищенный»), «Владелец Баллантрэ») и Хаггарда («Копи царя Соломона»).

Роман обладает динамичным сюжетом, действие развивается стремительно, язык лаконичен и выразителен – не случайно в течение почти двадцати лет роман использовался как книга для чтения на занятиях по изучению английского языка в самых разных странах, от США до Египта и Японии¹³.

Однако в книге немало и просчетов. Ожидаемость действия – увы, одна из основных черт эстетики Хокинса: если один герой отважен, решителен и благороден, то другой не может не обладать качествами диаметрально противоположными. При первой встрече Рудольфа Рассендила с будущим монархом Руритании мы понимаем, что мотив двойничества, ставший популярным уже благодаря йенским романтикам, станет определять завязку книги. А после первого появления принцессы Флавии становится ясно, что неминуемо возникновение любовного треугольника: Рудольф Рассендил, будущий король и принцесса Флавия. В обрисовке этого любовного конфликта Хокинс явно злоупотребляет мелодраматизмом, подогревая читательское внимание

возможностью того, что Рассендил и принцесса Флавия все-таки соединятся.

Мотивировка действия продумана автором не до конца. Не очень убедительна идея вывести в качестве героя человека с рыжим цветом волос. Ведь на героя, обладающего шевелюрой такого цвета, в повествовании всегда ложится особая психологическая и эмоциональная нагрузка, он неизменно привлекает к себе повышенное внимание и других действующих лиц, ведь рыжина – признак выделенности, отличия от окружающих, что многократно использовалось в литературе. Но в одних «руках» этот прием работает – и весьма энергично, вспомним рассказ Конан-Дойля «Союз рыжих», – а в других, как в случае с Хоупом, нет.

Характеры схематичны, действующие лица нарисованы одной краской, при первом появлении каждого персонажа становится ясно, на стороне добра он или зла; исключение составляет будущий король Руритании – он **никакой**. Надуманной, кстати сказать, воспринимается и ситуация «выключения» его из действия до конца романа. Даже если отнестись снисходительно к разгульной сцене обеда в целом, то что сказать о финальном эпизоде, когда он, отмахиваясь от просьб придворных не делать этого, с удовольствием пьет вино, присланное его политическим противником? Что это: наивность? или просто глупость? В чем-то этот эпизод очень «русский», прямо-таки парафраз знаменитой сцены из знаменитого фильма Рязанова: будущий монарх накануне коронации гуляет с придворными точно так же, как Женя Лукашин с друзьями на «мальчишнике» в бане.

В целом роман, обладающий несомненными достоинствами (сюжет, романтический колорит), может показаться произведением не особенно выдающимся. Но почему он пользовался такой популярностью не только после выхода его в свет, но и на протяжении всего XX в., вплоть до настоящего времени?

Прежде всего потому, что Хокинс использовал художественно весьма эффективный романтический принцип двоемирия, противопоставления миров мечты и реальности: Рудольф Рассендил приезжает в Руританию из Лондона, жизнь в котором казалось ему пресной и однообразной, и оказывается в мире, где волею обстоятельств он погружается в иную жизнь, полную опасностей, отваги и любви – того, что, без сомнения, привлекало и привлекает читателей в «Узнике Зенды».

Хотя фантастики нет ни в сюжете, ни в реалиях, ни в образах действующих лиц, все же он воспринимается именно как

фантастический, особенно оттого, что действие происходит одновременно в стране, реалии которой напоминают жизнь государств Европы конца XIX в., и в стране вымышленной, которой на самом деле нет на карте континента. Поездка героя в Руританию, совершаемая им на поезде, казалось бы, привычном для людей конца XIX в. транспорте, превращается в особый вид литературного путешествия – повествование о «вымышленных, воображаемых странствиях»¹⁴. Чем-то Руритания напоминает Трансильванию, в которой происходит действие «Дракулы» Брэма Стокера – область одновременно и реальная, и загадочная, окутанная дымкой старинных легенд.

Герой оказывается в мире реальном – и одновременно условном, лишенном четких географических и временных координат действия, расположенном «где-то и когда-то». Именно так строятся миры фэнтези, миры, похожие на наш, но похожие лишь отчасти, ведь они возникли благодаря фантастическому допущению. Ожиданность неожиданного, вероятность того, что в любой момент повествования может случиться нечто совершенно невероятное – особенность фантастики, которая роднит ее с приключенческим романом и притягивает того читателя, кто жаждет встречи с чудом, стремится оказаться в «мире за холмом». Умение фантастики создавать такие миры, т. е. отвечать имманентно присущей в человеке потребности в необычном, американский писатель и критик Алексей Паншин называл одним из важнейших свойств этой литературы¹⁵. Читателю легче отождествить себя с героем, который действует в нереальном мире – в таком, который ближе и понятнее тому, кто любит мечтать. Эти соображения, а вовсе не обязательное присутствие в произведении волшебного элемента (реалии будущего, волшебные предметы, попадающие к герою, сказочные существа и т. п.) дают основание говорить о близости романа Хокинса эстетике фантастического.

Но где же все-таки находится Руритания? Ее жители говорят по-немецки, личные имена и топонимы звучат на немецкий лад. Герой выезжает утренним поездом из Дрездена в Руританию и приезжает туда вечером того же дня. Поскольку поезд направлялся в Тироль, на юг, то герой должен был бы оказаться где-то на территории Богемии (север нынешней Чехии) – там, по всей видимости, и расположена страна Энтони Хоупа.

Писатель не раз возвращался к теме Руритании. Своего рода продолжением «Узника Зенды» можно считать сборник рассказов «Сердце принцессы Остры» (1896)¹⁶ и роман «Руперт из

Хентзау» (1898)¹⁷. Руперт из Хентзау – один из приближенных Черного Майкла, единственный, кто не погиб от руки Рудольфа Рассендила в предыдущем романе, – напротив, он ранил героя и сумел от него ускользнуть.

Действие «Руперта...» происходит три года спустя после событий, описанных в «Пленнике Зенды». Рудольф Рассендил вновь оказывается в Руритании – на этот раз, чтобы спасти честь королевы Флавии. Она написала Рассендилу письмо, которое попало к Руперту, и тот собирается этим воспользоваться в своих низменных целях (ситуация воспринимается как явная аллюзия на эпизод из «Трех мушкетеров», когда д'Артаньян с друзьями отправляется в Англию за алмазными подвесками Анны Австрийской, украденными миледи). Вновь перед нами засады, интриги, погони, обманы. Действие, как и в предыдущем «руританском» романе, развивается стремительно: в результате драматического стечения обстоятельств от руки Руперта погибает король Рудольф V. **Но Рудольф Рассендил настигает злодея и убивает его.**

Ночью этого дня вспыхивает пожар в загородном доме, где находится тело короля Руритании. Пожар устроили слуга Рассендила и Фриц фон Тарленхайм, чтобы уничтожить тело погибшего монарха. Они пошли на это, так как знали, что Рассендил собирался объявить народу о том, что он – лишь двойник короля, занявший его место на время и под давлением обстоятельств, и хотели вынудить Рассендила стать королем Руритании *de facto*. **Разумеется, они хотели сделать это из самых лучших побуждений, потому что не просто любили и уважали его, но и считали, что лишь он может быть достойным королем в стране** (в конце «Узника Зенды» Фриц фон Тарленхайм произносит знаменательную фразу: «Небо не всегда делает королями тех, кого нужно»¹⁸).

Рассендил оказывается перед трудной дилеммой: согласиться на уговоры друзей и стать королем Руритании – и соединиться с **королевой Флавией на законных основаниях**, о чем он мечтал три года, – или же отказаться, оставшись верным своим представлениям о нравственности и не чувствуя себя, как ему казалось, лжецом и обманщиком перед окружающими. Рассендил выходит в сад, чтобы побыть одному и еще раз все обдумать, все обстоятельства. И под утро, когда он собирается идти в дом и объявить о своей согласии, его настигает пуля последнего из оставшихся в живых сообщников Руперта из Хентзау.

Как попасть в Руританию, или «Бумажные» комментарии к Интернету

На могиле Рудольфа Рассендила, похороненного как короля Руритании, лежит плита с выбитыми словами: «Рудольфу – который правил в Руритании совсем недавно, но остался править навечно в моем сердце. Королева Флавия»¹⁹.

Читатели, прохладно отнесшись к продолжениям «Узника Зенды», тепло приняли роман «Софи из Кравонии» (1905)²⁰. Возможно потому, что в нем в центре повествования – героиня, сирота родом из Эссекса, решительная и отважная женщина, чем-то напоминающая Молль Флендерс из одноименного романа Даниэля Дефо. Немало испытаний выпадает на долю Софи Гроуч, но в конце судьба вознаграждает ее, и она становится королевой Кравонии, вымышленного государства на Балканах (в названии его содержится, шутка, быть может, непреднамеренная: по-болгарски и по-сербо-хорватски Кравония означает «Земля коров»²¹).

«Узник Зенды» породил целую библиотеку продолжателей и подражателей. Среди них надо прежде всего назвать американского писателя Джорджа Барра Макчеон (1866–1928), автора романов о Граустарке, вымышленном государстве на Балканах. Хокинса не раз путали с Макчеоном, несмотря на то что первый роман о Граустарке вышел в 1902 г. Подобные ошибки допускают даже такие компетентные исследователи, как Лин Картер, написавший в своей работе «Воображаемые миры», что события романа «Узник Зенды» разворачиваются в стране Граустарк²². Впрочем, как меланхолично замечает английский литературовед Джон Клют, «между этими терминами, вообще-то говоря, принципиальной разницы нет»²³.

Диапазон книг, в которых использовались идеи Руритании, достаточно широк. На одном полюсе находятся книги, подобные романам некоей Хильды Грегг, писавшей с конца XIX в. в течение почти двух десятков лет о вымышленной стране Тракии, расположенной на Балканах. Ее романы – причудливый конгломерат из обрывков истории Болгарии, Румынии и России, политических интриг, любовных и шпионских историй, экзотических персонажей (таких, например, как Надя Михайловна О'Малачи, девушка русско-ирландского происхождения, и герцогиня Сударофф, владелица яхты «Анна Каренина»).

На другом полюсе – произведения иного рода. Исследователи считают, что «Узник Зенды» близок романам о «затерянном мире» (название этого направления – от заглавия знаменитой книги А. Конан-Дойля) и о галактическом будущем человечества²⁴.

Название вымышленного государства, придуманного Хокинсом, вошло и в литературу, создававшуюся классиками английской прозы: П.Дж. Вудхаусом («Принц и Бетти», 1912), Ф. Мэдоксом Фордом («Шалтай-Болтай», 1912), Дж.Б. Пристли («Я все расскажу вам», 1933; в соавторстве с Дж. Баллетом). В романе Эвелина Во «Грязная плоть» один персонаж назван «экс-королем Руритании».

Хотя с 1930-х годов интерес к теме Руритании снижается, но к ней продолжают обращаться и в 1940-е, и в 1950-е годы. «Руританские» мотивы можно найти у Урсулы Ле Гуин в «Орсинианских рассказах» (1976) и в романе «Малафрена» (1979). Примеры самого последнего времени – романы Саймона Хокса «Месть Зенды» (1985) и «После Зенды» Джона Сперлинга (1995).

После успеха романа «Узник Зенды» многое в жизни Хокинса изменилось. Стали выходить переиздания его первых книг, раскупавшиеся на этот раз гораздо лучше. В 1897 г. Хокинса пригласили в США читать лекции, что также стало знаком повышения его писательского статуса и достижения им серьезной известности. О большей востребованности писателя говорит такой факт: с октября 1897 по январь 1898 г. он прочел 75 лекций; т. е., с учетом выходных дней, рождественских каникул и переездов из города в город, получалось, что он выступал перед разными аудиториями чуть ли не каждый день. Такого плотного графика не было и у Диккенса, посетившего США в 1842 г.

В 1903 г. Хокинс женился, у него родился первый ребенок. Но счастливая семейная жизнь стала своего рода компенсацией за снижение творческой продуктивности. Он пишет все меньше, постоянно этим терзаясь, что видно по записям в дневнике и письмам друзьям.

В начале Первой мировой войны Хокинс в составе группы из двадцати пяти английских писателей был привлечен Министерством информации Великобритании для участия в пропагандистской и контрпропагандистской работе. Он писал брошюры, листовки, воззвания, обращенные как к немцам, так и к французам. Об эффективности такой деятельности Хокинса можно судить по ее оценке – в январе 1918 г. за заслуги перед страной и короной он был возведен в рыцарское достоинство.

Последние годы жизни писателя были вполне благополучными: дети – дочь и сын – выросли, обзавелись семьями, пошли внуки. Книги Хокинса переиздавались, укрепляя финансовое

Как попасть в Руританию, или «Бумажные» комментарии к Интернету

положение семьи, критики отзывались о нем хоть и нечасто, но с уважением. Правда, печалили потери близких – скончались, один за другим, его братья, родной и двоюродный, которого он особенно любил – Кеннет Грэм, автор знаменитой повести «Ветер в ивах».

Умер Энтони Хокинс 8 июля 1933 г. И эпитафия Д.М. Барри – «Он сделал больше людей счастливыми, чем любой другой писатель нашего времени»²⁵ – подвела итог почти трех десятилетий честного служения литературе.

Судьбу творческого наследия Хоупа иначе как драматичной не назовешь. Из вышедших при жизни писателя почти сорока книг в наши дни переиздается только «Узник Зенды» (остальные его романы, повести и рассказы явно уступают его лучшему роману). Понятно, почему его имя не встречается в работах, посвященных реалистической литературе Великобритании, как у «них», так и у «нас»²⁶. Но нельзя не удивиться тому, что и в исследованиях о фантастической литературе имя Хоупа встречается редко. Так, нет ни одного упоминания о нем в книгах о фантастике викторианской эпохи²⁷, в обзорных работах по английской фантастике²⁸. Когда же исследователи – даже самые серьезные и вдумчивые – упоминают Руританию и его создателя, то делают это походя²⁹.

Мог ли Хокинс представить себе, что в XXI столетии его будут знать только по одной книге, а то и – благодаря одному слову? Но цена этого слова оказалась весьма высока – о писателе и его работе в литературе помнят спустя свыше ста лет.

Впрочем, много ли людей могут похвастаться тем, что придуманные ими слова или понятия продолжают жить после их смерти, став принадлежностью общественного сознания? Среди таких счастливицов – писатели-фантасты Уэллс («машина времени» и «железный занавес») и Карел Чапек («робот»), ученые (Норберт Винер – «кибернетика») и даже просто бизнесмены (Кеннет Арнолд – «летающая тарелка»).

Кто знает, сколько раз Хокинсу вспоминался тот обычный, казалось бы, с утра ничем не примечательный ноябрьский день 1893 г. Когда благодаря какому-то мистическому озарению ему представилось это слово – Руритания: упругое, словно подрагивающее в напряженном ожидании полета, просвечивающее на солнце волшебным узором стрекозиного крыла.

- ¹ *Чапек К.* Кракатит // Чапек К. Соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1959. С. 302.
- ² Мир ПК. 1997. № 12. С. 90.
- ³ *Калмыков А.А., Коханова Л.А.* Интернет-журналистика: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021400 «Журналистика». М., 2005. С. 9.
- ⁴ Об этом см., напр.: От книги до интернета: Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия. М., 2000.
- ⁵ Dictionary of Literary Biographies. Vol. 153. Late-Victorian and Edwardian Novelists. First Series / Ed. by G.M. Johnson. Detroit, Washington (D.C.) and Lnd., 1995. P. 128.
- ⁶ *Hope A.* A Man of Mark. Lnd., 1890.
- ⁷ *Hope A.* Father Stafford. Lnd., 1891.
- ⁸ *Hope A.* Witt's Widow. Lnd., 1892.
- ⁹ *Hope A.* The Prisoner of Zenda: Being the History of Three Months in the Life of an English Gentleman. Bristol, 1894.
- ¹⁰ *Hope A.* The Prisoner of Zenda. Lnd., 1993. P. 43.
- ¹¹ *Mallet C.* Anthony Hope and His Books: Being the Authorized Life of Sir Anthony Hope Hawkins. Port Washington (NY), 1968. P. 76
- ¹² Ibid. P. 76.
- ¹³ *Goldsworthy V.* Inventing Ruritania: The Imperialism of Imagination. New Haven and Lnd., 1998. P. 45.
- ¹⁴ Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 839.
- ¹⁵ *Panshin A.* The World Beyond the Hill: Science Fiction and the Quest for Transcendence. N.Y., 1989.
- ¹⁶ *Hope A.* The Heart of Princess Osra and Other Stories. Lnd., 1896.
- ¹⁷ *Hope A.* Rupert of Hentzau: Being a Sequel to the Story by the Same Writer Entitled The Prisoner of Zenda. Bristol, 1898.
- ¹⁸ Heaven doesn't always make the right men kings! // *Hope A.* The Prisoner of Zenda. P. 181.
- ¹⁹ *Hope A.* Rupert of Hentzau... Lnd., 1940. P. 112.
- ²⁰ *Hope A.* Sophy of Kravonia. Bristol, 1905.
- ²¹ *Goldsworthy V.* Inventing Ruritania. P. 49.
- ²² *Carter L.* Imaginary worlds: The art of fantasy. N.Y., 1973. P. 6–7.
- ²³ The Encyclopedia of Science Fiction / Ed. by J. Clute, P. Nicholls. N.Y., 1993. P. 1034.
- ²⁴ The Encyclopedia of Fantasy / Ed. by J. Clute, J. Grant. N.Y., 1997. P. 594–595.
- ²⁵ Dictionary of Literary Biographies. P. 137.
- ²⁶ См., напр.: *Уринов М.В.* На рубеже веков: Очерки английской литературы (конец XIX – начало XX в.). М., 1970.
- ²⁷ British Fantasy and Science Fiction Writers Before World War 1 / Ed. by D. Harris-Fain. Lnd., 1997; *Prickett S.* Victorian Fantasy. Hassocks (Sussex), 1979; The Victorian Fantasists: Essays on Culture, Society

Как попасть в Руританию, или «Бумажные» комментарии к Интернету
and Belief in the Mythopoetic Literature of the Victorian Age / Ed. by
K. Filmer. Lnd., 1991.

²⁸ *Smith K.P.* The Fabulous Realm: A Literary-Historical Approach to British
Fantasy. Metuchen (NJ), 1993; *Anticipations: Essays on early science fic-
tion and its precursors*/ Ed. by D. Seed. Syracuse (N.Y.), 1995; *Manlove C.*
The Fantasy Literature of England. N.Y., 1999.

²⁹ *Aldiss B.W.* Trillion Year Spree: The history of science fiction / With
D.Wingrove. N.Y., 1986. P. 138.

V. Ershova

Petr Shalikov, the journalist. Materials to his biography

The research is dedicated to history of women's magazines in Russia at the beginning of the 19th century. The subject of the work is biography of Petr Shalikov, one of the most important and unfortunately unexplored editors of women's magazines in Russia. His magazines played great role in the process of forming Russian women's press. The research is based on the original sources: the archival materials and Shalikov's magazines.

E. Zaytseva

Concerning A.F. Smirdin's activity as a publisher

The article is about publishing business of A.F. Smirdin (1794–1857). Smirdin was the successful owner of one of the biggest and most popular Russian bookshop, publisher of several newspapers and, moreover, the first man in the Russian Empire, who could control his business using principles of commercial management. The research can help in answering many questions about this important period, when commercial foundation for Russian literature and journalism only began to form.

Ju. Tabakar

N. Polevoy and O. Senkovsky: What do the historians keep silence about?

N. Polevoy is known most of all as an editor of progressive magazine «Moscow Telegraph», which was published from 1825

to 1834. The author of the article tells about the little known, but enough interesting page of biography of this historical person – the work of Polevoy in the magazine of O. Senkovsky «The Library for the Reading» and about his relations with members of «magazine's triumvirate» (F. Bulgarin, N. Gretch and O. Senkovsky).

N. Kazakova

Concerning the question of the journalist responsibility (A.Suvorin in the context of his time)

The article studies various activities of the influential 19th century publisher and journalist Aleksey Suvorin. In Russian historiography he is considered to be an official, conservative and nationalist figure. On the contrary, the article's author argues that Suvorin had his own original literary and political program and was striving to reform national consciousness.

N. Egorova

«Moskovskyy Listok» as an example of the Russian mass periodicals at the end of the XIX-th century

The article is devoted to the history of the newspaper «**Moskovskyy listok**» (1881–1918), one of the most popular Russian periodicals at the end of XIXth and at the beginning of the XXth centuries. The author of the article speaks also at some length about the founder and the first editor of the «**Moskovskyy listok**» **Nicolay** Pastukhov. The history of the newspaper is viewed in the context of the mass press in Russia.

E. Basovskaya

In the search of an enemy: «Literaturnaya Gazeta» about the Russian language (Analytical survey of the edition in question of the period of 1929–1940 years)

The article is dedicated to the analysis of one of the concepts of the Soviet propaganda – so-called «**purity of language**». The research is based on the publications of «**Literaturnaya newspaper**» in the period of 1929–1940 years. The article is aimed to demonstrate a phenomenon of a propaganda campaign which was

declared as a struggle against the harmful language phenomena but as a matter of fact «purity of language» was annihilating all kinds of heterodoxy.

M. Spivak

The first responses to the Bely's death in the Soviet press

Andrey Bely died on 8. 01. 1934. The reaction to this news was very complicated. From one side – he was the famous Russian writer and his attitude towards October revolution and Soviet power was positive. On the other side he was a bourgeois writer, symbolist and mystic. That's why it was difficult to assimilate his writings to Soviet ideology and Soviet conception of literature. The article is dedicated to the first responses to the Bely's death in Soviet newspapers: «Izvestija», «Pravda», «Vechernja'a Moskva» and to political subtext of obituaries. The central point of the article is the famous obituary written by B. Pasternak, B. Pil'njak, G. Sannikov.

R. Yangirov

Evgenyi Slavchenko – Eugene Deslaw: from journalism to the screen

Eugene Deslaw (1898–1966), who was in fact ethnic Ukrainian – Evgen Slavchenko, is widely recognized as the maitre of French film avant-garde. Basing on rare émigré printed sources author of the research rediscovers unknown pages of his creative biography of 1920s, which was closely linked with Russian journalism abroad. This practice happened to be a starting point for the young filmmaker, who never again demonstrated himself as a film critic.

M. Zalambani (University of Bologna)

The Metropol' affair: A page in the history of Soviet censorship

When Brezhnev was in office, it was a time characterized by stability in the political system but rapidly evolving changes in civil society. Censorship, which functioned only with archaic methods, was unable to face the new cultural forms which were spreading throughout the country. And when, during the Seventies, censorship

tried to adopt more up-to-date practices which privileged surveillance over punishment, it failed. The 'Metropol' affair shows that the changes which took place in the system of Soviet censorship during «stagnation» were only superficial, and that the Soviet structure, in spite of those attempts to reorganise, preserved, in its essence, an inquisitorial character.

The Decembrist uprising in the mirror of the Russian official press of the period of 1825–1826 years.

Edited, introduction and commentaries by
A. Gotovtseva

Present publication is an annotated collection of articles on Decembrist uprising and the following events published in 1825–1826 in official newspapers («St. Petersburg Gazette», «Moscow Gazette», «Journal de St. Petersbourg»), as well as in private one («Northern Bee»). The publication allow us to trace back the main stages in the formation of the governmental conception of Decembrists movement, finally presented in the famous «Interrogation Commission Report».

E. Voskresenskaya
«Own» and «alien» in the Kievan-caves Paterik

The author considers the opposition «own»/ «alien» and the distinctive features of its members in great detail. For the analysis the author chooses mainly the first part of the text (Simon's legends). The author pays considerable attention to the publicistic and ideological aspects, where the above-mentioned opposition reveals itself to the full.

V. Parsamov
V. Zhukovsky and official Russian propaganda
(«Song of a bard on the grave of slavs-conquerers»)

The article deals with Zhukovsky's poem analyzed in the context of notions of Austerlitz battle that existed in Russian society in 1806. The defeat near Austerlitz passed by Russian officials off as almost a victory caused a real enthusiasm in the public. Alexander

It's return to active foreign policy was met with approval. Before start of a new military campaign of 1806–1807 Zhukovsky wrote a propaganda poem which reflected both the tsar's intentions in his foreign policy and public opinion.

Y. Nakagawa

The critical works of Russian writers about the Kishinev pogrom

The article is devoted to the analysis of the critical works, written by Russian writers (L. Tolstoy, M. Gorky, V. Korolenko) as the reaction to the Kishinev pogrom (1903). The author's interest lies in the relations between the Russian writers and the Yiddish writer Sholom Aleichem who organized the relief publication for victims of Kishinev pogrom.

G. Eliasberg

David Pinsky's Travel Book

The article is devoted to the analysis of the **Travel Book (1937)** by the famous Yiddish writer D. Pinsky, which was published in Warsaw after his visit to the USSR in September 1936. The author of more than fifty plays and several novels D. Pinsky was closely connected with Jewish Labor movement. In this book he critically described political, economical and cultural situation in the Soviet Union at the eve of the «great terror» of the year 1937.

S. Novikova

TV Games

The article is devoted to consideration of the television games as the independent product of television creativity. TV games are regarded from the point of view of the audience's perception and also investigated in the context of historic and political development of the country. In television history there are two most popular periods of TV games which are to a greater extent connected not with the changes of the audience's likes but with the political situation of the country.

A. Bekina

New sports terminology of the Russian mass-media
(based on the snowboard terms in the «Online» magazine)

The article is devoted to particular qualities of application of sports terminology and based on materials of sports magazine named «Onboard». The writer shows that the text, which is full of terms, without some certain conditions can present some difficulties to a reader, and offer some advice about term's applications.

S. Erlikh

The usage of the term «Decembrist» in the PR-activity
of the political parties

The article reviews the policies of the so-called National Bolshevik Party (N.B.P.) which is partly an extremist organization led by the narrative Russian writer E. Limonov. The policies of the N.B.P. are based on political «hooliganism». **It is characteristic for National Bolsheviks to stage their «performance» on the historically significant dates of the Russian Revolutionary Movement.** The most known act of the N.B.P. was the «non-violent occupation» **of part of the premises of the reception of the President of the Russian Federation, which took place on the 14th of December 2004 – the 129th anniversary of the Decembrists revolt.** However, the supporters of the National Bolsheviks did not fully associate their arrested comrades with the Decembrists. The reasons for the prolonged rejection of obvious and advantageous analogies with regard to the «noble revolutionary» **was due to the inflexibility of Limonov, not willing to reconcile his views on the Decembrists with pragmatical issues affecting public opinion.**

V. Gopman

How to get to Ruritania, or the «Paper» commentaries to
Internet

The article is devoted to the term «Ruritania» **used nowadays in modern mass media by the scholars in different fields – economics, psychology, sociology, and some others – to indicate a name of an invented country where they could create and consider hypothetical models of development.** The term or a name of a fairy-tale country – and the country itself – have been created by an English writer Anthony Hope at the end of the XIX-th century. A. Hope's life and works also became the subject of the article.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Басовская Евгения Наумовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры литературной критики РГГУ, автор нескольких учебников для старшеклассников, методического пособия по стилистике русского языка для студентов, а также статей о языке СМИ и о современной деловой речи.

Бекина Анна Михайловна – закончила факультет журналистики РГГУ. Сфера научных интересов – терминология спортивной журналистики.

Воскресенская Екатерина Андреевна – аспирант кафедры литературной критики РГГУ. Сфера научных интересов – публицистическая составляющая древнерусской словесности.

Гопман Владимир Львович – кандидат филологических наук, профессор кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ. Автор свыше 350 публикаций по различным проблемам отечественной и зарубежной литературы. Область профессионального интереса – отечественная и зарубежная фантастическая литература. Работы выходили в 14 странах мира, в том числе в Великобритании, Германии, Канаде, США, Швеции. Лауреат отечественных и зарубежных литературных наград.

Готовцева Анастасия Геннадьевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры литературной критики РГГУ. Автор статей по истории литературы и журналистики России XVIII – начала XIX в., движению декабристов.

Егорова Наталья Сергеевна – аспирант кафедры литературной критики РГГУ. Сфера научных интересов – история массовой журналистики XIX – начала XX в.

Ершова Вера Николаевна – аспирант кафедры литературной критики РГГУ. Сфера научных интересов – история русской журналистики XVIII–XIX вв., журналистская деятельность П.И. Шаликова.

Зайцева Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры литературной критики РГГУ. Сфера научных интересов – история русской журналистики XVIII–XIX вв., издательская деятельность А.Ф. Смирдина.

Заламбани Мария – профессор Болонского университета (Италия). Защитила докторскую диссертацию в Высшей школе общественных наук (EHESS) в Париже. Автор работ о русском аван-

гарде. На русском языке изданы две монографии – «Искусство в производстве» (М.: Наследие, 2003) и «Литература факта» (СПб.: Академический Проект, 2006).

Казакова Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук. Автор книги «Философия игры. В.В. Розанов – журналист и литературный критик (По материалам газеты А.С. Суворина “Новое время”)» (М.: Наука, 2001), статей, посвященных истории русской журналистики, русской религиозной философии и русской литературы XIX в., творчеству В.В. Розанова. В настоящее время преподает в США.

Накагава Юми – аспирант кафедры литературной критики РГГУ. Закончила магистратуру кафедры русской литературы и русского языка отделения западной культуры Института гуманитарных наук Государственного Университета Тояма (Япония). Сфера научных интересов – история русской литературы и журналистики XIX в., иудаика.

Новикова Светлана Александровна – аспирант кафедры литературной критики РГГУ. Сфера научных интересов – современная тележурналистика.

Парсамов Вадим Суренович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Автор книг: «Декабристы и французский либерализм» (М., 2001), «Жозеф де Местр и Александр Стурдза. Из истории религиозных идей Александровской эпохи» (Саратов, 2004), статей по истории и литературе России первой половины XIX в.

Спивак Моника Львовна – кандидат филологических наук, заведующая музеем «Мемориальная квартира Андрея Белого» (отдел Государственного музея А.С. Пушкина); автор статей и публикаций по истории русской культуры начала XX в. и монографий «Посмертная диагностика гениальности: Андрей Белый, Эдуард Багрицкий, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г.А. Полякова)» (М.: Аграф, 2001), «Андрей Белый – мистик и советский писатель» (М.: Издательство РГГУ, 2006).

Табакарь Юлия Ивановна – аспирант кафедры литературной критики РГГУ. Сфера научных интересов – история русской журналистики, журналистская деятельность О.И. Сенковского, журнал «Библиотека для чтения».

Элиасберг Галина Аркадьевна – кандидат филологических наук, преподаватель Российско-американского учебно-научного центра библиотеки и иудаики РГГУ. Автор статей по истории еврейской литературы, русско-еврейской драматургии и публицистике, монографии об историке еврейской литературы С.Л. Цинберге.

Эрлих Сергей Ефромович – кандидат исторических наук, директор издательства «Нестор-история», руководитель международного проекта «Нестор», соредактор сборника «Технологии власти» – тематического выпуска журнала «Нестор». Автор монографии «Россия колдунов» (СПб.; Кишинев, 2003), трех учебных пособий по русской истории, статей по истории движения декабристов.

Янгиров Рашид Марванович – кандидат филологических наук (2000); ведущий научный сотрудник НИО Библиотеки-Фонда «Русское Зарубежье». Основная область исследовательских интересов – русская художественная культура XX в. Автор более 200 научных публикаций и статей по вопросам истории литературы, кино и театра, опубликованных в России, Италии, Франции, Израиле, Великобритании, США, Германии, Канаде, Нидерландах и других странах.